

УЭЙН ГРЕТЦКИ

АВТОБИОГРАФИЯ

Annotation

В 1999 году Гретцки попал в Зал хоккейной славы. Номер 99 навсегда закрепили за ним. Автобиография Уэйна – история, как простой парень из пригорода Брантфорда смог стать мировой легендой. Гретцки рассказывает о напарниках, соперниках, ключевых событиях, времени «Первоначальной шестерки», играх Суперсерии СССР – Канада и своей жизни.

История о том, как простой парень сделал хоккей великим.

- [Уэйн Гретцки](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [1. Первая звезда хоккея](#)
 - [2. В начале](#)
 - [3. «Рейнджеры Текса» и «Лифс»](#)
 - [4. «Брюинз»](#)
 - [5. «Хокс»](#)
 - [6. «Уингз»](#)
 - [7. Первоначальная шестерка](#)
 - [8. Кубок Стэнли](#)
 - [9. Везина](#)
 - [10. Леди Бинг](#)
 - [11. Первый матч всех звезд](#)
 - [12. Огонь в его глазах](#)
 - [13. Забытое чудо](#)
 - [14. Величайший из всех](#)
 - [15. Уилли О'Ри](#)
 - [16. Стой на своем](#)
 - [17. Вторая шестерка](#)
 - [18. Черный, белый и серебряный](#)
 - [19. «Сент-Луис Блюз»](#)

- [20. «Миннесота Норт Старз»](#)
- [21. «Окленд Силз»](#)
- [22. «Питтсбург Пингвинз»](#)
- [23. «Филадельфия Флайерз»](#)
- [24. Всемирная хоккейная ассоциация](#)
- [25. Суперсерия СССР - Канада](#)
- [26. Внутри чуда](#)
- [27. Кубок Канады 1984 года](#)
- [28. Кубок Канады 1987 года](#)
- [29. Кубок Канады 1991 года](#)
- [30. Зимние Олимпийские игры 1998 года](#)
- [31. Культура победы](#)
- [32. «Нью-Йорк Айлендерз»](#)
- [33. Только хорошие умирают молодыми](#)
- [34. Последняя династия](#)
- [35. Вчера, сегодня и завтра](#)
- [36. Я просто люблю играть](#)
- [Благодарность](#)
-
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)

- [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
-

Уэйн Гретцки

Уэйн Гретцки. 99.

Автобиография

Wayne Gretzky
99: Stories Of The Game

© 2016 by Wayne Gretzky, all rights throughout the world are reserved to WDG ENTERPRISES, INC NHL and NHL team marks are the property of the NHL and its teams

© NHL 2016. Used with permission. All rights reserved

© Королев М. В., перевод на русский язык, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Пролог

Многое может измениться за девяносто девять лет. Когда я думаю, насколько сегодняшний мир не похож на тот, в котором росли мои дедушка и бабушка, создается впечатление, что почти все, что кажется постоянным, может со временем измениться до неузнаваемости.

Но некоторые вещи на самом деле не меняются. Вероятно, самые важные. А для меня одна из самых важных – хоккей. Я всегда любил хоккей. Мне нравятся истории о былых временах и личности, делающие эту игру великой. Я, конечно, люблю скорость, грацию и athleticism. Но за каждой великолепной игрой есть парень, который вырос, мечтая создать эту великолепную игру. У него своя история, и он, в свою очередь, был вдохновлен историей другого игрока.

Одна из поистине изумительных вещей, связанных с приходом новичка в НХЛ, состоит в том, что вы почти наверняка встретитесь в раздевалке с игроком, которого вы боготворили в детстве или сыграете против него. Для меня таким игроком был Горди Хоу, думаю, многие это знают. Но в лиге нет игрока, который бы не огляделся вокруг в свой первый день и не осознал, что человек, которым он хотел стать, прямо перед ним.

Вот почему собранные в данной книге истории так важны для меня. Это не просто список событий, произошедших в хоккее за последние девяносто девять лет. Именно благодаря этим событиям игра продолжает жить. Они отражают смысл игры.

Мы много говорим о том, как с годами изменилась игра: золотой век «Первоначальной шестерки»^[1], неистовые семидесятые, забивной хоккей восьмидесятых, игры девяностых, когда в первую

очередь думали об обороне, и т. д. Мы говорим о том, что тренеры теперь работают в иной манере, игроки иначе поддерживают себя в форме, а вратари по-другому защищают ворота. И мы говорим, что игроки стали крупнее и быстрее. Все это правда. Но ничего из перечисленного не означает, что изменился сам хоккей.

Когда мы смотрим на старые фотографии игроков той эпохи с зачесанными назад волосами и в шерстяных свитерах, легко забыть, что они тоже были чьими-то героями, такими же, какими Павел Дацюк и Стив Стэмкос являются для какого-нибудь современного паренька. Они играли в ту же игру с той же страстью и точно так же восхищали своих поклонников.

Эти парни на черно-белых фотографиях или не очень качественных записях ничем не отличаются от ребят, которых мы сегодня видим в НХЛ. Конечно, современные игроки в среднем выглядят мощнее. Но самый большой не значит самый лучший. Не нужно слишком упорно искать, чтобы найти среди лучших голеадоров лиги паренька не столь внушительных размеров. И конечно, игра сейчас стала быстрее, чем когда-либо раньше. Но быстрее тоже не означает лучше. Вернее, не всегда. Всегда были Ги Лефлеры, Гленны Андерсоны и Александры Овечкины, которые могли обыгрывать за счет одной скорости. Но я могу назвать нескольких ребят, которые не были величайшими мастерами катания на коньках, но забросили больше шайб, чем любой из трех названных игроков.

Что же касается жесткости, то, как вы увидите в последующих главах, некоторые вещи, происходившие девяносто девять лет назад, заставили бы покраснеть «Разбойников с большой дороги»^[2].

Да, хоккей быстр, груб и жесток. Но если игрок быстрее, грубее и жестче, это необязательно означает,

что он лучше. Я был в команде, которая победила в одном из матчей, хотя мы знали, что наши соперники – более искусные игроки. Такое бывает. Некоторые команды, которые по всем показателям выглядят великолепно, далеко не всегда действуют прекрасно на льду. Я знаю это по собственному опыту.

Отчасти такое происходит из-за того, что никто точно не знает, что делает хоккей хоккеем. Дело не только в правилах. Они меняются. Это и не экипировка. Видит бог, многое сейчас сильно изменилось. (Но смешно представить Бобби Халла, выполняющего щелчок одной из композитных клюшек, которыми играет Ши Уэбер, или такого метеора, как Хоуи Моренц, облаченного в ультралегкую, сделанную на заказ экипировку фирмы Bauer, как Тейлор Холл.) Величайшей игрой на земле хоккей делает что-то другое. То, на что нельзя просто показать пальцем. Тренеры и генеральные менеджеры создавали бы непобедимые клубы, если бы точно знали, что отличает настоящую команду от простого набора игроков. Но поражения терпели даже команды Скотти Боумана и Пэта Куинна. Все дело в том, что величие не в статистике. Оно – в историях.

Мне кажется, что отчасти секрет великолепия нашей игры можно найти в истоках предшественницы НХЛ – первой профессиональной лиги, которая появилась – кто бы мог подумать! – в Северном Мичигане, в городке Хоутон. Да, мы всегда считаем хоккей канадским видом спорта, но первая профессиональная хоккейная лига появилась в Соединенных Штатах, хотя ее основал канадец, дантист по имени Джек Гибсон.

Гибсон был действительно хорошим игроком, но он получил пожизненную дисквалификацию от Хоккейной ассоциации Онтарио (ХАО), одной из самых мощных и влиятельных хоккейных организаций в стране, когда

его команда выиграла промежуточный чемпионат провинции и каждый из игроков согласился принять золотую десятидолларовую монету от мэра города Берлин (теперь он называется Китченер). Это сочли нарушением духа любительского спорта. Если Гибсон хотел и дальше играть в хоккей, ему нужно было делать это не в Канаде.

Отучившись на стоматолога, Гибсон перебрался в Хоутон, рабочий город, где было много добывающих медь рудокопов, которым нравилась эта игра. Из-за длинных суровых зим Хоутон называли «Канадой Соединенных Штатов». Один молодой репортер заметил, что у Гибсона в его приемной была папка с несколькими статьями о тех временах, когда он играл в хоккей. Некоторым местным бизнесменам удалось уговорить Гибсона стать капитаном профессиональной команды «Портидж Лейкс». В городах вокруг Хоутона были сформированы соперничающие команды, и все вместе они в 1904-1905 гг. создали Международную хоккейную лигу (МХЛ). Несмотря на то что ХАО запретила канадским командам играть в МХЛ, команда из Су-Сент-Мари проигнорировала запрет. Это стало началом противостояния между ХАО и различными канадскими командами.

Играть против «Портидж Лейкс» было непросто. Команды тогда состояли из семи хоккеистов, матчи продолжались один час, а после первых тридцати минут был десятиминутный перерыв. Замены проводились лишь в том случае, если игрок терял сознание. И попытка ударить соперника клюшкой не считалась таковой, пока вы не ударите соперника в область выше колен. Вратарям не разрешалось опускаться на колени, но это, возможно, было к лучшему, так как масок в те времена вратари не надевали. В том сезоне «Лейкс» забили 258 голов в 25

играх, а пропустили всего 49, то есть в среднем команда забивала более 10 голов за игру.

В 1904 г. команда Джека бросила вызов двум командам: команде «Монреаль ААА» (по прозвищу «Маленькие железные человечки»), победителю Кубка Стэнли 1902 г., и «Оттава» (по прозвищу «Серебряная Семерка»), обладателю Кубка Стэнли в 1903 и 1904 гг. Обе команды отказались. Но в тот же год в ходе серии Кубка Стэнли между командами «Оттава» и «Монреаль Уондерерз» владельцы команд не смогли прийти к соглашению по поводу матча, сыгранного вничью, и «Уондерерз» были выведены из плей-офф. Джек Гибсон воспользовался возможностью и предложил «Уондерерз» сыграть в «чемпионате мира» из двух матчей. Победы в обоих матчах оказались убедительными. В марте 1904 г. гордость маленького шахтерского городка на севере Мичигана разгромила «Монреаль Уондерерз» со счетом 8-4 и 9-2.

Некоторые лучшие хоккеисты из Канады играли в Штатах, потому что там им платили открыто. В Канаде всегда осуществлялись тайные выплаты, чтобы игроки оставались в Канаде, но к 1906 г. профессионалы были допущены в Любительскую хоккейную ассоциацию Восточной Канады, и это дало дорогу профессиональному хоккею. «Лейкс» в 1906 г. лишились своего вратаря Райли Херна, который перешел в команду «Монреаль Уондерерз». С ней он три раза выиграл Кубок Стэнли. Поскольку все меньше и меньше канадских игроков переходило в МХЛ, лига стала испытывать нехватку талантливых хоккеистов и в конечном счете прекратила существование. А Джек Гибсон в 1909 г. перенес свою медицинскую практику в Калгари.

Лига просуществовала недолго, но показала, чем же именно так увлекательна эта игра. Она собрала парней, которые хотели посмотреть, как они смогут сыграть

против самых лучших соперников, которых сумеют найти. То, что правила в отношении профессионалов быстро изменились, явно свидетельствует о том, что МХЛ двигалась в верном направлении. Если вам платят за игру в хоккей, это не значит, что вы любите его меньше. На самом деле это может позволить вам любить его больше.

«Портидж Лейкс» изо всех сил старались найти себе соперника. Им приходилось стучаться во многие двери, чтобы доказать, что они лучшие в мире. Сегодня существует только один путь к вершине хоккейного мира, но он считается самым изнурительным в любом большом виде спорта – двадцать восемь напряженнейших игр. В финале Кубка Стэнли 2013 г. Патрис Бержерон играл со сломанным ребром, вывихнутым плечом, разорванными мышцами и проколотым легким. Он не получал никаких дополнительных денег к своей зарплате игрока, чтобы делать все это, и после последней игры он пожал руки парням, из-за которых ему пришлось терпеть всю эту боль.

Это напоминает мне дух первых профессиональных игроков. Они любили хоккей не потому, что были профессионалами – они стали профессионалами, потому что любили хоккей. Вот что делает нашу игру великой – и я представить не могу, что это когда-либо изменится.

Не думаю, что я так уж сильно отличаюсь от мальчишки, которым я был раньше, мальчишки, очарованного историями о решительных парнях из небольших городков. Эти ребята покоряли мир и добивались признания. И я не думаю, что я хоть чем-то отличался от паренька, живущего в соседнем доме или на другом конце городка. Все мы любили подобные истории, и они оказывали на нас сильное влияние.

В этом^[3] году - 99-я годовщина лиги. И 99 - особенное число для меня. Дело не в том, что я играл под этим номером. Особенное оно потому, что кое-кто до меня играл под номером «9». В детстве я мечтал стать таким, как Горди Хоу. И сам Горди боготворил тех парней, которые играли до него, и я знаю, что ребята, пришедшие в хоккей после меня, поступают точно так же. Без этих историй я бы не был тем игроком, которым я стал, а НХЛ не была бы той лигой, какой она является сегодня. В июне этого года мы все поняли значимость хоккея, когда одна из его величайших историй подошла к концу. После смерти Горди Хоу люди во всем мире осознали, что он для них значил. Я сам был на общественной панихиде и видел там людей, которые прилетели из России, Финляндии и даже Франции. Горди играл в то время, когда хоккей еще не был по-настоящему международным видом спорта, и тем не менее в спорткомплексе «Джо Луис Арена» в Детройте я понял важность его наследия для тех стран, где играют в хоккей.

Я не думаю, что кто-то сможет стать таким же выдающимся представителем игры или более достойным звания «Мистер Хоккей». Горди воплощал все то, за что мы любим эту игру, которая вызывает в нас такие эмоции и переживания. В нашей игре есть сила и грация, непоколебимое мужество и полное смирение. Таков хоккей в своем лучшем проявлении. Именно таким был Горди. На похоронах были люди, гордящиеся полученными от него шрамами, и еще больше было тех, которые рассказывали истории о легендарной доброте Мистера Хоккей.

Для меня тем не менее лучшие воспоминания о Горди Хоу связаны с тем моментом, когда я впервые встретился со своим кумиром. Я был просто мальчишкой, а он оказался даже более великим, чем я

думал. Я тогда рассказал об этом всем своим друзьям и до сих пор об этом говорю. Это напоминает ситуацию, когда вы смотрите, как ребяташки играют в хоккей на дороге или отрабатывают буллиты, которые видели в субботу вечером. Истории так же важны для игры, как лед и шайбы.

Представьте, что хоккейный болельщик никогда не слышал, например, о Марио Лемье, Бобби Орре, Жане Беливо или Бобби Халле. Это бы в некотором смысле означало, что такой болельщик совсем не знает игры. Названные хоккеисты изменили игру, и за эти изменения мы можем только быть им благодарными. То же самое можно сказать о тех, кто играл в хоккей до них, о парнях, игравших девяносто девять лет назад.

Данная книга является благодарностью таким людям, как Гибсон и братья Патрик (основателям различных хоккейных лиг), Хоуи Моренц (первому хоккеисту-звезде), всем суперзвездам со всего мира, которые, играя в лиге, поражали нас своим мастерством, а также всем игрокам третьих и четвертых звеньев, сыгравшим столь же важную роль.

1. Первая звезда хоккея

Когда мне было четырнадцать или пятнадцать лет, я приходил на Канадский национальный выставочный стадион, платил доллар, шел на игру «Блю Джейс», а затем ходил по Залу славы хоккея и смотрел на все часами. Мои друзья говорили:

- Ты снова идешь в Зал славы?

Я отвечал:

- Да.

Они говорили:

- Там ведь то же, что и на прошлой неделе.

Это и было самым главным. Я смотрел на клюшку Хоуи Моренца и думал: как он забросил столько шайб этой клюшкой? Она ведь такая прямая и тяжелая. На некоторых старых клюшках можно даже видеть гвоздь, с помощью которого черенок соединяется с крюком. В детстве я не переставал удивляться тому, насколько снаряжение, которым я пользовался в то время, отличалось от всего того, что использовалось раньше.

Когда я попал в НХЛ, я уже играл лучшими клюшками в мире. Но сегодня дети смотрят на них и удивляются, как мы могли играть такими громоздкими штуковинами. Скажем так: вы можете взять современную вратарскую клюшку, и моя деревянная клюшка «Titan» оказалась бы в два раза тяжелее. Двое парней с самыми жесткими и тяжелыми клюшками в лиге в мою эпоху – Майк Босси и я. Фактически мы с ним долгое время играли почти одинаковыми клюшками. Возможно, у нас были не самые мощные броски, но мы оба точно знали, куда полетит шайба. Любители хоккея, вероятно, помнят, как Босси и Ги Лефлер замахивались и делали щелчки с наката на полной скорости. Я делал

то же самое. Чтобы с жесткой клюшкой получился сильный бросок, необходим такой замах.

Современные же более гибкие клюшки игроки могут быстро изготавливать и выполнять броски, когда шайба находится на уровне находящейся сзади ноги, что позволяет бросать значительно быстрее. По собственному опыту могу сказать, что хоккей значительно изменился в период с 1987 по 1997 г., поскольку у игроков стало меньше времени на то, чтобы делать щелчки с полным замахом. Марк Мессье стал одним из первых выполнять броски, когда шайба находилась на уровне ноги, находящейся сзади, чтобы застать вратаря врасплох. Помню, как Оуэн Нолан сделал то же самое в 1997 г., во время матча всех звезд, хотя Оуэн и не пытался сделать так, чтобы бросок оказался неожиданным для Доминика Гашека. Оуэн вообще показал, в какой угол полетит шайба, и тем не менее сумел переиграть Гашека. Но они – большие, сильные парни. Сейчас все играют гибкими клюшками и используют силу, передающуюся шайбе благодаря распрямлению эластичной части клюшки, чтобы ввести вратаря в заблуждение относительно направления броска. Такой игрок, как, например, Фил Кессел, использует клюшку как рогатку. Сейчас щелчок можно увидеть в основном лишь в исполнении защитников, если позволяет время, они делают броски от синей линии. И неудивительно, что у парней с самыми сильными бросками самые жесткие клюшки. Ши Уэбер, Здено Хара и Brent Бернс играют клюшками, которые большинство других игроков даже не смогли бы согнуть.

В 1989 г. Джим Истон, мой хороший друг, пришел ко мне и сказал: «Уэйн, у нас есть для тебя клюшка. Она придется тебе по душе. Мы смогли добиться жесткости, которая тебе нравится, но она весит в три раза меньше». Это была клюшка из двух частей с

алюминиевым черенком. Мне она понравилась. Она была очень жесткой – при щелчках шайба летела с огромной скоростью. Но она была такой легкой, что весь вес приходился на крюк, что позволяло лучше чувствовать шайбу.

Я подумал: «Что ж, неплохо». Хотите верьте, хотите нет, но в детстве я все время играл легкой клюшкой. Папа всегда говорил: «У тебя должна быть легкая клюшка».

Я также закруглил черенок своей деревянной клюшки, чтобы она походила на клюшку для лакросса. Пол Коффи сделал то же самое. Благодаря этому руки легче скользили по черенку, и клюшка стала гораздо удобнее. Истон сделал для меня жесткую клюшку с закругленным черенком, но которая была гораздо легче. Опробовав ее впервые, я подумал: «Вот это да! Где же она была всю мою жизнь?»

В Лос-Анджелесе Питер Миллар, наш менеджер по экипировке, обматывал лентой мои клюшки. Многие предпочитают делать набалдашник, наматывая на рукоятку клюшки ленту, но мне нравились специальные набалдашники, которые надевались отдельно. На каждой клюшке была проставлена дата. Если вы думаете, что у вас есть одна из моих клюшек, посмотрите на конец черенка, и там будет дата, написанная маркером Sharpie. К тому времени я играл алюминиевой клюшкой «Easton» из двух частей. Питер обматывал лентой крюк, разогревал его, вставлял в черенок, затем надевал набалдашник и проставлял дату.

Лишь немногие игроки пользовались тогда составными алюминиевыми клюшками, поэтому, когда я начал играть Easton'ом, это в некотором смысле на время изменило хоккей, потому что все стали брать с меня пример. Я никогда не играл цельными композитными клюшками, но сегодня игроки

полагаются на них. Если вы сейчас покажете им алюминиевую составную клюшку, они посмотрят на вас и спросят: «Что это вообще такое?» Я их не виню, потому что сам испытывал подобное чувство, когда смотрел в детстве на клюшки Хоуи Моренца.

Понятно, что Хоуи Моренц играл до меня – и даже до Горди Хоу. Фактически, когда Морис Ришар начал блистать в лиге, болельщики сравнивали его с Моренцем. Я никогда не видел, как он играет, но, глядя на его клюшку, я мог представить, какой была бы игра с его участием. Мне легко было понять, как бы чувствовалась шайба на крюке такой тяжелой клюшки. Клюшки, которыми играли в то время, были намного короче, поэтому я понимал, что им приходилось держать руки ближе друг к другу. С такой короткой клюшкой шайба была у игрока под полным контролем, и при кистевом броске вратарю было бы трудно заметить момент, когда шайба отходит от крюка. Но игрокам при этом действительно приходилось держать голову высоко.

Вы видите, как разыгрывалось воображение ребенка при одном лишь взгляде на эти старые клюшки. Глядя на экспонаты в Зале славы, я мог представить, как играли в хоккей в те времена. Игра была невероятно жесткой, но и была элегантною, основанной на контроле шайбы и умелом и спонтанном использовании предоставляющихся возможностей. По крайней мере, так в хоккей играл Хоуи Моренц.

В 1950 г. информационное агентство Canadian Press провело опрос канадских спортивных журналистов. Они назвали Моренца величайшим хоккеистом первой половины XX века. Поскольку лишь немногие из нас видели, как он играет, нелегко понять, какое это достижение. Можно сделать вот что: посмотрите на парней, которые возглавили бы список лучших игроков *второй* половины столетия. Хоу, Ришар, Халл, Опп,

Лефлер, Лемье. Чтобы стать лучшим во второй половине XX века, вы должны быть лучше их всех. Любой, кто был лучшим в первой половине, находится в этой лиге.

Моренц безусловно был первой суперзвездой НХЛ. На матчи с его участием распродавались все билеты. Для многих американцев, для которых хоккей был еще чем-то новым, Моренц стал лицом игры. Скорость и изящество Моренца олицетворяли хоккей для самых новых поклонников этой игры и переосмысливали его для тех, кто и раньше любил ее. Моренц в большей степени, чем кто-либо из его предшественников, показал, что, хотя хоккей всегда будет командной игрой, настоящее индивидуальное мастерство может заставить зрителей вскочить со своих мест.

Хоуи Моренц был самым младшим из шестерых детей. Он рос, играя в хоккей на Мельничном пруду, части реки Темзы, всего в нескольких кварталах от его дома в Митчелле, Онтарио. После школы он брал пару старых трубчатых коньков (они стоили два доллара), на которых раньше катались два его старших брата, и новую клюшку, подаренную ему на Рождество. Самой популярной клюшкой в то время была клюшка фирмы Draper and Maynard. Кончик этой клюшки был красного цвета. Она была сделана из ясеня и по крепости почти не уступала стали. Такая клюшка служит годы.

Моренц играл со своими братьями в разновидность хоккея под названием «шинни». Друзья и родственники Моренца говорили, что его всегда можно было найти на льду с клюшкой в руке. Он носил в кармане кусочек угля, чтобы отрабатывать удары на пруду. Снова и снова он бил клюшкой по кусочку угля. Иногда уголек слишком сильно отскакивал от дерева, которое заменяло Моренцу вратаря, поэтому пареньку приходилось мчаться как можно быстрее, чтобы уголек не отлетел слишком далеко. Если вы когда-либо

катались по замерзшему пруду, вы знаете, что там полно камней и замерзших веток. Графство Перт также лежит на перелетном пути нырковых птиц. Это означало, что над его территорией во время пика миграции пролетало более миллиона уток. Моренцу нужно было научиться быстро поворачивать, чтобы не спотыкаться о вмерзший в лед утиный помет.

Я знаю, что дети сейчас не играют на улице столько, сколько раньше. Но для меня это всегда было частью хоккея. Я впервые катался на коньках на реке Нит, которая была за двором моих бабушки и дедушки, поэтому я имею представление о том, как воспринимал катание на пруду Моренц. Мой отец водил меня в парк в Брантфорде прежде, чем он построил наш первый каток на заднем дворе. Даже когда я играл в «Ойлерз», если у нас было свободное время между субботним вечером и игрой в середине недели, Кевин Лоу, Марти Максорли, Пол Коффи и я иногда брали клюшки и перчатки и направлялись к пруду, чтобы поиграть с детьми, которые гоняли там теннисный мяч. Я помню, что при катании на пруду не было необходимости затачивать коньки так, как для катания на крытом катке, поскольку не требовалось, чтобы они столь глубоко вонзались в лед. Как и Моренцу, нам приходилось следить за тем, чтобы коньки не попадали в трещины на льду, и стараться, чтобы наши броски по воротам были точными. Иначе мы бы потом искали мяч или шайбу в снегу.

Моренц играл все лучше и лучше и стал выступать в юношеской лиге ОХА^[4]. Моренц был быстрым, но не думал, что он достаточно хорош, чтобы играть профессионально. На льду он был вспыльчивым и несколько раз ввязывался в драки, но за пределами катка он оставался добродушным парнем. Его семья затем переехала в Стратфорд. Моренцу нравилось жить

там и проводить время с приятелями. После окончания школы он играл в любительской хоккейной команде «Гранд Транк Рэйлуэй».

В 1923 г., когда Моренцу было двадцать лет, Лео Дандюран занимал должность управляющего партнера команды «Монреаль Канадиенс». Дандюран и его друзья, Джо Каттаринич (один из первых вратарей «Канадиенс») и бизнесмен Луи Летурно, владели командой с 1921 г.

Они приобрели ее на аукционе. Дандюран позвал своего друга Сесила Харта представлять их. Они конкурировали с компанией Mount Royal Arena и президентом НХЛ Фрэнком Колдером. Ставка поднялась уже до 10 000 долларов, когда Харт позвонил Дандюрану и спросил, что делать. Дандюран сказал идти до предела. Харт вернулся в зал, предложил 11 000 долларов и выиграл тендер. Тогда это была большая сумма. За физический труд платили примерно пятьдесят пять центов в час. Менее четырех долларов в день. На то, чтобы заработать 11 000 долларов, большинству парней понадобилось бы десять лет. Но вложение стоило того. «Канадиенс» в первый год принесла прибыль в 20 000 долларов.

Дандюран, Каттаринич и Харт хотели, чтобы Моренц пришел в «Канадиенс». Но родители Моренца, Уильям и его жена Розина, родились в Германии, которая страдала от ужасных последствий Первой мировой войны. Семьи у них на родине испытывали серьезные финансовые затруднения и нуждались в помощи. Немецкая марка катастрофически обесценилась до одной триллионной своей стоимости. Чтобы купить буханку хлеба, требовалась целая тележка денег. Моренцу оставалось учиться на машиниста всего два года, поэтому его отец хотел, чтобы он закончил обучение.

Дандюран не принимал «нет» в качестве ответа. Он снова позвонил Сесилу Харту и дал ему два подписанных пустых чека. Он велел ему встретиться с Моренцем и его отцом и добиться, чтобы мальчик пришел в «Монреаль». Харт подписал с Моренцем контракт 7 июля 1923 г. Контракт был рассчитан на три года. За каждый год Моренц должен был получать 2500 долларов, премия за подписание контракта составляла 850 долларов.

Но Моренц и его отец тут же передумали. Совсем недавно умерла мама Моренца, и ему не хотелось уезжать из дома. Он отослал чек обратно в «Канадиенс» и сказал, что решил играть в ХАО.

Лео Дандюран отправил Моренцу билет на поезд и сказал прессе, что осведомлен о тайных выплатах любителям и он подвергнет Хоуи остракизму, если тот откажется от своего контракта. Моренц пришел к нему. Он был расстроен. Со слезами на глазах Моренц сказал Дандюрану, что он недостаточно большой и сильный, чтобы играть в хоккей, и что переезд в Монреаль разрушит его жизнь. Но Дандюран был непреклонен. Наконец Моренц, первая звезда лиги, неохотно присоединился к «Канадиенс».

Жорж Везина был вратарем. Везина подписал с командой контракт тринадцатью годами раньше. У него был лучший коэффициент надежности в лиге: 1,97. Он пропустил всего 48 голов в 24 играх в том сезоне. Чтобы вы могли составить представление, насколько это серьезно, вот некоторые примеры: у Хенрика Лундквиста из «Рейнджерс» общий КН за всю его карьеру составляет 2,28, у Джонатана Куика из «Кингз» – 2,27, а у Кори Прайса из «Канадианс», который сейчас, возможно, является лучшим в мире, – 2,43. Другими словами, в «Монреале» был один из лучших вратарей всех времен.

22 марта 1924 г. «Канадиенс» сыграла на «Маунт Роял Арена» с «Калгари Тайгерз» из Хоккейной лиги Западной Канады. Это была первая игра финальной серии Кубка Стэнли. Победитель серии определялся по итогам трех матчей.

«Маунт Роял Арена» открылась за четыре года до этого, и там использовался натуральный лед. Проблема с натуральным льдом в том, что он зависит от погоды. А погода в Монреале в марте 1924 г. была настолько теплой, что лед таял. В 1990 г., когда я играл в команде «Кингз», мы участвовали в показательных матчах в Майами и Сент-Питерсбурге на подтаявшем льду. Играть в подобных условиях сложно. Мышцы ног болят от катания по такому льду. Шайба не будет скользить по нему ровно. Конечно, обеим командам приходится играть на одном и том же плохом льду, поэтому жаловаться нет смысла. Тем не менее никогда не хочется видеть, как на исход игры влияет состояние льда.

Плохой лед определенно работает против таких парней, как Моренц, в игре которого главное – скорость и контроль шайбы. Он был новичком и находился под таким же присмотром защитников, под каким сегодня играет Коннор Макдэвид. И все же Моренцу каким-то образом удавалось совершать всевозможные рывки через всю площадку, благодаря которым он прославился. Финальная серия была настолько захватывающей, что Чарльз Адамс, бостонский хоккейный болельщик и владелец сети бакалейных магазинов, решил приобрести первую в городе франшизу НХЛ, «Бостон Брюинз». Но об этом позже.

В первом матче «Калгари» проиграла 6–1. Лед стал совершенно непригодным для игры, поэтому второй матч перенесли на арену «Оттава Аудиториум», где лед был искусственным.

Второй матч был грубым. После сокрушительного поражения любая команда будет играть с гораздо большей интенсивностью, и это часто означает жесткую в физическом смысле игру. Настоящие чемпионы – это команды, готовые дать в таком случае достойный ответ. В первом периоде Моренц обеспечил «Канадиенс» превосходство по броскам над «Тайгерз» и забросил одну шайбу. «Калгари» ответила штурмом ворот. Капитан «Калгари» Герб Гардинер, весивший на 14 кг^[5] больше Хоуи, от души заехал ему локтем в средней зоне. Я видел, как подобный случай произошел шестьдесят девять лет спустя: Марти Максорли действовал таким же образом против Дуга Гилмора, когда мы играли в полуфинале Кубка 1993 г. против команды «Лифс», и это изменило ход всей серии.

Моренцу пришлось покинуть площадку. На голове у него было рассечение, а рука бессильно свисала. К началу третьего периода он был на пути в больницу. С другой стороны, нельзя не отметить, что в первом периоде силовой игрок «Монреалья» Спраг Клегхорн ударил клюшкой игрока «Калгари» Берни Морриса, которому после этого пришлось отправиться в раздевалку. Оставшуюся часть матча Моррис играл с забинтованной головой. За свою карьеру Клегхорн отправил в больницу пятьдесят человек. Два года спустя Клегхорна продали в «Бостон Брюинз», где он в итоге стал учить молодого защитника Эдди Шора.

На последние четыре минуты «Тайгерз» заменили вратаря на шестого полевого игрока. Но удача была на стороне Везины. «Канадиенс» выиграла со счетом 3-0.

К 1932/33 г. Моренц выиграл Кубок три раза. Он также стал трехкратным обладателем приза Харта как самый ценный игрок лиги. Вратарь команды «Нью-Йорк Американз» Рой Уортерс назвал Моренца «этот сукин сын семьсот семьдесят семь», поскольку, когда Хоуи

переходил в стремительную атаку, он двигался очень быстро и казалось, что у него на свитере три семерки, а не одна.

НХЛ является уникальной среди основных спортивных лиг, так как игроки пожимают друг другу руки после тяжелой серии плей-офф, но Моренц вывел достойное спортивное поведение на новый уровень. После поражения он направлялся в раздевалку игроков выигравшей команды, чтобы пожать им руки. Моренц был великим спортсменом, но в душе он тяжело переживал проигрыши. Иногда он всю ночь бродил по улицам, чтобы успокоиться. Он мог оказаться у двери товарища по команде еще до восхода солнца, чтобы поговорить о том, что пошло не так в прошедшем матче.

Где бы ни играл Моренц, он становился мишенью. Такое случается с каждой суперзвездой. Всякий раз, когда он был на льду, как его там только ни били. Но он собирался с силами, снова выходил на лед и играл с прежним упорством. Быть звездой вовсе не так просто. Вспомните, с каким трудом Пол Кария вставал со льда после того, как в 2003 г. его сбил Скотт Стивенс, а затем вернулся, чтобы выполнить великолепный бросок, после которого шайба просвистела над плечом Мартина Бродера. Если бы такой игрок, как Моренц, собирался играть в НХЛ, вот как ему пришлось бы играть.

Все его звено играло именно так. Левый нападающий Орель «Маленький гигант» Жолья был ростом всего лишь 170 см и весил 61 кг с половиной, но не отступал ни перед кем. Жолья сыграл в самой первом матче «Хабс»^[6] на арене «Форум»^[7], когда она открылась в 1924 г. Это был матч с «Торонто», который был выигран со счетом 7-1, и Жолья забросил две шайбы. Последний раз Жолья привел зрителей в восторг в 1984 г., когда он проехал несколько кругов по

площадке и забил гол Жаку Планту. Ему тогда было восемьдесят три года. Он сыграл шестнадцать сезонов в «Канадиенс» и по-прежнему остается вторым по количеству заброшенных шайб левым защитником в истории Монреаля после Стива Шатта.

Жолья часто рассказывал историю о Моренце. В матче против «Монреаль Марунз» Моренц мчался к воротам, когда два защитника поставили перед ним сомкнутые клюшки. На полном ходу он врезался в клюшки, сделал сальто в воздухе и приземлился на голову. После игры товарищи по команде спросили его: «Как ты, парень?» Моренц ответил: «Ни разу в жизни не чувствовал себя лучше».

В 1937 г., когда Моренцу было всего тридцать четыре, он был готов уйти из спорта. Он решил, что закончит сезон и вместе с ним карьеру. «Канадиенс» к концу января лидировала в своем дивизионе, когда на арену «Форум» вышла команда «Чикаго», занимающая последнее место. Предполагалось, что это будет легкая победа.

Хоуи катался на маленьких коньках. Так делают многие игроки. Пол Коффи катался на коньках лучше всех в лиге в наши времена. Его коньки, сделанные на заказ, были на два размера меньше размера его обычной обуви. Он отнес коньки к кожевнику, чтобы на них добавили дополнительный шов в области лодыжки. Благодаря этому они стали жестче. Чем жестче ботинки коньков, тем больше силы передается лезвиям. Вскоре многие ребята стали так делать. Мы с Полом также надевали новые коньки, когда принимали ванну, чтобы они размякли, а после высыхания плотнее облегли ногу. Затем я делал кое-что еще: отправлял коньки Джону Моуэту, моему лучшему другу, который в то время играл в хоккей в НАСС^[8] в штате Огайо. Ноги у Джона были такого же размера, как у меня, а игроки,

выступающие в студенческих командах, много тренируются по сравнению с теми, кто играет в высшей лиге. Джон тренировался в моих коньках шесть-восемь недель, а затем отправлял их мне обратно. И они все же были очень жесткими. Посмотрите на кадры, на которых мы с Полом Коффи в Эдмонтоне идем по туннелю перед разминкой, мы едва можем ходить.

Жолья думал, что маленькие коньки Хоуи как-то связаны с тем, что произошло потом. Хоуи быстро объехал ворота, затем упал и, проскользнув по льду ногами вперед, врезался коньками в борт. Этот матч судил Кларенс Кэмпбелл, который был президентом НХЛ с 1946 по 1977 г. Он сказал, что, когда Моренц сделал движение ногой, пытаюсь остановить скольжение, лезвия коньков под воздействием силы его веса вонзились в доски словно ножи, брошенные в дерево.

Защитник «Хокс» Эрл Сейберт ехал к углу площадки вслед за Моренцем. Телосложение Сейберта было таким, какое нравится тренерам в защитниках: рост 1 м 88 см, вес 91 кг. Он упал на левую ногу Хоуи, в результате чего она оказалась сломанной в четырех местах. Хотя умысла в этом не было ни капли, Сейберта всю его оставшуюся карьеру постоянно освистывали, когда он выходил на хоккейную площадку в Монреале.

Пока Моренц лежал в больнице (его обложенная льдом сломанная нога была на вытяжке), к нему приходили игроки его команды, а также ребята из других клубов. Они приносили виски, пиво, сидели там часами и играли в карты.

Сначала Моренц курил трубку и говорил о своем возвращении, но, пролежав больше месяца на больничной койке, он впал в депрессию. Хотя казалось, что его нога хорошо заживает, он сказал Жолья, своему партнеру по звену, что он будет наблюдать за ним в плей-офф «оттуда», – и показал на небо.

Моренцу становилось хуже, и он все больше времени проводил в постели. Когда человек долго лежит, это может привести к образованию тромбов. Утром в понедельник 8 марта 1937 г. врач команды обнаружил некоторое количество тромбов в ногах Хоуи и назначил на следующее утро операцию по их удалению. Весь тот день Моренц чувствовал боли в груди. После легкого ужина и небольшого сна он встал с постели, упал и умер.

На следующую ночь перед стартовым вбрасыванием шайбы в матче между «Канадиенс» и «Марунз» на «Форуме» царил тишина, пока горнист играл одинокое соло, посвящаемое памяти павших солдат. Последние почести. Было слышно, как звуки горна эхом отражаются от льда. Единственным другим звуком был плач.

В четверг тело Хоуи было доставлено на арену «Форум» в Монреале и помещено в центр ледовой площадки. Пятьдесят тысяч человек по очереди подходили к его открытому гробу. Жолья сказал прессе: «Хоккей был жизнью Хоуи. Когда он понял, что больше никогда не будет играть, он не смог с этим жить. Я думаю, что Хоуи умер от расстройства».

«Канадиенс» в том году проиграла в первом раунде плей-офф. Новичок команды То Блейк сказал: «После его смерти у нас не было особого энтузиазма в отношении хоккея».

Но, конечно, это было не совсем так. Каким бы ни было значение Моренца для «Хабс», команда – это нечто большее, чем сумма отдельных игроков. Хотя Моренца никогда не забывали, «Монреаль Канадиенс» окончательно восстановили свой энтузиазм в отношении хоккея. Фактически они, безусловно, стали самой успешной командой в лиге за девяносто девять лет ее существования и, несомненно, самой легендарной. В Зале славы хоккея представлено немало

игроков «Хабс», и То Блейк – один из них. Так было во времена моего детства, и с тех пор еще многих игроков «Хабс» включили в Зал славы. Лига была бы другой без «Хабс», а «Хабс» стала бы совсем иной командой без Хоуи Моренца.

2. В начале

«Монреаль Канадиенс» - единственная команда НХЛ, существовавшая до образования самой лиги. Команда появилась в 1909/10 г. вместе с новой Национальной хоккейной ассоциацией (НХА), элитной профессиональной хоккейной лигой в Восточной Канаде. Старое предубеждение против профессионального спорта все еще существовало. Люди считали любителей джентльменами, а профессионалов головорезами. НХА хотела сделать две вещи: изменить отношение людей к профессиональному хоккею и заработать денег.

Первоначальными командами были «Ренфрю Кримери Кингз», «Кобальт Сильвер Кингз», «Хэйлибери Кометс» и «Монреаль Уондерерз». «Оттава Сенаторз» и «Монреаль Шемрокс» вошли в состав лиги позже, в середине января 1910 г. Очевидно, Монреаль стал очагом хоккея еще до появления НХЛ, он был представлен тремя командами в новой лиге.

Интересно, что арена «Джубили» в Монреале являлась домашней ареной для двух соперничающих команд - «Уондерерз», представлявшей англоязычных жителей города, и «Канадиенс», которая была интересна в первую очередь франкоговорящим. Монреальский бизнесмен Дж. Амброуз О'Брайен сформировал «Монреаль Канадиенс» и пригласил великого разыгрывающего защитника Джека «Лихача» Лавиолетта, который стал первым игроком, одновременно являющимся капитаном, тренером и генеральным менеджером. Джеку нравилось быстро водить, и в 1918 г., всего через два года после того, как он привел «Канадиенс» к ее первой победе в Кубке Стэнли, его машина врезалась в столб. Правая нога

Джека настолько пострадала, что ее пришлось ампутировать ниже колена. Он так сильно любил хоккей, что ему сделали искусственную ногу, на которую можно было надевать конек. Джек остался в лиге в качестве судьи.

До образования НХА матчи состояли из двух частей по тридцать минут. Но владельцы НХА заметили, что большая часть их доходов поступает от продажи еды и напитков, поэтому решили изменить правила: теперь матчи состояли из трех периодов по двадцать минут. Таким образом болельщики могли еще один раз сходить к торговым палаткам. Годы спустя, когда Гарольд Баллард стал совладельцем «Торонто Мэйпл Лифс», он распорядился отключить питьевые фонтанчики, чтобы зрители покупали больше напитков.

НХА внедрила и другие изменения. Шайбу теперь вбрасывали, а не просто клали на лед. В статистике теперь учитывались не только голы, но и результативные передачи. Игроков начали штрафовать за нарушения. Самым большим изменением в игре, вероятно, стало исчезновение позиции под названием «ровер». Ровер был седьмым игроком, обычно лучшим в команде. Он ездил по всей площадке и подключался к действиям защитников или форвардов всякий раз, когда это требовалось. О переходе к составу из шести человек велось много споров. Редактор газеты Toronto Star У. А. Хьюит (отец Фостера Хьюита) сказал, что это все равно что смотреть бейсбол без шорт-стопа^[9]. Переход к шести игрокам на льду привел к тому, что в хоккее более важную роль стали играть усилия каждого игрока по отдельности. Но болельщикам это нравилось, потому что, когда на льду стало больше свободного места, игроки могли удерживать шайбу и совершать с ней прорывы.

В 1912 г. в состав лиги вошла новая команда под названием «Хоккейный клуб Торонто». Скоро оно сменится на «Торонто Блюшертс» из-за того, что игроки носили синие свитера с большой белой буквой «Т» спереди, обозначающей Торонто. Ее первый матч состоялся на «Арена Гарденс» в Торонто на Рождество 1912 г. Соперником была команда «Канадиенс», на игре присутствовало 4500 болельщиков.

«Арена» являлась третьим катком в стране, где лед находился в помещении. Болельщикам было гораздо удобнее наблюдать за матчем там, чем сидя снаружи на морозе. Но по сегодняшним меркам это сооружение скорее напоминало большой амбар. Места для зрителей были сделаны из длинных досок из неотполированной древесины.

О первой игре «Торонто» написала «Монреаль Газетт». Два защитника доставили шайбу вперед. Один затем отъехал назад, и четверо атакующих оказались у ворот. Жорж Везина был оштрафован на пять долларов за то, что лежал на льду перед своими воротами, а правого крайнего нападающего «Канадиенс» Дидье Питра оштрафовали на семь долларов за два серьезных нарушения.

В общем, «Блюшертс» была сверхштатной командой^[10]. Семь ее игроков никогда не были профессионалами, и результат оказался таким, которого и следовало ожидать от матча между «Хабс» и любительской командой: «Монреаль» выиграл со счетом 9-5. Но «Блюшертс» завоевала Кубок Стэнли во втором сезоне (1913/14 г.) под руководством играющего тренера Джека Маршалла. Таким образом, «Торонто» и «Монреаль» стали соперниками еще до образования НХЛ.

В 1915 г. Эдди Ливингстон приобрел «Торонто Блюшертс» у Фрэнка Робинсона. Но Эдди и другие

владельцы НХА не могли поладить между собой. Они всегда ссорились и угрожали подать в суд друг на друга. Им особенно не понравилось, что, когда они пытались поговорить с ним, неподалеку находились нанятые Эдди мускулистые парни.

К началу финального сезона НХА (1916/17 г.) лига состояла из шести команд: «Монреаль Уондерерз», «Монреаль Канадиенс», «Оттава Сенаторз», «Квебек Булдогз», «Торонто Блюшертс», а поскольку многие игроки отправились за рубеж для участия в Первой мировой войне, лига предложила команде 228-го батальона вступить в свои ряды.

Игроки этой команды называли себя северными фузилерами, и люди любили их. В ней было шесть победителей Кубка Стэнли: центральный нападающий Сэм «Голди» Проджерс выиграл Кубок Стэнли с «Квебек Булдогз» в 1912 г., а затем в 1916 г. с «Канадиенс»; капитан Говард Макнамара выиграл Кубок в 1916 г. с «Канадиенс» вместе с Амосом Арбором; Джордж Макнамара, брат Говарда, выиграл Кубок в составе «Блюшертс» в 1914 г.; Эдди Оутман - в составе «Квебека» в 1912 г.; а лейтенант «Рокси» Рок Бодро выиграл Кубок в 1907 г. в составе «Кенора Тистлз». Представьте себе шестерых победителей Кубка Стэнли, играющих в наши дни вместе. Они стали бы самой популярной командой в лиге.

В течение многих лет, когда я играл, особенно в Канаде, наше отношение к войне было связано с нашими родителями, бабушками и дедушками, которым довелось непосредственно столкнуться с мировыми войнами. До 90-х гг. мы особо и не задумывались о войне. Жертвы, которые люди понесли ради нас, мы просто принимали как должное. После этого от Флориды до Ванкувера всякий раз, когда публике представляли кого-нибудь из военных, их приветствовали более громкими овациями, чем игроков,

и они этого заслуживали. Представьте себе, какой бы им оказывали прием, если бы они действительно играли.

Фузилеры носили форму цвета хаки, и когда они выезжали на лед, болельщики неистовствовали. Когда в феврале 1917 г., перед концом сезона, 228-й батальон отправился на фронт, фузилеры возглавляли лигу по числу заброшенных шайб. К счастью, ни один из них не погиб в бою. Но свой долг они выполнили. Арт Дункан, их большой защитник, был награжден военным крестом за то, что сбил одиннадцать вражеских самолетов в составе Королевского летного корпуса^[11].

После того как фузилеры покинули лигу, владельцы НХА – за исключением Эдди Ливингстона – тайно встретились в отеле «Виндзор» в Монреале и решили сформировать новую лигу перед началом следующего сезона. Они хотели избавиться от Ливингстона, поэтому решили приостановить деятельность НХА в начале сезона 1917/18 г. и открыть новую организацию под названием Национальная хоккейная лига. Ее президентом стал Фрэнк Колдер. В лигу вошли следующие команды: «Уондерерз», «Канадиенс», «Сенаторз» и временная франшиза Торонто под названием «Торонто Аренас». Ею управляла компания Toronto Arena, которая также владела «Монреаль Ареной». Неудивительно, что команда состояла в основном из парней, которые годом ранее играли за «Блюшертс».

«Аренас» выиграла Кубок Стэнли в этом первом сезоне 1917/18 г. Ливингстон, потеряв свою команду и свою лигу, был в ярости и подал в суд – безрезультатно. Новая лига появилась надолго, как и «Торонто» и «Монреаль», две команды, соперничество которых станет легендарным. В 1919 г. «Аренас» станет

«Торонто Сент-Патрик». Восемь лет спустя они изменяют свое название на «Торонто Мэйпл Лифс».

3. «Рейнджеры Текса» и «Лифс»

Если вы хотите стать заметным в Нью-Йорке, вам нужно строить большие планы. Жители Нью-Йорка не сидят в ожидании чего-то интересного. Там всегда что-нибудь происходит. Если вы хотите, чтобы на вас обратили внимание, вам необходимо вызвать к себе такой же интерес, как и самый захватывающий город в мире.

Так обстоят дела в наши дни, так было и в 1920-х гг. Только что построили «Янки Стэдиум». Появилась футбольная команда «Нью-Йорк Джайентс». И яркие промоутеры, такие, как Текс Рикард, создавали с помощью больших мероприятий спортивных героев.

В июле 1921 г. Рикард организовал первое спортивное состязание, принесшее прибыль в миллион долларов. Это был боксерский поединок между чемпионом мира в супертяжелом весе Джеком Демпси и Жоржем Карпантье, чемпионом мира в легком весе и удостоенным наград французским пилотом, участвовавшим в Первой мировой войне. Рикард рекламировал этот матч как бой века, хотя Демпси весил почти на 14 кг больше француза.

Рикард взял в долг четверть миллиона долларов, чтобы построить место для боя в Джерси-Сити на противоположном Манхэттену берегу Гудзона. Арену построили всего за девять недель, хотя она была достаточно большой и могла вместить 91 612 человек. На матче присутствовало столько зрителей, что во время боя трибуны несколько раз покачнулись. Демпси нокаутировал Карпантье в четвертом раунде. Доход Рикарда от этого боя составил 1 789 238 долларов.

В ведении Рикарда также находился «Мэдисон Сквер Гарден». В 1926 г., когда Рикард увидел, как Хоуи Моренц и «Канадиенс» выступают против его арендаторов, команды «Нью-Йорк-Американз», ему так понравилась игра, что он и его партнер, полковник Джон Хэммонд, обратились в НХЛ с просьбой о создании еще одной команды в Нью-Йорке и выиграла франшизу.

Рикард захотел блеснуть по-настоящему, нанял за 10 000 долларов парня по имени Конн Смайт в качестве генерального менеджера и попросил его собрать команду. Сейчас ежегодный приз самому ценному игроку плей-офф носит имя Смайта (его имя носил и дивизион, в котором играли как «Кингз», так и «Ойлерз», когда я был в лиге), что дает некоторое представление о его важности для хоккея. Но даже если бы он никогда не работал в НХЛ, он все равно был бы впечатляющей фигурой. Смайт играл в студенческой футбольной и хоккейной команде и прервал свои инженерные исследования, чтобы принять в качестве артиллериста участие в Первой мировой войне, где он был награжден военным крестом за то, что остановил контратаку немцев с помощью лишь своего револьвера^[12]. Затем он стал членом Королевского летного корпуса, был сбит и закончил войну в плену. (Он также принял участие во Второй мировой войне и был ранен во Франции.) Смайт был замечательным человеком.

Когда закончилась Первая мировая война, он вернулся в Университет Торонто и в конечном счете стал тренировать свою старую хоккейную команду. «Блюз», как ее называли, ездила в Бостон, чтобы играть, и именно там Смайт встретил Чарльза Адамса, который позднее рекомендовал его Рикарду и Хэммонду. Когда он приступил к построению команды, спортивные обозреватели начали называть ее

«Рейнджеры Текса»^[13], и это название закрепилось. Сегодня они по-прежнему «Рейнджеры». И мне посчастливилось носить их легендарный свитер.

Как и многие генеральные менеджеры, Смайт при построении команды первоочередное внимание уделял обороне. Он взял в команду защитника-ветерана Айвена «Чинга» Джонсона (из города Виннипега, провинции Манитоба) ростом 188 см^[14] и весом 95 кг. Затем он включил в состав команды Кларенса «Таффи» Эйбла, который был очень проворным для человека, весившего 102 кг. Они были одними из самых больших парней в хоккее. Никому не нравится противостоять в углу площадки защитнику, весящему на 18 кг больше, чем любой из них.

Владение шайбой не имело такого решающего значения, как сейчас. Тогда вы могли позволить сопернику владеть шайбой и при этом сдерживать его. Когда я играл в «Ойлерз», Марти Максорли, прежде чем полностью переключиться на оборону, был в одном звене с Кевином Макклелландом и Дейвом Семенко. Они, может, и не дотрагивались до шайбы по полторы минуты, но команде соперников так и не удавалось выйти из своей зоны. Вот какой была бы игра против Джонсона и Эйбла.

Смайту было трудно убедить двух больших защитников подписать контракт. Он сказал, что каждый раз, когда он и Джонсон достигали соглашения, Джонсон звонил своей жене. Она предлагала другие условия, и переговоры приходилось начинать заново. Спустя несколько часов Смайт предложил еще больше, но при одном условии: Джонсон, прежде чем звонить домой, должен подписать контракт.

Эйбл, который родился на рубеже веков в Су-Сент-Мари, штат Мичиган, стал первым американским игроком, который закрепился в НХЛ. Подписать с ним

контракт было даже еще труднее. Он все время отказывался. Поэтому Смайт попросил его прийти к нему в купе в поезде. Когда Эйбл зашел туда, Смайт запер дверь и сказал, что тот не сможет уйти, пока не подпишет контракт. Когда поезд начал двигаться, Эйбл подписал контракт, открыл дверь и выскочил на платформу.

Смайт искал игроков в Западной хоккейной лиге (ЗХЛ). В ЗХЛ хорошо играли в хоккей. В 1925/26 г. она состояла из шести команд: «Саскатун Шейкс», «Калгари Тайгерз», «Эдмонтон Эскимос», «Портланд-Роузбадз», «Ванкувер-Марунз» и «Виктория Кугарз». Это была последняя лига, не входящая в НХЛ, команды которой претендовали на Кубок Стэнли. Годом ранее «Виктория Кугарз» победила «Канадиенс» в финале. Но команды ЗХЛ теряли способность конкурировать с НХЛ в финансовом отношении.

Фрэнк Патрик вместе со своим братом Лестером в течение пятнадцати сезонов руководил профессиональным хоккеем на Западе. Когда они пришли к выводу, что лига не может выжить, они организовали в мае 1926 г. продажу игроков ЗХЛ командам НХЛ, при этом доходы распределялись между владельцами ЗХЛ. Очевидно, что, когда дело касалось трудовых отношений, все было иначе. Вплоть до конца 60-х гг. игроки являлись просто работниками, а не деловыми партнерами. Сейчас игроки покачают головой при одной мысли, что их контракты будут продаваться одной лигой в другую, но в те времена все так и происходило. Никто не знал ничего лучшего.

Считается, что именно братья Патрик оказали влияние на формирование игры, в которую мы играем сегодня. Выросший в Монреале Лестер, старший из восьми детей, был более известен как забивной защитник, выигравший два Кубка Стэнли в составе «Монреаль Уондерерз» в 1906 и 1907 гг. Джо, отец

братьев, продал свой лесопромышленный бизнес, и братья в 1911 г. создали Хоккейную ассоциацию Тихоокеанского побережья (ХАТП). Они вложили средства в «Денман Арену» стоимостью 350 000 долларов, родную арену команды «Ванкувер Миллионерс». И именно братья Патрик придумали способ делать искусственный лед (и этот способ используется по сей день). Одна из их франшиз, «Сиэтл Метрополитанз» из ХАТП, стала первой американской командой, выигравшей Кубок Стэнли в 1917 г. С Лестером в качестве тренера и менеджера «Виктория Кугарз» выиграла Кубок в 1925 г. Страсть к хоккею у этих парней была в крови.

Братья придумали множество правил и нововведений, хорошо знакомых сегодняшним болельщикам, включая систему плей-офф, штрафные броски, синюю линию, пас вперед, номера на свитерах, программы, разрешение вратарям умышленно падать на лед, чтобы не дать шайбе попасть в ворота, производство замен без остановки игры и фарм-клубы. И это еще не все. Семья Патрик безусловно станет частью истории позднее.

В любом случае Смайт еще далеко не сформировал до конца состав «Рейнджерз». Ему удалось заполучить двух лучших игроков в Западной лиге, братьев Билла и Бана Кук из Саскатуна. По их рекомендации он заключил контракт с парнем, который станет одним из величайших игроков «Нью-Йорк Рейнджерз» всех времен, хотя Смайт сразу же пожалел, что взял его в команду. Фрэнк Буше был бывшим сотрудником канадской конной полиции и действительно особенным хоккеистом. (Во второй игре в полуфинале Кубка Стэнли 1924 г. его команда «Ванкувер Марунз» проиграла со счетом 2-1 «Монреаль Канадиенс»; Буше забросил единственную шайбу «Ванкуверу», а в составе «Монреалья» оба гола были забиты его братом Биллом.)

Но Фрэнк был небольшого роста (1 м 75 см) и весил около 61 кг. Когда Смайт встретил свою новую звезду на вокзале, он воскликнул: «Я заплатил за тебя пятнадцать тысяч долларов? Билл Кук, наверное, с ума сошел».

Оказалось, что Билл Кук был прав. Буше играл в центре между братьями Кук в знаменитом «Хлебном Звене»^[15]. Команда выиграла Кубок Стэнли в 1928 и 1933 гг., и Буше оставался в «Рейнджерз», пока в 1938 г. не закончил карьеру игрока. Затем он вернулся в команду в качестве тренера, и под его руководством «Рейнджерз» выиграла еще один кубок в 1940 г. И когда количество игроков в команде сократилось в связи с участием некоторых из них во Второй мировой войне, Фрэнк отыграл в команде еще один сезон. Возможно, самым удивительным в Буше было то, что «Нью-Йорк» не выигрывала Кубок без Фрэнка Буше, пока Марк Мессье не стал капитаном в 1994 г. Или, возможно, больше всего удивляло то, что Конн Смайт не хотел видеть Фрэнка.

Один из них должен был уйти, и в конце концов этим человеком оказался Смайт. Он построил сильную команду, потратив на это вполне разумные 32 000 долларов. Но он оказался без работы до начала первого сезона «Рейнджерз» после того, как поссорился с Рикардом и его партнером. Смайт отказался брать в команду парня по имени Бейб Дай. Смайт хотел командных игроков и считал, что Дай излишне индивидуальный хоккеист. Боссы Смайта с ним не согласились. За первые семь сезонов в НХЛ Дай забросил 175 шайб в 172 играх, в основном в «Торонто». Между тем «Рейнджерз» выиграла Кубок Стэнли на второй год своей деятельности. Фрэнк Буше забил победный гол в серии в пятом матче.

«Рейнджерз» хотела с помпой провести свой первый матч 16 ноября 1926 г. Судьей был Лу Марш, которого попросили использовать вместо свистка обеденный колокольчик. Это, правда, просуществовало недолго. Рекламный агент «Рейнджерз» Джонни Бруно придумал план, согласно которому капитана и лучшего бомбардира команды Билла Кука должны были похитить за три дня до первого матча, а затем «найти» перед самой игрой. Это оказалось еще одной недолговечной идеей.

Хороший генеральный менеджер никогда не будет долго сидеть без работы. После увольнения Смайта вернулся в Торонто. Джек Бикелл, один из владельцев команды «Сент-Патс», планировал перевезти свою франшизу в Филадельфию за 200 000 долларов. Когда он увидел, что «Рейнджерз» возглавила свой дивизион в первый же сезон, он решил, что Смайт, должно быть, знал, что делает, и предложил ему контроль над своей командой.

Смайт согласился при условии, что команда останется в Торонто и он сам войдет в долю. Бикелл предложил ему найти инвесторов, которые смогут предложить не меньше, чем Филадельфия, и согласился вложить 40 000 долларов. Смайт внес 10 000 долларов. Затем он нашел еще 150 000 долларов и дал команде новое название «Мэйпл Лифс» в честь эмблемы на свитерах олимпийской сборной 1924 г. и знаков различия на канадской военной форме времен войны. И еще он изменил цвет команды с зеленого на белый.

С того момента история Смайта оказалась тесно переплетенной с командой «Лифс». «Мэйпл Лиф-Гарденс», родная арена команды на протяжении десятилетий, была известна как «дом, который построил Смайт». Буквально говоря, сегодня не было бы команды «Мэйпл Лифс», если бы не Смайт, и история хоккея, а также мечты нескольких поколений детей

оказались бы совсем другими. Поэтому странно думать, что, если бы Смайт в большей степени был шоуменом, он бы остался в Нью-Йорке в руководстве «Рейнджерз». И команда «Лифс» так бы и не появилась.

4. «Брюинз»

Как игрок я должен признать, что никогда не любил играть на арене «Бостон Гарден». Сомневаюсь, что кто-то любил играть там, кроме «Брюинз». Размеры большинства катков – 61 м на 26, но на «Бостон Гарден» каток был 58 м на 25,3 м – короче на 3 м и уже на 70 см. Может показаться, что разница невелика, но она действительно оказывает влияние.

Любой, кто смотрел хоккей на олимпийском катке, который шире, чем каток НХЛ, знает, насколько другой становится игра. Эти несколько десятков сантиметров дополнительной ширины делают почти невозможным для игроков защищающейся команды вплотную приближаться к игрокам атакующей команды. Команда, строящая игру на основе паса, должна иметь возможность контролировать шайбу по периметру почти бесконечно, а в распоряжении быстродвигающегося атакующего игрока команды соперника появляется свободное пространство, позволяющее объезжать защитников. Североамериканцам очень трудно приспособиться к игре в защите на большом катке, а некоторым, даже невероятно искусным европейцам так и не удается привыкнуть к североамериканскому хоккею. Поскольку защитникам НХЛ нужно защищать зону меньшего размера, они выезжают к синей линии, чтобы встречать нападающих там. Это может стать довольно неприятной неожиданностью для игроков, не привыкших к манере игры североамериканцев и думающих, что у них будет пространство для маневра.

В любом случае, если площадь катка даже немного меньше обычного размера, это означает, что у вас меньше времени и пространства для маневра, прежде

чем кто-то из соперников приблизится к вам вплотную и отберет у вас шайбу. Ни одна команда не знает этого лучше, чем «Брюинз». Тогда они играли половину матчей на небольшом катке, а они всегда построены так, что на них легче отбирать шайбу у игроков команды гостей. Когда вы играете с «Брюинз» на их домашней арене, вам остается лишь вести игру по их правилам.

И они хорошо играют в свою игру. Просто подумайте о парнях, которые с годами стали героями в Бостоне: Дерек Сандерсон, Джон Уэнсинк, Терри О'Рейли, Стэн Джонатан и Питер Макнаб. И в более недавние времена такие ребята, как Шон Торнтон, Милан Лучич и Брэд Маршан, смогли продолжить традицию на катке стандартного размера арены «ТД-гарден». Не уверен, что кому-либо могло понравиться играть против этих ребят.

Было не так много катков, на которые мы боялись выходить, но «Гарден» являлся нестандартным катком, а такая команда, как «Брюинз», была ему под стать. Марк Мессье говорил, что матч на «Гарден» напоминал игру в пинбол. Там просто не было ни времени, ни места, чтобы вести свободно протекающую игру, которая нам нравилась. Когда мы отправлялись в Бостон, мы знали, что нам будет противостоять одна из самых жестких команд в лиге. Только в серии плей-офф 1988 г. в матче против «Брюинз» мы поняли, что нужно делать. Скоро я об этом расскажу.

Арена «Бостон Гарден» также помогала Стиву Касперу, одному из форвардов «Бостон Брюинз», не отставать от меня ни на шаг. Стив буквально следовал за мной всю игру, пытаясь не дать мне получить шайбу. Стив был хорошим игроком, играл упорно, а ледовая площадка меньшего размера помогала ему следовать за мной тенью. Подобная тактика чаще использовалась в мое время. Сейчас вы этого почти не увидите. В конце

концов я понял, как противодействовать подобной тактике. Я начал следовать по пятам за одним из игроков команды соперника, что приводило к блокировке двух ее хоккеистов и давало возможность действовать свободнее остальным нашим парням^[16].

Конечно, у «Брюинз» всегда было более чем достаточно элитных защитников. Даже как-то несправедливо, что в одной и той же команде играли Бобби Orr, Брэд Парк, Рэй Бурк и Здено Хара. Я помню игру против Бурка на «Гарден». Нейтральная зона была настолько мала, что, если Бурк с какой угодно скоростью выходил из нее, он почти мгновенно оказывался у красной линии и мог либо сделать щелчок, либо же промчатся мимо какого-нибудь неловкого бэкчекера^[17].

Размер ледовой площадки на арене «Гарден», по-видимому, являлся идеальным для контратакующих защитников, а Эдди Шор был, возможно, самым интересным защитником в мире, прежде чем был построен этот каток.

1 октября 1924 г. было объявлено, что в Бостоне появится первая американская команда НХЛ под руководством президента клуба Чарльза Фрэнсиса (Ч.Ф.) Адамса, основателя первой национальной сети бакалейных магазинов. Адамс впервые услышал о хоккее от своего юного сына Уэстона утром за завтраком. Ч. Ф. Адамс начал ходить на матчи в Монреале и, посмотрев плей-офф Кубка Стэнли 1924 г. между «Канадиенс» и «Калгари Тайгерз», решил, что и в Бостоне должна быть хоккейная команда. Соперничество между «Брюинз» и «Канадиенс» – одно из самых серьезных в хоккее, но самое главное заключается в том, что, если бы Уэстон Адамс не полюбил эту игру в Монреале, в Бостоне так бы и не появилась команда НХЛ.

Одним из первых шагов, предпринятых Адамсом, стало решение нанять Арта Росса, обладателя Кубка Стэнли в составе команды «Кенора Тистлз» в 1907 г. и «Монреаль Уондерерз» в 1908-м. Росс работал тренером в Университете Макгилл, а затем был судьей в НХЛ. Он станет одним из великих людей хоккея. В честь Арта Росса назван ежегодный приз для игрока, который набирает в лиге больше всего очков. Но когда Россу было двадцать два года, он был просто одним из хоккеистов. Росс переехал в Монреаль, чтобы играть в составе «Уондерерз», и подружился с другими игроками в лиге, включая Фрэнка и Лестера Патриков. А когда ЗХЛ прекратила существование, братья Патрики сообщили Россу о двадцатитрехлетнем деревенском парне из Саскачевана – жестком, быстром защитнике, играющем в составе «Эдмонтон Эскимос». Звали этого парня Эдди Шор. Адамс приобрел права на Шора и шесть других игроков (один из них был Фрэнк Буше, которого вскоре отправили в «Рейнджерз») за 50 000 долларов.

Как Бобби Orr и Пол Коффи, Шор изменил игру с помощью быстрых проходов с шайбой. Команды просто не знали, что делать, когда угроза исходила от игрока защитной линии. Но Шор был больше похож на Орра, поскольку был физически сильным, играл жестко и любил устраивать потасовки. Пол мастерски передвигался по льду, находил слабые места в расположении игроков противника и быстро проносился мимо них. Шор же добывал себе свободное пространство благодаря тому, что остальные игроки хорошенько думали, прежде чем решиться на противодействие Шору.

Фактически Шор все еще находится в книгах рекордов. Он – единственный защитник, который выиграл приз Харта четыре раза, но он также является обладателем неофициального рекорда – за самое

большое количество удалений за драки в одном матче: пять. Он был абсолютно бесстрашным и весьма агрессивным. Он не скупился на мощные удары, но, ведя шайбу, он также всем своим видом предлагал соперникам ударить себя. Обычно они сразу отскакивали в сторону, но все же, когда вы играете таким образом, вы в значительной степени настраиваете против себя всю лигу. Все хотели добраться до Шора. На тот момент, когда он закончил карьеру, ему было наложено в общей сложности около 1000 швов, а также ему четырнадцать раз ломали нос и пять раз челюсть. Как и большинство лучших защитников своего времени, Шор также играл более пятидесяти минут за игру. По этому показателю он по крайней мере в два раза превосходит сегодняшних элитных защитников.

Шор был не просто несокрушимым, а совершенно потрясающим на льду. Как Бобби Орр и Пол Коффи, он мог освободить место для своих товарищей по команде, отвлекая защитников на себя. Он также хорошо читал ситуацию на площадке. Если вы были открыты, вы получали шайбу. А так же как у Орра и Коффи, у Шора был стиль катания, который другие не могли повторить. Казалось, что эти трое просто скользят по льду. Когда катаются остальные хоккеисты, видно, что они прикладывают усилия, их коньки вонзаются в лед. А вот по-настоящему одаренные конькобежцы скользят по самой поверхности льда так, словно это вообще не требует ни малейших усилий. Все остальные всегда отставали на шаг или два. Шору приписывают изобретение того, что в те времена называлось «игрой в большинстве». Сейчас это означает, что ваша команда превосходит численностью команду соперников, когда их наказывают удалением. Но когда на льду был Шор, это означало, что его команда играла так, словно она в большинстве. Он катался настолько искусно, что

казалось, будто он одновременно действовал на обоих концах площадки.

Трудно преувеличить важность Шора для хоккея. Почти каждый год его включали в первую команду всех звезд. Журнал «Хоккей ньюс» включил его в десятку лучших хоккеистов всех времен. Но даже это не отражает влияния, который Шор оказал на лигу. Не забывайте, что НХЛ тогда только что пришла в Соединенные Штаты. Когда годы спустя лига расширилась снова, некоторые франшизы прекратили свое существование. Такая команда, как «Пингвинс», могла и не выжить, если бы не Марио Лемье. Так же было и с Шором. Когда лиге требовалась звезда, появился он.

Болельщики собирались на крошечной «Бостон Арене», чтобы увидеть Шора. Сразу стало ясно, что «Брюинз» нужен каток большего размера. Поэтому Текс Рикард, только что построивший «Мэдисон Сквер Гарден», решил повторить в Бостоне то, что он сделал в Нью-Йорке. «Бостон Гарден» открылся в 1928 г. Поскольку Рикард был промоутером бокса, каток сконструировали так, чтобы болельщики находились как можно ближе к ледовой площадке. Люди называли это «домом, который построил Эдди Шор». Интересно, что «Арена» – единственный первоначальный каток НХЛ, который сохранился и все еще используется. Он был домашней ареной для «Нью Ингленд Уэйлерз» в течение сезона, а сейчас это домашний каток «Нортистерн Хаскис».

Когда я впервые увидел «Гарден», я еще играл во Всемирной хоккейной ассоциации (ВХА). Мой друг из «Ойлерз» Гарнет «Эйс» Бейли взял меня посмотреть игру «Брюинз», и я не мог поверить, что команда НХЛ могла играть на таком маленьком катке. Он выглядел как каток для юниоров. Там просто не было места для передвижения. Затем я посмотрел на скамейку и

увидел «Биг Бэд Брюинз». Моей следующей мыслью было: «Ги Лефлер, должно быть, еще невероятнее, чем мне казалось». Даже когда его пытались остановить эти парни, ему всегда удавалось демонстрировать там великолепный хоккей.

Дело в том, что Бостон был настолько трудным местом для игры, что раскрывал в некоторых хоккеистах их лучшие способности. Мы должны были уважать «Брюинз» и их каток. И мы не просто немного боялись выглядеть неловко на национальном телевидении. Вероятно, это относится ко всем великим каткам, но ни один не был столь устрашающим, как этот. Лично я никогда не видел более собранной и сосредоточенной команды, чем «Ойлерз», отправляющаяся в 1988 г. в Бостон на третий матч.

Раздевалка для команды гостей славилась своим неудобством и маленьким размером. Но нас это не волновало. Жаловались мы лишь на то, что внутри там было жарко, как в сауне. Мы включили несколько вентиляторов, и это немного помогло.

Я понимаю, почему многие из этих старых катков заменили - «Бостон Гарден», «Форум», «Мэйпл Лиф-Гарденс». И я определенно вижу привлекательность современных раздевалок в НХЛ с поварами и прочими удобствами. Но мне повезло, что я смог поиграть на катках и побывать в раздевалках, где играли и бывали такие ребята, как Эдди Шор.

5. «Хокс»

Я никогда не забуду свою первую игру в НХЛ. Вы растете, представляя это, а затем наступает момент, когда вы выходите из туннеля на каток. И многое оказывается таким, каким вы себе это представляли, в то время как остальное точно такое же, как на сотне других катков, на которых вы играли. У льда – особый запах, где бы вы ни оказались. Но мы были на старом «Чикаго Стэдиум», непохожем на любую другую арену. Там было больше болельщиков, чем я привык видеть на играх ВХА, и очень громко играл орган. Мое сердце колотилось от волнения.

Я волновался даже еще больше, когда стоял напротив Стэна Микиты во время первого вбрасывания шайбы в моей карьере в НХЛ. Микита был одним из моих героев и, возможно, лучшим центральным нападающим в лиге за десятилетие. Но он не был большим парнем, и я, поставив клюшку на точку вбрасывания, решил, что выиграю его. Но не тут-то было. Прошло некоторое время, прежде чем я начал брать верх над легендарными игроками.

«Чикаго Стэдиум» всегда был шумным катком, и у болельщиков там существовала традиция петь полностью оба гимна, канадский и американский. Но на «Чикаго Стэдиум» никогда не было столь шумно, как в тот вечер, когда мы участвовали там в матче всех звезд в 1991 г. Двумя днями ранее начались осуществляемые силами коалиции бомбардировки, ставшие первой стадией операции «Буря в пустыне», и зрители пребывали в патриотическом настроении. Когда диктор выразил войскам поддержку от имени НХЛ и АИНХЛ^[18], рев толпы начал нарастать. Был момент молчания, когда зрителям предложили подумать о мужчинах и

женщинах в Персидском заливе. Рев стал нарастать снова, когда певец Уэйн Мессмер допел гимн «О Канада» почти до конца, а затем стал оглушительным, когда певец начал петь: «Знамя, усыпанное звездами»^[19]. Здание сотрясилось от криков. В то время мой двоюродный брат служил в Морском корпусе Соединенных Штатов, поэтому, когда я стоял там, в центре катка, я испытывал особые эмоции.

В 1994 г., за несколько дней до последней игры «Блэкхокс» на старой арене, Мессмер возвращался домой после победы «Блэкхокс», когда его, сидящего в машине, ранили выстрелом в горло. В конце концов он поправился, но было неизвестно, сможет ли он снова петь. Болельщики «Чикаго» пропели весь национальный гимн так же громко, как они пели всегда. Они сделали это в знак уважения к Уэйну, а не для того, чтобы заменить его. Возможно, это стало самым эмоциональным исполнением гимна на арене НХЛ.

Немногие знают, что «Чикаго Блэкхокс» зародилась в городе Реджайна канадской провинции Саскачеван. В 1921 г. «Реджайна Кэпиталз» была отличной командой в Западной канадской хоккейной лиге. Ее двумя ведущими игроками являлись вошедшие в Зал хоккейной славы Джордж Хей и его лучший друг Дик Ирвин. Но в команде начался упадок, и в своем четвертом сезоне она выиграла только восемь из двадцати восьми матчей. Команда переехала в Портленд, штат Орегон, и стала называться «Портленд Роузбадз». Когда лига на следующий год прекратила существование, «Роузбадз» была продана майору Фредерику Маклафлину, который только что выиграл франшизу НХЛ в Чикаго.

В гражданской жизни Маклафлин являлся президентом своей семейной компании по импорту кофе. Во время Первой мировой войны он взял отпуск,

чтобы отправиться на фронт пулеметчиком. Его подразделение имело прозвище «Блэкхокс» в честь Блэка Спэрроу Хока^[20], воина племени сауков (входящего в состав алгонкинов^[21]). Во время войны 1812 г. это племя сражалось на стороне британцев. Именно это прозвище Маклафлин использовал в названии своей хоккейной команды.

Дик Ирвин перебрался в Чикаго, чтобы играть в составе «Блэк Хокс», и в тридцать четыре года добился того, что отстал всего на одно очко от Билла Кука из «Рейнджерз». Ирвин забросил 18 шайб и отдал 18 результативных передач в 43 играх. Хоуи Моренц был третьим. Хоуи Моренц – это, как вы знаете, Хоуи Моренц, поэтому, раз Дик Ирвин обошел его, это кое о чем говорит.

Но в начале следующего сезона Ирвин получил перелом черепа, когда его ударил Мервин «Ред» Даттон, который был на 9 кг тяжелее и почти на 8 см выше. Дик поправился и вернулся, но его игровые дни были сочтены. В течение последних двенадцати матчей 1928/29 г. он был тренером «Хокс». В 1930 году он окончательно расстался со льдом и занял пост главного тренера. В этом сезоне команда попала в финал Кубка Стэнли и сыграла против действующего чемпиона «Монреаль Канадиенс». Это был самый большой успех «Хокс» на тот момент. Но когда команда проиграла серию, Маклафлин уволил Ирвина.

Маклафлин постоянно нанимал тренеров – в период между 1926/27 и 1944/45 гг. он взял в команду четырнадцать тренеров. В 1933 г. он пригласил Годфри Мэтисона, после того как встретился с ним в поезде. Мэтисон оставался тренером в течение двух игр. Конн Смайт как-то сказал о Маклафлине: «Самый большой сумасброд, которого я когда-либо встречал за всю свою

жизнь». Маклафлин также постоянно ссорился с владельцем «Ред Уингз» Джимом Норрисом.

Маклафлин был женат на бродвейской актрисе Ирен Касл. Для тех времен это примерно то же самое, как быть в наши дни женатым на знаменитости вроде Николь Кидман. Он поручил ей разработать эмблему команды. Ирен хорошо справилась с задачей - ее вариант в несколько измененном виде по-прежнему сейчас используется.

Маклафлин родился в Чикаго и был просто невероятным патриотом. Он хотел создать команду исключительно из игроков, родившихся в Америке. Таких было немного, поэтому он искал их по всей стране. К сезону 1937/38 г. 11 из 25 парней, которые играли в составе «Хокс», были уроженцами США, включая Калли Далстрема, выигравшего в том году приз Колдера. Маклафлин даже нанял рожденного в Америке тренера по имени Билл Стюарт. В прошлом Стюарт работал в главной лиге бейсбола. Он был судьей. Это кажется невероятным, но Стюарт в свой первый год работы тренером привел команду к выигрышу Кубка Стэнли.

Думаю, что между хоккеем и бейсболом существует настоящая связь. В любой момент исход игры может быть решен за счет индивидуального мастерства одного игрока - бэттера^[22], питчера^[23] или филдера^[24], но все равно победу одерживает команда. Это захватывающая игра. Это единственный спорт в главной лиге, матчи в котором не ограничены строго фиксированным временем, поэтому время у вас в ходе игры не закончится. Вы можете отставать на девять очков во второй половине девятого иннинга^[25] и все равно победить. Играть в бейсбол профессионально гораздо сложнее, чем может показаться. Сложнее бить, сложнее бросать, сложнее ловить мяч. Поэтому, когда в

бейсбол играют мастера, вы понимаете, насколько красив этот спорт.

Многие хоккеисты могли бы играть в бейсбол профессионально: Эдди Мио, Марти Максорли, Тео Флери. Джером Игинла был кэтчером в канадской национальной команде юниоров, а Джейми Бенн был признан самым ценным игроком, когда «Виктория Кэпиталз» выиграла чемпионат провинции среди юниоров. На Горди Хоу обращали внимание и как на бейсболиста, и он ради собственного удовольствия тренировался вместе с командой «Детройт Тайгерз». Неудивительно, ведь он мог выбить мяч за пределы поля^[26].

Как бы то ни было, в следующем сезоне, после того как «Чикаго» выиграла Кубок в 1938 г., Маклафлин уволил Стюарта. «Блэк Хокс» после выигрыша кубка в 1938 г. закончили сезон на последнем месте и годами не могли повторить былой успех. С 1947 по 1957 г. они девять раз заканчивали сезон последними, а затем все изменилось, когда в команду пришел Бобби Халл. Маклафлин умер в 1944 г. и унес с собой мечту о создании команды, состоящей из одних американцев.

Думаю, что один из величайших аспектов в хоккее – джентльменское поведение, и его можно увидеть, например, в действиях Первоначальной Шестерки по отношению к «Хокс» в трудные для них годы. Другие команды не хотели, чтобы «Чикаго» потерпели крах, поэтому они совершили несколько обменов с «Хокс», чтобы помочь им и сделать их состав более конкурентоспособным. В 1950 г. «Детройт» обменял Эла Дьюсбери, Джека Стюарта, Дона Моррисона и Пита Бабандо вместе с великим вратарем Харри Ламли на Шугара Джима Генри, Боба Голдхэма, Метро Пристая и Гэя Стюарта. А в 1954 г. «Канадиенс» отправили в «Блэк Хокс» Эда Литценбергера. Литценбергер в том году

получил приз Колдера как лучший новичок. В 1961 г. он, будучи уже капитаном команды, привел «Чикаго» к победе в Кубке Стэнли.

Но когда я думаю о «Чикаго» до появления там Бобби Халла, я всегда вспоминаю Эла Роллинза. В 1950/51 г. новичок Эл Роллинз стал вратарем «Торонто» вместе с Терком Брода, приближающимся к завершению своей карьеры, по итогам которой он окажется в Зале славы. Наличие двух вратарей было необычным явлением. Большинство команд имело одного на весь сезон. К февралю 1951 г. Роллинз проиграл только четыре игры из тридцати одной. В том году он выиграл приз Везины.

Когда Роллинз закончил регулярный сезон, не пропустив ни одного гола в двух из трех последних игр «Лифс», ему доверили место в стартовом составе и в серии плей-офф. В первом периоде первого матча он травмировал колено. Его место занял Брода, и «Лифс», разгромив «Брюинз», дошла до финала, где ее соперником стал «Монреаль». Все пять игр в финале 1951 г. перешли в овертайм. Брода сыграл в первых двух играх серии, одна окончилась победой, другая поражением. Состояние колена Роллинза улучшилось, поэтому он снова занял место в воротах. Все три последних матча закончились победой. В пятом матче гол, в результате которого был завоеван Кубок, был забит беззаботным пареньком по имени Билл Барилко. Летом того же года самолет Барилко пропал во время рыбалки в Северном Онтарио. «Лифс» после этого не выигрывала Кубок до 1962 г., пока не был найден разбившийся самолет Билла. Для «Лифс» это стало своего рода суеверием.

Но Роллинз провел в составе «Лифс» еще только один сезон. Сезон 1952/53 г. он начал в «Хокс». Таким образом, Роллинз выиграл Кубок Стэнли и приз Везины с лучшей командой в лиге, а затем перешел в другую,

чтобы попытаться играть столь же успешно в худшей команде лиги. Несмотря на то что «Чикаго» в сезоне 1953/54 г. выиграла только двенадцать матчей, Роллинз получил в том сезоне приз Харта, хотя сама команда заняла последнее место. Три из этих побед были победами с сухим счетом. В какой-то момент он сказал, что столкнулся с бóльшим количеством выходов один на один в игре против «Чикаго», чем на тренировке в «Торонто». Но играть в «Чикаго» ему было очень тяжело, потому что он ненавидел поражения. Это его раздражало. Он был командным игроком. Роллинз вместе со звездой «Бруклин Американз» «Ковбоем» Томом Андерсоном – два единственных обладателя приза Харта, которые до 2002 г. не были включены в Зал славы.

Хоккейный мир тесен. Джерри, сын Эла, был моим товарищем по команде в «Индианаполис Рейсерз», первом профессиональном клубе, в котором я играл. Джерри был жестким защитником. На тренировочных сборах в 1978 г. наш тренер Пэт «Уайти» Стэплтон сказал Джерри: «Выходи и бей Гретцки, будь пожестче и посмотри, как он реагирует». Джерри преследовал меня по всему льду. Слава богу, он меня не поймал. Позже он сказал: «Слушай, ты там просто испарился. Мне до тебя было не добраться».

6. «Уингз»

В истории НХЛ почти все тесно взаимосвязано и переплетено с чем-то еще. Мне посчастливилось играть с ребятами, которые были в лиге 50-60-х гг., и даже с Горди Хоу, чья карьера началась в 40-х гг. Я всего лишь один из хоккеистов, и я был на льду с игроками, выходившими на лед в восьми разных десятилетиях. Через тренеров, товарищей по команде и ребят из других команд, ребят, с которыми я находил повод поговорить, у меня завязывалось общение с еще большим количеством людей. Так происходит со всеми игроками. Недавно в НХЛ появились сыновья ребят, игравших в лиге со мной. Различные истории о хоккее переплетаются в том числе и таким образом.

Еще нас связывают здания, в которых мы играли. Многих старых катков уже нет, конечно, но мне особенно повезло, поскольку я смог сыграть один матч на арене «Детройт-Олимпия». Если бы НХЛ и ВХА объединились на год позже, у меня никогда бы не было такого шанса. Последняя игра в «Старом красном амбаре», как ее называли, состоялась в декабре 1979 г., а «Ойлерз» приезжала туда в качестве гостей 7 ноября того же года. (По совпадению наша первая домашняя игра в Эдмонтоне была против «Детройта».) Еще немного – и я мог бы и не сыграть на ледовой арене, на которой мечтал сыграть, когда еще был мальчишкой и гулял во дворе. Мое детство проходило недалеко от Торонто, поэтому у меня была возможность увидеть несколько игр «Лифс» и «Марлис» на «Мэйпл Лиф-Гарденс», а «Олимпию» я впервые увидел в тот вечер, когда сыграл там. Меня переполняли эмоции, я играл там, где с детства мечтал сыграть. Этот момент своей карьеры я не забуду никогда.

Забавно, насколько сильно оживают воспоминания, когда вы снова посещаете места, с которыми они связаны. Сомневаюсь, что кто-нибудь когда-либо забудет уникальные стропила на «Мэйпл Лиф Гарденз», знаменитые эскалаторы в передней части арены «Монреаль Форум» или портрет королевы Елизаветы, который висел на старой «Виннипег Арене». «Нортлендс Колизей» всегда будет для меня особенным местом. Но мне повезло, что я сыграл на «Олимпиаде», где «Ред Уингз», команда, о которой я мечтал в детстве, выигрывала все эти Кубки Стэнли. Кстати, «Уингз» победили нас со счетом 5-3.

«Ред Уингз» берут свое начало от команды «Виктория Кугарз» из ЗХЛ. Она была продана группе инвесторов из Детройта, которые выиграли франшизу весной 1926 г. «Виктория Кугарз» была отличной командой. Она выиграла Кубок Стэнли в 1925 г. и проиграла «Монреаль Марунз» в финале 1926 г.

Самой большой звездой команды был Фрэнк Фойстон. Фрэнк был одним из первых игроков, которого стремились заполучить Лестер и Фрэнк Патрики, чтобы сделать его капитаном «Сиэтл Метрополитенз», когда они включили эту команду в свою Хоккейную ассоциацию Тихоокеанского побережья (ХАТП) в 1915/16 г. Когда «Метрополитенз» в 1916/17 г. было всего два года, они сыграли с «Монреаль Канадиенс» в финальной серии, победитель которой определялся по результатам пяти матчей. Благодаря Фойстону «Метрополитенз» стала первой американской командой, выигравшей Кубок Стэнли. Но к тому времени, когда Фрэнк прибыл в Детройт, ему было тридцать пять лет и его возможности постепенно шли на убыль.

«Детройт» закончил свой первый сезон последним и в итоге задолжал более 80 000 долларов. Фрэнк Колдер

рекомендовал владельцам команды Джека Адамса в качестве генерального менеджера и тренера.

Джек Адамс был сыном железнодорожника из Форт-Уильяма, теперь входящего в состав Тандер-Бей, Онтарио. Джек был крепким, физически сильным и забивным игроком. В самом деле, он, играя в «Ванкувере» в 1921/22 г., лидировал в ХАТП по количеству заброшенных шайб и был лучшим голеадором «Торонто-Сент-Пэтс». Он играл в одном звене с Бэйбом Даем (парень, которого Смайт не хотел видеть в Нью-Йорке). Он выиграл два Кубка Стэнли и закончит карьеру игрока, став обладателем Кубка в составе «Оттава Сенаторз» в 1927 г. В том году игроки впервые были награждены перстнями обладателя Кубка Стэнли. Они были сделаны из 18-каратного золота и украшены четырнадцатью бриллиантами в форме буквы «О». Но больше всего Адамс известен как тренер и генеральный менеджер. Он был тренером «Уингз» в течение тридцати пяти сезонов. Сейчас ежегодный приз для лучшего тренера лиги носит его имя.

Адамс изменил ситуацию, в которой находилась команда. В первой домашней игре 1927/28 г., втором сезоне «Детройта» в НХЛ, когда открылся новый «Олимпия Стэдиум», за матчем между «Детройт Кугарз» и «Оттава Сенаторз» наблюдало более 14 000 человек. «Детройт таймс» написала, что хоккей – «футбол на молниеносных скоростях». В следующем сезоне Адамс вывел команду в ее первую серию плей-офф.

После того как майор Маклафлин обошел Джима Норриса-старшего в получении хоккейной франшизы в Чикаго, им уже никогда больше не удавалось поладить. Ситуация ухудшилась, когда НХЛ вынудила Маклафлина сделать «Чикаго Стэдиум» домашней ареной «Хокс». Норрис владел контрольным пакетом акций здания. Он вложил в него деньги, когда думал,

что выиграет франшизу в Чикаго. Маклафлин и Норрис-старший годами вели баталии по поводу договора аренды здания.

Норрис-старший был своеобразным человеком. Поскольку у него с сыном было одинаковое имя, друзья Норриса-старшего называли его «Большой Джим». Он, являясь владельцем пароходов, курсирующих по Великим озерам, и успешной брокерской фирмы, занимающейся зерном, заработал миллионы. Норрис хотел получить франшизу НХЛ и купил «Олимпия Стэдиум» в Детройте вместе с командой «Кугарз» (которая к тому времени превратилась в «Фэлконз»). Он дал команде название «Ред Уингз» в честь логотипа «Монреаль Атлетик Клуб», чья любительская хоккейная команда выиграла два первых Кубка Стэнли. Он выплатил ее долги и вложил средства в приобретение игроков, развитие фарм-клуба и поиск талантливых игроков. Он также оставил в клубе Джека Адамса.

В первый год Адамс был поставлен в жесткие условия и постоянно боялся потерять работу. Он должен был звонить Норрису после каждой игры и подробно о ней рассказывать. На следующий год Норрис, как говорят, расторг контракт с Адамсом и, пожав ему руку, поведал, что тот находится на испытательном сроке до дальнейшего уведомления. Адамс был на испытательном сроке двадцать девять сезонов, до 1962 г.

Он был очень суровым. Ред Келли рассказывал мне, как Адамс входил в раздевалку, вставал прямо перед игроком и начинал его распекать. Пальцы на ногах были у него обращены слегка внутрь, поэтому ему приходилось проявлять осторожность, чтобы не споткнуться. В каждой команде тренер, чтобы привлечь внимание всех, выбирает кого-нибудь в качестве объекта для критики. В «Детройте» в начале 1950-х гг. одним из таких парней для Адамса был Бенни Уойт.

Адамс сидел прямо за скамейкой. Иногда у него запотевали очки, и он не видел, кто на льду. Он всегда настаивал, чтобы один защитник постоянно оставался перед воротами, и если этот защитник уходил с данной позиции, Адамс кричал на него после игры. Казалось, он всегда считал, что это Уойт. Адамс часто ошибался, но Уойт никогда ничего не говорил. Вот так вот обстояли дела.

Адамс настолько часто ругал Уойта, что во время одной игры после второго периода Уойт быстро вошел в раздевалку, опередив Адамса, и взял апельсин. Очистив его, он бросил кожуру прямо перед своим местом.

Взбурдаженный Адамс вошел в раздевалку, подскочил к Уойту и принялся кричать на него, но поскользнулся и чуть не упал. Это его так ошеломило, что он забыл, из-за чего кричал, и быстро вышел из раздевалки.

Уойт и Ред Келли вместе играли в обороне. Уойт был сильным, мог выполнить мощный бросок, но про него нельзя было сказать, что он прекрасно катается на коньках. Ред любил вести шайбу, и Уойт расчищал ему путь. Они отлично играли в паре. Ред выиграл восемь Кубков Стэнли, четыре в составе «Уингз», четыре – «Лифс».

Билл Квакенбуш был большим счастливым парнем. Он любил поговорить и петь песни. Он помогал защитникам помоложе, таким, как Ред Келли, который многому у него научился в свой первый год. Квакенбуш умел четко отдавать команды. Он кричал: «Возьми их, Ред!» Защитники все еще делают это сегодня. Кто-нибудь крикнет: «Возьми их!», имея в виду: «Не беспокойся об этом парне, можешь заняться своим». Если вы нерешительны, у игроков команды соперника будет время и место, чтобы воспользоваться слабыми местами в вашей обороне. Коммуникация – ключевой элемент. Игроки должны общаться друг с другом.

У Квакенбуша возникли неприятности с Джеком Адамсом в серии плей-офф. «Торонто Мэйпл Лифс» стали в НХЛ первой командой, выигравшей три Кубка один за другим. Третий был завоеван в 1949 г., когда они второй год подряд выиграли четыре матча у «Детройта». В последней игре «Лифс» обошла «Уингз» по числу бросков (31-15), и Адамс был в ярости. «Оттава Ситизен» назвала «Детройт» командой «с уставшими ногами». Адамс размахивал газетой, думая, кого в этом обвинить. Немного позже, когда он узнал, что Билл Квакенбуш играл в гольф за день до матча, он продал его в «Бостон» прежде, чем начался следующий сезон.

Когда Томми Айван работал тренером в Детройте с 1947 по 1954 г., он являлся своеобразным буфером между Адамсом и игроками. Томми Айван был небольшого роста, около 1 м 65 см, и элегантно одевался. Ему не нравилось кричать на хоккеистов. Он относился к ним с уважением.

Одним из первых шагов Айвана стало следующее: он сделал Сиды Абеля центральным нападающим, играющим между девятнадцатилетним Горди Хоу и двадцатидвухлетним Тедом Линдсеем. Их прозвали поточным звеном^[27]. Абель был ветераном, а двое крайних нападающих являлись лучшими друзьями на льду и за его пределами, поэтому они обычно высматривали друг друга и забывали о центральном форварде. Но если Абель был открыт и они не передавали ему шайбу, он потом подзывал их и устраивал им нагоняй. И они его слушали. Абель приучил их включать его в игру.

В 1952 г. Абеля продали в «Чикаго», и его заменил Алекс Дельвеччо. Горди и Тед Линдсей стали теперь ветеранами. Им не нужно было слушать двадцатилетнего хоккеиста, играющего всего второй год, и они опять начали делать передачи друг другу.

Вот почему Горди и Линдсей часто на двадцать-сорок очков впереди Дельвеччо.

Тед Линдсей был одним из величайших игроков «Уингз». С Адамсом в качестве генерального менеджера Линдсей внес решающий вклад в завоевание «Детройтом» четырех Кубков Стэнли (1950, 1952, 1954 и 1955 гг.). В середине 50-х Линдсей являлся самым результативным левым нападающим в истории НХЛ. Он был жестким и устрашал соперников. Линдсей говорил, что в углах ледовой площадки играют только смельчаки, а трусы там никогда не появляются. Доказательством этого были семьсот швов у него на голове.

Линдсей был готов противостоять всем, включая своего босса. И это принесло пользу всей лиге. В начале книги я говорил, что хотел бы поблагодарить ребят, которые играли до меня. Тед Линдсей – один из первых в этом списке. Его самоотверженность сыграла огромную положительную роль для всех нас.

Линдсей был звездой хоккея и не нуждался в деньгах, но он знал, что лишь немногие игроки зарабатывают более 10 000 долларов в год. Это были ребята из небольших городов Канады. Часто они рано уходили из школы, чтобы играть в хоккей.

В сезоне 1956/57 г., когда Линдсей набрал восемьдесят пять очков, рекорд в его карьере, он сформировал ассоциацию игроков – первый шаг к созданию профсоюза – вместе с другими хоккеистами лиги, такими, как Гас Мортсон из «Чикаго», Ферни Фламан из «Бостона», Билл Гэдсби из «Нью-Йорка», Джим Томсон и Тод Слоан из «Торонто» и Доллар Сен-Лоран из «Монреалья». Дуг Харви, лучший защитник в истории «Канадиенс», был одним из ключевых организаторов ассоциации, и «Монреаль» продал его через несколько сезонов в качестве наказания. Харви в ответ выиграл в том году еще один приз Норриса.

Джек Адамс лишил в 1956 г. Теда Линдсея статуса капитана команды. В следующем сезоне Линдсея, который провел в «Уингз» тринадцать лет, продали в команду «Хокс». То, что владельцы были готовы наказывать в качестве назидания будущих членов Зала славы, таких, как Харви и Линдсей, показывает, насколько серьезно они воспринимали угрозу своей власти. В конечном счете ассоциация прекратила свое существование. Но это было всего лишь вопросом времени, когда игроки начнут получать справедливое вознаграждение. В 1967 г., спустя почти десять лет, появилась АИНХЛ^[28].

Линдсей сыграл за «Хокс» три сезона. Последние два сезона, когда он был в команде, они выходили в плей-офф. Но Линдсей уже не вкладывал в это душу. Он всегда говорил: «Сердцем я по-прежнему оставался в «Ред Уингз», это название на мне словно написано. Я существовал, не более». Когда Линдсею было тридцать девять лет и он уже не играл, он решил вернуться на год в «Детройт», чтобы окончательно закончить карьеру, будучи игроком «Ред Уингз».

Многие носили свитера других команд, но они всегда остаются со своей первоначальной командой. Я не уверен, что люди хотя бы помнят, что Бобби Орт сыграл несколько матчей в двух сезонах за «Чикаго». Бобби Халл всегда будет игроком «Блэкхокс», несмотря на то, что он провел восемь лет в составе «Виннипег Джетс». Брайан Лич закончил свою карьеру, являясь игроком «Брюинз», но он всегда будет хоккеистом из команды «Нью-Йорк Рейнджерз». И когда в 2001 г. Рэй Бурк выиграл Кубок Стэнли в составе «Колорадо», он забрал его домой в «Бостон», где он играл двадцать один сезон, и поднял его над головой на площади «Сити Холл Плаза» на глазах тысяч радующихся поклонников. Это пример того, какие изумительные отношения с

болельщиками может выстроить хоккеист. Победа Рэя Бурка стала и их победой.

Игроки были не единственными людьми, за которых вступался Линдсей. Он был включен в Зал славы в 1966 г., но отказался пойти на церемонию, потому что на это мероприятие не допустили женщин. Он считал, что жена и семья – часть его карьеры и заслуживают того, чтобы быть там. В следующем году правила изменились и семьи были приглашены.

Тед Линдсей – хороший пример того, что означает для хоккеиста жесткость. У людей иногда складывается впечатление, что хоккеистам просто нравится насилие, но дело не в этом. Они могут быть агрессивными, и им не нравится, когда по отношению к ним действуют грубо, но настоящая жесткость заключается не в том, чтобы просто толкать другого игрока. Обычно она выражается в том, что вы вступаетесь за кого-то из ребят или принимаете удар ради другого игрока. Линдсей был известен как «Ужасный» Тед, потому что он был на редкость жестким хоккеистом. Вообще говорят, что правило, предусматривающее наказание за удары локтями, было введено из-за Линдсея. Но если вам требовалась помощь, он всегда был готов защитить вас.

Сказать, что вы терпеть не можете играть против кого-нибудь из хоккеистов, но при этом вы бы хотели, чтобы он был в вашей команде, – один из самых больших комплиментов в хоккее. В истории нашей игры Тед Линдсей, возможно, заслуживает его больше, чем кто-либо другой.

7. Первоначальная шестерка

Каждый год во время драфта болельщики каждого клуба обсуждают важность различных ролей в команде. Кто ценнее – центральный нападающий первого звена, такой, как Сидни Кросби? Невероятно опасный крайний нападающий вроде Александра Овечкина? Защитник, прекрасно играющий в паре с другим защитником, как, например, Эрик Карлссон? Вратарь, являющийся ключевым игроком команды, например, как Кори Прайс? Таких ребят мало. В НХЛ всего тридцать центральных нападающих первого звена, только тридцать ведущих вратарей и т. д.

Теперь представьте себе лигу, в которой двадцать четыре из этих парней играют недостаточно хорошо, чтобы сохранить свои места в командах. Останется «Первоначальная шестерка».

Вот как обстояли дела. Только шесть ребят играли достаточно хорошо, чтобы сохранить свою работу. Или скажем так: если сейчас взять только первые звенья из каждой команды в лиге, у вас все равно будет больше форвардов, чем мест в составах шести команд. Если взять только вратарей, приглашаемых на матчи всех звезд ^[29], этого хватит, чтобы заполнить места в стартовых составах.

Другими словами, эти ребята играли *хорошо*.

Справедливости ради следует сказать, что в то время в лиге не было европейцев, заслуживающих упоминания, и очень мало американцев. Но тем не менее любой, являвшийся одним из лучших шести игроков в Северной Америке на своей позиции, был очень хорошим хоккеистом. При таком небольшом количестве мест в составах команд в «Первоначальной шестерке» просто не было слабых игроков.

В 1942 г., в начале эпохи «Первоначальной шестерки», лига выглядела так: «Монреаль Канадиенс», «Торонто Мэйпл Лифс», «Детройт Ред Уингз», «Чикаго Блэк Хокс», «Нью-Йорк Рейнджерс» и «Бостон Брюинз». Американцев не осталось. Ред Даттон, американский ветеран-защитник и тренер, перестал играть, став менеджером и тренером команды. Даттон думал, что перевод команды в Бруклин приведет к большему соперничеству с «Рейнджерс». Поэтому хотя они по-прежнему играли на «Мэдисон Сквер Гарден», название команды в сезоне 1941/42 г. было изменено на «Бруклин Американз». Но команда завершила сезон на последнем месте и приостановила свою деятельность. С годами в лиге играло различное количество команд. Но когда страсти поутихли, осталось всего шесть, и это число не менялось десятилетиями.

В начале 1940-х гг. на НХЛ не могла не сказаться Вторая мировая война, поскольку игроки уходили на фронт. В армии во время войны служило около восьмидесяти игроков НХЛ, что составляло примерно половину всей лиги. Каждой команде было позволено выставлять на матчи только тринадцать полевых игроков и одного вратаря. «Бостон» это затронуло столь же сильно, как и все команды. Они потеряли все «звено капустников»^[30].

В наши дни мы, вероятно, не стали бы давать звену прозвище, основанное на этническом оскорблении, но времена были другие, а все трое игроков были немецкого происхождения. Милт Шмидт, Вуди Дюмарт и Бобби Бауэр – все они выросли вместе в Китченере, Онтарио, и в конечном счете стали играть за «Брюинз». В 1939/40 г. трое приятелей заняли в НХЛ первое, второе и третье места по числу набранных очков. В 1942 г. все трое совершили поступок, показывающий, что, хотя наша игра важна, другие вещи еще важнее.

Они сели на поезд в Монреаль и записались в Королевские военно-воздушные силы Канады.

У ребят было время вернуться в Бостон до начала службы, и 10 февраля они надели форму «Брюинз», чтобы последний раз сыграть в одном звене. «Бостон» разгромил «Монреаль» со счетом 8-1, а «звено капустников» набрало одиннадцать очков. Парней уносили со льда как героев. Никто из них не погиб на войне, и в 1945 г. они снова стали играть за «Брюинз».

Во время войны овертайм в регулярном сезоне отменили, поскольку поезда должны были следовать по расписанию. Снова дополнительное время ввели лишь в сезоне 1983/84 г. Но график все равно был тяжелым. Игроки такой команды, как «Монреаль Канадиенс», после игры в субботу вечером отправлялись в Чикаго и прибывали туда тогда, когда времени до начала следующего матча оставалось так мало, что их до «Чикаго Стэдиум» сопровождал полицейский эскорт с сиренами. После игры они снова садились на поезд и отправлялись домой в Монреаль. Сорок восемь часов, чтобы сыграть в одном хоккейном матче. Как-то раз вечером после того, как игра закончилась вничью, Дик Ирвин сказал: «Слишком много езды ради одного очка». Но дела обстояли именно так, и все команды прошли через это.

Поскольку команды регулярно играли друг с другом, и в каждой команде было так мало игроков, и они противостояли друг другу четырнадцать раз в год (семь раз дома и семь раз в гостях), болельщики знали игроков и с интересом следили за развитием их карьеры.

Почти все команды соперничали с «Канадиенс». То Блейка, выигравшего три Кубка Стэнли в качестве игрока (один в составе «Марунз», два – в «Канадиенс» и еще восемь в качестве тренера «Канадиенс»), однажды спросили, понравился ли ему Горди Хоу как человек,

когда он играл против него. Блейк ответил, что общались они с Горди всего один раз. Это было на льду, и они кричали друг на друга.

Никто не хотел победить «Монреаль» больше, чем «Брюинз». Если вы посмотрите на старые газеты 30-40-х гг., вы почувствуете, какими тогда были матчи. 5 февраля 1941 г. в «Бостон Глоуб» вышла статья об игре, состоявшейся накануне вечером. В статье говорилось: «Это была самая грубая и бесшабашная схватка на арене «Гарден» за многие годы...» Судья никого не наказывал за неправильное применение силовых приемов, удары клюшкой или игру высоко поднятой клюшкой, потому что, если бы он это делал, игра никогда бы не закончилась. Несколько ребят получили рассечения, еще один потерял сознание. Тренер «Монреалья» Дик Ирвин вышел на лед и стал спорить с судьей Биллом Стюартом, что привело к временной остановке игры. Новичку «Монреалья» Элмеру Лаку пришлось накладывать швы, после того как его товарищ по команде Мерф Чемберлен налетел на Милта Шмидта и тот, перелетев через борт, полоснул коньком спокойно сидящего на скамейке и наблюдающего за игрой Лака.

В том же году Лак нарвался на неприятность с защитником «Чикаго» Эрлом Сейбертом, тем самым, который в 1937 г. упал на ногу Хоуи Моренца и сломал ее. Сейберту было двадцать девять, а Лаку – двадцать три. Проезжая мимо, Элмер сказал Сейберту: «Старый ублюдок, ты слишком стар, чтобы поймать меня». Это был первый из семи раз, когда Элмеру сломали нос. Через несколько лет Элмер Лак получит приз Харта, играя в «Ударном звене» с «Ракетой»^[31] Ришаром и То Блейком. Элмер Лак умер в апреле 2015 г. в возрасте девяноста семи лет.

Конн Смайт всегда говорил, что хоккей – это война, и команды, входящие в состав «Первоначальной шестерки», сражались упорно. Дело было не в деньгах. Большинство парней получали весьма скромные зарплаты и занимались чем-то еще, чтобы прокормить свои семьи. И дело было не только в том, что сотня парней делала все возможное, чтобы сохранить свою работу. Дело было в энтузиазме.

Вот что происходит, когда вы играете против одних и тех же ребят одну игру за другой. Хоккеисты помнят все. Сама суть игры подразумевает, что кто-то сыграет против вас высоко поднятой клюшкой или толкнет ею в спину, когда вы пытаетесь занять позицию на пятачке, или кто-то что-нибудь вам скажет. Или, может, кто-то просто вчистую вас переигрывает и вам это не нравится. Никто не любит проигрывать. Вы не будете отвечать сразу. Вы просто запомните номер этого парня и разберетесь с ним позже, как правило, в тот момент, когда судьи не будет поблизости. (Единственное исключение – по-настоящему сильный удар. Если хоккеисты решат, что подобный удар был нанесен без всякой необходимости или мог привести к травме, кто-нибудь разберется с этим незамедлительно, чтобы такое больше не повторялось.) Если вы играете против одних и тех же ребят четырнадцать раз за сезон, плюс еще в серии плей-офф, скоро каждый номер в команде соперника будет что-то для вас значить. И вероятно, каждый парень в той команде также считает, что должен с вами за что-нибудь поквитаться. Это способствует более интенсивной игре.

Разумеется, я не играл в «Первоначальной шестерке», но я точно знаю, что значит состязаться с другой командой настолько напряженно, что просто начинаешь ее ненавидеть. Мы играли с командами дивизиона Смайта по восемь раз за сезон – «Эдмонтон Ойлерз», «Калгари Флеймз», «Ванкувер Кэнакс»,

«Виннипег Джетс» и «Лос-Анджелес Кингз». Самое большое соперничество у нас было с «Калгари». База этой команды находилась всего в трех часах езды от нас, но по отношению к ним мы испытывали далеко не соседские чувства.

В регулярном сезоне вы играете восемьдесят матчей и входите в ритм. Как спортсмен за день до игры вы готовитесь определенным образом. Вы правильно питаетесь, спите и готовитесь к матчу. Но когда нам предстояла игра с «Калгари», мы начинали готовиться гораздо раньше, потому что знали, что нам придется прикладывать максимум усилий. В обеих командах были жесткие парни, парни, склонные к грязной игре, искусные игроки и элитные вратари. В середине 1980-х гг. мы были двумя лучшими командами на Западе. Несильно отставал от нас «Виннипег». Кубок оставался в Альберте^[32] шесть лет из семи. И в тот год, когда этого не произошло, «Флеймз» проиграла «Монреалю» с небольшой разницей в финале.

В 1986 г. мы закончили сезон с 119 очками. У «Калгари» было 89, а у «Виннипега» их число снизилось до 59. В плей-офф «Калгари» разгромила «Джетс», а мы – «Ванкувер». И затем мы встретились с «Калгари» в финале дивизиона Смайта. Они победили нас, потому что тренер «Флеймз» Боб «Барсук» Джонсон понял, как сдерживать нашу атаку. Мы выиграли два последних Кубка и, утратив предельную концентрацию, не проявили должного внимания к мелочам. Нам нужно было извлечь из этого урок. И чтобы победить нас, потребовалась такая команда, как «Калгари», игравшая в системно-ориентированную игру.

Позже я узнал, что на тренировках Джонсон сажал всех игроков «Флеймс» на верхние зрительские места на арене «Сэддлдоум» и отправлял своего помощника на лед, где тот изображал прорывы, совершаемые

Полом Коффи. Джонсон показывал своим игрокам, как лишить Пола скорости. План Джонсона состоял в том, чтобы его команда оттесняла Пола к борту, не позволяя Полу выбраться на открытое пространство. Придумать план по нейтрализации игры нашей команды мог лишь настоящий стратег, такой, как Боб Джонсон.

Мы были двумя талантливыми командами с большим количеством парней, стремящихся быть лучшими, поэтому да, мы ненавидели друг друга. Но не до такой степени, чтобы ненавидеть их как людей. Мы ненавидели их в качестве соперников. Марк Мессье знал, что вечер за вечером он будет видеть Джоэля Отто. Дэйв Семенко знал, что он снова и снова будет сражаться с Тимом Хантером. Что касается Яри Курри и меня, мы знали, что оборона Калгари при каждой возможности будет пытаться действовать против нас жестко. Глен Саттер говорил, что он не просит бомбардиров, забивающих по пятьдесят голов, играть жестко и не просит играющих жестко ребят забивать пятьдесят голов. Но он действительно стремился к тому, чтобы мы все знали, что, если хотим добиться успеха, мы должны быть достаточно жесткими, чтобы хорошо сыграть. Подобный настрой был у обеих команд. Вы знали, что вам будут физически противодействовать, но делали все, чтобы забросить шайбу.

В отличие от некоторых сегодняшних команд ни на какие вечеринки мы после матчей вместе не ходили. Мы даже не хотели видеть лица соперников. Игроков «Ойлерз» и «Флеймз» нельзя было бы увидеть где-нибудь вместе даже в межсезонье. Но эта взаимная неприязнь продолжалась только до тех пор, пока мы играли друг против друга. Сегодня многие из тех ребят охотно помогли бы друг другу с благотворительными мероприятиями. Это красота спорта. Когда имеются две команды, состоящие из стремящихся быть лучшими

игроков высокого класса, между ними будет происходить ожесточенная борьба. Но это всего лишь форма уважения.

Один из величайших аспектов нашего спорта - это наша история. Призы, великие игроки, а также соперничество между великими командами делают хоккей непохожим на любой другой вид спорта. Историю нельзя заменить, поэтому я не хочу говорить, что соперничество между «Ойлерз» и «Флеймз» было таким же, как, например, противостояние «Канадиенс» и «Лифс». Но с первого дня каждого сезона мы знали, что дорога к Кубку Стэнли проходит через «Калгари», и я уверен, что команды «Первоначальной шестерки» думали друг о друге точно так же. Мы все прекрасно знали своих соперников, изо всех сил стремились победить их, и благодаря этому все мы, как команды, становились лучше. Думаю, такой дух соперничества передался от «Первоначальной шестерки» последующим поколениям.

8. Кубок Стэнли

Хоккей – командная игра. Поэтому когда вы выигрываете Кубок Стэнли, то разделяете победу с товарищами по команде. В течение всего сезона и серии плей-офф вы также разделяете с ними страдания и разочарования, проходя через все это вместе. Если вы спросите о Кубке Стэнли любого игрока, который его выигрывал, он скажет, что это наивысшее командное достижение. Все должны участвовать. Это совсем не так, как в других видах спорта, когда некоторые из лучших игроков играют три четверти матча. Чтобы выиграть Кубок Стэнли, каждый должен выложиться полностью.

Когда мне было четыре года, я выигрывал Кубок Стэнли каждый вечер, потому что каждый вечер был для меня 14 апреля 1955 г., когда состоялся седьмой матч: «Детройт» против «Монреалья». И я был Горди Хоу, забившим гол, принесший выигрыш в Кубке. Я повторял все, что делал Горди: двигался в сторону стола, служившего мне воротами, бросал взгляд в сторону, делал легкое движение рукой, будто собираясь отдать пас, а затем выполнял бросок. Я даже переключал клюшку в другую руку точно так же, как Горди, и научился хорошо кататься, держа клюшку одной рукой. Я пытался причесываться, как Горди, и выходил на наш каток на заднем дворе без шлема, потому что Горди Хоу не носил шлем. Когда мой папа приходил домой с работы, он заставлял меня надеть шлем: «Ты должен носить шлем, Уэйн». И поэтому я был Горди Хоу в шлеме.

Я никогда не забуду волнение, которое я испытывал, наблюдая субботними вечерами за тем, как «Ред Уингз» играет с «Лифс». Трансляция матчей НХЛ

начиналась в восемь тридцать, поэтому после второго периода я уже должен был ложиться спать, но если играли «Ред Уингз», папа разрешал мне смотреть игры до конца.

Лорд Стэнли Престон, который стал генерал-губернатором Канады в 1888 г., впервые увидел хоккейный матч на Зимнем карнавале в Монреале в 1889 г. Вскоре после этого его тринадцатилетняя дочь Изобель приняла участие в первом официально упомянутом женском хоккейном матче (это была разновидность хоккея под названием «шинни»). Сыновья лорда Стэнли, двадцатитрехлетний Эдвард, девятнадцатилетний Артур и четырнадцатилетний Эджернон, тоже любили хоккей. Они вступили в команду Оттава «Ридо-холл»^[33], а в 1890 г. Артуру пришла идея о создании хоккейной ассоциации Онтарио. В нее вошли команды из Оттавы, Кингстона, Торонто и Лондона.

Лорд Стэнли приходил смотреть, как играют его сыновья и Изобель. Он был первым папой хоккеистов. Он написал письмо, которое было прочитано в 1892 г. на ужине в Оттавской любительской атлетической ассоциации, где отмечали третий победный сезон клуба. В письме говорилось: «Было бы неплохо, если бы у нас имелся кубок вызова, который бы мы из года в год вручали лучшему хоккейному клубу в Канаде... Я готов предоставить кубок, который клуб-победитель будет получать ежегодно». Осенью того же года из Англии прибыл декоративный кубок из стерлингового серебра. Размеры кубка были 19,05 на 29,21 см. На одной стороне было выгравировано: «Хоккейный Кубок вызова», на другой: «От Стэнли Престона».

Предоставив кубок, лорд Стэнли изложил некоторые правила. Кубок должен возвращаться в хорошем состоянии и вовремя. Каждый победитель может

выгравировать на нем название своей команды и год, когда он был завоеван. Кубок никогда не будет принадлежать ни одной команде независимо от того, сколько раз она его выиграла, и последнее слово остается за попечителями. Лорд Стэнли передал его любительской хоккейной ассоциации Канады.

Брат лорда Стэнли умер до окончания регулярного сезона в тот год, когда лорд передал Кубок, поэтому лорд вернулся в Англию и стал 16-м графом Дерби. Он так и не увидел, как вручают Кубок победителю.

О том, что это спортивный трофей, завоевать который тяжелее всего, говорят не просто так. В плей-офф – шестнадцать команд. Они участвуют в сериях, победители в которых определяются по итогам семи матчей. Затем победители играют между собой, и лучшие команды снова определяются по результатам серий из семи матчей. Лучшие потом опять играют между собой, пока не останется всего две команды. Чтобы завоевать Кубок, необходимо сыграть до двадцати восьми матчей (матчи при этом проходят примерно через день).

Вероятно, будет несправедливо судить о наследии игрока, основываясь на том, выиграл он Кубок или нет. В мире нет игрока, который мог бы провести команду через четыре раунда плей-офф. Это еще одна формулировка мысли о том, что ни одна команда, рассчитывающая на одного или двух игроков в каждом матче, не выиграет Кубок. Этого просто не случится. Посмотрите, как Александр Овечкин играл в плей-офф в 2016 г. Ведь нет ни малейших оснований говорить о его вине в том, что «Кэпиталз» сыграла хуже, чем могла бы. Хоккей – командная игра, и «Вашингтон» проиграла как команда.

И все же есть такие ребята, как Майк Кин, который, казалось, выигрывает Кубок, где бы он ни играл. Это не случайно. Есть другие игроки, похоже, обладающие

умением забрасывать решающие шайбы в матчах плей-офф. И почти никогда эти ребята не являются суперзвездами команды. Да, в плей-офф иной хоккей, и у некоторых игроков словно появляются новые силы после окончания регулярного сезона. В тот год, когда мы завоевали наш четвертый Кубок, Кевин Лоу сломал запястье в первом раунде плей-офф и играл оставшуюся часть весны в гипсе. У каждой команды есть такие игроки. В конечном счете, приз слишком велик, чтобы не приложить подобные усилия.

В важных матчах звезды в большей степени, чем когда бы то ни было, являются мишенями. Одна из причин, по которой парни из третьего звена часто становятся героями, заключается в том, что игроки первого звена были выключены из игры грамотной тактикой тренера команды соперника и удушающей защитой. На мой взгляд, суперзвезду отличает способность преодолевать все это в важных матчах. Для меня такой игрок – Марк Мессье. Чем важнее был матч, тем лучше Марк играл. Независимо от того, был ли это финал Кубка Канады или седьмой матч в серии плей-офф, Марк демонстрировал невероятную самоотдачу.

Наверное, самый большой комплимент, который я могу сделать хоккеисту, – сравнить его с Горди Хоу, и, на мой взгляд, именно Марк больше всего приближается по своему уровню к Хоу. Марк был большим, сильным парнем – как центральный нападающий он часто действовал грубо во время вбрасываний. Или же просто изматывал игроков жесткой игрой в ходе матча. Я много раз участвовал во вбрасываниях с Марком Мессье и не понимаю, как кто-то может описывать это как нечто забавное и интересное. Как и Горди, Марк мог расчищать для себя место, свободно орудуя клюшкой. Если же кто-то был с этим не согласен, он с радостью улаживал спор без

перчаток. Если вы играете в НХЛ, вас, вероятно, нелегко напугать. Но Марк мог внушить страх игрокам.

Но так же как и Горди, Мессье по мере продолжения карьеры становился более искусным игроком. Трудно превратиться из чисто силового форварда в игрока, ведущего утонченную игру. Но им обоим это удалось. Они были одними из лучших распасовщиков и плеймейкеров. Все это сводится к огромному хоккейному чутью, что является еще одним из лучших комплиментов, который вы можете сделать игроку. Когда в НХЛ удается выиграть битву один на один исключительно благодаря мастерству, скорости или силе, это производит впечатление. Но еще труднее замедлить ход игры и победить всю команду благодаря лишь лучшему видению льда. Горди и Марк могли это сделать.

Лидерские навыки Марка не являются секретом. Он выиграл приз Конна Смайта в 1984 г., поэтому ясно, что он значил для «Ойлерз». Но я думаю, что его лидерские качества проявились в большей степени, когда он играл в составе «Рейнджерз». Сегодня игроки часто гарантируют победу, но никто этого не делал в 1994 г. Однако, когда «Рейнджерз» отставала в Восточной конференции со счетом 3-2 в серии игр против «Нью-Джерси», Марк сказал СМИ, что его команда еще не проиграла. Затем он вышел на лед и сыграл матч своей жизни. Не забывайте, что «Рейнджерз» проигрывали к началу третьего периода. Сезон для них был почти закончен. Затемдвигающийся по центру Марк принял пас и, выполнив мощный бросок с неудобной руки, забросил шайбу в ворота Мартина Бродера. Он забросил еще две, сделав хет-трик, но тот гол с неудобной руки стал определяющим для его карьеры: сила, утонченность и способность сделать в нужную минуту то, что требуется.

Некоторые думали, что его слова в СМИ были самоуверенными или эгоистичными, но Марк повел себя совсем не так, а прямо противоположным образом. Он сделал так, чтобы все давление оказывалось на него, а товарищи по команде чувствовали себя свободнее. Если бы он не выступил с подобным предсказанием, все игроки чувствовали бы себя зажатыми. А после этого все внимание было сосредоточено на нем. Каждый игрок «Нью-Джерси» изо всех сил старался выключить его из игры. Все репортеры высмеивали бы его, если бы «Рейнджерз» проиграла. Марк это знал. И он знал, что это будет хорошо для команды. Это настоящее лидерство. Когда вы стоите и кричите в раздевалке перед игрой, это не делает вас лидером. А полная самоотверженность может превратить вас в лидера.

Конечно, я не играл в составе «Рейнджерз» в 1994 г. Но на протяжении многих лет я видел самоотверженность Марка. Если я, играя в «Ойлерз», забрасывал три шайбы, Марк радовался так, словно сам их забросил. Он был по-настоящему счастлив, когда у товарища по команде хорошо шла игра. Мы с Марком по-прежнему добрые друзья и, читая о ребятах, которые не ладят между собой или из-за плохого к себе отношения просят, чтобы их отправили в другую команду, покачиваем головой.

У нас ситуация была прямо противоположной. Мы делали друг друга лучше. На тренировках у Глена Саттера звенья нашей команды играли друг против друга. Как я мог не улучшить свое мастерство, играя против одного из лучших хоккеистов всех времен почти каждый день? Я играл с ним и считаю, что мне повезло. Я знаю, что в 1984 г. мы бы не выиграли Кубок Канады без него, и, на мой взгляд, он воплощает все то, что необходимо для победы в Кубке Стэнли.

Как хоккеист вы больше всего помните ваш первый Кубок Стэнли. Вы хотите, чтобы каждый игрок НХЛ

испытал его в какой-то момент. Именно то, что не каждый получает подобный шанс, и делает завоевание этого приза настолько особенным. Есть некоторые весьма особенные игроки, которые никогда не поднимали Кубок. Вы помните по-настоящему уважаемых парней, таких, как Марсель Дионн и Дэррил Ситтлер. Всем хотелось бы, чтобы Джером Игинла, наконец, выиграл Кубок после того, как был так близок к этому. Облегчение почти настало, когда Рэю Бурку наконец это удалось.

Кубок несколько раз пропадал. В 1905 г. по пути на вечеринку игроки «Оттава Силвер Севен» сделали несколько ставок на то, как далеко он проскользит, и столкнули его на замерзший канал Ридо. В 1923 г. Кинг Клэнси забрал его домой, чтобы показать своему отцу, но в следующем сезоне «Сенаторз» забыли, что Кубок у Клэнси, и искали его как сумасшедшие.

В 1924 г. «Канадиенс» направлялась к владельцу команды Лео Дандюрану с Кубком, и у них спустило колесо. Они поставили Кубок на тротуар, принялись менять колесо, а закончив, уехали, забыв взять Кубок с собой.

В 1970 г. из Зала славы хоккея были украдены три самых первых кольца, находившихся под чашей. Нашли их семь лет спустя в одном из помещений химчистки в Торонто.

В 1987 г., победив «Филадельфию» и выиграв Кубок, мы после церемонии не устраивали никакой дополнительной официальной вечеринки. За четыре года мы выиграли три Кубка и, отпраздновав победу на катке, отправились в ночной клуб под названием «Барри Т'с» на южной окраине Эдмонта. Мы отлично провели там время. Вся команда была в сборе. Через несколько часов мы бросили взгляд на дальнюю часть барной стойки. Там стоял Кубок Стэнли. Игроков рядом

не было. К Кубку подошел какой-то странный болельщик, чтобы сфотографироваться вместе с ним.

Потом наш вратарь Энди Муг и его жена решили отправиться домой. Энди взял Кубок с барной стойки и держал его над головой, пока ребята поздравляли его и похлопывали по спине. Затем вечеринка продолжилась.

Энди вынес Кубок из клуба, положил его в багажник и поехал домой. Через три часа он встал и повез свою маленькую дочь Алису в школу. Он вышел из машины, открыл багажник, взял Кубок и занес его в школу. Положив его на стойку у входа, Энди сказал: «Вернусь, когда закончатся занятия» – и поехал домой спать.

Около обеда Билл Туэле, директор «Ойлерз» по связям с общественностью, начал звонить по очереди всем игрокам и, добравшись до номера 35, задал вопрос: «Энди, ты знаешь, где Кубок?» Когда Энди ответил: «Да, в школе моей дочери», тот день для Билла стал незабываемым. Никто не хочет быть человеком, который теряет Кубок.

В следующем году (в сентябре 1988 г.) НХЛ наняла Фила Притчарда на должность хранителя Кубка, и с тех пор он не терялся.

9. Везина

Кубок Стэнли значил для Жоржа Везины так много, что 30 марта 1916 г., когда «Канадиенс» выиграла свой первый Кубок и когда вечером у Жоржа родился второй сын и ему было всего несколько часов, Жорж назвал ребенка Марселем Стэнли. Старший сын Везины Жан-Жюль стал первым ребенком, которого сфотографировали сидящим в Кубке. Сегодня почти каждый парень, у которого есть ребенок, делает это. Возможно, и я бы поступил так же, если бы мне в то время пришла в голову подобная мысль.

Везина вырос в Шикутими, маленьком, очень красивом франко-канадском городке, насчитывающем около 6000 жителей и находящемся посреди дикой местности в двух часах езды к северу от Квебека. Шикутими также расположен совсем неподалеку от города Перибонка, где вырос обладатель Кубка Канады 1984 г. и мой партнер по звену Мишель Гуле.

В феврале 1910 г. «Канадиенс» была в пути и остановилась в Шикутими, чтобы сыграть с группой местных жителей с мельницы «Прайс Брозерз Палп». Все думали, это будет легкая победа, но «Канадиенс» не могла забросить шайбу в ворота, которые защищал парень по имени Жорж Везина. В двадцать три года он был не очень крупным, ростом 167 см, весом 74 кг. И он катался на коньках всего пять лет. Он научился играть в хоккей в сапогах.

Когда «Канадиенс» вернулась домой, вратарь Джо Каттаринич убедил команду устроить Везине проверку, чтобы посмотреть, на что он способен. К декабрю с Жоржем заключили контракт на 800 долларов в год.

Жорж Везина стал в НХЛ первым вратарем, которому удалось провести матч на ноль. Он сделал это

в игре с «Торонто Блюшертс» 18 февраля 1918 г. В том же году он возглавил лигу по числу побед.

В то время Монреаль был самым неблагополучным городом в Канаде. Более 85 процентов жителей арендовали свои дома, и многие из них находились в трущобах. Что касается здравоохранения и социального обеспечения, всем этим занимались только религиозные благотворительные организации. Коэффициент смертности от одного лишь туберкулеза составлял более 200 на 100 000. В городской и пригородной зонах проживало около 618 500 человек. Это значит, что более 1200 мужчин, женщин и детей ежегодно умирало от туберкулеза. Случилось так, что Жорж Везина подхватил болезнь, но никому об этом не говорил и продолжал играть.

Легенда «Рейнджерз» Франк Буше сказал, что Везина был «бледным» и «хрупким на вид», но «прекрасно управлялся с клюшкой». «Он чаще парировал броски клюшкой, чем с помощью ловушки. Он стоял в воротах и почти никогда не падал. Он всегда носил ток – маленькую вязаную шапочку без полей. Она была сине-бело-красной, как официальные цвета «Монреалья». Этот ток стал настолько знаменитым, что вратарь «Канадиенс» Жозе Теодор, отдавая дань уважения, надел ток поверх шлема на матч, получивший название «Классика наследия – 2003».

Все вратари разные. Везина был спокойным. Буше помнил его «как самого спокойного человека, которого я когда-либо видел». Он оставался таким хладнокровным в воротах, что газеты прозвали его «Огурец из Шикутими». Его товарищи по команде говорили, что перед матчами он садился в раздевалке, курил трубку и читал газету.

Грант Фюр был таким же. У него была та же самая спокойная манера поведения. Если Грант произносил предложение, состоящее из трех слов, это можно было

считать напряженным днем. Когда Грант стоял в воротах, он говорил не очень много. Иногда он мог прорычать что-нибудь или крикнуть: «Эй!» Но во время острых моментов у своих ворот Грант всегда оставался спокойным и собранным.

Спокойный вратарь оказывает невероятное воздействие на команду. Помню, в финале 1987 г. мы проиграли шестой матч со счетом 3-2 в Филадельфии. В нашем распоряжении было два дня, чтобы подготовиться к седьмому матчу. На второй день мы немного покатались на коньках, потом каждый стал тренироваться по-своему. После утреннего катания в день матча один из репортеров спросил Гранта, что он сделал, чтобы подготовиться к большой игре. Грант удивил всех, сказав, что он играл в гольф.

- Сколько лунок? - спросил кто-то.

- Тридцать шесть, - ответил он.

Кто-то спросил почему, имея в виду, что два раунда гольфа перед важным матчем - многовато.

- Потому что стало слишком темно, чтобы пройти пятьдесят четыре, - ответил Грант. И ребятам это понравилось. Нам как раз и требовалось увидеть проявление подобного спокойствия. И мы не были разочарованы. Мы выиграли со счетом 3-1, и Грант в том матче сделал немало сейвов.

Осенью того года я сидел на скамейке во время второго матча финала розыгрыша Кубка Канады. Канадцы играли против сборной СССР. Грант стоял в воротах, и счет к концу третьего периода был 5-5. Сидящий рядом со мной парень (Дейл Хаверчук) был не из «Ойлерз», поэтому я повернулся, чтобы успокоить его. «Они забили пять голов, - сказал я ему. - Но мы могли бы сыграть еще семь периодов, и больше они нам не забьют». И они не забили.

Грант был, наверное, величайшим спортсменом, с которым я когда-либо играл. Он - десятый вратарь по

числу побед в регулярном сезоне, третий – в плей-офф в истории НХЛ. Если бы не он, не думаю, что у меня было бы четыре чемпионских перстня.

За всю свою карьеру Жорж Везина с 1910 по 1925 г. не пропустил ни одного матча. Он 328 раз подряд выходил в стартовом составе в регулярном сезоне и еще 39 в плей-офф.

К 28 ноября 1925 г. Везина потерял почти 16 кг с момента начала тренировочных сборов. «Канадиенс» играла с «Питтсбург Пайрэтс», новой командой в НХЛ, и в тот вечер Везина выглядел бледнее и изможденнее, чем обычно. Он парировал броски в первом периоде, но, уходя со льда, кашлял кровью. В раздевалке Везина снял только накладки, надеясь, что самочувствие позволит ему снова выйти на лед. Но Везине было тяжело дышать, и с температурой почти 39 градусов он едва мог двигаться. На следующий день он пошел к врачу. Тот диагностировал туберкулез.

Везина вернулся, чтобы забрать свой свитер. Лео Дандюранд сказал журналистам, что у Везины «слезы текли по щекам», и все остальные, находящиеся там, тоже плакали. Он вернулся в Шикутими и умер там весной 27 марта 1926 г. Это стало печальным днем в истории хоккея.

В начале следующего сезона владельцы команды (Лео Дандюран, Луи Летурно и Джозеф Каттаринич) почтили память своего вратаря, учредив в НХЛ приз Везины. Он вручается вратарю, который пропускает меньше всего голов. (Сегодня лучший вратарь сезона выбирается голосованием генеральных менеджеров команд, играющих в лиге).

В 1987/88 г. Грант Фюр сначала сыграл во всех девяти матчах Кубка Канады, который мы выиграли, победив сборную СССР, а затем в семидесяти пяти матчах регулярного сезона, девятнадцати матчах серии

плей-офф и в противостоянии с «Брюинз» выиграл вместе с командой Кубок Стэнли. В том году Грант также получил приз Везины.

10. Леди Бинг

Это один из старейших приемов. Если вы не можете догнать парня, которого преследуете во время бэкчекинга, вы всегда можете постучать клюшкой, предлагая, чтобы шайбу оставили вам. Время от времени игрок просто передаст вам шайбу, не глядя. Все это делали, и все в тот или иной момент попадались на подобную уловку и отдавали шайбу сопернику.

Я сказал: «Всегда можно», но рано или поздно вы лицом к лицу столкнетесь с парнем, которого обманули (в хоккее подобная ситуация произойдет и в связи с любым другим приемом). В 1922 г. Кинг Клэнси, новичок «Оттавы», попросил с помощью такой уловки Спрага Клегхорна, жесткого игрока «Канадиенс», оставить ему шайбу. Получив шайбу, он развернулся и забросил ее в ворота. Когда команды покидали лед, Клегхорн дружески окликнул Кинга: «Эй, Клэнси!» Тот повернулся, и Клегхорн отправил его в нокаут.

На трибунах тем вечером присутствовала леди Эвелин Бинг, жена генерал-губернатора Канады. Под командованием лорда Бинга находилось 100 000 канадских солдат, которые участвовали в битве на хребте Вими и в конечном счете выяснили, как взломать ранее неприступную оборону немцев. Эта битва – одна из самых важных в Первой мировой войне^[34] и, несомненно, самая известная в истории Канады. После войны Бинг был посвящен в рыцари, и в 1921 г. его назначили генерал-губернатором.

Когда супруги Бинг переехали в Оттаву, они стали большими поклонниками хоккея. «Сенаторз» была их любимой командой. Леди Бинг дала своим сотрудникам строгое указание не планировать никаких мероприятий

на субботние вечера, потому что она очень не любила пропускать матчи «Сенаторз».

Однако то, что видела леди Бинг, часто ее ужасало. В то время хоккей называли «адам на льду». Ей очень не нравилось смотреть, как болельщики бросают на лед мусор и монеты, что приводило к паузам в играх, и ее пугало насилие, которое в те времена было частым явлением. Если вы разделяете представления британцев о честной игре, вы, вероятно, заметили бы, что в НХЛ 1920-х гг. было над чем поработать.

Спраг Клегхорн играл ключевую роль в «Оттаве», когда команда выиграла Кубок Стэнли в сезонах 1919/20 и 1920/21 г. У Спрага был мощнейший удар, и он умел управляться с шайбой. Но большинство людей считало его жестким парнем. Томми Горман, владелец и менеджер «Сенаторз», сказал, что Спраг всегда «с радостью готов помахать кулаками или клюшкой в любой момент».

Возможно, он проявлял излишнюю готовность. В 1921 г. Клегхорна продали в «Монреаль». Сердился ли Клегхорн из-за того, что его продали в эту команду, или просто был в плохом настроении, но 1 февраля 1922 г., когда «Хабс» играли с «Сенаторз» на их домашней арене и все предрекали хозяевам победу, Клегхорн разошелся не на шутку.

В первом периоде он, проезжая мимо левого нападающего «Оттавы» Эдди Жерара, ударил его клюшкой в лицо и попал ему чуть выше глаза. Эдди пришлось отправиться в больницу. Затем Клегхорн сломал руку суперзвезде «Сенаторз» Фрэнку Найбору. В третьем периоде он налетел сзади на Си Деннени, впечатав того в борт. После этого Си унесли со льда на носилках. Все три игрока пропустили следующие два матча. Из-за полученного Жераром рассечения Клегхорна обвиняли в том, что он играл с гвоздем на

клюшке. Полиция Оттавы хотела арестовать его, но никто не смог доказать обоснованность обвинения.

Тем вечером леди Бинг, как и остальные зрители, которые встречали неодобрительными криками каждый выход Клегхорна на лед, была расстроена. Она была поклонницей Фрэнка Найбора. Вообще, за Фрэнка болели многие. В последующие годы многие станут болеть так за Горди Хоу и Мориса Ришара. Никто не хотел видеть, как такому парню ломают руку. Кроме того, Найбор также был соседом леди Бинг.

«Сенаторз» выиграли Кубок Стэнли в следующем сезоне (1922/23 г.), а затем проиграли его «Канадиенс» в плей-офф сезона 1923/24 г. В 1924/25 г., когда владельцы команды сменились, «Сенаторз» впервые за семь лет не смогли выйти в плей-офф. Весной того года Фрэнк Найбор получил приглашение посетить Ридо-холл, резиденцию генерал-губернатора, чтобы встретиться с леди Бинг.

Фрэнк вошел, и она провела его в гостиную, где на мраморной подставке стоял высокий серебряный кубок. Она сказала: «Фрэнк, как вы думаете, позволит ли НХЛ лорду Бингу и мне предоставить этот кубок в качестве ежегодной награды игроку, который демонстрирует отличные способности, джентльменское отношение и должное спортивное поведение?» Фрэнк сказал ей, что НХЛ, вероятно, с радостью на это согласится. Леди Бинг кивнула, а затем попросила его взять кубок. «Итак, я вручаю этот приз вам, Фрэнк Найбор, как игроку, демонстрировавшему самое спортивное поведение в 1925 году».

Вероятно, это знаменовало изменение в хоккее. В те времена драки являлись частью игры. В мое время было то же самое, но благодаря искусным игрокам в 1920-х гг., таким, как Фрэнк Найбор и Фрэнк Буше, которые представляли первое поколение хоккеистов, не желающих драться, начал развиваться кодекс

спортивного поведения. Если вы не нарываетесь на неприятности, никто не должен ожидать, что вы будете драться.

Я играл со многими из них и против многих из них. Я говорю о Питере Дрисколле, Дэйве Семенко, Марти Максорли, Дэйве Хантере. Все братья Хантеры любили участвовать в психологическом противостоянии во время матчей. Это были честные жесткие парни. Люди ошибочно полагают, что они сумасшедшие или что им нравится насилие. Подобное представление редко соответствует действительности. Они не действовали грубо исподтишка, не пытались применять жесткие приемы после свистка.

Дон Черри всегда утверждает, что, если игрокам разрешают драться, они будут сами держать ситуацию под контролем. Он говорит, что жесткие парни дерутся с жесткими парнями, чтобы нормализовать обстановку. И он прав. Люди не понимают, что 90 процентов времени, когда дерутся двое жестких ребят, они настроены на бой как боксеры, но не испытывают гнева. Они дерутся по какой-то причине – защищают товарища по команде или меняют ход игры. Они фактически предотвращают насилие. Если возникла проблема, лучше ее решить сразу. А когда проблемы остаются без внимания (или в матче разгромный счет), игра может выйти из-под контроля. Во многих случаях жесткие парни являются одними из самых умных ребят в команде. Они – стратеги и всегда одни из самых популярных парней в раздевалке и зачастую самые веселые. Игроки уважают их за то, что они рискуют здоровьем, чтобы защитить команду. Вероятно, не случайно их любят и болельщики.

Но Фрэнк Найбор не должен драться. Леди Бинг считала, что таким парням нужно просто играть в хоккей, и была права.

То же самое можно сказать о Фрэнке Буше. К 1935 г. Буше семь раз получал приз леди Бинг. Она попросила, чтобы Фрэнк оставил оригинал кубка у себя, и заказала в Англии копию. Буше поблагодарил ее, но попросил, чтобы его больше не рассматривали в качестве кандидата на получение приза. Он хотел, чтобы и у других ребят был шанс. Я удостоился чести получить приз леди Бинг пять раз, и это много для меня значит. Это привилегия следовать за великими пионерами игры, такими, как Фрэнк Найбор и Фрэнк Буше, Сил Эппс и Дейв Кеон.

Но я могу сказать, что не всегда легко сохранять спокойствие. «Флайерз» впервые выиграли Кубок Стэнли в сезоне 1973/74 г. К тому времени их называли «разбойниками с большой дороги». Мне было тринадцать, и я помню, как мой отец сказал:

- Это не очень хорошо для тебя.

Я спросил:

- В каком смысле не очень хорошо для меня?

Он ответил:

- Хоккей пойдет в этом направлении. «Флайерз» выиграли, и остальные команды станут им подражать.

Мой отец был прав. В НХЛ и, пожалуй, в любом другом виде спорта мы словно большое стадо коров. Когда одна команда начинает что-то делать, остальные берут с нее пример. Так, например, было с утренней тренировкой. Когда я играл в «Ойлерз» и наша команда побеждала, мы проводили утреннюю тренировку в дни матчей, и потом все начали поступать так же. Затем, в 2015 г., «Блэкхокс» Джоэля Кэнневилля выиграли Кубок Стэнли. Этот тренер не проводит утренних тренировок, и остальные перестали это делать. Все хотят подобного преимущества, и вы всегда смотрите на наиболее успешную команду.

Я несколько раз пробовал драться, но это получалось как-то смешно. 22 декабря 1982 г. мы

играли с «Норт Старз». В тот вечер я получил приз «Спортсмен года» по версии Sports Illustrated. Я, конечно, был очень рад. Из Нью-Йорка прилетел представитель этого еженедельника и, взяв микрофон, произнес речь о том, каким прекрасным примером для подражания я стал в хоккее. В сущности, он сказал, что я получаю награду, потому что не дерусь.

Во второй смене я подрался с Нилом Бротеном. По сей день я понятия не имею почему. Так вышло. Мы просто хватали друг друга. Это было глупо. Нас отправили на штрафную скамью. Я посмотрел на него, и мы оба начали смеяться. Я вернулся на скамейку запасных, и Дэйв Семенко сказал: «Возни хуже я еще никогда не видел».

Два года спустя, 7 марта 1984 г., мы играли с «Чикаго». Боб Мюррей, который сейчас заведует командой «Дакс», был честным игроком. Он играл жестко, но всегда действовал честно по отношению ко мне. В те времена команды поручали кому-нибудь буквально следовать за мной по пятам. И меня это выводило из себя. Боб просто делал свою работу, но я рассердился на него и снял перчатки в центральной зоне. Боб схватил меня и повалил. Я лежал на льду, глядя на Боба, а его кулак был занесен над моим лицом.

Он сказал:

– Не двигайся. Я не собираюсь тебя бить.

Я ответил:

– Хорошо. Я не двигаюсь!

Но краем глаза я увидел, как четверо ребят начали перелезать через борт. Мессье, Дэйв Семенко, Дэйв Хантер и Донни Джексон. Я крикнул: «Эй, не трогайте его, он ничего не сделал». Затем я увидел, как ребята сели обратно на скамейку.

Что касается парней, которые завоевали приз леди Бинг, у всех у них есть кое-что общее – они невероятно самоотверженны. Дэйву Кеону, Джонни Буцику, Жану

Рателю, Бутчу Горингу и Марселю Дионну приходилось сохранять самообладание в лиге, которая была довольно дикой по сегодняшним меркам. В 1980-х гг. этот приз получил мой товарищ по команде Яри Курри. Майк Босси выиграл его три раза в составе «Айлендерз», а Джо Маллен выиграл его дважды в составе «Флеймз». Список можно продолжать. От Рона Фрэнсиса до Пола Кария, от Джо Сакика до Павла Дацюка. Никогда не возникало вопросов, насколько жестко играл любой из этих парней. Просто они знали, насколько жестко можно играть, не нарушая правил.

Никто не олицетворяет дух кубка леди Бинг в большей степени, чем Стэн Микита, возможно, лучший центральный нападающий 1960-х гг. Как новичок он играл в одном звене с Тедом Линдсеем, несомненно, одним из тех парней в лиге, кого боялись больше всего. Линдсей советовал своему партнеру по звену зарабатывать уважение с помощью грубой игры. Микита последовал этому совету, и его стали бояться почти так же, как Линдсея. Но как-то раз он вернулся домой после игры, и его четырехлетняя дочь спросила, почему после свистка остальные ребята из его звена отправились на скамейку к товарищам, а он пошел сидеть в одиночестве. Когда Микита не смог дать вразумительного объяснения, он поклялся играть аккуратнее. За свои усилия он получил приз леди Бинг.

Сейчас порядок в НХЛ поддерживается с помощью телекамер. В былые времена мы заходили в раздевалку в конце периода, и кто-то говорил: «Видели, как тот парень ударил нашего игрока клюшкой по голове?» И в следующем периоде кто-нибудь улаживал проблему. Горди Хоу говорил: «Выясните номер этого парня и проучите его в следующем периоде». Ну теперь вы уже не можете проучить его в следующем периоде, потому что сейчас работают два рефери, и официальные лица гораздо лучше могут видеть то, что раньше оставалось

незамеченным. И на трибунах, вероятно, установлено восемь телевизионных камер. Когда происходит какой-то инцидент, он тщательно изучается четырьмя сотрудниками НХЛ, которые многократно просматривают при замедленном воспроизведении те или иные эпизоды, снятые под разными углами. А то, что не попало в объективы профессиональных камер, наверняка будет снято кем-нибудь с помощью мобильного телефона.

Для парней, которые могут действовать жестко, не нарушая правил, всегда найдется место. В «Ойлерз» подобными игроками, например, были Дейв Семенко и Марти Максорли. И болельщики всегда будут любить искусных игроков, которые при необходимости готовы снять перчатки, таких, как Брендан Шэнахэн или Уэндел Кларк. Кто может забыть драку между Венсаном Лекавалье и Джеромом Игинлой в финале 2004 г.? Оба этих хоккеиста вдохновляли игроков, сидящих на скамейке.

Что касается сегодняшнего хоккея, то такой команде, как «Анахайм», не нужен парень, который бы оберегал ее звезд, потому что Кори Перри и Райан Гецлаф не нуждаются в защите. Эдмонтон недавно взял к себе Милана Лучича по этой же причине. Еще сравнительно недавно игроки соскакивали с той и с другой скамьи и принимали участие в потасовке. Но теперь некоторые игроки больше напоминают Бобби Орра и Горди Хоу и могут сами о себе позаботиться.

Думаю, что, возможно, в следующие десять-пятнадцать лет вы не увидите драк в хоккее. Вы не видите их в европейском хоккее или в студенческом. В лигу приходит все больше и больше ребят, которые вообще никогда не дрались. На протяжении большей части истории нашей игры драки считались обычным делом. Наступает время, когда таким же обычным делом будет считаться отсутствие драк. Они

постепенно перестают быть частью игры. Думаю, леди Бинг это очень бы порадовало.

11. Первый матч всех звезд

Эдди Шор изменил хоккей во многих отношениях. Как одна из первых настоящих суперзвезд хоккея, он помог сформировать хоккей, который мы знаем сегодня. Но имелся один определяющий момент, которого, по мнению всех сопричастных, лучше бы не было.

На синей линии Шор был настоящим талантом своего поколения – он завоевывал приз Харта чаще, чем Бобби Опп. И все помнят, каким Эдди был грубым. За первый год пребывания в «Брюинз» Шор подрался с Билли Кауту на тренировке и лишился части своего уха. Когда врач команды отказался пришивать его обратно, Эдди нашел врача, который согласился это сделать. Эдди отказался от обезболивания и с помощью небольшого зеркала наблюдал, как ухо пришивают обратно. Эта история похожа на выдумку, но я верю, что такое могло произойти, потому что своими глазами видел нечто подобное. Перед игрой в Лос-Анджелесе Марти Максорли выдернул свой сломанный зуб плоскогубцами. Ли Фоголин, наш капитан в «Эдмонтоне», проделал то же самое с помощью вешалки. Шор был невероятно жестким парнем.

В 1933 г. «Лифс» играли с «Брюинз» на арене «Бостон-Гарден» в присутствии 12 000 болельщиков. Это была грубая игра, часто назначались штрафы. Троице игрокам «Лифс» (Кинг Клэнси, Ред Хорнер и Эйс Бейли) было поручено продержаться против пяти игроков соперника. Бейли прекрасно умел удерживать шайбу. Его менеджер Конн Смайт назвал его «одним из самых искусных игроков в хоккее». Бейли сыграл за «Лифс» восемь сезонов. В одном из них он стал ведущим бомбардиром в лиге, забросив 22 шайбы и набрав 32 очка в 44 матчах. Многие считали, что он

будет одним из лучших игроков лиги в течение еще многих лет.

Бейли выиграл вбрасывание и целую минуту удерживал шайбу. Затем он выиграл второе вбрасывание, немного потянул время, а затем направил шайбу в зону «Брюинз». Шор подхватил шайбу, устремился вперед, и в этот момент Кинг Клэнси, приняв Шора на бедро, отобрал у него шайбу. Шор встал и устремился к первому попавшемуся ему на глаза игроку в сине-белом свитере. Этим игроком оказался Эйс Бейли.

Шор налетел на Бейли сзади, и тот упал от сильнейшего удара и, ударившись головой об лед, потерял сознание.

Ред Хорнер, товарищ Бейли по команде, лидер лиги по числу штрафных минут и будущий член Зала славы, сбил Шора с ног ударом кулака в лицо. Игроки обеих команд собрались было вступить в драку, но когда они увидели, что Шор без сознания и из головы у него идет кровь, а Бейли посинел и бьется в судорогах, это охладило их пыл.

Игроки «Лифс» принесли Бейли в раздевалку своей команды. Шора игроки «Брюинз» принесли в свою. Конн Смайт пытался пробиться к Бейли через группу болельщиков, которые спустились в туннель, чтобы посмотреть на все вблизи. Болельщик по имени Леонард Кенурти показывал пальцем на Бейли и кричал, что он притворяется. Смайт потерял самообладание. Он ударил болельщика по носу и разбил ему очки. Смайта сразу же арестовали.

Кинг Клэнси разогнал остальных болельщиков клюшкой. Шору наложили швы, и он направился к раздевалке «Лифс», чтобы проведать Бейли. Он сказал ему, что сожалеет. Бейли ответил: «Это все часть игры, Эдди». Эти слова стали последними, что Бейли будет помнить в течение следующих десяти дней.

Его срочно доставили в больницу Одюбон в Бостоне, где хирурги сделали ему трепаназию черепа, чтобы ослабить давление на его отекавший мозг. По мнению врачей, вероятность того, что Бейли выживет, была менее пятидесяти процентов, и к нему вызвали священника для соборования. Говорят, что Фрэнк Селки перехватил отца Бейли, когда тот прибыл из Торонто с оружием, чтобы убить Шора.

Бейли выжил, но уже не был прежним. Прошел год, прежде чем восстановились все функции организма, и у него имелся больничный счет на сумму более 1000 долларов. В тридцать лет Бейли стал безработным – с хоккеем пришлось попрощаться.

Чтобы собрать деньги для Бейли и его семьи, совет управляющих НХЛ организовал первый матч всех звезд. В 1934 г., в День святого Валентина, «Лифс» сыграли против остальных звезд лиги. Собранные деньги очень помогли Бейли.

Следующий подобный матч состоялся через три года. Причиной послужила смерть Хоуи Моренца. У Моренца было трое детей: восьмилетний Хоуи-младший, шестилетний Дональд и Марлен, которой было три года. Его вдове Мэри было всего двадцать шесть лет, и перед ней встала трудная задача: вырастить в одиночку троих детей. 2 ноября 1937 г. на арене «Форум» лига организовала матч между командой, состоящей из игроков «Канадиенс» и «Марунз», которая противостояла остальным звездам НХЛ.

Но собранных денег оказалось недостаточно, и Мэри пришлось найти работу. Мэри вернулась к родителям и отдала всех троих детей в приют. Каждое воскресенье она садилась в трамвай и ездила навестить их. На дорогу у Мэри уходило несколько часов, но она не пропустила ни одного посещения.

За тот удар Эдди Шору запретили играть на неопределенный срок, но в итоге дисквалификация

была ограничена шестнадцатью играми. Конн Смайт уладил дело с Кенуорти, болельщиком, которого он ударил. Он заплатил ему 200 долларов плюс 100 долларов были потрачены на адвоката. Конни Смайт сказал, что это лучшие 300 долларов, которые он когда-либо тратил.

На матче всех звезд Шор и Бейли обменялись рукопожатием в центре льда. На Бейли было пальто, мягкая фетровая шляпа и темные очки, но все равно был виден шрам, идущий от уха к волосам. Этот шрам остался после того, как врачи вставили ему в голову серебряную пластину. В тот вечер «Лифс» закрепили номер «6» за Бейли. Это стало первым случаем в НХЛ, когда номер закреплялся за игроком навечно.

В хоккее иногда возникает связь между прошлым и будущим. Марлен Моренц, младшая дочь Хоуи Моренца, вырастет и выйдет замуж за Берни «Бум-Бум» Жеффриона, одного из величайших правых крайних нападающих в эпоху, когда играли Морис Ришар и Горди Хоу. (Хотя при игре в большинстве он вместе с Дугом Харви играл на синей линии зоны атаки. Отчасти это было связано с его легендарными бросками, а также с тем, что Ришар был на правом фланге, играя вместе с Жаном Беливо и Дикки Муром. В те времена игроки удалялись на 2 минуты без права «амнистии» в случае пропущенного гола. Это звено при игре в большинстве могло забросить пару шайб или больше. В конечном счете лиге пришлось проявить милосердие и позволить наказанному игроку выходить на лед, после того как его команда пропустит гол.)

Я играл против его сына Дэнни Жеффриона, когда был в составе «Ойлерз», а он выступал за команду «Джетс». Блейк Жеффрион, сын Дэнни, выступал за команду Висконсинского университета в Мэдисоне и в 2010 г. получил приз Хоби Бейкера, став лучшим игроком среди студентов.

Блейк был выбран во втором раунде командой «Нэшвилл Предаторз» и отдан в «Канадиенс» в сезоне 2011/12 г. В ноябре 2012 г. он играл в «Гамильтон Буллдогз», фарм-клубе американской хоккейной лиги, на арене «Белл Центр» в Монреале. В первом периоде во время своей четвертой смены Блейк ехал по левому флангу, и Жан-Филипп Котэ, защитник «Сиракьюз Кранч», применил против него жесткий силовой прием. Когда Блейк упал, конек Котэ задел его голову выше левого уха, в результате чего Блейк получил вдавленный перелом черепа. Потребовалась срочная операция, которая продолжалась четыре часа.

Врачи удалили всю сломанную кость и вставили вместо нее шестисантиметровую пластину на пяти винтах. В двадцать пять лет карьера Блейка как игрока подошла к концу. Но Блейк прекрасно разбирается в хоккее, и он – отличный парень. Сегодня он выполняет функции скаута для «Коламбус Блю Джетс».

Впоследствии Котэ удалось пообщаться с Блейком, и он сказал: «Мне очень жаль, что так получилось». И Блейк ответил: «Это был хороший, чистый удар, Жан-Филипп. Все в порядке». Говорить что-либо еще необходимости не было.

12. Огонь в его глазах

Трудно поверить, но в 1930-х гг. хоккей в Монреале не слишком интересовал зрителей. Иногда по вечерам на арену «Форум» приходило лишь несколько тысяч болельщиков. Затем в 1942 г. появился Морис Ришар.

Кен Рирдон, который после службы в армии вернется, чтобы играть в обороне «Канадиенс», был членом армейской команды и участвовал в показательном матче против «Хабс». Именно тогда он впервые встретился с Ришаром. «Я вижу, что этот парень несется на меня с растрепанными, окровавленными волосами и безумным взглядом. «Я им займусь», – сказал я себе. Ну, а он очень ловко обошел меня», – вспоминал Рирдон.

Все всегда говорили о взгляде Ришара, когда он приближался с шайбой к воротам. Гленн Холл, который играл против него в «Детройте», а затем в «Чикаго», сказал, что глаза Ришара «блестели и сверкали, как автомат для игры в пинбол. Это было ужасно».

«Ракета» получил свое прозвище во время своего второго сезона в составе «Канадиенс». Левый нападающий Рэй Гетлифф наблюдал, как Ришар, получив пас от Элмера Лака на синей линии, направляется к воротам. Рэй сказал: «Этот парень ворвался туда, как ракета!» Динк Кэрролл, спортивный репортер, давно пишущий для «Монреаль Газетт», услышал эти слова Рэя и написал об этом в газете. Остальное вы знаете.

Тренером «Канадиенс» был Дик Ирвин. Первую часть сезона 1942/43 г. Ришар играл с Тони Демерсом и Элмером Лаком в звене, получившем прозвище «Звено сломанных костей» или «Звено скорой помощи», потому что все трое были на редкость подвержены травмам.

Ирвин решил произвести небольшие перестановки: когда Джо Бенуа отправился в армию после окончания того сезона, Ирвин поставил Ришара на его место в звено с То Блейком и Элмером Лаком. Они станут одним из самых известных звеньев в истории НХЛ – «Ударным звеном». В том году они выиграли Кубок Стэнли.

На третий год в составе «Канадиенс» Ришар стал первым игроком НХЛ, забросившим 50 шайб в 50 матчах. Это был сезон 1944/45 г. В предыдущем сезоне он был первым игроком, забросившим 12 шайб в серии плей-офф. Теперь число болельщиков на «Форуме» возросло.

Ришар всегда первым приходил на тренировку и уходил последним. Он оставался, чтобы отрабатывать передвижения на коньках и броски. Благодаря тренировкам он развил скорость, точность и научился выполнять самые мощные броски в лиге. Он мог очень сильно бросать с наката, а также занять место на пяточке и выполнить бросок в одно касание, как Майк Босси и Бобби Халл. В те времена такие вратари, как Гленн Холл, не надевали маски. Отражать подобные пушечные броски было нелегко.

Рост «Ракеты» был 178 см, вес примерно 77 кг. Он не был хоккеистом гигантского телосложения, но самые сильные игроки НХЛ обычно не являются такими гигантами, как лайнбекеры НФЛ. Лишь немногие могут оттеснить Сидни Кросби от шайбы, немногие стремились ввязываться в силовую борьбу с Уэнделлом Кларком, и почти никто не был таким быстрым или сильным, как Павел Буре. Все они телосложением почти не отличались от Ришара. У него были невероятно сильные руки и ноги, а также огромная грудь.

Эти имена также дают представление о том, чем могла обернуться попытка остановить Ришара. Он не стремился драться, но столь мощно несся к воротам, что ребятам пришлось отходить от правил, чтобы

замедлить его продвижение. И он отвечал. Если он хотел добраться до ворот, он до них добирался. Есть знаменитая история о большом защитнике Эрле Сейберте, который тогда играл в «Детройте». Это тот самый игрок, который сломал ногу Хоуи Моренцу. «Детройт» и «Монреаль» играли на арене «Олимпия», и Сейберт бросился на спину «Ракеты», чтобы остановить его. Но Ришар продолжал двигаться к воротам. Он забил гол, а затем встряхнул плечами, как большой медведь, отбросив Сейберта в сторону^[35].

Когда Сейберт вернулся на скамейку, Джек Адамс принялся распекать его за то, что он не остановил Ришара. Но Сейберт, весивший 90 кг, сказал Адамсу, что любой парень, который смог пронести его от синей линии до ворот, заслужил того, чтобы забить гол.

«Уингз» и «Канадиенс» играли друг с другом двенадцать-четырнадцать раз в сезон, и хотя Горди Хоу и «Ракета» относились друг к другу с уважением, они друг другу не нравились. 29 января 1949 г. Горди во время своего третьего сезона в НХЛ подрался с Ришаром. Рефери в том матче был Кинг Клэнси. Драку остановили не сразу. Горди нанес пару ударов кулаками, и Ришар оказался на льду. Затем Клэнси остановил Горди, а Сид Абель, товарищ Хоуи по звену, подошел к лежащему Ришару и что-то ему сказал. Ришар встал и сломал Абелю нос.

Эти две команды так ненавидели друг друга, что, когда им приходилось садиться на один и тот же поезд на станции Уэстмаунт в Монреале, там на всякий случай дежурила полиция.

В сезоне 1952/53 г. «Уингз» заняли первое место, опередив «Канадиенс» на пятнадцать очков. В последнем матче сезона они играли с «Монреалем». Горди на тот момент забросил сорок девять шайб и

собирался забросить пятидесятую. «Ракета» в то время был единственным игроком в НХЛ, забившим пятьдесят голов в сезоне. У Горди было несколько шансов в той финальной игре, но левый крайний нападающий «Канадиенс» Берт Олмстед взял его под плотную опеку. Горди не удалось забить.

Вратарем «Канадиенс» был Джерри Макнейл, и когда они вернулись в раздевалку, он сказал: «Ну, «Ракета», в следующем сезоне ему придется начинать заново». Я имею некоторое представление о том, как они могли относиться к рекорду Ришара. Глен Саттер побуждал нас к тому, чтобы мы стремились завоевывать индивидуальные награды. Вы можете действовать с полной самоотверженностью в интересах команды и все равно при этом стремиться быть лучшим. Я думаю, это связано с тем, что он играл с Орром в «Бостоне» и с большим количеством великих игроков в «Монреале». Он знал, что игроки, стремящиеся быть лучшими, делали свои команды лучше. Поэтому на тренировочных сборах он говорил: «В этом году я хочу выиграть Кубок Стэнли. Я также хочу выиграть гонку бомбардиров, приз Норриса» и т. д. По его мнению, индивидуальные почести – это командные награды, поэтому я понимаю, почему «Канадиенс» хотели сохранить рекорд Ришара. Это был и их рекорд.

29 декабря 1954 г. в Торонто на последней минуте первого периода «Ракета» забросил свою 401-ю шайбу, и зрители устроили ему стоячую овацию. В этом сезоне он на пятнадцать очков опередил Горди в общем зачете. И затем за пять минут до конца третьего периода двадцатитрехлетний Боб Бейли, который недавно еще играл в «Питтсбург Хорнетс», фарм-клубе «Лифс», и пытался заработать себе имя, кинулся к «Ракете». Во время драки Бейли попытался выдавить Ришару глаза. Лайнсмены разняли дерущихся, но «Ракета» был в ярости. Схватив клюшку, он направился

к Бейли, но Джордж Хайес, один из лайнсменов, попытался остановить его. Толпа недовольно гудела. Рефери Ред Стори назначил Морису большой пятиминутный штраф за драку и два дисциплинарных десятиминутных штрафа.

Несколько месяцев спустя (13 марта) дело зашло еще дальше. Ришар и его бывший товарищ по команде Хал Лайко начали размахивать клюшками, и ситуация быстро вышла из-под контроля. Лайнсмены попытались разнять их, и один из них, Клифф Томпсон, сумел удержать «Ракету». Позднее Ришар сказал, что из-за этого он оказался открытым для нескольких ударов Лайко.

Дуг Харви оттащил Томпсона от Ришара (потом Дуг, возможно, об этом пожалеет), и тот, схватив клюшку, кинулся на Хала Лайко, который стал защищаться от ударов. Флеминг Маккелл, игрок «Брюинз», сказал, что в этот момент драка перестала быть чем-то интересным. Зрители замолчали. «Монреаль Газетт» сообщила, что Томпсон снова попытался вмешаться, и «Ракета» «припечатал его к борту».

Чтобы быть лайнсменом, требуется смелость, потому что хоккей – быстрая игра, а хоккеисты очень сильны. Возможно, вам не обязательно быть столь же быстрым, но вы должны как минимум обладать такой же силой. Сейчас, если вы ударите судью, вы пропустите двадцать игр. В те времена решения принимал президент лиги, Кларенс Кэмпбелл. Он запретил Ришару участвовать в последних трех играх регулярного чемпионата, а также в плей-офф. Это примерно то же самое, как если бы Пейтону Мэннингу или Тому Брэди не дали участвовать в Суперкубке. Болельщики «Хабс» были в ярости.

Через четыре дня «Канадиенс» и «Детройт Ред Уингз» боролись за первое место в матче на арене «Форум» в Монреале. Там присутствовал Кларенс

Кэмпбелл, и болельщики бросали в него помидоры, яйца и программки. Когда кто-то бросил в толпу емкость со слезоточивым газом, начальник пожарной охраны велел менеджеру «Канадиенс» Фрэнку Селки очистить здание. «Канадиенс» присудили поражение. Пятнадцать тысяч человек покинули арену, и в это же время из баров и таверн начали выходить посетители. Некоторые начали устраивать беспорядки. Они хватили бутылки, огромные куски льда и стали бить окна. Также они опрокидывали газетные киоски, машины и грабили магазины на Сент-Катрин-стрит.

«Канадиенс» проиграли Кубок Стэнли «Детройту» в седьмом матче, а поскольку «Ракета» пропустил три последних матча регулярного сезона, он не смог выиграть приз Арта Росса, вручающийся лучшему бомбардиру лиги. Получилось так, что Ришар за всю свою карьеру ни разу не выиграл гонку бомбардиров лиги. Болельщики «Канадиенс» так и не простили этого Кларенсу Кэмпбеллу.

В 1959 г., в канун Нового года, Джек Адамс рассказал газетам, что «Ракета», который вместе с Дугом Харви образовывал костяк «Канадиенс», не сможет играть вечно. Ришару было тридцать восемь, и он восстанавливался от травмы. Адамс сказал: «Когда он не сможет забросить двадцать шайб, он повесит коньки на гвоздь». Оказалось, что Ришар думал о том же.

Ришар набрал пару лишних килограммов и из-за этого стал действовать медленнее. Он также стал беспокоиться, что может получить такую же тяжелую травму, как Хоуи Моренц. Ришар не смог отыграть сезон полностью, так как в ноябре 1957 г. у него произошел разрыв ахиллова сухожилия (из-за этой травмы к 1964 г. в НХЛ ввели правило, согласно которому каждый

хоккеист должен был носить специальные защитные приспособления, разработанные компанией ССМ).

Генеральный менеджер «Канадиенс» Фрэнк Селки попытался убедить Ришара, что он сможет играть еще лет пять, если приведет себя в форму. Но в тридцать девять лет «Ракета» был готов завершить карьеру. Он объявил об этом 15 сентября 1960 г. на пресс-конференции в отеле «Куин Элизабет». Ришар сказал, что болельщики начали освистывать его, а он никогда не хотел этого. Он выиграл восемь Кубков Стэнли в составе «Монреалья».

Я уверен, что это было самое сложное решение, которое он когда-либо принимал. Таким оно было и для меня.

Я думал, что закончу карьеру игроком «Ойлерз». Когда этого не произошло, я подумал, что, возможно, завершу карьеру в «Лос-Анджелесе». Мое игровое время уменьшалось. Я понимал. Мне уже было за тридцать, а у тренера Ларри Робинсона были молодые игроки, которых он хотел как следует подготовить. Но я не был готов закончить карьеру.

Я любил «Сент-Луис» и думал, что, может, это будет моя последняя команда. Это родной город Джанет, и мне нравилось играть там. У нас была фантастическая оборона, которую обеспечивали два будущих члена Зала славы, Эл Макиннис и Крис Пронгер, а на воротах стоял Грант Фюр. Мне нравилось играть с Шейном Корсоном и Бреттом Халлом. Бретт был единственным игроком, который играл со мной, против меня и у меня. Мы взяли его в «Финикс», когда я работал там тренером. Проблема заключалась в том, что я, играя в «Сент-Луисе», был уже немолод, поэтому, когда мой контракт с ними истек, я начал искать подходящее место, чтобы закончить карьеру.

Когда я был ребенком, для меня существовали лишь две команды: «Лифс» и «Ред Уингз». «Лифс», потому что

они находились неподалеку от Брантфорда, а «Ред Уингз» из-за Горди Хоу. Выступая в Торонто, я бы мог находиться ближе к моей семье и завершить карьеру в одной из лучших команд Канады.

В начале сезона 1996/97 г. у «Лифс» был неплохой набор игроков. У них были хорошие молодые парни, такие, как Матс Сундин, Сергей Березин, Фредрик Модин, и несколько великих ветеранов, таких, как Дуг Гилмор, Уэндел Кларк и Ларри Мэрфи. В некотором смысле они напоминали «Лифс» 1967 г. Я думал, что у Торонто есть потенциал неплохо выступить в плей-офф, как это было в 1993 и 1994 гг. И если бы я в то же самое время мог помочь команде, я бы осуществил мечту своего детства.

Мой агент Майк Барнетт давно знал Клиффа Флетчера, генерального менеджера «Торонто». Клифф разговаривал с владельцем команды Стивом Ставро, который владел сетью бакалейных магазинов под названием «Ноб Хилл Фармз». Но момент был неподходящим. У Стива имелись финансовые затруднения, поэтому от варианта с «Торонто» пришлось отказаться.

Я также был бы готов поиграть за «Кэнакс», но не обращался к ним, пока не отпал вариант с «Торонто». Мы с Майком полетели в Ванкувер за свой счет, чтобы продемонстрировать нашу заинтересованность и добрые намерения. Я любил эту команду, любил ее родной город и по-настоящему уважал Пэта Куинна, который стал генеральным менеджером «Кэнакс». Команда состояла из хороших, талантливых игроков. Марти Желина выиграл Кубок в составе «Ойлерз» в 1990 г., Павел Буре в 1993/94 г. лидировал в лиге по числу заброшенных шайб, а Александр Могильный творил с шайбой чудеса. В защите играли Дэйв Бабиш и Брет Хедикэн, а вратарями были Кирк Маклин и Кори Хирш. Излишне говорить, что Тревор Линден являлся

уважаемым молодым капитаном, который вывел свою команду в финал в 1994 г.

Майк и вице-президент «Кэнакс» Стэн Маккаммон вели переговоры об окончательных условиях, и разговор затянулся. Я лег спать, радуясь тому, что буду в «Ванкувере». Примерно в час ночи Стэн сказал: «Вот максимум того, что мы можем предложить, это наши условия».

Майк сказал: «Ну, нас это в принципе устраивает. Мы дадим окончательный ответ утром после завтрака». Но Стэн хотел получить ответ ночью. Майк заверил Стэна, что его предложение выглядит привлекательно, но добавил, что будет неразумно будить всех – ведь Стэн может получить ответ рано утром.

Стэн сказал:

– Если вы не дадите мне ответа сейчас, предложение отменяется.

Майк пришел ко мне в номер и разбудил меня. Я сказал ему:

– Мне это нравится, но я не буду звонить Джанет посреди ночи и не приму решения, не поговорив с ней. Поэтому, если они на полном серьезе выставляют мне ультиматум после того, как мы прибыли сюда за свой счет, сказали им, что нам нравится их предложение, и дали слово, что не будем рассматривать никаких других предложений, это уже их дело, если они хотят отказаться от своего предложения. Но надеюсь, что они этого не сделают.

Майк перезвонил Стэну и сказал:

– Послушайте, мы не пытаемся выторговать более выгодные условия и не рассматриваем предложений от кого-то еще. Просто Уэйн не хочет обсуждать с женой столь важные вопросы, касающиеся переезда в другой город, выбора школы и прочего, посреди ночи. Он позвонит, как только встанет, поэтому вам не придется долго ждать. Мы дадим вам ответ с утра.

Стэн ответил:

- Что ж, мне бы хотелось услышать иной ответ.

На следующее утро они сообщили нам, что предложение отменяется. Возможно, из-за того, что они были убеждены, что мы пытаемся как-то воспользоваться их предложением, они отправили факс всем командам НХЛ, в котором заявляли, что прекратили со мной переговоры о возможном приобретении моих услуг.

Одной из команд, получивших тем утром факс от «Кэнакс», были «Нью-Йорк Рейнджерз». Мы с Майком находились в аэропорту Сиэтла (мы возвращались в Лос-Анджелес), когда Майку позвонили Дейв Чекеттс и Нил Смит и сказали:

- Мы только что получили факс от «Ванкувера». Раз они отказались, не поговорите ли вы с нами?

Мы разговаривали с ними в аэропорту Сиэтла в течение сорока пяти минут и продолжили разговор, когда вернулись в Лос-Анджелес. «Нью-Йорк», в котором играют Марк Мессье, Брайан Лич, Люк Робитайл и Адам Грейвз, был хорошим вариантом. Очень хорошим. 21 июля 1996 г. я подписал контракт с «Рейнджерз».

Было здорово вновь играть со всеми этими парнями, с которыми я играл раньше. И я чувствовал себя так, словно вернулся к исходной точке – все благодаря тому, что Кит Актон и Крейг Мактавиш были помощниками тренера. В какой-то момент у меня появилась небольшая травма, которая не позволяла мне играть дней десять, и я катался на коньках с тренерами, чтобы оставаться в форме. Раньше я играл с этими ребятами, и теперь они говорили мне, сколько кругов нужно проехать: четырнадцать в одну сторону и четырнадцать в другую. Мне было весело. Не думаю, что я когда-либо делал двадцать восемь кругов в «Эдмонтоне».

Джон Маклер тоже был там и заставлял меня делать спринтерские забеги на катке. Игроки становились больше, сильнее и быстрее, а я на протяжении всей моей карьеры всегда был одним из самых маленьких. Теперь я также стал одним из тех, кто постарше. Но я по-прежнему упорно тренировался. Я всегда испытывал огромное уважение ко всем тренерам, которые у меня были.

Хоккеисты очень уважают друг друга, и хоккей – весьма силовая игра. Мой последний год оказался забавным. Когда игроки команд соперников ехали вдоль борта мне навстречу, они кричали «Осторожнее!» или «Уэйн, посторонись!». Они предупреждали меня. Помню, я думал: «Это нехорошо».

В марте 1999 г. я решил, что пришло время заканчивать карьеру игрока. Об этом знала лишь Джанет. Я не собирался совершать турне по городам и отвечать на тысячу вопросов. Я просто хотел спокойно уйти.

В воскресенье, 18 апреля, в Нью-Йорке мы должны были играть домашний матч. Я решил объявить о своем уходе накануне. В «Нью-Йорке» меня приняли очень хорошо, и я не хотел, чтобы новость о моем уходе распространилась раньше времени (в некотором смысле это все равно произошло). В четверг, 15 апреля 1999 г., я последний раз играл в Канаде (в Оттаве). Нашим соперником были «Сенаторз», матч проходил на арене «Корел Центр». На игре присутствовали мой отец, жена и остальные члены семьи. Думаю, многие тогда поняли, что это означает.

Джим Долан, владелец «Рейнджерз», был отличным парнем, очень милым. В субботу утром, за день до моей последней игры, он сказал: «Встретишься со мной за чашечкой кофе?»

Рядом с моим домом в Манхэттене была небольшая закусочная под названием «Гардения'с». Мы

встретились там в девять утра. В те дни (до введения лимита на зарплату игрокам) «Рейнджерз» могли получить любого, кого хотели. Джим сказал:

- Уэйн, ты все еще лучший бомбардир команды. Мы собираемся создать еще более сильную команду, и я хочу, чтобы ты еще несколько лет играл и боролся за Кубок. - Он вручил мне чек на миллион долларов и произнес: - Я даю тебе миллион долларов, и ты можешь оставить его себе в любом случае. Подумай об этом недельку. И если через неделю ты все равно решишь уйти, этот миллион по-прежнему будет твоим.

Я отдал Джиму чек и сказал:

- Положа руку на сердце я не могу это принять. Ведь я знаю, что уже точно решил закончить карьеру.

Он спросил почему, и я ответил:

- Чем старше становится профессиональный спортсмен, тем больше времени и сил ему приходится тратить, каким бы мастерством он ни обладал. У меня уже просто нет физических и душевных сил тренироваться три-четыре часа в день шесть дней в неделю, чтобы подготовиться к следующему тренировочному сбору.

Тренировки в межсезонье были очень важны. Впервые, они помогали предотвратить серьезную травму. Некоторые говорят: «О, Гретцки никогда сильно не доставалось». Это нелепо. Удары и толчки со стороны игроков соперника, стремящихся помешать вам, - это часть хоккея. Нужно было часами упорно тренироваться каждый день - кардионагрузка, тайбо^[36], работа с небольшими весами, игра в баскетбол трое на трое, теннис (для поддержания скорости и ловкости). Тренировки в межсезонье - причина, по которой Ягр все еще играет, Горди Хоу играл до пятидесяти двух, а Мессье и Челиос смогли так долго продолжать карьеру.

Я сказал Джиму:

- Хоккей - не причина, по которой я ухожу. Я могу ходить на тренировки каждый день, играть в каждом матче, ездить, соревноваться. В этом отношении все по-прежнему хорошо. Дело не в игре в хоккей, с этим я могу справиться. Я чувствую, что мог бы играть еще десять лет, но я знаю, что у меня не осталось сил на десять лет *тренировок*.

Мои родители остановились у нас, в нашей квартире в Нью-Йорке. Мой отец отвез меня на первую игру НХЛ на «Мейпл Лиф-Гарденс», когда мне было семь лет.

И я попросил отца поехать со мной на мою последнюю игру. По воскресеньям в Нью-Йорке тихо, добраться куда-либо несложно. До «Мэдисон Сквер Гарден» ехать всего пятнадцать минут. Я с нетерпением ожидал момента, когда смогу провести время с отцом.

Когда я вернулся домой после игры, Джанет спросила:

- Как пообщался с отцом?

Я сказал:

- Знаешь, было очень непросто.

Она спросила:

- В смысле?

Я сказал:

- Он всю дорогу пытался уговорить меня поиграть еще год!

В этом последнем матче на «Мэдисон Сквер Гарден» я играл пятьюдесятью клюшками - на память для каждого моего товарища по команде, а остальные для разных людей, благотворительных учреждений и таких организаций, как Зал славы хоккея. Личи сделал вечер по-настоящему особенным, произнес речь в раздевалке после игры. Я не помню ее слово в слово, но он говорил о том, как весело мы играли вместе. Он сказал, что быть моим товарищем по команде было для него чем-то особенным, и поблагодарил меня за все, что

я сделал для хоккея в целом. Он рассмешил нас, когда сказал, что я сначала был всего лишь частью их команды, парнем, сидящим рядом, но потом, глядя в мою сторону, он думал: «Вот это да, это же Уэйн Гретцки!» Личи не был любителем произносить долгие речи, но сказанное им всегда будет много для меня значить.

Мне очень нравилось быть рядом с Личи. Этого мне будет сильно не хватать. Каждый день в течение трех лет я сидел в раздевалке рядом с ним, пил кофе, рассказывал, например, о том, что произошло накануне, о наших семьях, о другой команде или игроке. Мы постоянно хихикали и смеялись, но унывать нельзя, жизнь продолжается.

Думаю, что, когда «Ракета» выходил на лед, он словно забывал о неприятностях. Это было место, где он всегда был счастлив. Именно так я себя чувствовал и думаю, то же самое чувствовал Горди и многие другие. Когда вы на льду, все остальное, по-видимому, перестает иметь значение – вы вышли на лед и делаете то, что любите делать. Если я набирал три очка, мне хотелось набрать четыре. Каким бы ни был счет, я всегда играл с полной самоотдачей.

Если вы играете хорошо, неважно, сколько вам лет. В профессиональном спорте вы играете от звонка до звонка и не останавливаетесь. Вы никогда не сдаетесь. Это никогда не менялось. Я знаю, что семья, дети и все, что с этим связано, – самое важное в жизни. Но делать то, что вы любите делать, – это то, что дает человеку энергию, то, что ставит перед ним цель в жизни. «Ракете», Горди, еще кое-кому и мне довелось уйти на собственных условиях. И думаю, что для таких парней, как мы, всегда лучше уходить из хоккея, прежде чем погаснет огонь в глазах.

13. Забытое чудо

Хоккейным командам нравится быть аутсайдерами. Я не могу высказывать авторитетное мнение по поводу других видов спорта, но в хоккее, когда вы думаете, что вам все равно не победить, это создает определенную уверенность. Когда никто не ожидает, что вы выиграете, вы раскрепощены. А раскрепощенная хоккейная команда опасна.

В 1981 г. «Ойлерз» в первом раунде плей-офф столкнулись с «Монреаль Канадиенс», командой, которой все прочили победу. Они были чемпионами конференции Принца Уэльского и дивизиона Адамса и закончили сезон, опередив нас на двадцать девять очков в турнирной таблице. Никто не думал, что у нас есть шанс. И не без оснований. «Монреаль Канадиенс», несомненно, были лучше.

В первом раунде в те времена победитель определялся по итогам пяти матчей, и первые две игры были в Монреале. Мы выиграли первую игру 6-3. Нам было очень трудно во втором матче, но Энди Муг действовал великолепно и отразил сорок бросков. Мы выиграли со счетом 3-1. Когда мы вернулись в Эдмонтон, мы были другой командой. Мы были по-прежнему раскрепощенными, но теперь знали, на что способны. Мы выиграли эту серию всухую, победив в третьем матче 6-2.

Я иногда думаю, что победа американцев в Скво-Вэлли чем-то похожа на нашу.

Восьмые зимние игры, проводившиеся в 1960 г. на маленьком горнолыжном курорте Скво-Вэлли недалеко от Лос-Анджелеса, ознаменовали начало современной эпохи олимпийских игр. Подсчет очков был компьютеризирован, и впервые на Олимпиаде

использовали снегоочистительную, ледозаливочную машину под названием «Замбони». Эта Олимпиада также стала первой, которую транслировали по телевидению^[37]. Вещателем страны-организатора стала компания CBS, а ведущим был Уолтер Кронкайт. Уолт Дисней разработал мультяшные статуи спортсменов, представляющих различные виды спорта, а среди спортсменов и зрителей можно было увидеть и звезд Голливуда.

Олимпийская сборная США по хоккею в 1960 г. состояла из лучших представителей студенческого спорта, таких, как Билл и Боб Клири, Джон Маясич, Пол Джонсон, вратарь Джек Маккартан и два брата, имена которых являются одними из самых известных в американском хоккее: Билл и Роджер Кристианы. Но американские СМИ, которые в те дни не уделяли особого внимания хоккею, не видели в них претендентов. Никто не считал, что они добьются сколь-либо значительного успеха.

Новым главным тренером команды был Джек Райли из Вест-Пойнта. Райли сделал Джека Киррейна, жесткого защитника оборонительного плана, капитаном команды. Киррейн привнес в команду свой опыт ветерана. Ему было тридцать один год, он работал пожарником и участвовал в Олимпийских играх 1948 г.

Церемония открытия продолжалась всего час (сейчас она длится не менее четырех часов). Вице-президент Ричард Никсон приветствовал 740 спортсменов из тридцати стран. От девяти из этих стран для участия в Олимпиаде прибыли хоккейные команды. Предполагали, что американцы не займут место выше пятого (после Канады, Советского Союза, Швеции и Чехословакии).

Ко всеобщему удивлению, американцы не проиграли ни одного из своих первых четырех матчей. Но они еще

не сыграли с Канадой. Спортивные журналисты не давали американцам никаких шансов, предсказывая, что Канада может разгромить их с перевесом в семь шайб. Канадцы играли с командами НХЛ в качестве тренировки перед Олимпиадой (и некоторые из них добьются больших успехов в НХЛ).

В те дни не было самостоятельной сборной Канады. Команда, которая в прошедшем году выигрывала Кубок Аллана (присуждаемый лучшей любительской команде в стране), просто надевала форму с изображением кленового листа и отправлялась на Олимпиаду. В 1959 г. победителями стали «Уитби Данлопс». Они отказались от участия в Играх и были заменены командой «Китченер-Ватерлоо Датчмен», которую тренировал Бобби Бауэр. Бауэр, конечно, был будущим членом Зала славы. Он играл правым крайним нападающим «звена капустников» в «Бостон Брюинз» с Вуди Дюмартом и Милтом Шмидтом. «Датчмен» под руководством Бауэра также представляли Канаду на Олимпийских играх 1956 г., поэтому явно были особенной командой.

Защитник Харри Синден будет работать тренером или генеральным менеджером «Брюинз» в течение двадцати восьми сезонов и выиграет Кубок Стэнли, когда Бобби Orr забьет свою знаменитую шайбу в овертайме в 1970 г. Харри также был тренером сборной Канады в 1972 г. Бобби Руссо забросит 245 шайб в НХЛ и выиграет четыре Кубка, а запасной вратарь Чезаре Маниаго станет игроком «Лифс» в следующем году, а затем проведет девять сезонов за «Миннесоту Норт Старз». Защитник Дэррил Слай отыграет три сезона в НХЛ, и то же самое сделает форвард Клифф Пеннингтон. Таким образом, у сборной Канады был сильный состав.

Между тем американцы играли с различными студенческими командами и проиграли половине из

них.

Американцы знали, что их единственный шанс заключается в том, чтобы быстро выйти вперед. Поэтому они упорно атаковали в первом периоде. Боб Клири направил шайбу в ворота после отскока, в то время как Харри Синден сбил его перед воротами. Во втором периоде Пол Джонсон перехватил пас и устремился в отрыв. Добравшись до синей линии, Пол выполнил прекрасный щелчок. Шайба, пролетев над плечом Дона Хэда, вратаря сборной Канады и будущего игрока «Бостон Брюинз», попала в верхний угол ворот.

С этого момента канадцы впали в отчаяние. Они тридцать один раз выполняли броски по воротам Маккартана за последние два периода, и им удалось забросить одну шайбу примерно в середине третьего. Синден вспоминает, что возможности забить гол у них появлялись одна за другой, но реализовать их они не могли. Впоследствии газетный репортер написал, что Джек Маккартан «действовал с помощью радара». Американцам удалось удержать победу со счетом 2-1, и после окончания матча все бросились поздравлять Маккартана. Американцы подбрасывали в воздух перчатки и клюшки, радуясь так, словно они только что выиграла Кубок Стэнли.

Мечта американцев о завоевании золотой медали на домашней арене вдруг стала казаться возможной. Но им все равно предстояло еще справиться со сборной СССР. Раньше они ее никогда не побеждали. Перед началом турнира один репортер назвал сборную США «разношерстной командой, состоящей из страховых агентов и плотников», но после победы над канадцами американские болельщики вдруг обратили внимание на существование хоккея. Десять тысяч человек заполнили стадион, рассчитанный на восемь с половиной тысяч. Американскому тренеру даже пришлось выгнать со скамейки калифорнийского губернатора Пэта Брауна.

По мере приближения конца второго периода счет был 2-2, американский крайний нападающий Роджер Кристиан был удален за удар клюшкой. В те дни нам приходилось выбывать из игры на полные две минуты, независимо от того, забила ли вам гол команда соперника при игре в большинстве, и вам не разрешалось пробрасывать шайбу. Но американцам удалось продержаться в меньшинстве, и они не позволили противнику совершить ни одного броска по воротам.

В третьем периоде американцы начали больше атаковать. Братья Кристиан, Роджер и Билл вывели США вперед: 3-2. Советские хоккеисты в ответ усилили давление, и Маккартану пришлось нелегко, но он отразил все броски, даже после выхода один на один. До этого момента на этих Играх сборная СССР не отставала в счете за такое короткое время до конца матча. И им впервые пришлось заменить вратаря на полевого игрока - Николай Пучков даже не знал, что нужно пойти и сесть на скамейку. Он просто подъехал к борту и сел на него. И вдруг все закончилось. Американская команда была близка к тому, чтобы войти в историю.

За последние несколько недель американцы трижды обыграли Чехословакию, и теперь они были готовы победить их еще раз и завоевать золотые медали. Матч начался в восемь утра. На трибунах присутствовала лишь тысяча болельщиков. Рефери произвел вбрасывание. Чехи направили шайбу в зону американцев, выполнили бросок и забили гол. Не слишком удачное начало матча, в котором вы собираетесь выиграть золотые медали.

В течение первого периода американцы пытались переломить ход матча, игра шла с переменным успехом. После первого периода счет был ничейным: 3-3. Во втором чехи смогли забросить шайбу и вышли вперед:

4-3. Перед перерывом от победы их отделяло всего двадцать минут.

В перерыве после второго периода произошло нечто странное. Капитан советской сборной Николай Сологубов пришел в раздевалку американской команды. Подобного раньше не происходило. Он не говорил по-английски и зачем-то все время прикладывал руку ко рту. Капитан американцев Джек Киррейн наконец понял, в чем дело. Советский хоккеист предлагал американцам воспользоваться кислородным баллоном, чтобы им было легче – в Скво-Вэлли на высоте примерно в 1900 метров над уровнем моря воздух был слишком разреженным. Киррейну, как пожарному, это предложение показалось разумным. Он сказал: «Хорошо, Солли, неси». Сологубов принес баллон, и несколько игроков попробовали подышать из него.

Советский капитан сделал это не из искреннего желания помочь. Если бы чехи выиграли, советская команда лишилась бы шансов на медали. Ситуация была следующей: если Чехословакия проигрывает в матче против США, она с двумя победами и тремя поражениями финиширует четвертой, а это означает, что сборная СССР (с одной ничьей, двумя победами и двумя поражениями) выигрывает бронзу. А если побеждают чехи, то канадцы выигрывают золото, американцы – серебро, а чехи – бронзу.

Сказалось ли влияние кислорода или что-то еще, но в третьем периоде американцы стали совсем другой командой. Они бросили на чехов все силы. Роджер Кристиан сравнял счет. Американцы продолжали выполнять броски от синей линии, и если шайба отскакивала, они пытались переправить ее в ворота. Затем Билл Клири прошел через всю чешскую команду и обманул вратаря соперников с помощью финта. В третьем периоде американцы забросили шесть шайб и

выиграли со счетом 9-4. Кристиан сыграл матч своей жизни, забив четыре гола.

Несмотря на то что это была первая золотая медаль США в хоккее, никаких торжеств по этому поводу не было. Только капитану Джеку Киррейну медаль была вручена официально, остальные игроки нашли их на своих кроватях в номерах. Хоккей еще не был американским видом спорта. Кроме нескольких хоккейных сообществ, таких, как Миннесота и Мичиган, особого интереса к нему никто не проявлял. Сборная США выиграла золото в воскресенье, а в понедельник большинство игроков просто вернулись к своей обычной работе.

В связи с этим турниром интересно также отметить битву будущих магнатов - производителей хоккейного снаряжения. Знаменитой компанией Bauer управлял тесть Бобби Бауэра. А члены американской команды Билл и Роджер Кристиан основали компанию Christian stick. Племянник Роджера Дейв играл клюшкой «Christian» на Олимпиаде в Лейк-Плэсиде. Но об этом позже.

Гораздо важнее то, что благодаря победе американцев в Скво-Вэлли хоккей начал становиться американской игрой. В 1981 г., когда «Ойлерз» вышли на лед на третий матч в Эдмонтоне, нам устроили десятиминутную стоячую овацию. До 1979 г. люди в Эдмонтоне болели либо за «Лифс», либо за «Канадиенс». Когда мы вернулись из Монреаля, все в Эдмонтоне стали болельщиками «Ойлерз». Думаю, что американские болельщики начали чувствовать что-то подобное в 1960 г. Хоккей был и их игрой. И это сделало его лучше.

14. Величайший из всех

В 1960-х гг. вы болели за одну из шести команд: «Лифс», «Канадиенс», «Ред Уингз», «Брюинз», «Рейнджерз» или «Блэк Хокс». Моя бабушка была большой поклонницей «Мэйпл Лифс». А мой сосед Сил Риззетто был столь же большим поклонником «Монреаль Канадиенс». Из всех жителей в округе именно он первым приобрел цветной телевизор, поэтому я проводил у него много времени, смотря программу «Хоккейный вечер в Канаде». Любимым игроком Сила был Беливо. Как только вы определитесь с тем, за какого игрока или за какую команду болеете, ваши предпочтения уже не меняются. Я стал фанатом Горди Хоу, и с годами это так и не изменилось.

Самый лучший рождественский подарок я получил, когда мне было пять лет. Мне подарили свитер Горди Хоу. Я помню, как распечатывал и надевал его, словно это было вчера. Каждый ребенок любит Рождество, верно? Но я никогда ничего не хотел на Рождество, кроме того свитера.

Он был шерстяным, и от него чесалась кожа. Шея у меня была вся красная, но это не имело значения. Я надевал его каждый раз, когда выходил на лед на заднем дворе. В то время Горди вел хоккейную колонку в газете, и мой папа читал ее вслух – например, о том, как Сид Абель учил его: «Каждый раз, когда видишь ворота, забрасывай туда шайбу». И была песня Боба Дэвиса, которая звучала на радиостанциях во время хоккейных сезонов. Она называлась «Горди Хоу – величайший из всех». Когда я надевал коньки, шел в школу или, сидя в машине с папой, выглядывал в окно, эта песня звучала у меня в голове: «Горди Хоу – величайший из всех. Величайший из всех. Да,

величайший из всех. Вы можете выбирать из всех остальных. Если вы болеете за Хоу, вы болеете за самого лучшего». Иногда даже сейчас, когда я чем-нибудь занимаюсь, я снова вспоминаю эти слова.

Все думают, что классический хоккеист – это парень с фермы в Саскачеване: у него бычья шея, руки, как у моряка Попая с оружием, а в хоккей он учился играть на замерзших прудах. Ну, таким и был Горди Хоу. Он вырос во времена Великой депрессии и не был избалован роскошью. Но, по словам Горди, это и привело его к хоккею. Сосед продавал всякую всячину, чтобы свести концы с концами, и именно так в дом Хоу попала первая пара коньков. С этого момента Горди стал хоккеистом.

Первой командой НХЛ, обратившей внимание на Горди, были «Нью-Йорк Рейнджерз», где позже играл его младший брат Вик. Когда Горди было пятнадцать лет, он занимался в тренировочном лагере «Рейнджерз» в Виннипеге. Тренер Фрэнк Буше (тот самый Фрэнк Буше, которого Конн Смайт взял в «Рейнджерз» в качестве игрока) и генеральный менеджер Лестер Патрик хотели там подписать с ним контракт, но Горди тосковал по дому. Некоторые ветераны в лагере не давали ему покоя, и он с нетерпением ожидал возвращения в Саскатун. Однако, когда к нему на следующий год обратились «Ред Уингз», он был на год старше и жестче, поэтому он решил попробовать еще раз. Он попал в тренировочный лагерь в Виндзоре, в Онтарио. На этот раз контракт с Хоу хотел подписать Джек Адамс, и он согласился.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы обратить на себя внимание среди других юниоров. Он сидел на скамейке запасных в «Омахе» до тех пор, пока однажды не перемахнул через борт, чтобы защитить своего соседа по комнате, которого избивали во время драки. Это произвело впечатление на тренера, и после этого Горди стал регулярно выходить на лед (и

довольно часто участвовал в драках). Ему было всего восемнадцать лет, но благодаря работе в строительной компании своего отца он был силен как бык. Он мог спокойно таскать по два сорокакилограммовых мешка с бетоном.

К следующему сезону (1946/47 г.) он был в НХЛ. Но у величайшего игрока в истории старт карьеры был медленным - всего семь заброшенных шайб и 15 голевых передач в первом сезоне. Это показывает, насколько трудно судить о хоккеисте, когда ему лишь восемнадцать. Даже Горди Хоу пришлось учиться добиваться успеха в лиге. Но к сезону 1949/50 г. он забивал все больше, а в следующем выиграл приз Арта Росса, набрав больше всего очков в сезоне. Он выиграл его снова в следующем году. Помимо этого, он получил и приз Харта как самый ценный игрок лиги. И в следующем году он опять получил оба этих приза, и т. д. Появился самый доминирующий игрок его эпохи и, возможно, любой эпохи.

Тед Линдсей сказал, что перед каждым сезоном Горди беспокоился, что не попадет в основной состав, и поэтому в тренировочном лагере он был груб к остальным крайним правым нападающим. Горди говорил: «Этот парень сможет занять мое место в команде только через мой труп». В 2014 г. в интервью, которое я взял у Горди для TSN, он сказал мне, что, по его мнению, в командах «Первоначальной шестерки» было больше талантливых игроков, чем в сегодняшних командах. Он сказал, что тогда место игрока в команде с легкостью могли занять восемь других парней, если бы им представился шанс, и что даже если вы получали травму, вам приходилось играть, невзирая на боль, ведь выбыв из состава команды, вы могли туда и не вернуться. Именно поэтому матчи в те времена были столь интересными и напряженными.

Не то чтобы я хоть на мгновение поверил Горди, что на его место претендовали восемь парней. Не уверен, что когда-либо был хотя бы один претендент. Горди был настоящим мастером. Он одинаково хорошо владел обеими руками и мог играть любым хватом, поэтому в ходе игры он, сменив хват, мог либо прикрыть шайбу, либо обойти кого-нибудь. Также он великолепно выполнял бросок с неудобной руки. Особенно сильным такой бросок у Горди получался, когда он смещался к центру с фланга.

В те времена, когда Горди начинал свою карьеру, у клюшек был совершенно прямой крюк, поэтому Горди всегда подтачивал носок крюка, чтобы закруглить его. Сегодня клюшки делают на заказ, но раньше что вы получали, то у вас и было. Крюк был прямоугольный, поэтому Горди обрабатывал его напильником. Его философия заключалась в том, что чем большая часть лезвия соприкасается со льдом, тем легче управляться с шайбой. Если крюк не будет закруглен, его кончик будет вонзаться в лед, что мешает вам придать броску достаточную силу.

Горди также нравились короткие клюшки. Казалось, короткие клюшки помогали как ему, так и его сыну Марку вести шайбу. Думаю, это связано с тем, что они, передвигаясь по льду, держали тело в более вертикальном положении, что помогало им вести шайбу ближе к себе. Горди советовал держать клюшку верхней рукой так же, как вы держите молоток, когда забиваете гвоздь. Это обеспечит наиболее сильный и удобный хват, и вы не сломаете себе запястье.

Горди был настолько силен, что часто ломал больше сотни клюшек за сезон. Он мог согнуть цельную деревянную клюшку так, как Патрик Кейн сгибает современную композитную клюшку. Но Горди не нужно было браться за клюшку ближе к крюку, чтобы выполнить мощный бросок. Его запястья были

настолько сильными, что, даже держа клюшку за верхнюю часть рукоятки, он все равно мог бросить шайбу очень сильно. Вратари часто и не подозревали, что он собирается выполнять бросок.

Эта сила позволяла ему играть у бортов. Одной рукой он оттеснял игроков команды противника, другой вел шайбу. И это позволяло ему занимать нужную ему позицию на пяточке, не позволяя никому сместить его. Он мог проехать по центру в плотном окружении игроков соперника. И если ему нужна была шайба, он просто оттеснял вас от нее.

Но сила Хоу – не главное его достоинство. Вы не перепишите книгу рекордов только лишь благодаря своей силе. Его настоящая гениальность заключалась в том, что ему не нужно было продираться сквозь игроков соперника. Он двигался плавно и методично, при необходимости меняя направление движения. Казалось, он никогда не действует в спешке, а шайба словно сама всегда находит его. И он всегда мог найти открытого игрока своей команды. И благодаря этому он пользовался уважением в лиге. Игроки знали, что если они попытаются обыграть его один на один, то, вероятно, проиграют. Это позволяло Горди диктовать темп. Когда вы имеете дело с таким доминирующим игроком, вам иногда приходится идти на компромисс.

В начале сезона 1950/51 г., пятого сезона Горди в НХЛ, он был единственным хоккеистом в лиге, играющим в шлеме (кожаном) из-за травмы, которую он получил в предыдущем сезоне. Первая игра полуфинала 28 марта 1950 г. стала настоящей битвой. «Лифс» собиралась выиграть четвертый Кубок подряд. В середине третьего периода «Уингз» проигрывала 4-0. Горди устремился к капитану «Лифс» Теду Кеннеди, и Кеннеди отступил в сторону. Горди врезался головой в борт, а следом за ним ехал его товарищ по команде Джек Стюарт. Стюарт был известен как один из самых

тяжелых нападающих в лиге, и он тоже нацеливался на Кеннеди. Горди так сильно ударился о борт, что зрители затихли. Затем около его головы появилась лужица крови. Горди сломал нос и скулу, травмировал глаз и перенес серьезное сотрясение мозга.

Врачи трудились над Горди после полуночи. Нейрохирург Фредерик Шрайбер просверлил ему отверстие в черепе, чтобы уменьшить давление. Позднее Горди сказал, что это было ужасно – слышать шум сверла и чувствовать, как оно входит в череп.

Пока Горди выздоравливал, «Уингз» победила «Лифс» и «Рейнджерз» и завоевала Кубок. Это было началом серии из четырех Кубков, выигранных в шести сезонах: 1950, 1952, 1954 и 1955 гг.

После этого случая у Горди появился тик, из-за которого он моргал. Когда я играл в «Индианаполис Рейсерз» в 1978 г., а Горди был в составе «Нью Инглэнд Уэйлерз», я однажды посмотрел на него во время игры. На тот момент у нас с ним были дружеские отношения, так как его сын Мюррей играл вместе со мной в «Торонто», когда мне было пятнадцать лет, и Горди старался как можно чаще приходить на матчи. Поэтому я решил, что он подмигивает, словно желая мне удачи. Я сказал об этом одному из своих товарищей по команде, а он пояснил мне: «Нет, он просто часто моргает. Некоторые из его товарищей по команде называют его «Моргун».

Истории о Горди Хоу обычно можно разделить на две категории. К первой относятся те, в которых рассказывается о его щедрости и милости. Он помогал незнакомцам, его обожали дети, и он был неизменно вежлив. Единственными врагами, которые когда-либо были у Горди, являлись девятнадцать парней, сидевших на скамейке команд соперников. Но эти девятнадцать парней должны были вести себя как можно лучше.

Это подводит нас ко второй категории – к рассказам о том, какой ужас он может внушать. Один из девизов Горди был: «Разберись с другими, прежде чем они разберутся с тобой», но можно было не сомневаться, что в случае чего он разберется с другими и *после*. Он славился своей хорошей памятью. Если вы сделали Горди Хоу что-то не так, расплата была неминуемой – вопрос заключался лишь в том, когда она наступит. Прежде чем Горди стал известен как «Мистер Хоккей», его знали как «Мистер Локти». За свою карьеру он сломал немало носов и выбил не меньше зубов. Многим после стычек с ним также накладывали швы.

И есть также хет-трик Горди Хоу – игрок в одном матче забрасывает шайбу, делает голевую передачу и участвует в драке. Игрокам это нравится, и если кто-то выполнил два пункта из перечисленных, его товарищи по команде постараются сделать так, чтобы он выполнил и третий. Если вы посмотрите на игроков, которым удалось несколько раз выполнить хет-трик Горди Хоу, вы поймете, почему этим можно гордиться. Такие парни, как Брендан Шэнахэн, Кэм Нели и Яроме Игинла, выполняли его более десяти раз. Но забавно то, что у самого Горди такой хет-трик был лишь пару раз. И это не означало, что он забрасывал не слишком много шайб. Все дело в том, что он не так часто дрался после того, как добился определенной репутации. Никто не хотел с ним драться. С Горди стал бы связываться только настоящий тяжеловес, но даже для него это было бы рискованным шагом.

В карьере Горди была одна драка, которая, вероятно, послужила предупреждением. Она началась из-за Эдди Шака, который всегда был боевым и энергичным. Если он куда-то ехал и вы оказывались у него на пути, он не стал бы вас объезжать, а проехал бы сквозь вас. (Берт Олмстед, его товарищ по звену в «Лифс», любил Эдди, несмотря на то что их дружба

началась не лучшим образом. Эдди очень энергично ехал и случайно задел Берта. Берт встал, схватил Эдди за свитер и спросил: «Какой это цвет, Эдди?» Эдди ответил: «Синий». Берт сказал: «Правильно. Поэтому всякий раз, как увидишь игрока в синем, объезжай его».)

В 1959 г., спустя девять лет после того, как Горди провели операцию на мозге, в «Рейнджерз» появился новичок Эдди Шак. 1 февраля «Рейнджерз» выигрывала со счетом 4-1 в матче против «Уингз». Эдди действовал не слишком корректно, поэтому Горди слегка рассек ему ухо клюшкой.

Но Шак не понял намека. Позднее у него началась потасовка с Редом Келли, товарищем Горди по команде. Когда Горди собрался вмешаться, тяжеловес «Рейнджерз» Лу Фонтинато схватил Горди и, вероятно, пожалел об этом. О произошедшем далее Горди рассказывал потом так: «Лу несся как сумасшедший. Мне потребовалось некоторое время, чтобы снять перчатки, а потом пришлось повозиться». По словам Фонтинато, Горди «сломал ему нос». Но Фонтинато был очень крепким. Чтобы выправить нос, ему потребовалась операция, но прежде чем отправиться в больницу, он доиграл матч до конца.

Ситуация между Горди и Эдди Шаком, который к тому времени играл в «Лифс», разрешилась, но не сразу. В январе 1961 г. Детройт играл на «Мэйпл Лиф-Гарденс», и Эдди и Горди столкнулись. Горди упал и, ударившись головой об лед, потерял сознание. Потом он встал, чувствуя головокружение и сильную головную боль, поэтому его отвезли в больницу на рентген. У Горди было сотрясение мозга, и ему наложили десять швов. Горди не винил Шака, но Джек Адамс был в ярости.

В одном из последующих матчей счет был 1-1. Многие знали, что Эдди учится читать и писать, поэтому

Джек кричал на него со скамейки, называя его «безграмотным». Эдди совершил проход с шайбой, забил гол, а затем, проезжая мимо скамейки, сказал: «Эй, Джек, это пишется г-о-л».

В 1967 г., когда Эдди играл в «Брюинз», он снова отправил Горди в нокаут. Он налетел на него и ударил поднятыми локтями. Горди упал и снова ударился головой об лед.

В те дни НХЛ проводила летний турнир по гольфу и приглашала кого-нибудь из каждой команды «Первоначальной шестерки». Эдди сидел рядом с Горди. Горди сказал:

- Шакки! Ты не бьешь меня, а я не бью тебя. Дай руку. - Горди протянул руку.

Шак ответил:

- Горди, договорились. - И они пожали руки.

В начале следующего сезона, во время матча между «Бостоном» и «Детройтом», тренер Гарри Синден подозвал Шака к скамейке запасных и сказал:

- Эдди, ведь от такого, как Горди Хоу, можно ждать чего угодно. Почему ты, находясь рядом с ним, опускаешь голову?

Шак ответил:

- А, не волнуйся об этом. Мы с ним договорились.

Разумеется, такой жесткий и самоотверженный парень, как Горди Хоу, был лучшим товарищем по команде. И кто знает это лучше, чем его сыновья Марк и Марти? В 1973 г. их взяли в ВХА на драфте юниоров (позже так же возьмут и меня). Горди некоторое время раздумывал, а затем предложил свои услуги новой команде своих сыновей «Хьюстон Аэрос». За два года до этого он ушел из НХЛ, и свитер висел на домашней арене «Детройта». Горди было сорок пять лет, и его беспокоил артрит. Но в нем оставалось много страсти к хоккею.

Ему потребовалось время, чтобы прийти в форму, но в вечер открытия Марк и Марти Хоу играли вместе со своим отцом. ВХА была жесткой лигой, но да поможет бог тому, кто позволит себе какие-нибудь вольности с игроком, на свитере которого написано «Хоу». И Горди не просто защищал своих сыновей. Почти каждый год, который он проводил в лиге, он забрасывал больше тридцати шайб. Том Уэбстер, наш тренер в «Лос-Анджелесе» с 1989 по 1992 г. (все три сезона, когда он работал с нами, мы выходили в плей-офф), играл с Горди в НХЛ и ВХА, поэтому хорошо его знал. Уэбби рассказывает историю, из которой становится ясно, почему игроки были такого высокого мнения о Горди.

Уэбби стал игроком «Уингз» в сезоне 1970/71 г. Это был последний год Горди в НХЛ. Чтобы освободить место для Уэбби, тренер Нед Харкнесс решил вернуть Горди на синюю линию, чтобы он играл в обороне. Таким образом, у Уэбби была бы возможность играть с Алексом Дельвеччо и Фрэнком Маховlichem. Это почти то же самое, что попросить играть в обороне Марио Лемье. Не то чтобы он не мог этого сделать, но речь ведь идет об одной из самых больших звезд в лиге за всю ее историю.

Горди Хоу играл в «поточном звене» с Тедом Линдсеем и Сидом Абелем с 1947/48 г. – за четыре года до Дельвеккио и за десять лет до того, как Маховлич вообще пришел в лигу, – и он был ведущим бомбардиром лиги с сезона 1950/1951 г. по сезон 1953/54 г. Единственным игроком, приблизившимся к нему по этим показателям, был «Ракета» в 1953/54 г., и он отставал на четырнадцать очков. И вот тренер просит Горди играть в обороне, а он, конечно, соглашается, потому что он – настоящий командный игрок.

И затем два сезона спустя Горди решил снова играть в хоккей и пришел в ВХА. Он перебрался из

«Хьюстон Аэрос» в «Нью-Ингленд Уэйлерз» в 1977/78 г. и снова присоединился к Тому Уэбстеру, который играл на правом фланге. Горди был в центральной зоне, а его сын Марк – на левом крыле. Какое отличное звено!

Горди подошел к Уэбби и сказал: «Послушай, у меня сейчас нет такого мастерства, как у тебя, поэтому просто выходи на пятак. Я пойду в угол и раздобуду для тебя шайбу». В сорок девять лет Горди отправлялся в угол вместо того, чтобы заставить молодых парней делать это. Да, Горди Хоу был именно таким.

Горди хотел лишь одного – играть в хоккей. Деньги его, по-видимому, не волновали. Он считал, что может доверять Джеку Адамсу, и взамен Адамс относился к нему справедливо. Во время переговоров с Адамсом по поводу зарплаты у Горди была лишь одна просьба: он не хотел, чтобы кому-нибудь платили больше, чем ему. Это справедливая просьба, если учесть, что он часто был лучшим игроком в игре. Но разговор с Бобом Бауном нарушил доверие Горди к начальству. Баун в 1967 г. выбрал «Окленд» во время драфта расширения, а в 1968 г. его отдали в «Детройт». (Баун прославился голом, который он забил за «Лифс» в шестом матче финала Кубка Стэнли 1964 г. против «Детройта». В середине третьего периода, когда счет был ничейным (3-3), он сломал лодыжку, блокируя бросок Горди Хоу, во время игры в меньшинстве. Баун отправился в раздевалку, где ему обработали и перевязали лодыжку, после чего он вернулся на лед. Бобби забил гол в овертайме, и «Лифс» выиграла Кубок в седьмом матче.) В 1969 г. Горди, Баун и некоторые другие ветераны решили взять новичков на обед. В те времена игроки не разговаривали о своих зарплатах. Но Баун временно исполнял обязанности президента ассоциации новых игроков. И когда речь зашла о контрактах и деньгах, это не было праздным разговором. Баун сообщил

подробности своего контракта. Он зарабатывал больше, чем Горди Хоу.

Горди было очень обидно. Это стало огромным ударом по его самолюбию, гордости, называйте это как хотите. Он так доверял «Ред Уингз», столько всего для них сделал и теперь чувствовал себя преданным. Горди был так расстроен, что отправился разговаривать с Брюсом Норрисом, владельцем команды. Горди повысили зарплату на 100 000 долларов в год, как он просил, но этот случай уничтожил его доверие к начальству.

Именно тогда в ситуацию вмешалась Коллин, жена Горди. Ее подход был таким: «Я не допущу, чтобы подобное повторилось. Я позабочусь о своем муже и сыновьях». Она стала их менеджером и первой женщиной – агентом игроков в НХЛ. Я не могу не воздать ей должное за это.

Когда Горди Хоу ушел из НХЛ во второй раз в 1980 г., лига и хоккей потеряли игрока, подобного которому мы больше никогда не увидим. Он был легендой, даже когда все еще играл. Отблеск его величия отражается в карьере другой настоящей легенды – Бобби Орра. Первый матч всех звезд НХЛ у Бобби был в 1968 г. В том матче участвовал Горди. Он ввязался в драку с Майком Уолтоном (драки в матчах всех звезд были редкостью), выступавшим в то время за «Мейпл Лифс». Трудно поверить, но у Горди первый матч всех звезд был в 1948 г., в год, когда родился Бобби (и в этом матче Горди тоже снимал перчатки). Самое удивительное в том, что последний матч всех звезд у Горди был в 1980 г., через два года после того, как Орт завершил карьеру.

Эта игра проходила на «Джо Луис Арене», и хотя Горди был тогда игроком «Хартфорд Уэйлерз», зрители устроили своему герою стоячую овацию, продолжавшуюся несколько минут. Я был там. Это был

мой первый матч всех звезд и его двадцать третий. Игроков представляли по очереди. Когда каждый парень выкатывался к синей линии, диктор объявлял имя и команду, которую он представляет. Последним на лед вышел Горди. Когда объявляли его имя, зрители спонтанно встали, и Горди назвали представителем не той или иной команды, а всего хоккея. Аплодисменты продолжались несколько минут. Обожание со стороны зрителей и смирение на лице Горди – это то, что я никогда не забуду.

Смотреть на это можно по-разному, но показатели Горди ошеломляют. Он, играя клюшкой с прямым крюком, забросил 801 шайбу в лиге, где упор делался на оборону, и в то время, когда за сезон проходило всего примерно семьдесят игр. И это не считая 174 голов и 508 набранных очков в ВХА. Он был одним из пяти лучших бомбардиров двадцать сезонов подряд. Я, может, и побил некоторые его рекорды, но я так и не приблизился к его показателям. И никто никогда этого не сделает. И есть еще один рекорд, к которому никто никогда не приблизится: Горди, которому был пятьдесят один год, забил 15 голов в НХЛ. Любой, кто сможет сделать это в сорок, становится легендой. Никто больше никогда не сделает это в пятьдесят.

Как настоящий спортсмен, Горди присоединился к нам в 1994 г., когда я играл в «Кингз» и был близок к тому, чтобы побить один из его рекордов (801 заброшенную шайбу). Это казалось несколько сумасшедшим, и примерно через две недели мы стали задумываться о том, сколько мы еще сможем просить Горди Хоу ездить с нами. Конечно, я испытывал давление. Я боготворил Горди и чувствовал себя так, словно разочаровываю его.

Настоящее безумие заключалось в том, что в каждом матче я играл девятью клюшками, менял три пары перчаток и надевал три или четыре разных шлема.

В ситуации, когда устанавливается рекорд, всем хочется что-нибудь получить, когда решающий гол наконец будет забит. В списке ожидающих были Зал славы, НХЛ, команда и т. д.

23 марта 1994 г. мы играли на домашней арене. Соперником нашим был «Ванкувер». «Кэнакс» играла смело, хорошо перемещалась по льду, поэтому противостоять им всегда было трудно. Но на четырнадцатой минуте сорок седьмой секунде второго периода, когда мы были в большинстве, на льду были нужные ребята: Марти Максорли, Люк Робитайл и Яри Курри.

Люк пересек синюю линию, оставил шайбу мне, а я передал ее Марти, который потом вернул ее мне поперечным пасом. Я на тот момент уже миновал центр круга на левом фланге и, не дожидаясь, пока шайба опустится на лед, переправил ее в ворота Кирка Маклина. Из всех голов, которые я забил за свою карьеру, этот значит для меня больше всего, поскольку он связан с Горди Хоу, величайшим из всех.

15. Уилли О'Ри

Уилли О'Ри – одна из великих фигур в хоккее. Он родился в 1935 г., стал первым чернокожим игроком в НХЛ и проложил путь для таких парней, как Тони Маккегни, Грант Фюр, Энсон Картер, Яроме Игинла и Пи-Кей Суббан.

Хотя его родители родились в Канаде и он вырос в Фредериктоне, его прадедушка и прабабушка были рабами, которые прошли по Подпольной железной дороге^[38] в Новую Шотландию, а оттуда в Нью-Брансуик. Но главное в истории детства О'Ри – не только цвет его кожи. Он был очень похож на любого другого канадского ребенка, который полюбил хоккей. Когда ему было всего три года, его отец подарил ему первую пару коньков. В сущности, они представляли собой деревянные бруски, к которым были прикреплены двойные лезвия и ремешки, надевавшиеся на обувь. С двумя лезвиями на каждой ноге было проще сохранять равновесие. Кататься О'Ри учился на катке во дворе, держась за стул.

Когда О'Ри был ребенком, во Фредериктоне жило всего две семьи чернокожих, поэтому все его друзья были белыми. Тем не менее позднее О'Ри сказал, что, даже если бы он был пурпурным, это бы ни на что не повлияло. С расовой дискриминацией в хоккее или в жизни он столкнется позже. В детстве же черный означал для него цвет шайбы, а белый – цвет льда.

По мере того как О'Ри становился старше, он осознавал, что есть вещи, которые он не может делать, и места, куда нельзя пойти. Когда он был подростком, у него практически не было возможности завести себе подругу. В школе чернокожих девушек не было. Существовало понятное каждому неписаное правило,

что белые девушки недоступны для чернокожих. О'Ри, конечно, тайком влюблялся в девушек.

Он также не мог пойти в парикмахерскую. Прямо об этом нигде не говорилось, но было понятно, что эта парикмахерская для белых. О'Ри дружил с Джо МакКуэйдом, сыном парикмахера, поэтому он спросил его, что произойдет, если он придет в парикмахерскую постричься. Джо ответил, что не знает. И как-то раз О'Ри пришел туда, сел, и мистер МакКуэйд подстриг его. Отца Джо за это поругивали, но он всегда заботился об О'Ри. А О'Ри решил, что он не позволит предрассудкам стоять у него на пути.

Он занимался многими видами спорта – бейсболом, баскетболом, теннисом, волейболом, футболом, но больше всего любил хоккей. Каждую субботу по вечерам он слушал по радио прямые репортажи Фостера Хьюитта в программе «Хоккейный вечер в Канаде». Его любимыми игроками были «Ракета» Ришар и Горди Хоу. (Когда О'Ри наконец попал в НХЛ, он однажды оказался в одном углу с Горди и почувствовал на себе знаменитый локоть Хоу. Отъезжая с шайбой в сторону, он крикнул О'Ри: «Не опускай голову, новичок».)

Когда О'Ри был в девятом классе, он попал в команду «Фредериктон Джуниор Кэпиталз». Через год он перешел в «Синиор Кэпиталз». Когда ему исполнилось девятнадцать, он перешел в главную юниорскую лигу в команду «Квебек Фронтенак», где зарабатывал шестьдесят долларов в неделю. В те времена для юноши это были большие деньги, и их было достаточно, чтобы он мог помочь семье купить свой первый дом за 3000 долларов. Раньше она всегда снимала жилье, поэтому покупка дома стала большим событием.

Тренером О'Ри в Квебеке был Фил Уотсон, который в юности играл в НХЛ в составе «Рейнджерз» и

«Канадиенс». Фил сказал О'Ри, что у него есть навыки для игры в НХЛ, но люди могут его не принять, потому что он чернокожий. В следующем году О'Ри отправился играть в Онтарио за «Китченер-Ватерлоо Кэнакс», которых тренировал член Зала славы «Блэк Джек» Стюарт (именно с ним повздорил Горди Хоу в тот вечер, когда получил опасную травму головы).

Затем произошел случай, поставивший под угрозу мечту О'Ри об НХЛ. Шайба после броска, выполненного от синей линии, отскочила от клюшки Уилли и попала ему в правый глаз (шайба также сломала ему нос и раздробила скулу).

Проведя Уилли операцию на глазу, хирург Генри Сун вошел в послеоперационную палату. «Мистер О'Ри, – сказал он, – удар шайбы полностью разрушил сетчатку вашего правого глаза. Этот глаз не будет видеть, и вы больше никогда не будете играть в хоккей». Через десять дней двадцатилетний паренек уже снова катался на коньках. Он решил никому не говорить, что один глаз у него не видит. Являясь леворуким левым нападающим, Уилли постепенно научился так поворачивать голову направо при ведении шайбы, что почти не замечал, что видит лишь одним глазом. Сначала он двигался слишком быстро, теряя контроль над шайбой, и не попадал по воротам. Но потом он сказал себе: «Забудь то, чего не видишь, и сосредоточься на том, что видишь». И его игра начала улучшаться. Он забросил несколько шайб, а затем сезон закончился. И как раз тогда Панч Имлах, работающий в команде «Квебек Эйсес», попросил его приехать в тренировочный лагерь. Имлах заключил с О'Ри контракт на 3500 долларов (плюс премия в 500 долларов за подписание контракта и еще одна, если он забьет двадцать голов).

В 1949 г. бейсбольная команда О'Ри в Фредериктоне выиграла чемпионат лиги и была вознаграждена

поездкой в Нью-Йорк, которая включала также матч с «Доджерс» на «Эббетс Филд» и встречу с великим Джеки Робинсоном, который двумя годами ранее сломал расовый барьер в бейсболе, играя в «Доджерс». Ребята выстроились после матча, и Джеки стал пожимать им руки. Он уже собирался двигаться дальше, когда О'Ри сказал ему, что он хоккеист. Джеки остановился и сказал: «Я не знал, что чернокожие ребята играют в хоккей». О'Ри ответил: «Да, некоторые играют».

Херб Карнеги – центральный нападающий, который выступал во взрослом хоккее в 1940–1950 гг., вплотную приблизился к НХЛ. Конн Смайт скажет о нем: «Дайте мне кисть. Если бы я мог сделать его белым, он бы попал в команду». Карнеги играл во взрослой лиге Квебека с Жаном Беливо, который считал его «суперхоккеистом с прекрасным стилем, прекрасно катающимся на коньках, великолепным плеймейкером». В те дни младшие учились у старших. Я учился у Херби. В провинциальной лиге Квебека Карнеги также входил в состав первого звена, состоящего исключительно из чернокожих игроков. Это звено называли «Черные тузы». Там он был центральным нападающим, а его брат Осси и Мэнни Макинтайр действовали на флангах. В 1946, 1947 и 1948 гг. Херба называли самым ценным игроком, и он в 1948 г. пытался попасть в «Нью-Йорк Рейнджерз», но и там имелись некоторые расовые проблемы. Несмотря на то что он был одним из лучших игроков в тренировочном лагере, ему предложили контракт на выступления в низшей лиге. Карнеги решил остаться в Квебеке, где платили лучше.

О'Ри тоже был в американском тренировочном лагере, когда «Милуоки Брейвз» из Национальной бесбольной лиги привезли его в Джорджию. Он впервые оказался на глубоком Юге и был шокирован. Ему пришлось остановиться в гостинице, предназначенной

исключительно для чернокожих, и в первый раз в жизни ему сказали сидеть в задней части автобуса. После окончания отбора в лагере он тоже отправился обратно в Канаду, чтобы играть в хоккей. О'Ри нравилось играть в составе «Эйсес». (В течение непродолжительного периода в 1958/59 г. О'Ри играл в звене, состоящем из чернокожих игроков, вместе со Стэном Максвеллом и двадцатилетним Джоном Утендейлом, который ранее играл с Дагом, отцом Марка Мессье, в юниорской команде «Эдмонтон Ойл Кингз».)

Товарищи О'Ри по команде и болельщики из их родного города в Квебеке относились к нему хорошо, но когда «Эйсес» отправлялись играть в другие места, их там часто оскорбляли. Штрафная скамейка не была отделена от трибун стеклом, и иногда зрители плевали на О'Ри и выплескивали на него напитки. Игроки команд соперников тоже старались ему досадить: они оскорбляли его, били клюшками и локтями, наносили удары сзади. О'Ри отвечал обидчикам тем же. Он должен был дать им понять, что он не легкая добыча, иначе ему пришлось бы туго.

В августе 1957 г. Линн Патрик, генеральный менеджер «Брюинз», пригласил О'Ри в тренировочный лагерь «Брюинз». О'Ри вставил пригласительное письмо в рамку, и оно еще до сих пор у него. 18 января 1958 г. его вызвали, чтобы он заменил заболевшего гриппом Лео Лабина. Была суббота, и в эфире программы «Хоккейный вечер в Канаде» велся репортаж с матча. О'Ри играл в звене вместе с Доном Маккенни и Джерри Топпаццини против своих героев Жана Беливо, Дуга Харви и Жака Планта. В тот вечер «Брюинз» обыграли «Канадиенс» со счетом 3-0.

О'Ри понятия не имел о значимости этого матча, пока не открыл газету на следующее утро, чтобы поискать там свое имя, и, к своему удивлению, он нашел пару строк в третьем абзаце, в которых

говорились, что он стал «первым негром, сыгравшим в НХЛ в «Брюинз» на левом фланге».

Как только О'Ри появился в лиге, оскорблять его стали чаще, особенно в Детройте, Чикаго и Нью-Йорке (в Канаде это проявлялось в меньшей степени, поскольку О'Ри там знали по его юношеским годам). Если О'Ри говорил об этом судьям, они просто отмахивались.

Эрик Нестеренко, крайний нападающий в «Блэк Хокс» (он набрал за свою карьеру более тысячи штрафных минут), однажды подъехал к О'Ри во время разминки и бросил в его адрес несколько расовых оскорблений. О'Ри знал, что в тот вечер ему придется драться с Нестеренко.

На седьмой минуте матча Нестеренко ударил его концом клюшки в лицо. Он сломал О'Ри нос, разбил губу и выбил ему два передних зуба. Затем, стоя рядом с ним, он несколько раз назвал его черномазым. Но не это побудило О'Ри к действию. Когда Нестеренко насмехался над ним, провоцируя его на драку, О'Ри подумал: «Надо что-то предпринять, или он будет преследовать меня до конца года». Поэтому О'Ри ударил его по голове клюшкой. Врачи потом наложили Нестеренко пятнадцать швов.

О'Ри продали в «Монреаль Канадиенс» через год после того, как они выиграли пять Кубков Стэнли подряд. В «Монреале» был столь большой выбор игроков, что О'Ри отправили в «Халл-Оттаву», команду низшей лиги, а затем продали его в «Лос-Анджелес Блейдз», команду ЗХЛ, где его поставили играть на правом фланге. Это означало, что он теперь мог видеть отдаваемые ему с левой стороны пасы и применяемые против него силовые приемы, поэтому его показатели в сезоне 1961/62 г. увеличились до двадцати восьми заброшенных шайб и двадцати шести результативных

передач. В сезоне 1964/65 г. он стал лучшим бомбардиром.

В 1962 г. в Лос-Анджелесе О'Ри был на обеде, который Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения устроила в честь Джеки Робинсона. Робинсон стоял в углу, и тренер О'Ри подвел его и нескольких других игроков, чтобы познакомить их с Робинсоном. Тренер обратился к Робинсону со следующими словами: «Мистер Робинсон, я хотел бы представить вам нескольких игроков. Это Уилли О'Ри. Мы недавно приобрели его в Канаде для нашей команды». Робинсон посмотрел О'Ри в глаза и произнес: «Уилли О'Ри. Ты тот самый молодой человек, которого я встретил в Бруклине». Это лишний раз показывает, что такого парня, как Уилли О'Ри, сложно забыть.

16. Стой на своем

Никто точно не знает, где зародился хоккей. Некоторые считают, что это канадский вариант херлинга, традиционной ирландской игры. Другие утверждают, что хоккей изобрели студенты Университета Макгилла в Монреале. Но существует обоснованное мнение, что в игру, весьма похожую на хоккей, играли коренные североамериканцы еще до прибытия европейцев. Некоторые из первых хоккейных клюшек, несомненно, были сделаны представителями коренного народа микмаков в Новой Шотландии. Фактически клюшка «Микмак» являлась самой популярной клюшкой в первые десятилетия XX века (и ею играли сыновья лорда Стэнли).

Несмотря на то что коренные народы с самого начала являлись частью эволюции хоккея, только в 1954 г. Фред Сасакамуз, быстрый, невысокого роста центральный нападающий, обладающий великолепным мастерством, стал самым первым попавшим в НХЛ канадским индейцем. Сасакамуз, родившийся в 1933 г. на Рождество, вырос в резервации Ахтаккакоп в Сэнди-Лейк в провинции Саскачеван и начал играть в хоккей в школе-интернате в Дак-Лейк. Его имя на языке аборигенов произносится «тахсо» и означает «стой на своем». И именно таким человеком он стал.

Дедушка Фреда Сасакамуза был глухонемым. Он часто сажал маленького Фреда на сани и отвозил его к находящемуся неподалеку от их хижины пруду, чтобы Фред там играл в хоккей. Дедушка счищал со льда снег, помогал Фреду надеть три или четыре пары носков, мокасины и коньки. Потом дедушка давал ему небольшую клюшку, которую он выстрогал из ветки ивы.

Дедушка Сасакамуза помогал ему встать на коньки, а затем проделывал во льду прорубь, чтобы заняться ловлей рыбы. Сасакамуз же тем временем гонял клюшкой по льду кусок замерзшего конского навоза. Когда мальчик падал, дедушка вставал с перевернутого ведра, ставил Сасакамуза на ноги и предлагал ему попробовать снова.

Позже, когда становилось слишком холодно, дедушка отводил Сасакамуза домой. Он держал мальчика у себя на коленях перед печкой и снимал с него промерзшую одежду. Чтобы помочь ему согреться, он растирал ему спину.

Все шесть членов семьи Сасакамуз жили в крошечном доме из бревен, щели между которыми были заделаны грязью. Его мать каждый день заплетала волосы Фреду и его брату Фрэнку. В те дни служб социального обеспечения не существовало. Если вы не работали, то голодали. Ближайшая больница находилась в восьмидесяти милях, в городе Принс-Альберт. При необходимости они пользовались народной медициной: кореньями, листьями, травами, чем-то еще – и благодаря этому смогли выжить. Они питались тем, что давала земля, и были счастливы.

В 1940 г., когда Сасакамузу было шесть лет, к нему и его брату прибыли сотрудник Канадской королевской конной полиции, правительственный чиновник и католический священник. Они заехали во двор на трехтонном грузовике, в котором было уже много плачущих детей. Дедушка попытался прижать Сасакамуза к себе. Сасакамуз видел, как по его щекам текут слезы. Но чиновник оттолкнул старика. Это был последний раз, когда Сасакамуз видел своего дедушку. Старик умер зимой того же года.

На дорогу до школы-интерната «Дак-Лейк» ушло пять часов. Когда ребят привезли туда, священники первым делом отрезали им косички. Затем они полили

головы мальчикам фотогеном (он чем-то напоминает керосин). Потом они отправили мальчиков в большую баню – по тридцать-сорок детей за раз. Сасакамуз помнит, как он потел в этой бане и как фотоген жег ему глаза. Его родители находились всего в 120 милях, но им не разрешалось навещать своих детей в течение двух лет. В «Дак-Лейк» с Сасакамузом случались ужасные вещи.

Весной 1943 г., когда Сасакамузу было девять лет, он и его друг по имени Чарли сбежали. Они добрались до берегов реки Саскачеван, примерно в десяти милях от школы. Река была шириной несколько сотен ярдов – перебираться через нее долго. Но Сасакамуз было стыдно возвращаться и терпеть потом насмешки от других детей, поэтому он и Чарли стали переходить реку. Они прошли несколько метров, и их подхватило течение. Позже Сасакамуз скажет, что река не хотела, чтобы они утонули, и вынесла их обратно на берег.

Священники в конце концов нашли их и вернули. Но сначала они отобрали у них обувь. Они заставили мальчиков всю обратную дорогу идти босиком по гравию.

Фреду было одиннадцать лет, когда в «Дак-Лейк» приехал отец Жорж Руссель из Квебека. Отец Руссель был спортсменом и человеком крепкого телосложения. Он играл в баскетбол, бейсбол и футбол. Зимой он руководил хоккейной командой. Фред доил коров, заправлял кровати, чистил туалеты и наконец получил подержанные коньки и стал членом команды «Дак-Лейк».

По субботам в шесть вечера отец Руссель включал радио и вместе с ребятами слушал «Хоккейный вечер в Канаде». Фостер Хьюитт настолько хорошо вел прямые репортажи, что ребятам даже не нужно было смотреть телевизор, чтобы «видеть» игры. Ребята слушали

Фостера, и им казалось, что они сидят на катке в первом ряду.

Когда Сасакамузу исполнилось четырнадцать лет, отец Руссель подошел к нему и сказал: «Фредди, ты меня возненавидишь, но я хочу, чтобы ты катался на коньках по четыре часа каждый день на холоде. Я собираюсь сделать из тебя чемпиона». Но Сасакамуз не имел ничего против. Ему нравилась четырехчасовая тренировка на улице. Не имело значения, насколько холодная стояла погода, неважно, что у него коченели руки и ноги, потому что, когда он катался на коньках с клюшкой в руках, ему казалось, что он снова находится на пруду вместе с дедушкой.

Отец Руссель заметил, что Сасакамуз, по-видимому, бросает с правой руки гораздо сильнее, чем с левой. Поэтому он прибил баночки из-под табака к бортам сверху и велел Сасакамузу часами выполнять броски с левой и правой руки, пока он не добьется одинаковой точности при бросках с обеих рук. Этот старый священник был решительным. Он сделал из Сасакамуза хоккеиста, бросающего с левой руки так же, как и Горди Хоу.

В 1949/50 г. команда «Дак-Лейк» во главе с Сасакамузом выиграла чемпионат Саскачевана по хоккею для игроков младше восемнадцати лет, и хотя Сасакамуз этого не знал, к нему уже присматривались.

Ему было шестнадцать лет, и, наконец, он мог свободно направиться домой. Его не было там почти десять лет. Фред думал лишь о том, как мама с папой обнимут его, расцелуют и позаботятся о нем. Слишком долго ему не хватало по-настоящему доброго к себе отношения.

В то лето Фрэнк Сасакамуз и его с Фредом родители убирали урожай для местного фермера. Каждый из них зарабатывал пятьдесят центов за акр. Сасакамуз был посреди поля, когда увидел, как подъехала машина и из

нее вышли два человека. Когда они подошли ближе, Сасакамуз узнал отца Русселя. Другой человек был большим белым мужчиной в длинном пальто. Сасакамуз спрятался за кучей зерна. Он ни за что не хотел возвращался в «Дак-Лейк».

Чуть позже он услышал, как его зовет мама. Его родители разговаривали со священником. Сасакамуз не мог не обращать на маму внимания и, опустив голову, направился к ним со слезами на глазах. Его мама сказала: «Они хотят, чтобы ты играл в хоккей». Джордж Воган, человек, приехавший с отцом Русселем, протянул ему руку и сказал: «Пойдем со мной в «Муз Джо». Отец Сасакамуза обнял сына и прошептал на языке кри: «Поезжай, но возвращайся через две недели».

В начале сентября Сасакамуз переехал жить к Вогану и его семье. Сасакамузу пришлось ко многому привыкать – к ванной в доме и водопроводу. Дома, когда он хотел помыться, он отправлялся на озеро.

Сасакамуз приводил Воганов в восторг своими быстрыми руками. Он брал четыре монетки в двадцать пять центов, подбрасывал их вверх, а затем ловил их по одной костяшками левой кисти. Он также любил открывать птичью клетку, чтобы по комнате мог летать волнистый попугай. Сасакамуз стоял неподвижно, наблюдая за тем, как он летает, а затем протягивал руку и ловил птицу прямо в воздухе.

Сасакамуз прибыл в тренировочный лагерь «Муз Джо Кэнакс», а когда прошло две недели, он с утра направился к шоссе. Он решил добраться до дома пешком. Идти предстояло пятьсот миль. Он собирал засохшие ягоды ирги и черемухи, которые росли вдоль канавы, и пил воду из близлежащих ручьев. Он шел уже восемь часов и решил отдохнуть. Подъехала машина – это был Воган. Он спросил: «Куда ты идешь?» Сасакамуз ответил: «Джордж, прошло две недели. Я иду домой в свою резервацию. Мое место там».

Воган вышел из машины и обнял его. Чуть не плача, Воган сказал: «Фредди, у тебя получится. Ты попадешь в эту команду». Он отвел мальчика в закусочную в Чемберлене, небольшом городке неподалеку, и долго с ним там разговаривал.

Когда они вернулись в машину и отправились обратно в лагерь «Муз Джо», уже стемнело. Это был первый случай, когда Сасакамуз почувствовал, что белый мужчина действительно относится к нему по-доброму.

Когда Сасакамузу исполнилось двадцать лет, его назвали самым ценным игроком в Западной хоккейной лиге Канады. После его последней игры в юниорской команде игроки сидели в раздевалке, когда туда вошел Воган с конвертом. Он открыл его и прочитал. Это было письмо от «Блэк Хокс», которая вызывала Сасакамуза играть в их составе против «Лифс» в Торонто. 27 февраля 1954 г. он стал первым чистокровным представителем коренного народа Канады в НХЛ. Оставшуюся часть того сезона Сасакамуз играл за «Чикаго».

Они называли его Вождем. И всякий раз, когда Сасакамуз выходил на лед, органист играл песню «Зов индейской любви». В последующие годы то же самое происходило почти с каждым игроком из числа представителей коренных народов. Но Сасакамуз, будучи в этом отношении первопроходцем, слышал гораздо менее приятные вещи на катках соперников.

Джордж Армстронг, игрок, имевший некоторое отношение к коренным народам (его мама частично была представительницей племени оджибве), стал регулярным игроком НХЛ в начале 1950-х гг. Как Сасакамуза и многих других ребят из числа коренных народов, его тоже называли Вождем. Но это подразумевало истинное уважение – Армстронг был капитаном «Торонто Мэйпл Лифс» в славные дни 1960-х

гг. Он всю свою карьеру играл за «Лифс» и двенадцать сезонов был капитаном команды. Так долго капитаном «Лифс» больше никто не был.

Для болельщиков «Лифс» Джордж Армстронг был легендой. В последнем матче в финале Кубка Стэнли 1967 г., когда «Лифс» выиграла четвертый Кубок за десять лет, именно Армстронг забросил самую последнюю шайбу эпохи «Первоначальной шестерки». (С тех пор «Лифс» больше не выигрывали Кубок.) С 1950 по 1971 г. он сыграл за «Лифс» двадцать один сезон - в общей сложности 1187 игр. Это рекорд франшизы. Армстронг - один из двух членов Зала славы из числа игроков - представителей коренных народов. Другим является Брайан Троттье.

Со времен Сасакамуза и Армстронга было много великих игроков из числа представителей коренных народов, например, Дейл Маккорт, Реджи Лич, Крис Саймон, Тео Флери, Ти Джей Оши и Джордин Туту (он - эскимос). Кори Прайс, один из лучших вратарей в мире, - метис. Его мать Линда - бывший вождь «Улькатчо Ферст Нейшн»^[39].

Джерри, отец Прайса, - тоже вратарь. В 1978 г. на драфте он был выбран командой «Флайерз». Джерри играл четыре сезона в качестве профессионала, но так и не попал в НХЛ. Когда Кори был молодым, семья переехала в отдаленный город Анахим-Лейк в Северной Британской Колумбии. Кори не жил в резервации, но большинство детей, с которыми он ходил в школу (и большой процент населения на Анахим Лейк), были представителями коренных народов.

Каждый день после школы Кори катался на коньках по ручью на заднем дворе или направлялся на озеро, чтобы поиграть в шинни с друзьями. Он играл до тех пор, пока шайбы уже не было видно из-за темноты. Джерри хотел, чтобы его сын имел возможность играть

в организованный хоккей. Поэтому, когда Кори было десять лет, Джерри отдал его в детскую хоккейную команду в Уильямс-Лейк, на расстоянии двухсот миль. Это означало, что три раза в неделю туда придется ездить на машине, и на поездку в оба конца уходило восемь часов.

Первая тренировка была в шесть утра во вторник, следующая – в шесть вечера в четверг. Матчи были по выходным. Джерри и Кори отправлялись в Уильямс-Лейк в понедельник вечером, во вторник утром была тренировка, и в тот же день они ехали обратно, поскольку Кори надо было идти в школу. Кори шел в школу в среду и на полдня в четверг, а затем снова направлялся в Уильямс-Лейк на вечернюю тренировку. Он возвращался домой поздно вечером в четверг, шел в школу в пятницу, а затем возвращался в тот же вечер на матчи в субботу и воскресенье. Джерри никогда не считал, что они чем-то жертвуют. Им обоим это нравилось. И по сей день никто из них ни на что бы не променял ни минуты из тех поездок. Кори делал домашние задания, или они слушали «Си-Би-Эс Радио». Иногда они ловили по радио репортажи с юниорских матчей ЗХЛ. В удаленных районах часто можно поймать АМ-радиостанции, которые обычно недоступны.

Примерно в то время, когда родился Кори, Джерри получил лицензию пилота. Он купил небольшой «Пайпер Чероки», и когда была возможность, они вместе с Кори летали на тренировки. Кори не мог сажать самолет или взлетать, но с тех пор, как ему исполнилось восемь, Джерри разрешал ему управлять самолетом. Он говорит, что Кори летал на «Пайпере» так же хорошо, как ездил на велосипеде. К сожалению, из-за плохой погоды и ограниченного дневного света им нечасто удавалось летать на тренировки. На взлетно-посадочной полосе в Анахим-Лейк не было освещения.

Кори – опытный охотник и рыбак, но занимается этим не только из чисто спортивного интереса. Как и его предки, он учился пользоваться тем, что дает земля. У него сохранилась сильная связь со своим коренным народом. Когда Кори было девять лет, однажды ночью ему приснилось, что Патрик Руа прошел мимо него полностью одетый в свое вратарское снаряжение. От волнения у Кори покалывало в шее, и, с благоговением глядя на Руа, он не мог перевести дух. Когда Кори проснулся, он не мог забыть об этом сне. Быть настолько близко к своему кумиру, даже во сне, – это производит неизгладимые впечатления. Он все еще чувствовал запах влажной кожи накладок Патрика, произведенных компанией Koho. С годами в тихие минуты Кори иногда вспоминал тот сон и заново испытывал все те невероятные ощущения.

Кори стал лучшим вратарем в ЗХЛ и был выбран под пятым номером «Монреалем». Он стал стартовым вратарем «Канадиенс» во время своего первого сезона в команде в 2007/08 г. В следующем сезоне в ноябре «Канадиенс» закрепили номер «33» за Патриком Руа.

Кори было двадцать один год, когда он оказался стоящим рядом с Руа на арене «Белл-Сентр» в Монреале. Он украдкой бросил взгляд на своего героя. У Руа по-прежнему были такие же яркие голубые глаза, которые он видел во сне. Когда Кори смотрел, как свитер Руа поднимается к сводам арены, его сердце бешено колотилось, а глаза горели. И затем Кори заметил, что баннер был красным, как индейская кастиллея, которая росла весной вдоль шоссе у него дома.

Сейчас Прайс – герой для детей во всем мире, точно такой же, каким Руа когда-то был для него. В 2015 г. Прайс получил приз Харта, премию Теда Линдсея как самый ценный игрок по мнению других игроков, приз Уильяма М. Дженнингса за то, что он пропустил

наименьшее количество голов и приз Везины. Никто раньше никогда не получал все четыре приза в одном и том же сезоне.

Карьера Фреда Сасакамуза в НХЛ могла продлиться дольше, но в своей родной резервации он влюбился в девушку и вернулся в Сэнди-Лейк. Но его всегда будут помнить, поскольку он сделал то, чего раньше не делал ни один канадец из числа представителей коренных народов, – проложил путь другим великим игрокам, таким, как Кори Прайс.

17. Вторая шестерка

Хоккей – игра, связанная с традициями. Это один из тех его аспектов, который мне нравится, и я знаю, что многие болельщики и игроки думают точно так же. В детстве олицетворением хоккея для меня были те же самые шесть команд, из которых годами и состояла вся лига. Те же города, одни и те же цвета, те же самые названия. Хоккей менялся не сильно, и, наверное, мало кто считал, что ему нужно меняться.

Но НХЛ также и бизнес. В этом нет ничего плохого. Если бы НХЛ не являлась бизнесом, ее бы вообще не существовало. Тот факт, что игроки являются профессионалами, означает, что они могут сосредоточить все силы на том, чтобы стать самыми лучшими. Разъезды, яркие огни, толпы зрителей – многое из того, что мы любим в хоккее, возможно только потому, что это бизнес.

Интересно, что традиции и бизнес в мире хоккея так долго идут рука об руку. Хоккей уникален тем, как ему удается избегать излишней помпезности. Вспомните, как Бобби Орр забивает впечатляющий гол, а затем, едва улыбаясь, возвращается в нейтральную зону, где будет происходить вбрасывание. В течение долгого времени все в лиге действовали так же. Шайба вбрасывается, и начинается игра.

Репортажи с хоккейных матчей сначала передавались по телеграфу. Во время серий плей-офф Кубка Стэнли газеты часто отправляли на поезде репортеров на игры; в перерывах между периодами репортеры быстро передавали информацию в газету, а затем кто-нибудь брал мегафон, чтобы сообщить собравшейся толпе, как проходит матч. В 1923 г., в День святого Валентина, радиостанция «Си-Эф-Си-Эй»

(принадлежавшая газете «Торонто Стар») впервые вела в прямом эфире репортаж с матча НХЛ, когда «Торонто-Сент-Пэтс» нанесли поражение «Оттава Сенаторз» со счетом 6-4 на «Мьючуал Стрит Арене». Два дня спустя Фостер Хьюитт, спортивный репортер «Торонто Стар» (его отец У. Хьюитт работал в этой газете спортивным редактором), стал вторым человеком, ведущим по радио прямой репортаж с хоккейного матча.

Программа «Хоккейный вечер в Канаде» (известная тогда под названием «Дженерал Моторз Хоккей Бродкаст») впервые вышла в эфир в ноябре 1931 г. Фостер Хьюитт вел прямой репортаж с матча «Торонто Мэйпл Лифс» примерно для ста тысяч восторженных поклонников. В том сезоне ННІС вела трансляцию с тридцати игр.

К следующей весне Конн Смайт нанял Хьюитта в качестве директора радиостанции, и все больше станций начинали транслировать матчи. В то время население Канады насчитывало всего около пятнадцати миллионов человек, и треть из них каждую субботу по вечерам слушала хоккейные репортажи. В 1935/36 г. «Мьючуал Бродкастинг Систем» провела несколько трансляций матчей «Чикаго Блэк Хокс» в Штатах, но эти репортажи так и не стали популярными. Болельщики в приграничных городах могли слушать трансляции матчей на «Си-Би-Си».

Нескольким поколениям болельщиков известно, что хоккейные репортажи отлично звучат на радио. Если вы знаете хоккей и имеете представление о некоторых игроках, такой репортаж, как репортаж такого парня, как Фостер Хьюитт, может воссоздать игру в вашем воображении. Но радиорепортаж будет для вас что-то значить в двух случаях: если вы уже видели много хоккейных матчей или играли в хоккей. В противном случае трансляция хоккейной игры будет напоминать вам программу на иностранном языке. Другими

словами, радиорепортажи прекрасно подходят для людей, которые уже любят хоккей, но никогда не привлекут новых поклонников.

Телевидение – это совсем другое дело. В хоккее главное – скорость, сила и постоянное движение. Чтобы проникнуться хоккеем, его необходимо увидеть. Многие проникаются им уже после первого увиденного матча. Но такой первый матч должен был состояться. В 1949 г. Кларенс Кэмпбелл пообещал, что хоккей никогда не будет транслироваться по телевидению. Он думал, что камеры покажут насилие, а зернистое изображение на маленьком экране не сможет передать всю грациозность и скорость игры. Он также беспокоился, что, если болельщики смогут смотреть матчи дома, это отразится на посещаемости арен.

Конечно, это решение было отменено. Первая телевизионная трансляция хоккейного матча в Канаде состоялась 11 октября 1952 г., когда «Монреаль Канадиенс» победили «Детройт» со счетом 2-1. Это была программа «La Soirée du hockey», французская версия «Хоккейного вечера в Канаде». Ведущим был Рене Лекавалье. Конн Смайт посмотрел в том году специальную закрытую трансляцию матча Мемориального кубка, и она ему очень не понравилась. «Если хоккей так выглядит по телевизору, – сказал он, – жители Торонто его не увидят».

Но как раз его сын Стаффорд Смайт, совладелец «Лифс», стал добиваться того, чтобы лига воспользовалась силой телевидения. Он знал, что ему никак не привезти всех спортивных болельщиков из Северной Америки на арену «Мэйпл Лиф-Гарденс». Но Стаффорд также знал, что можно попытаться убедить других совладельцев команды дать возможность этим болельщикам увидеть хоккей. Он начал убеждать других владельцев команд НХЛ расширить лигу и создать новые команды там, где имеется крупнейшая

телевизионная аудитория. Чтобы добиться согласия владельцев, Стаффорду потребовалось пять лет.

В марте 1965 г. президент НХЛ Кларенс Кэмпбелл объявил о планах расширить лигу до двенадцати команд. В феврале 1966 г. франшизы были даны Филадельфии, Лос-Анджелесу, Миннеаполису/Сент-Полу, Питсбургу, Сент-Луису и Сан-Франциско/Окленду. У сети «Си-Би-Эс» был контракт на телевизионные трансляции в США, и ей были нужны все американские города. Каждая команда должна была приготовить 2 миллиона долларов и гарантировать наличие арены, где будет не менее 12 500 мест. Хоккей изменился навсегда.

18. Черный, белый и серебряный

В 1967 г. мир казался нам очень большим. Бостон, Детройт, Нью-Йорк, Чикаго. Я знал, где эти города. А Лос-Анджелес? Оклэнд? Я и понятия не имел.

Люди были в восторге. Я, конечно, тоже. В хоккее не было ничего, что бы мне не нравилось. Я знал (мои родители и соседи будут говорить об этом), что все хотят увидеть вбрасывание шайбы в новой НХЛ. Должен признать, что, увидев цвета новых команд, мы немного удивились. Желтый и пурпурный? Мне казалось, что это не цвета хоккея. Но все, кого я знал, были в восторге, и все наблюдали за происходящим.

Лига была разделена на два дивизиона. На Западе играли новые команды, на Востоке – команды «Первоначальной шестерки». Сделано это было для того, чтобы не получилась ситуация, когда верхнюю часть турнирной таблицы займут команды «Первоначальной шестерки», а шесть новых команд окажутся внизу. В каждом дивизионе на выход в плей-офф могут претендовать четыре команды. Команда, выигравшая приз Кларенса Кэмпбелла в Западной конференции, будет соревноваться с обладателем приза принца Уэльского в Восточной конференции в финальной серии Кубка Стэнли, победитель которой определяется по результатам семи матчей.

«Сент-Луис» безусловно был лучшей добавленной командой – в первые три года они три раза подряд выходили в финал. Но они не выиграли там ни одной игры – их дважды обыгрывали «Канадиенс» и один раз «Брюинз», в составе которых выступал Бобби Орт. С тех же самых пор «Блюз» так и не выходили в финал. Одно

время многие болельщики начали думать, что, хотя эти команды играли в НХЛ, они были не слишком-то хороши. Но четыре из них с тех пор выиграли Кубок, а некоторые стали высококлассными командами лиги. Но прежде чем это произошло, у них было много взлетов и падений.

«Вашингтон пост» назвала Джека Кента Кука лучшим владельцем команды в истории спорта. Он был канадцем, переехавшим в Калифорнию в 1960 г. Хотя Джек никогда не видел ни одного матча среди профессиональных баскетбольных команд, он через пять лет приобрел «Лос-Анджелес Лейкерз» за 5 175 000 долларов, заплатив за франшизу НБА больше, чем кто-либо еще. Он выиграл свой первый титул НБА в 1972 г., а затем еще пять в 1980-х гг., когда в команде играли Карим Абдул-Джаббар и Мэджик Джонсон. Ему также частично принадлежала команда НФЛ «Вашингтон Редскинз». Но по-настоящему Кук любил хоккей.

Когда он приобрел «Лос-Анджелес Кингз», то сразу же начал подумывать о том, чтобы построить на тридцати акрах в «Голливуд-парке» спортивную арену на пятнадцать тысяч зрителей для любителей хоккея. Он назвал ее «Фэбьюлос Форум» и выбрал в качестве цветов команды королевский пурпур и золотой. Как-никак Джек предсказывал, что в один прекрасный день Лос-Анджелес станет самым важным городом в мире хоккея. Получив франшизу, Джек сказал, что это самый счастливый день в его жизни.

Тем не менее хоккей не пользовался большой популярностью в Лос-Анджелесе. Кук был умным человеком, но, чтобы сделать какой-либо вид спорта популярным, необходимо испытывать к нему настоящую преданность и страсть. В 1979 г. Кук решил продать арену Джерри Бассу. Басс был и бизнесменом, и провидцем. Он купил «Форум» за 33,5 млн долларов,

«Лейкерз» за 16 млн долларов, «Кингз» за 8 млн долларов и ранчо в 13 тысяч акров в округе Керн за 10 млн долларов – общая сумма приобретений составила 67,5 млн долларов. В то время это была самая большая спортивная сделка. При Бассе «Лейкерз» десять раз становились чемпионами НБА, но хоккей по-прежнему оставался на периферии.

Появляется Брюс Макналл, амбициозный молодой человек, занимающийся древними монетами. Он приобрел совсем маленький бизнес, до которого никому дела не было, открыл заведение на Родео-драйв и начал делать ставки на монеты на аукционах по всему миру. Брюс всегда ставил много, что вело к увеличению цен и делало его монеты все более ценными. Он также стал совладельцем баскетбольного клуба «Даллас Маверикс», когда НБА расширилась в 1980 г. Даллас был футбольным городом – в те дни там никто не интересовался баскетболом, но Брюс хорошо разбирался в продажах и маркетинге, и с его помощью ситуация изменилась.

Брюс был большим поклонником хоккея. (Он не знал, покупать ли ему сезонный абонемент на матчи «Кингз», потому что в те времена билеты можно было получить почти даром рядом с «Форумом» незадолго до начала матчей.) Игроки «Кингз», такие, как Роги Вашон, Уайти Уидинг, Джин Карр и Майк Мерфи, были его героями. Между тем, хотя Джерри Басс любил «Кингз» и отдал бы что угодно ради их победы, ему никак не удавалось добиться с ними такого же успеха, которого он добился с «Лейкерс». Одна из проблем заключалась в том, что люди в его организации работали с двумя командами – связями с общественностью, билетами и спонсорскими сделками занимались одни и те же люди. И если вы в этом бизнесе и получаете комиссионные, вы, конечно, сосредоточитесь на той команде, которая приносит вам наибольший успех. Басс также

интересовался монетами и много лет знал Брюса. Брюс, словно поддразнивая его, любил говорить: «Я хочу купить «Кингз»!», а Басс переводил все в шутку.

Но потом у Басса стало туговато с деньгами. Учитывая, что речь идет о владельце «Лейкерз», это может показаться безумием, но у него были большие накладные расходы. Брюс давал ему в долг небольшие суммы (25 000 или 50 000 долларов), и они в итоге переросли в несколько миллионов долларов. Басс сказал Брюсу:

- Если хочешь, я в счет погашения долга могу предложить тебе долю во владении «Кингз».

Брюс ответил:

- Отлично, но я бы хотел иметь возможность со временем приобрести всю команду.

К чести Басса стоит отметить: он чувствовал, что энтузиазм Брюса в отношении хоккея изменит ситуацию. В 1986 г. Брюс купил около 25 процентов, а к 1988 г. стал стопроцентным владельцем.

Именно тогда Брюс сказал: «Нам нужно перестать быть «Лейкерз» и стать нашей собственной командой». Брюс устранил такое положение дел, когда одни и те же люди занимались двумя командами. Он сам нанял персонал и выделил им отдельные кабинеты, чтобы провести четкую границу между двумя группами сотрудников. Затем он изменил цвета команды. Брюс считал, что люди, видя пурпурный и золотой цвета, думают о «Лейкерз». Да и кто вообще носит такие цвета? Берни Николлс, один из лучших бомбардиров «Кингз», сказал Брюсу, что игроки похожи на бананы на льду. Брюс спросил:

- Ладно, какие цвета вам нужны?

Команда ответила:

- Ну, дома, очевидно, белый. А в гостях очень подойдет черный, потому что в черной форме мы будем казаться больше.

Брюс сказал:

- Хорошо, а третий цвет?

- Ну, вы занимаетесь монетами, они - серебряные.

В 1988 г. команда представила новые цвета. В то же самое время я попал туда по обмену из «Эдмонта». На пресс-конференции в Лос-Анджелесе Брюс поднялся на сцену, чтобы объявить новые цвета команды и представить свою «модель». Затем вышел я в новом свитере.

Как только я попал по обмену в «Кингз», меня больше всего интересовал выигрыш Кубка. Мы с Брюсом много говорили о том, как можно выполнить эту задачу. К сезону 1992/93 г. у нас была очень хорошая команда и очень хороший тренер - Барри Мелроуз. Мы участвовали в регулярном сезоне, состоящем из восьмидесяти четырех игр. Я, правда, пропустил первые тридцать девять в связи с травмой спины, полученной 22 марта 1990 г. в игре против «Айлендерз». Алан Керр провел против меня силовой прием, и я полетев головой вперед, врезался в грудь Кенни Баумгартнера. Это не было каким-то грязным приемом. Меня просто ударили сзади, и, к счастью, Кенни поймал меня на лету и смягчил столкновение. Если бы он ехал на меня на полной скорости, я бы сильно пострадал. Мне повезло, потому что мы с Кенни годом раньше жили в одной комнате, когда он играл в «Кингз». Все парни - хорошие друзья, когда они товарищи по команде, но когда вы к тому же и соседи по комнате, отношения становятся еще лучше.

В том сезоне я не участвовал в трех матчах плей-офф из десяти. И затем через полтора года, 14 сентября 1991 г., в матче на Кубок Канады Гэри Сутер применил против меня сзади силовой прием, и я получил еще одну травму. И это опять-таки не было грязной игрой. Это была моя собственная ошибка. Американцы были в большинстве, и я оказался первым у шайбы рядом с

воротами. Наверное, Гэри решил, что я куда-нибудь уведу шайбу, а я вместо этого повернулся и натолкнулся на него. Я его не видел и не думаю, что он этого ожидал. Когда вы против кого-то играете, то можете предугадывать его действия. Возможно, Гэри думал, что я знаю, что он там. Все более-менее нормализовалось, но позднее в том году я получил повторную травму. Я побывал, наверное, у четырех врачей. У всех имелись разные предположения относительно того, в чем заключалась проблема: кто-то говорил о трещине в ребре, кто-то – о растянутой связке.

В конце сезона мы находились на Гавайях. Нас было человек восемь. И когда мы ужинали, неожиданно проявилась эта травма. Было тяжело. Я не мог сидеть или стоять и лег на пол ресторана.

Наступил июнь. Я начал тренироваться, чтобы подготовиться к следующему сезону. Ситуация улучшилась. Я чувствовал себя очень даже неплохо. Но после первого дня в тренировочном лагере я не мог ходить. На этот раз меня отправили в ортопедическую клинику Керлана-Джоба, именно там была впервые проведена операция по пересадке боковой связки локтевого сустава, получившая название «операция Томми Джона». Эта операция была проведена многим питчерам из Высшей бейсбольной лиги.

В клинике я встретился с доктором Робертом Уоткинсом, и первые его слова были:

– Кто-нибудь проверял вашу спину?

Я сказал:

– Нет, проблема ведь с ребрами.

Он велел провести магнитно-резонансную томографию. Когда я пришел к нему в середине декабря, чтобы узнать о результатах, он сказал: «Хорошая новость – это не рак».

Я подумал: «Рак? Господи! Он думал, что это может быть *рак?*»

Это была грыжа грудного отдела позвоночника. Мне для начала поставили капельницу в связи с воспалением в верхней части спины и нижней части шеи, а доктор Уоткинс провел следующие четыре дня в беседах с врачами по всей стране. Три врача рекомендовали операцию, а три других советовали лечебную физкультуру. Единственным профессиональным спортсменом, которого лечили от такой же травмы, была горнолыжница. После операции она была вынуждена закончить спортивную карьеру, поэтому мы решили остановиться на четырехмесячном курсе реабилитации. Я спросил доктора Уоткинса:

- Мне можно играть в гольф?

Он покачал головой и ответил:

- Вы будете играть в хоккей, прежде чем я разрешу вам играть в гольф.

Я начал потихоньку кататься на коньках и чувствовал себя замечательно - мне поскорее хотелось вернуться в команду. В канун Рождества я тренировался самостоятельно, а в Рождество два часа катался на коньках. Это стало одним из самых лучших подарков.

У команды был отличный год. Мы были на первом месте в дивизионе. И затем 6 января 1993 г., когда я вернулся в состав, мы проиграли команде «Тампа Бэй» со счетом 6-3. Помню, как я уходил со льда, и Марти Максорли, который никогда ничего не утаивал, весело глядя на меня, сказал: «Хорошая работа».

Примерно пятнадцать матчей команда из-за меня играла хуже. В том сезоне мы сыграли сорок пять матчей и несильно отставали от лучших команд дивизиона. Я играл плохо, а игроков вознаграждают за то, как они играют сейчас, а не за прошлые заслуги. Я не хотел отбирать игровое время у ребят, которые

приносили пользу команде. И все же я должен был восстановить свое прежнее состояние. Я утратил чувство момента. Я был в форме, но у меня отсутствовала *игровая* форма. Своего рода парадоксальная ситуация. Я спросил Барри Мелроуза: «Как мы справимся с этой задачей? Как сделать так, чтобы я получал игровое время в достаточном количестве и мог подготовиться к плей-офф и в то же самое время не портил игру команде?» Но поворотным моментом для меня стало 22 февраля во время поездки в Тампа-Бэй. В тот вечер игра у меня получалась очень хорошо, я действовал все лучше, и у меня возвращалось чувство момента. В оставшуюся часть сезона я стал другим игроком.

Другой аспект моего долгого отсутствия на льду заключался в том, что в последних десяти играх того года и приближающихся матчах плей-офф я чувствовал невероятную бодрость. Раньше в моей карьере ничего подобного не было. Иногда я играл по 130 матчей за год (предсезонный период, регулярный сезон, плей-офф и Кубок Канады). После такого количества игр вы чувствуете себя измотанным.

В том году мы играли с «Калгари» в первом раунде, затем с «Ванкувером», «Торонто», а затем с «Монреалем». Мы сыграли во всех четырех канадских городах, и поскольку наша команда заняла третье место в дивизионе, мы все первые матчи играли в гостях.

В первой игре плей-офф в Калгари, когда в первом периоде прошло пять минут, я участвовал во вбрасывании с Джоэлем Отто, по-настоящему хорошим игроком. Он был жестким, очень жестким. В этом отношении он чем-то напоминал Марка Мессье. Если вы сделали что-то неразумное, он непременно с вами поквитается. Но при этом он был честным и справедливым. Я выиграл вбрасывание, затем

отвернулся от него, и он толкнул меня клюшкой в бок. Джоэль был большим парнем, ростом 193 см, весом 100 кг, а клюшки делались из цельной древесины. Он сломал мне ребро. Сразу после этого я отправился в раздевалку.

Лежа на столе у врача, я думал: «Боже мой, что же теперь делать?» Пришел врач. В регулярном сезоне вы пользуетесь услугами врача команды хозяев, но в плей-офф вы не хотите, чтобы соперник узнал, кто травмирован, и поэтому обращаетесь к своему врачу. Джоэль толкнул меня сильно. Мне было больно, и я беспокоился насчет оставшейся части плей-офф.

Врач сказал:

- Знаешь, что мы сделаем, Уэйн? Просто наденем на тебя специальный жилет.

В те дни такие жилеты были из резины толщиной чуть больше, чем полсантиметра. Вряд ли это намного лучше, чем вообще ничего. Таким образом, на все оставшиеся матчи серии плей-офф (в 7:25 после разминки и непосредственно перед выходом на лед) я надевал этот жилет. Приходил врач, отводил меня в медкабинет и длинной иглой делал мне замораживающий укол в верхнюю часть бедра.

Я поддразнивал врача:

- Не сделайте по ошибке укол не туда, а то мне придется ходить на одной ноге.

Все восемь недель плей-офф я играл со сломанным ребром и ни разу ничего не чувствовал во время матчей. Врач говорил: «Хуже не будет». Но примерно через час после игр, когда действие заморозки заканчивалось, ощущения были весьма болезненными.

Мы начали серию в Калгари и выиграли ее в шестом матче. Следующую мы начали в Ванкувере и выиграли пятый матч в двойном овертайме, а затем шестой матч дома. Затем отправились в Торонто на полуфинал.

Одна из причин, по которой мы любим спорт, заключается в том, что случиться может всякое. Но было настоящим откровением видеть, как в этой серии играли Марти Максорли и Уэндел Кларк. Мы с Дуги Гилмором, может, и настоящие мастера, но Уэндел и Марти стали сердцем и душой серии. Уэндел Кларк был феноменом. У него не было такого таланта от рождения, который есть у некоторых ребят. Но он был одним из самых доминирующих игроков в лиге. Его кистевой бросок напоминал луч лазера, столкновение с ним на льду походило на столкновение с грузовиком, и его было совершенно невозможно запугать. Казалось, он забивал два гола в каждом матче. Он был единственным игроком «Лифс», которого мы не могли контролировать. Нам удалось немного замедлить действия вместе с Дугом Гилмором, но остановить его мы так и не могли. Уэндел был просто изумителен. Барри Мелроуз пробовал ставить против него всех, включая Робби Блейка и Марти Максорли, но Уэндел все же умудрился забросить шайбу. Интересно, что Барри и Уэндел Кларк – родственники. Норри Кларк Маклин, бабушка Барри, и Бад, дедушка Уэндела, – брат и сестра. Барри и Уэндел выросли вместе.

В то время говорили: «Вам не остановить Уэндела Кларка. Вы можете лишь надеяться, что сумеете сдержать его». Если к концу вечера Уэндел забрасывал всего одну шайбу, мы считали, что хорошо поработали. Это было жесткое, силовое противостояние: с нашей стороны – Марти, со стороны противника – Уэндел. Они играли выше уровня своего таланта. Ни один не уступал и дюйма.

17 мая 1993 г. в третьем периоде первого матча мы были несколько вялыми. Поездка оказалась очень тяжелой. Это была наша третья серия, и нам еще предстояло играть дома, поэтому нам нужно было вернуть себе эмоции и спортивную злость. Марти,

который считал это частью своей работы, искал возможность взбодрить нас. И вот на нашей половине катка появился Гилмор. Он ехал, опустив голову. Увидев это, стоящий около синей линии Марти налетел на него. Даги – жесткий парень, и я могу гарантировать, что за весь год он не получал таких сильных ударов. Это был важный шаг. Он дал «Торонто» понять, что мы бросаем им вызов. И Гилмор также понял, что свободного пространства на льду у него не будет. За него придется побороться. И это вернуло нам боевой настрой.

Затем подъехал Уэндел и сделал именно то, что все от него ожидали. Он бросил вызов Марти. Я тогда увидел одну из величайших драк за всю свою карьеру. Это было невероятно эмоциональное столкновение. Ни Марти, ни Уэндел не отступили. Они вцепились друг в друга и без остановки наносили удары. Это была классическая драка один на один. Сейчас вы в хоккее подобного не увидите. На следующий день у обоих парней были синяки под глазами.

Эта драка задала тон серии и вдохновила нашу команду. Уэндел был одним из самых жестких парней в лиге (и самым жестким в «Торонто»). Марти не отступил перед ним в драке, и мы смогли выйти в финал Кубка Стэнли.

В этой серии было еще много невероятно интенсивного хоккея. Игры проходили в силовом ключе и являлись на редкость эмоциональными, сценарии игр изобиловали самыми неожиданными поворотами. И конечно, иногда без ошибок не обойтись. Когда я случайно ударил Дуги Гилмора в подбородок в шестом матче, заслуживало ли это штрафа? Вероятно. Счет был ничейным, когда Гленн Андерсон, который теперь играл в «Лифс», попытался сзади впечатать Роба Блейка в борт. Он получил штраф за неправильную атаку. Я немного задержался с шайбой рядом с кругом для вбрасывания, потом вошел в круг и выполнил бросок,

после которого шайба попала в щиток на голени Джейми Макуна и отскочила обратно в круг для вбрасывания. Я находился сбоку и сзади от Гилмора, и мы оба устремились к шайбе. Он согнулся, схватился за подбородок, и игра остановилась.

Тогда, согласно правилам, вы отвечали за свою клюшку. Даже если игрок сам налетит на нее, вы получали пятиминутный штраф. Я понимаю, что лига имела в виду в этом вопросе, и все же это было дурацкое правило. Одни правила появляются и работают, другие - нет. В те времена правила вводились произвольно. Владелец какой-нибудь команды говорил: «Вот что нужно ввести в игру» - и тут же появлялось новое правило. Генеральный менеджер мог бы сказать: «Эй, мне не нравится, когда игроки стоят в площади ворот!» - и на следующий день правило изменили бы. Вот как работала лига. Теперь у них есть комитет по правилам, комитет управления и комитет игроков, которые все должны решать вместе.

Когда Керри Фрейзер спросил Дуги, что случилось, он сказал, что я задел его после броска. При обычном завершении броска не назначается штраф за высоко поднятую клюшку, и Фрейзер сказал Гилмору, что в таком случае штрафа не будет.

Сейчас мы с Дуги хорошие друзья, поэтому, когда меня спрашивают об этом инциденте, я всегда говорю: «Знаете, в той серии плей-офф Дуги получил небольшое рассечение на подбородке. А мне сломали ребро, и никто об этом не говорит. Так что нет, я не испытываю особого сожаления». Настоящее значение в той серии имела вовсе не высоко поднятая клюшка в шестой игре. Несправедливо, когда какая-либо из двух команд заявляет, что результат всей серии зависел от одного назначенного или неназначенного штрафа арбитром. Обе команды должны гордиться тем, как они играли, и заикленность на одном неназначенном штрафе только

отвлекает внимание от того, как старались и на какие жертвы шли парни, выходящие на лед одну смену за другой. В течение семи матчей обе команды выкладывались на льду полностью, и в итоге силы оказались почти равными, и все решил один гол в седьмом матче.

Мы стали первой командой, которая во всех четырех раундах играла против канадских команд. Мы сыграли девятнадцать матчей в первых трех раундах. Последняя игра с «Торонто» состоялась в субботу вечером. Рано утром в понедельник нам нужно было лететь в Монреаль, затем – легкая тренировка. Первую игру четвертого раунда назначили на вторник. Этот матч был таким же хорошим или даже лучше, чем любой другой, который мы сыграли за всю серию плей-офф. «Канадиенс» действовали несколько неловко после отдыха. Мы выиграли со счетом 4:1.

Мы радовались, но в то же время начали выматываться физически и умственно. Мы не были такой хорошей командой, как «Монреаль Канадиенс». Но в некоторых аспектах мы, возможно, были лучше: невероятное взаимопонимание, стремление к победе и мужество. Тем не менее мы знали, что они будут хорошей командой, и они таковой были.

Играя в гостях, вы всегда стремитесь выиграть оба матча. Это придает вам огромную уверенность. (Мы испытали это в 1988 г., играя в четвертьфинале против «Калгари».) Теоретически «Калгари» в том сезоне были лучшей командой, чем «Ойлерз». И поэтому было очень важно сохранить лидерство во втором матче в Монреале. Хотя «Канадиенс» играли значительно лучше, чем в первом матче, после двух периодов счет был ничейным: 1-1.

В раздевалке перед началом третьего периода мы сказали всем: «Да, мы сейчас немного устали, поэтому нам нужно действовать проще. Наши смены должны

быть короткими, мы должны держать шайбу в глубине поля, и нам не стоит делать что-то необычное или глупое».

Каждая команда, играющая дома, предоставляла команде гостей дополнительную пару рук, чтобы помочь тренерам со снаряжением и клюшками. Ведь у команд нет возможности брать с собой дополнительного помощника. Так поступали в «Эдмонтоне», так мы поступали в «Лос-Анджелесе», и то же самое делали в «Монреале». В «Канадиенс» был парень по имени Док. Он иногда заходил к нам в раздевалку. Не то чтобы он делал что-то не так, но достаточно было внимательно посмотреть на клюшки Марти или Люка, чтобы увидеть, что у них крюк с большим загибом. Загиб помогает контролировать шайбу. Он обхватывает и удерживает шайбу, и ее труднее потерять. НХЛ ввела ограничения не только в отношении веса, высоты, ширины и длины клюшки, но и на максимальный изгиб. Итак, сотрудник «Монреаль Канадиенс» в нашей раздевалке и может видеть там клюшки, которые явно не соответствуют правилам.

Прежде чем мы вышли на лед, я сказал ребятам:

– Слушайте, мы устали, давайте будем умнее. Люк, ты и Марти, они будут охотиться за вами, парни. В этом я не сомневаюсь. Поэтому убедитесь, что вы взяли клюшки, соответствующие правилам.

Люк кивнул, а Марти посмотрел на меня и сказал:

– У меня хорошая клюшка.

Я сказал:

– Что ж, значит, мы готовы.

Шел третий период, мы вели со счетом 2-1, а до конца оставалась минута и сорок пять секунд. И в этот момент Ги Карбонно и Кирк Маллер, капитан и помощник капитана «Канадиенс», подъехали к Керри Фрейзеру и сообщили:

- Жак хочет, чтобы измерили клюшку Марти Максорли.

Керри спросил:

- Что именно вы хотите измерить?

Карбонно ответил:

- Загиб.

Керри сказал:

- Хорошо. - Он подошел к Марти и попросил у него клюшку. Марти передал ее. Неохотно.

Я подъехал к Марти и спросил:

- С твоей клюшкой все в порядке?

- Да, все должно быть нормально.

Я находился у края судейской площадки, а Керри тем временем достал пластиковый измерительный прибор. Он стоял спиной к игрокам, а Рэй Скапинелло, судья на линии, держал клюшку. Керри измерил ее загиб дважды - слишком велика была цена вопроса, - затем повернулся ко мне и сказал: «Вот, посмотрите». Он показал мне шаблон, приложенный к концам крюка. Хорошо было видно, что загиб слишком велик. Фрейзер назначил штраф. Тренер «Монреалья» Жак Демерс заменил вратаря Патрика Руа на шестого полевого игрока. У нас же было четыре полевых игрока. Прошло едва 30 секунд, как «Канадиенс» забили нам гол.

Никто не был расстроен больше, чем Марти. Я знаю его лучше всех, и несмотря на то, что он иногда любит напускать на себя бравый вид, я знаю, что он был раздавлен.

В тот вечер настроение в раздевалке часто менялось. Мы вели в счете на один гол, оставалось всего полторы минуты, игра у нас шла отлично, и мы надеялись вернуться в Лос-Анджелес, выиграв два матча. И вдруг совершенно неожиданно - овертайм. За последние восемь минут игроки «Монреалья» выполнили всего два броска, а затем игра в большинстве и счет становится ничейным. А потом вдруг поражение.

«Монреаль» забил гол на первой минуте овертайма, сделав результат ничейным. Мы приуныли, упустив возможность вернуться домой с общим счетом 2-0 в нашу пользу.

Я думаю, что в глубине души Марти хотел поиграть той клюшкой пять или шесть минут, поскольку знал, что клюшку в начале периода проверять не будут. Но Марти так играл и эмоции оказались настолько сильными, что он, как мне кажется, просто забыл поменять клюшку. У меня есть друзья в той команде, и когда вы заканчиваете карьеру, вы можете поговорить на разные темы. Они сказали мне, что план состоял в том, чтобы проверить клюшку Люка или Марти – в зависимости от того, кто будет на льду в последние две минуты. Если бы это был Люк, проблем бы не возникло. С клюшкой Люка все было в порядке.

Самое невероятное заключается в том, что мы проиграли три матча подряд в овертайме. Патрик Руа превосходно играл в той серии и получил по итогам сезона приз Конна Смайта.

Давайте не будем преуменьшать заслуги Руа, обвиняя во всем Марти. Иногда вы можете сделать только одно – сесть и сказать: «Мы играли упорно, и мы играли хорошо».

«Монреаль» заслужил победу в Кубке Стэнли, но у нас была группа парней, которые играли выше своего уровня – во многом как состав «Монреалья» в 1986 г. Возможно, они не были лучшей командой в НХЛ в том году, но в финале они обыграли «Калгари». Наши усилия и самоотверженность, несомненно, были особенными, что и сделало серию такой великолепной.

В конце концов, мы бы не вышли в финал Кубка Стэнли, если бы Марти Максорли не играл на том уровне, на котором он сыграл. Марти был игроком, который мог воодушевить команду, и он делал это много раз той весной. Я уверен, что, если бы не Марти и

не его игра против «Торонто» в этой серии, мы бы не дошли до «Монреаля» и не произошло бы инцидента с изогнутой клюшкой.

19. «Сент-Луис Блюз»

«Сент-Луис Блюз» участвовали в стольких финалах Кубка Стэнли в конце 60-х и начале 70-х гг., что почти не казались добавленной командой. Даже их цвета с самого начала напоминали классические. За прошедшие годы там играли отличные составы, и назвать членов Зала славы из их числа не составляет труда. Халл, Пронгер, Макиннис, Шэнахэн, Фюр и многие другие. Все они стали играть, когда после включения в лигу расширительных команд прошло немало времени. Но одна из причин, благодаря которой «Блюз» были настолько успешными с самого начала, заключается в том, что даже в свои первые годы среди них имелись игроки, которым было суждено стать членами Зала славы.

Во-первых, генеральный менеджер был представителем именитой семьи в хоккее. Линн Патрик был сыном Лестера Патрика, одного из тех самых братьев, которые столь многое сделали для улучшения хоккея. В первый год денег у Патрика хватало лишь на одного сотрудника, и он сделал правильный выбор – нанял человека, который заслужит себе репутацию одного из самых проницательных умов в хоккее. Этим человеком был помощник генерального менеджера Клифф Флетчер. Флетчер выиграл Кубок Стэнли в «Калгари» в качестве генерального менеджера и выстроил решительную команду «Лифс», с которой «Кингз» встретились на пути к финалу в 1993 г. Неплохой руководитель.

Но дополнительным командам предстояла неравная битва. Во время последующих раундов расширения лига поняла, что новые команды вызовут к себе интерес лишь в том случае, если они окажутся

жизнеспособными с самого начала. Но в 1967 г. лига этого не понимала и не считала новые команды партнерами по успеху. Неудивительно, что владельцы команд «Первоначальной шестерки» оставляли всех лучших игроков себе.

В драфте расширения, состоявшемся в июне 1967 г., первоначальным командам было разрешено сохранить у себя одиннадцать полевых игроков и вратаря. В первых двух раундах команды расширения выбирали вратарей, а в последующих раундах – полевых игроков. «Блэк Хокс» оставили у себя Дениса Дехорди, который незадолго до этого получил вместе со своим товарищем по команде Гленном Холлом приз Везины. Терри Савчук в том сезоне выиграл Кубок в составе «Торонто», но тренер «Торонто» Панч Имлах решил сохранить вместо него Джонни Бауэра. (В последующие после расширения годы «Лифс» будут играть не слишком хорошо, отчасти из-за того, что Имлах сохранил в составе слишком много игроков-ветеранов. Он сохранил Джорджа Армстронга даже после того, как тот объявил о намерении закончить карьеру. «Монреаль», с другой стороны, отдал некоторых ветеранов, без которых, как он считал, можно было обойтись, в новые команды в обмен на право выбора на драфте. Такой ход работал на будущее, и он сработал. «Монреаль» выиграл восемь Кубков Стэнли в следующих двенадцати сезонах. Подобная стратегия сегодня работает еще лучше в условиях «потолка зарплат».)

Патрик знал, что его устроит Терри Савчук или Гленн Холл, но он выбирал третьим. Джек Кент Кук взял Савчука для «Кингз». Следующей выбирала «Филадельфия», но Гленн Холл просил 50 000 долларов. Для генерального менеджера «Филадельфии» Бада Пойла это было слишком много. Он сказал Холлу: «Я столько не зарабатываю». А Гленн ответил: «Да, но вы и не вратарь». Пойл выбрал Берни Парента из «Бостона».

Бюджет команды Патрика, когда он был в Бостоне в сезоне 1964/65 г., составлял 250 000 долларов, и Патрик тратил меньше, чем планировалось. У «Блюз» было 475 000 долларов на зарплату игрокам, но зарплаты в командах второй шестерки были намного выше. Холл начинал карьеру двенадцатью годами ранее в «Детройте» и получал столько же, сколько все остальные новички: 6000 долларов в год. В своем последнем году в «Чикаго» он заработал 25 000 долларов. Переход в новую команду был его шансом получить то, что он заслуживал, поэтому, ведя переговоры с Патриком, он все еще просил 50 000 долларов. «Блюз» выбрали компромиссный вариант и предложили 45 000 долларов. Патрик знал, что Холл заслуживал этого и что, если он не получит повышения, останется дома. Это свидетельствует о глубине состава команд первоначальной шестерки, из которых «Сент-Луис» мог выбирать в третьем раунде драфта расширения и все еще получить обладателя приза Везины и будущего члена Зала славы (такими были двое парней, выбранных перед Холлом).

Холл был первым вратарем, использующим стиль «бабочка». Это было за тридцать лет до Патрика Руа, которому часто приписывают это нововведение. Когда Гленн выполнял этот прием, он научился держать внутреннюю часть лезвий коньков на льду, что позволяло ему вставать одним движением. Он говорил, что «бабочка» - естественный способ действий, поскольку вратарь мог встать гораздо быстрее, чем после складывания щитков.

Игра менялась. Начиная с конца 60-х гг. защитники катались все лучше, и форвардам становилось значительно труднее обыграть их или пронестись мимо них. Поэтому команды во время атак начинали передавать шайбу назад, чтобы растянуть оборону противника. Если раньше снайперы выполняли броски в

тот или иной угол, теперь вратарям приходилось отражать мощнейшие броски от синей линии и иметь дело с рикошетами. Это просто невероятно опасно для вратаря, играющего без маски. Холл всегда считал удивительным, что в те времена никто не погиб в воротах. Бобби Халл бросал сильнее, чем большинство современных хоккеистов, и сейчас никто в здравом уме не будет играть без маски даже против игрока детской команды, не говоря уже о защитнике НХЛ.

Холл жаловался только на броски, после которых шайба попадала ему в рот. Это случилось с ним трижды, и каждый раз приходилось накладывать не менее двадцати пяти швов. Он играл в Детройте, когда шайба попала ему прямо под нижнюю губу. В те дни заморозка во время зашивания не использовалась. Доктор орудовал иглой, а Гленн повторял: «О, хватит, хватит». Врач отвечал: «Нет, еще несколько». Но Гленн остановил его, и поэтому ему пришлось через несколько месяцев снова прийти к врачу для удаления рубцовой ткани.

В следующий раз шайба попала в него в Чикаго. После броска Алекса Дельвеччо шайба срикошетила от Горди Хоу и попала Гленну в рот. Он вернулся в раздевалку, где ему наложили тридцать швов. Заморозка не применялась, но в этот раз Гленн позволил врачу доделать все до конца.

Третий раз шайба попала Гленну в рот во время второго предпоследнего матча в составе «Чикаго». Это было самое большое рассечение, повлекшее тридцать шесть швов и стало единственным случаем, когда Гленн лишился зуба. Он сыграл 1021 матч в НХЛ, большинство из них без маски, и потерял только один зуб.

Сумма контракта Гленна на второй год в «Сент-Луисе» составила 50 000 долларов, и он стал третьим самым высокооплачиваемым игроком в НХЛ после Бобби Халла и Горди Хоу. Гленн играл в команде с сезона

1967/68 г. до сезона 1970/71 г., и все четыре года они выходили в плей-офф, а в первые три года – в финал. Вы помните тот знаменитый момент, когда Бобби Орр в финале Кубка Стэнли в 1970 г. оказывается в воздухе после того, как забрасывает шайбу, благодаря которой «Брюинз» выигрывают свой первый с 1941 г. Кубок Стэнли? Вратарь в том эпизоде – Гленн Холл. Он все еще шутит, что никто никогда не говорит обо всех тех случаях, когда он не давал Бобби забить гол.

...Человек за скамейкой также попал в Зал славы, выиграв 1244 матча в регулярных сезонах, одержав еще 223 победы в плей-офф и завоевав девять Кубков Стэнли – все это рекорды.

Крэйг, сын Линна Патрика, играл в юниорской команде Монреаля в 60-х гг. Ее тренером был Скотти Боумен. Поэтому Линн спросил у него, что он думает о своем бывшем тренере. Крэйгу нравилось, что Боумен учит надежной защите и что он – новатор. Он поручал хоккеистам вести записи обо всех сыгранных ими матчах и оценивать свою игру. А затем он сам оценивал каждого игрока и производил сравнения. Боумен учил ответственности, и Крэйг думал, что это все перейдет в НХЛ. Он был прав.

Боумен в тот первый год жил с Патриками, поэтому его босс мог видеть, что он всецело отдает себя работе. Боумен также был методичным. Он много работал над подготовкой к матчам и во время самих матчей вел тщательные наблюдения. Он хотел видеть, каких игроков выставит тот или иной тренер против его ребят, чтобы сопоставить действия своих звеньев против обороны соперника. Как тренеру Боумену не было равных.

Боумен также продолжил традицию, начатую Лестером Патриком и другими тренерами, такими, как Дик Ирвин. Перед утренним катанием Лестер велел игрокам полчаса изучать правила. По его распоряжению

игроки всегда имели при себе сборник правил. На утренних собраниях он называл какое-нибудь правило, а затем просил кого-то из игроков сформулировать это правило (и игроку лучше было бы знать его). Лестер считал, что, если вы хотите поговорить с рефери, вам лучше владеть предметом разговора, потому что тогда он вас выслушает. Но если вы не будете точно знать соответствующее правило, он от вас отмахнется.

Вот почему игроки из определенных команд, таких, как старые «Нью-Йорк Рейнджерз» Лестера Патрика и «Блюз» Линна Патрика, становятся менеджерами и тренерами. Подобная культура передавалась через игроков, таких, как Эмиль Франсис. Даже сегодня посмотрите, например, на наследие руководства команды «Сент-Луис»: Джим Нилл, Пол Маклин, Марк Ридс (он недавно скончался). Все они играли в «Сент-Луисе».

С другой стороны, для Скотти Боумена дело было не только в правилах. Он хотел, чтобы его хоккеисты по возможности мыслили так же, как он, потому что многие игроки не думают о том, против кого им придется играть дальше. Поэтому Боумен ставил в комнате доску, чтобы показать команде, что противник делает во время игры в большинстве или в меньшинстве, выхода из зоны, как выбирает позицию.

Время от времени он также устраивал неожиданные проверки. Он объявлял собрание игроков, на котором задавал им различные вопросы. «С кем мы играем на следующей неделе?», «Сколько голов мы пропустили?» или «Какова наша цель до конца сезона? У нас осталось двадцать игр. Сколько голов может забить каждый игрок?». Скотти задавал игрокам все эти вопросы, чтобы они были начеку и не расслаблялись. Он узнал о подобном подходе от диктора Дика Ирвина-младшего – он рассказал ему, что так делает его отец.

Боумен не был слишком приятным или дружелюбным человеком, но он умел мотивировать игроков. В течение сезона 1968/69 г. у «Блюз» был двухдневный перерыв, но перед этим они играли далеко не блестяще. Поэтому в эти два дня Боумен назначил две тренировки: первую на девять часов, вторую – на четыре. Большинство ребят жили в пригородах. Это означало, что им нужно было ехать на каток и обратно в то время, когда на дорогах было больше всего машин. Перед следующей игрой Боумен спросил их:

– Вам понравилось ездить на тренировки в последние несколько дней?

Игроки в ответ стали ворчать. Боумен сказал:

– Когда все эти машины выезжали утром на дорогу, было ведь не слишком весело, верно?

– Да.

– И домой ехать тоже было невесело, да?

– Да.

Скотти сказал:

– Да, хорошо, добро пожаловать в мир людей, которые приходят на трибуны и платят вам зарплату.

Это подействовало на игроков. У команды после этого началась череда побед – она выиграла пять матчей подряд.

В 1968 г. вратарь Жак Плант работал на пивоварне «Молсон брюэри». Он объявил о завершении карьеры в 1965 г., поэтому он не играл три года, пока «Блюз» не приобрели права на него у «Рейнджерз» и Боумен не убедил его приехать в Сент-Луис. Жаку и Гленну Холлу было уже далеко за тридцать, и в том сезоне они поделили между собой приз Везины. Они великолепно защищали ворота: «Сент-Луис Блюз» выиграла тринадцать матчей «всухую» и уступили в двадцати двух в одну шайбу.

Как и большинство вратарей, Жак был эксцентричным человеком. Характерной его особенностью являлась скупость. Жак, например, не покупал газет. Он дожидался, когда кто-нибудь дочитывал газету до конца, и тут же хватал ее. Когда он был моложе, он начал вязать себе хоккейные носки и шапочки, чтобы у него не мерзли уши во время матчей на холоде в Шавиниган-Фолс в Квебеке. Начав играть в НХЛ, Жак продолжал вязать, чтобы успокоить нервы.

В 1940-х гг. у «Канадиенс» был один из величайших вратарей всех времен, Билл Дернан, шестикратный обладатель приза Везины. Томми Горман, генеральный менеджер «Монреалья», говорил, что Билл «большой, как лошадь, и проворный, как кошка». Но в 1950 г., когда было сыграно три матча в полуфинале Кубка Стэнли против «Рейнджерз» и прошел год контракта Жака Планта с командой «Монреаль Ройалз» (эта команда была связана с командой «Монреаль Канадиенс»), Дернан ушел. Когда он сказал своему тренеру Дику Ирвину, что ему придется уйти, поскольку иначе он не выдержит, он плакал.

Из команды юниоров был вызван вратарь Джерри Макнейл, и Планта стал запасным вратарем. Планта получил свой шанс, когда Макнейлу нелегко пришлось в серии плей-офф 1953 г. против «Чикаго». Команда проиграла три матча, выиграла два, и тренер Томми Айван рискнул и выпустил новичка Планта. Планта выиграл свой первый матч в плей-офф НХЛ, не пропустив ни одной шайбы, а затем выиграл и седьмой матч. Он сыграл первые два матча в финале против «Бостона», а затем место в воротах занял Макнейл. «Канадиенс» выиграла серию, и в 1953 г. имя Планта впервые было выгравировано на Кубке Стэнли. Он стоял в воротах «Канадиенс», когда они выиграли пять Кубков подряд, с сезона 1955/56 г. по сезон 1959/60 г. И его имя было написано в четырех разных вариантах.

При Боумене только один из его больших вратарей надевал вратарское снаряжение перед матчем, Гленн Холл или Жак Плант. Тот, кто не играл, сидел на трибуне и отдыхал. Но если Холл или Плант получал травму или плохо играл, команда ждала, пока другой вратарь спустится с трибуны и наденет экипировку. Поэтому НХЛ изменила правила. Теперь могут играть только вратари в экипировке, если они не травмированы, а затем экипировку может надевать третий.

Последним кусочком мозаики являлся характер команды. У «Блюз» был очень сильный характер. Братья Плагер, Барклай, Билл и Боб, были настоящими братьями Хэнсон из фильма «Удар по воротам», очень жесткими и яркими парнями. К ним никогда не стоило поворачиваться спиной, потому что невозможно было предугадать, что случится. И не имело значения, кто вы. Когда владелец Сид Саломон заснул во время полета домой, Боб отрезал его галстук – точно так же, как игроки поступали друг с другом. Чтобы не оставаться в долгу, Саломон отрезал во время матча штанину от брюк костюма Боба. Боб, будучи тем, кем он был, все равно надел этот костюм. Такой команде нужен лидер, и Патрик с Флетчером нашли другого будущего члена Зала славы на роль капитана команды. Эл Арбор играл в «Блюз» с сезона 1967/68 г. по сезон 1970/71 г. в качестве игрока-ветерана. Он был одним из очень немногих игроков, носивших очки. В те дни мало кто играл в шлеме и почти никто из вратарей не носил маски. Эл пришел в «Блюз» в тридцать четыре года, и когда в течение трех лет подряд «Блюз» выходили в финал, он являлся капитаном команды. Эл не был отличным нападающим, но был воином в лучшем смысле этого слова. Во времена, когда лига состояла из шести команд, Арбор всегда находился в неопределенной ситуации. Он начал с «Детройта» в

сезоне 1953/54 г., но в том составе, выигравшем Кубок, он играл не слишком много. Затем Эл отправился в Чикаго, где выиграл Кубок в 61-м году. Он выиграл еще один, в 1962 г. в «Лифс». Но он также выступал в низших лигах, и ему так и не удалось войти в число лучших игроков основного состава. Таким образом, он имел представление, что значит побеждать и как этого добиваться.

Когда игровая карьера Эла в «Сент-Луисе» приближалась к концу, он был не просто игроком. Скотти Боумен использовал его в качестве помощника тренера. (Сейчас у всех есть помощники тренера, но в те дни в командах имелся только главный тренер.) Когда Арбор выступал в роли тренера, парням не удалось бы ввести его в заблуждение, поскольку он в свое время видел все, и если кто-то играл не слишком часто, Арбор мог понять его, так как сам бывал в подобной ситуации. Многие великие тренеры были игроками, которые играли на приемлемом уровне не вследствие таланта, а благодаря упорному труду и силе воли. И Арбор был, безусловно, великим тренером. Он тренировал одну из великих династий в истории НХЛ, «Нью-Йорк Айлендерз» в 1979–1983 гг.

6 января 1972 г. «Сент-Луис» играл в Филадельфии. «Флайерз» вела со счетом 2–0. В конце второго периода Арбор, теперь уже главный тренер «Блюз», и рефери Джон Эшли стояли неподалеку от туннеля и спорили по поводу двухминутного штрафа. Болельщики «Филадельфии» начали бросать мусор, и кто-то вылил на Арбора пиво. Барклай Плагер перескочил через ограждение и бросился к этому болельщику.

Завязалась драка, болельщики начали выскакивать на лед, и в дело вступила полиция Филадельфии. Эла и защитника Джона Арбора (он не имел никакого отношения к Элу) ударили дубинками по голове – Джону потом наложили тридцать швов. Несколько

болельщиков и двое полицейских получили травмы. Сотрудники полиции вошли в раздевалку «Сент-Луиса» и попытались взять под стражу всю команду, но ограничились арестом Эла, крайних нападающих Фила Роберто, Флойда Томсона и Джона Арбора. Всех четверых доставили в полицейский участок, а игра была отложена. Каждый из них внес залог в размере 500 долларов, и через сорок пять минут Эл стоял за скамейкой без рубашки и галстука. «Сент-Луис» выиграл матч со счетом 3-2.

Хоккей становился все грубее, и одной из основных причин этого являлось расширение лиги. Появилось еще шесть команд, каждая из которых должна была состоять из двадцати игроков и двух вратарей. Это означало 132 новых игровых позиции. За один год лига, в сущности, увеличила спрос на талантливых игроков на 100 процентов. Не каждая команда могла играть на уровне лучших игроков лиги, поэтому в ход пошли захваты, толчки и удары клюшкой. Вспоминая все эти медвежьи объятия и задержки клюшками, нельзя не удивляться, как игрокам подобное сходило с рук.

Но мы не должны забывать, что в те дни также играли по-настоящему в красивый хоккей. Вы могли прибегать к любым захватам, но вам все равно было не остановить «Брюинз», когда Фил Эспозито и Бобби Орр боролись друг с другом за звание лучшего бомбардира. Или «Хабс», когда в их составе играли Беливо, Курнуайе и Лемер. В те времена на льду не царила одна лишь грубость, и то, что «Блюз» с самого начала мог конкурировать с такими командами, подтверждает следующее: если у вас в команде нужные люди, она добьется успеха.

20. «Миннесота Норт Старз»

Последний контракт Майка Модано с НХЛ сделал его на один день в 2011 г. игроком «Даллас Старз». Он использовал этот день для завершения карьеры. После этого можно было сказать, что из лиги ушел последний активный игрок 1980-х гг., и исчезла последняя связь с одной из самых интересных команд расширения 1967 г. Модано также был последним из «Миннесоты Норт Старз».

Когда Майка выбрали на драфте, все ожидали, что из него получится особенный игрок. Это большое давление, особенно для американского паренька, выбранного на драфте под первым номером. Майк стал вторым американцем, выбранным под первым номером. Тот факт, что первым был Брайан Лоутон, которого также взяла команда «Норт Старз», только усложнил ситуацию для Майка. Лоутон забросил первую шайбу на девятнадцатой секунде своей первой смены, но так и не смог заставить замолчать критиков, считавших, что «Миннесота» должна была выбрать на том драфте Стива Айзермана, Кэма Нили или Пэта Лафонтена. Лоутону было нелегко, а карьера Майка из-за всего этого усложнялась.

Но Майк превзошел все ожидания. Он очень напоминал кого-то вроде Коннора Макдэвида. Он был большим парнем, но катался на коньках столь же хорошо, как и любой игрок, которого я когда-либо видел. Он буквально летал по катку и обладал невероятным видением поля. Майк мог выполнять любое действие на полной скорости, будь то бросок или пас. Также он мог сделать три обманных движения головой после того, как вратарь среагирует на первое. Иногда защитники вообще не реагировали на

проносящегося мимо Майка, поскольку понятия не имели, куда он направится.

Ни один американский игрок не забивал больше голов и не набирал большего количества очков. Благодаря ему «Даллас Старз» выиграла в 1999 г. Кубок Стэнли, и теперь Майк – член Зала славы. Он был особенным игроком.

Дело в том, что, если вы живете в Миннесоте, вы, вероятно, желаете, чтобы такой игрок закончил карьеру, играя за город, который его выбрал.

Когда было объявлено, что в Миннесоте будет хоккейная команда, многие думали, что успех гарантирован. Детройт стал известен как хоккейный город, а Миннесота определенно является хоккейным штатом. Вы могли заполнить каток НХЛ болельщиками, которые ходят на студенческие турниры по хоккею, а студенческий хоккей под эгидой Национальной ассоциации студенческого спорта по-настоящему масштабен. Они любят хоккей, и они знают хоккей. Для всех нас Миннесота была словно Канада.

И с годами там было много отличных команд. В них играли феноменальные хоккеисты, и командам сопутствовал успех. За двадцать шесть лет они дважды выходили в финал Кубка Стэнли и выбирали на драфте игроков, которые прекрасно себя проявляли. Бобби Смит, Крейг Хартсбург, Брайан Беллоуз, Дерриан Хэтчер.

Одним из их самых интересных игроков был парень, который появился в команде с ее самого первого сезона, – Билл Голдсуорти. Он играл в юниорской команде «Брюинз» с Дерекком Сандерсоном и Берни Парентом, но ему так и не удавалось закрепиться в качестве игрока основного состава в «Бостоне», даже когда они находились на последнем месте. Когда Билл получил шанс в «Миннесоте», он стал звездным нападающим команды, набирая во время первой для команды серии плей-офф более очка за матч (в той

серии команда была в одном матче от выхода в финал Кубка Стэнли). Билл хорошо играл, и его включили в команду, которая в 1972 г. участвовала в суперсерии «СССР – Канада». Болельщики в Миннесоте любили его.

Что касается Билла, я помню, как он праздновал заброшенные шайбы – в СМИ его движения прозвали «танцем Голди». В те времена игроки проявляли чуть больший консерватизм в подобные моменты, и даже сейчас игроков критикуют, если они празднуют слишком восторженно. Но я их не виню. В сегодняшней НХЛ забить очень нелегко. Трудно забить двадцать голов, не говоря уже о сорока или пятидесяти. Когда игрок забивает гол, мне нравится смотреть на его радость и ликование.

Я познакомился с Голди, когда отправился в «Эдмонтон». Из-за травм он в том году играл не слишком много. И существует явление, характерное для всех хоккеистов: мы стареем. В той команде имелась группа возрастных игроков: Эйс Бейли, Пол Шмир, Дейв Драйден, Билл Флетт. Все они были для меня великими. Поскольку Голди из-за травм играл нечасто, я больше общался с ним не на льду, а за его пределами. Голди был отличным парнем. Он называл меня Малыш. Подобное много значит для новичка.

Тренер «Норт Старз» был вспыльчивым человеком. Никогда нельзя было предугадать, что сделает Рен Блэр. Люди в Миннесоте не слишком хорошо знали, что такое профессиональный хоккей, и Блэр считал, что болельщиков нужно тренировать столь же интенсивно, как и игроков. Если команда плохо играла в большинстве, он стоял на скамейке или у борта, поворачивался к зрителям, махал руками и кричал на болельщиков, выражая таким образом игрокам свое неудовольствие.

Блэр прославился тем, что заключил контракт с Бобби Орром. В сезоне 1959/60 г. Рен руководил

«Кингстон Фронтенакс» из Восточной профессиональной хоккейной лиги (ВПХЛ). Эта команда была связана с «Брюинз». Гарольд «Болди» Коттон, который подыскивал талантливых игроков для «Брюинз» (он ранее выступал в НХЛ, а карьеру начинал в 1926 г. в «Питтсбург Пайрэтс» на левом фланге), увидел, как Бобби играет в своей детской команде в Парри-Саунд. «Бостон» в то время строил свою систему фарм-клубов и занимался подбором молодых талантов. Коттон пришел к Линну Патрику и сказал: «Вы должны увидеть этого паренька». В Гананок прибыли несколько человек (и Блэр среди них), чтобы посмотреть на то, как Бобби Орт, которому недавно исполнилось тринадцать лет, господствовал на льду в течение целого часа. Скотти Боумен, который подбирал игроков для «Канадиенс», тоже был там. Он считал, что Бобби настолько мал, что трудно будет понять, насколько хорошим игроком он может стать. Но и Скотти видел, что шайбой весь вечер владел Бобби.

Скотти отправил отчет Кэну Рирдону, бывшему защитнику «Монреалья», который занимался подбором игроков, руководил клубами низших лиг и стал вице-президентом «Канадиенс». Он сказал Кэну: «Знаешь, Бобби действительно умеет двигаться и через год будет готов играть с юниорами». Но Бобби еще даже не учился в девятом классе, поэтому Рирдон ответил: «Мы не берем школьников». (Справедливости ради следует отметить, что восьмиклассника, играющего в юниорской хоккейной команде, и представить было невозможно. Но Бобби это сделал.)

Блэру поручили заниматься Бобби. Во времена, когда драфты еще не проводились, команды НХЛ стажировали молодых игроков в любительских клубах. Это означало, что команды получали права на юных хоккеистов с того момента, как им исполнялось четырнадцать. В этом возрасте игроку предлагали

подписать так называемую карту «С». Большинство детей стремились подписать такие карты, поскольку это гарантировало, что хотя бы одна из шести команд присмотрится к этим юным хоккеистам. Но родители Бобби не спешили что-либо подписывать, они хотели, чтобы у него было как можно больше вариантов. Поэтому Блэру предстояла нелегкая работа.

Он договорился, что «Брюинз» будет спонсировать команду Бобби в Парри-Саунде (сумма составляла 1000 долларов в год). В конце концов Блэру удалось выстроить доверительные отношения с родителями Бобби, и в 1962 г. они подписали карту «С». Бобби был в восторге. В свою очередь, это принесло пользу и семье Орров: дом оштукатурили, папа получил машину, а Бобби – 1000 долларов. Он будет играть за «Ошава Дженералз», команду, которую Блэр выстроил почти самостоятельно. Он также был генеральным менеджером чемпиона мира «Уитби Данлопс». Поэтому он знал, что делает, когда помогал формировать состав «Норт Старз».

В 1963 г. НХЛ начала постепенно отказываться от спонсорства команд и провела свой первый любительский драфт среди шестнадцатилетних. К 1969 г. драфт стал всеобщим, и больше не было юных игроков, которые могли в нем не участвовать. К тому времени, когда мне исполнилось столько лет, сколько тогда было Бобби, карты «С» исчезли. Но чтобы участвовать в драфте и выступать потом в профессиональной команде, вам должно было быть двадцать лет. В шестнадцать я был юниором в «Су-Сент-Мари» и не мог играть с профессионалами.

Я хорошо ладил с моим тренером Маззом Макферсоном. Он был отличным парнем. Когда Мазз ушел, его заменил Пол Терио. Пол уделял большое внимание позиционному хоккею, что является хорошим способом развития игроков. Когда Пол работал

тренером в «Ошаве», а Марти Максорли играл в «Бельвиль Буллз» в 1981/82 г., Марти принял участие в матче всех звезд, а Пол был его тренером. Он хорошо относился к Марти и многому его научил. Марти просто обожал его.

Не желаю себя нахваливать, но все же скажу, что мне не нужно было начинать с основ. Я изучал хоккей всю жизнь. Когда мне было семь лет и я смотрел с папой «Хоккейную ночь в Канаде», он давал мне ручку и бумагу. Он велел мне отмечать перемещения шайбы линиями на бумаге, не смотря при этом вниз. Это развивало мое периферическое зрение, которое, в свою очередь, помогло мне разработать более творческий подход в игре. Я знал, где находятся ребята, поэтому направлялся туда, где будет шайба. Вот почему стиль тренера Пола Терио плохо мне подходил. Я начал думать о переходе в профессионалы, но юниоры не могли участвовать в драфтах НХЛ.

Мой агент Гас Бадали рассказал мне о ВХА и сообщил о предложении на сумму в 80 000 долларов от Джона Бассетта, владельца «Бирмингем Буллз». Джон строил команду, состоящую из таких замечательных молодых парней, как Рик Ваайв, Мишель Гуле, Крейг Хартсбург и Роб Рамаж: все они – будущие капитаны команд НХЛ, игроки сборной Канады и члены Зала славы. Пол Хендерсон был их ветераном. Мне бы хотелось поиграть с этими ребятами, но Гас счел, что предложение слишком незначительное. И затем он получил предложение от Хартфорда, чтобы я играл в команде с Горди Хоу за 200 000 долларов. Это стало бы исполнением мечты, но предложение отозвали. Владельцы ВХА надеялись, что их команды окажутся в НХЛ, а так как я был слишком юным, они думали, что я не смогу там играть. Наверное, ничто не случается просто так.

Бассетт рекомендовал меня своему другу Нельсону Скалбани, богатому застройщику из Ванкувера, который начинал инвестировать в спортивные команды. Нельсон владел двумя командами ВХА. В 1976 г. он купил «Эдмонтон Ойлерз», но затем продал их в следующем году Питеру Поклингтону. Потом он купил «Индианаполис Рейсерз», исходя из того, что ВХА войдет в НХЛ. Он хотел повысить ценность лиги и решил, что для этого лучше всего приобретать хороших юных игроков. И НХЛ тогда либо возьмет к себе команды ВХА, либо же будет платить им деньги за юных хоккеистов.

Нельсон обратился к моим родителям в июне 1978 г., и вместе с Гасом мы вылетели в Ванкувер на частном самолете Нельсона. Мне было семнадцать, для НХЛ я не подходил по возрасту, но очень хотел играть в профессиональный хоккей. Как только мы прибыли, Нельсон попросил меня пробежаться с ним. Наверное, он так проверял мою выносливость.

Вспоминая детство, когда мне было шесть, семь, восемь, девять, десять и одиннадцать лет, я могу сказать, что играл не только в хоккей. Я с нетерпением ждал лета, потому что любил лакросс и легкую атлетику. Я был большим поклонником легкой атлетики. Даже в десять лет я бегал на большие расстояния (восемьсот метров, полторы тысячи метров) по пересеченной местности. Я тренировался каждый день, и мне это нравилось.

Каждое воскресенье мы ездили на ферму моей бабушки, и первым делом я там надевал кроссовки и принимался бегать по проселочным дорогам. Я пробегал одну милю за другой. Я делал это не для того, чтобы стать хоккеистом, но это увеличивало выносливость и максимальное потребление кислорода. Тому же самому способствовала игра в лакросс в помещении. Мы играли четыре партии в субботу, а на

следующий день – три. Каждую партию я играл почти полностью (она состояла из четырех периодов по пятнадцать минут). Иными словами, на каждые выходные приходилось примерно семь часов игры в лакросс.

Годы спустя я играл в «Ойлерз». У Яри Курри всегда был самый высокий показатель максимального потребления кислорода (по этому показателю он был вторым после Пола Коффи), а Мессье всегда находился в невероятно прекрасной форме. Это являлось результатом упорных тренировок и некоторых особенностей их организма. Меня же отличало время восстановления пульса. Им требовалось в два раза больше времени. Я мог, например, полностью восстановиться за десять секунд и снова пойти на лед, а Яри и Полу могло понадобиться двадцать секунд. Это было моей сильной стороной.

В 1984 г., когда я набрал восемь очков в матче против «Миннесоты», после второго периода в раздевалку вошел Глен Саттер и сказал: «Когда захочешь пойти на лед, просто иди. В любой момент». Это был единственный такой случай за всю мою карьеру. Глен всегда давал мне много игрового времени, но только один раз тренер сказал: «Просто иди». В третьем периоде я отыграл четырехминутную смену.

Современные спортсмены находятся в невероятной физической форме. Видя, как защитники играют по тридцать минут, я не могу не восхищаться. Помню, как Пол Коффи и Кевин Лоу играли двадцать семь минут. Это по девять минут за период. Чтобы выдержать это, необходимо быть в безупречной форме. Дункан Кит в каждом матче играет двадцать пять – тридцать минут. Это просто изумительно.

Я был центральным нападающим и играл по двадцать одной минуте за матч. И это опять-таки много.

По семь минут за период. Семь минут хоккея. Если я играл семь минут, Марк Мессье тоже играл семь, а третий и четвертый игроки могли поделить между собой шесть минут. Но сегодня я вижу центральных нападающих, которые могут играть по восемь с половиной минут за период. Это может показаться небольшой разницей, но каждая дополнительная минута на льду уменьшает на одну минуту время на восстановление. Но они к этому привыкли. Эти парни в прекрасной форме.

Если вспоминать 1978 г., то все эти пробежки и лакросс вывели мою выносливость на высокий уровень. Поэтому, когда мы с Нельсоном отправились на шестимильную пробежку и я после нее был в бодром состоянии, вероятно, это произвело на него впечатление.

В том месяце мы подписали контракт о персональных услугах, который я написал от руки, когда Нельсон диктовал его мне в своем личном самолете. Контракт был на четыре года. Его сумма составляла 550 000 долларов плюс премия в размере 250 000 долларов за его подписание. Если бы произошло слияние НХЛ и ВХА и НХЛ отказалась бы от слишком юных игроков, я мог оставить себе все уже полученные деньги. Хорошая сделка, я был в восторге от подобного предложения.

А вот о чем многие не знают. Хотя я подписал этот контракт с Нельсоном и играл потом в составе «Ойлерз» в ВХА, когда произошло слияние лиг, я чуть было не попал на драфт. Это связано с тем, что сначала владельцы НХЛ не могли прийти к соглашению по поводу приема в лигу команд ВХА.

Они обратились к Лу Нану, давнишнему генеральному менеджеру «Миннесоты Норт Старз», и попросили его поучаствовать во встрече на яхте владельца «Чикаго Блэк Хокс» Билла Уирца во Флориде

с целью достижения договоренности. Нан был настоящей легендой. Американец канадского происхождения, он долго пробыл в «Норт Старз». Если бы не он, команда переехала бы в Даллас намного раньше.

Лу предложил следующее: каждая команда ВХА могла оставить себе двух игроков и двух вратарей, а остальные игроки должны были быть распределены по всей лиге. А юных игроков, таких, как я, которые подписали контракт с ВХА, но еще не могли участвовать в драфте НХЛ, выставляют на драфт, когда они достигнут соответствующего возраста. Это означало, что «Эдмонтон» не сможет оставить меня у себя.

Затем выступил Фрэнк Гриффитс, владелец «Ванкувер Кэнакс», и сказал, что, если мне не разрешат остаться в «Эдмонтоне», он не поддержит договоренность. Иногда владельцев команд НХЛ незаслуженно критикуют, но думаю, что подобный шаг свидетельствует о том, каким великодушным и заботливым человеком был Гриффитс.

В самом начале «Миннесота» не являлась командой с прекрасной обороной. Но к 1978/79 г. Лу Нан, став генеральным менеджером вместо Блэра, нанял тренером Глена Сонмора, который когда-то был жестким и сильным игроком. Нан считал, что Глен лучший тренер «Норт Старз» за всю их историю. Сонмор вкладывал в хоккей сердце и душу.

В 1978 г. Лу выбрал на драфте Бобби Смита, Стива Пейна, Курта Джайлса и Стива Кристоффа. Это был костяк команды. А затем, когда «Кливленд Бэронз» распались и пришли в «Норт Старз» в том же году, в команде появилось еще несколько ключевых игроков, в том числе вратарь Жиль Мелош.

«Миннесота» уже была сильна в центре поля, а в 1979 г. она выбрала на драфте Нила Бротена, который вместе с Кристоффом участвовал в 1980 г. в матче,

получившем название «Чудо на льду», когда сборная США победила сборную СССР. Нил играл в НХЛ семнадцать лет, провел там 1235 матчей и набрал более тысячи очков, в том числе в матчах плей-офф.

В 1979 г. «Старз» выбрали Крейга Хартсбурга на драфте первым (всего они выбрали шестерых). Хартсбург был просто невероятным. Я играл с ним в «Су» в 1977/78 г. (Он будет играть в «Миннесоте» в течение следующих десяти лет. И если бы Крейга не преследовали травмы коленей, паха, спины и бедра, он мог бы стать еще одним Бобби Орром.) Хотя «Старз» не взяли Дино Сиссарелли на драфте, они были достаточно умны, чтобы подписать с ним контракт как со свободным агентом, когда Дино никто не выбрал на драфте в 1979 г.

В 1980 г. Сонмор вошел в историю, когда «Норт Старз» противостояли команде «Флайерз», которую тренировал Пэт Куинн. Когда Куинн был молодым игроком, ему пришлось выбирать между получением стипендии и игрой в низшей хоккейной лиге. Он обратился за советом к школьному учителю физкультуры в своем родном городе Гамильтоне. Этим учителем был Глен Сонмор. Он посоветовал Куинну получить стипендию.

Куинн потом неплохо играл в качестве агрессивного силового защитника (а также был капитаном добавленной команды «Атланта Флеймз»), а затем быстро стал одним из лучших тренеров в лиге, выиграв в 1980 г. приз Джека Адамса как тренер года. Заслужил подобную честь он тем, что его команда «Флайерз» смогла не проиграть тридцать пять матчей подряд (это была самая большая беспроигрышная серия в истории спорта в Северной Америке). Эта серия закончилась в Миннесоте в присутствии такого большого количества зрителей, которое раньше «Норт Старз» на свои игры собрать не могли. «Норт Старз» разгромили «Флайерз»

со счетом 7-1 и продолжили свою собственную беспроегрышную серию из двенадцати домашних игр. В очередной раз эти команды встретились в полуфинале. На этот раз «Флайерз» Куинна взяла реванш и выиграла серию со счетом 4-1.

К 1981 г. они совершили еще одну серьезную попытку завоевать Кубок. За всю свою историю «Миннесота» никогда не побеждала «Бостон» на арене «Гарден». Но 26 февраля 1981 г. Глен Сонмор отозвал Лу Нана в сторону и сказал: «Лу, думаю, мы должны сейчас сделать все возможное и показать им, из чего мы сделаны». Нан согласился, и Сонмор сообщил игрокам: «Мы будем бороться с каждым из них всякий раз, как они на нас посмотрят».

К концу матча у «Миннесоты» сидело на скамейке пять парней, а у «Бостона» шесть. Они установили рекорд НХЛ по количеству штрафных минут. Казалось, это стало прелюдией к серии плей-офф. «Миннесота» победила «Бостон», а затем обыграла «Буффало». «Норт Старз» затем встречались с «Калгари Флеймз» (очень хорошей командой) и выиграли у них, что вывело их в финал против действующего чемпиона «Нью-Йорк Айлендерс». «Норт Старз» проиграли первые два матча на Лонг-Айленде, но начали хорошо играть в третьей игре. Батч Горинг сделал хет-трик (два гола были забиты сразу после того, как «Миннесота» играла в большинстве) и переломил ход встречи. «Айлендерз» одержали победу со счетом 7-5 и выиграли серию за пять игр. Но в том году никто не мог победить «Айлендерз». Она проиграла всего три матча в четырех сериях.

Когда Норм Грин приобрел «Норт Старз» у Джорджа и Нормана Ганда в начале 1990-х гг., он уже прославился переводом команд в другие города. В 1979 г. он купил «Атланту Флеймз» и перевел эту команду в Калгари (он оставался ее совладельцем,

когда она в 1989 г. завоевала Кубок). Но его решение перевезти «Норт Старз» в 1993 г. в Даллас стало шоком (на тот момент не прошло и двух лет после их неожиданного выхода в финал, где они, к своему несчастью, натолкнулись на Марио Лемье).

Разумеется, у Грина имелись на то свои причины. «Мет Центр», арена «Норт Старз», старел, и там было холодно. Но игрокам этот каток нравился, потому что его лед был лучшим в лиге. Грин утверждал, что теряет деньги, а местное правительство почти ничего не делало для поддержания арены в жизнеспособном состоянии. Грин хотел перевезти команду в Лос-Анджелес, но в НХЛ уже строили планы о партнерстве с компанией Disney в Анахайме. Следующим вариантом Грина был Даллас.

На последний матч «Норт Старз» болельщики пришли с плакатами, на которых были написаны обвинения в адрес Нормы Грина. Болельщики ясно выразили свое отношение к нему. Некоторые отрывали сиденья, чтобы взять их в качестве сувениров или куда-нибудь бросить. Сегодня на месте «Мет Центра» находится офис компании ИКЕА, но наследие «Норт Старз» в городе сохранилось. Член Зала славы Жан-Поль Паризе был в составе «Норт Старз» в их первый сезон. Там родился его сын Зак, добившийся больших успехов в лиге – теперь он играет за «Миннесоту Уайлд», вошедшую в состав лиги в 2000/01 году в рамках трехлетней программы расширения. В ходе этой программы к лиге в 1998/1999 г. присоединился Нэшвилл, в 1999/2000 г. – Атланта (ныне Виннипег), а в 2000/01 г. – Колумбус и Миннесота. Ирония заключается в том, что хотя Комиссия по спортивным сооружениям штата Миннесота не стала тратить 15 млн долларов, чтобы сохранить команду, на создание новой команды НХЛ потребовалось 285 млн долларов.

Но болельщики Миннесоты не забыли свою первую команду, а «Старз», в свою очередь, не забыли о своих корнях. В 1991 г. они разработали эмблему, посвященную их двадцать пятой годовщине. На ней был изображен Билл Голдсуорти (в первоначальном зеленом свитере команды), стоящий во время вбрасывания напротив Майка Модано в черном свитере «Даллас Старз».

21. «Окленд Силз»

У Дона Черри много замечательных историй о Бобби Орре. Но есть одна, которую он называет величайшей. Во время одного из матчей в Окленде Бобби удерживал шайбу более минуты, пока его команда играла в меньшинстве. Он ездил за воротами своей команды так, как мог делать только он. У игроков «Голден Силз» не было ни единой возможности отобрать шайбу.

Но затем Бобби увидел открытое пространство, устремился вперед по правому флангу, а затем направился к вратарю Гэри Смиту (с которым я потом буду играть). Бобби попытался забросить шайбу в верхний угол с неудобной руки, но Смит отразил бросок. Ему не удалось удержать шайбу, и она отскочила вверх. К этому моменту Бобби уже объезжал ворота, но увидел отскок, переправил находящуюся в воздухе шайбу под перекладину. По словам Черри, это был единственный раз в истории хоккея, когда обе команды устроили стоячую орацию.

Существует причина, по которой больше подобных ораций не происходит. Хоккеистов учат никогда не сдаваться. Вы можете проигрывать по ходу матча, но все может измениться. Я не обвиняю игроков «Силз». Я уверен, что гол Бобби Орра произвел бы такое же впечатление и на меня. Но если вы останавливаетесь, чтобы выразить восхищение действиями соперника, это не очень хороший знак. Вероятно, вам не удастся выиграть много матчей.

К сожалению, «Силз» (или «Голден Силз», как их называли на тот момент, когда Бобби забил тот гол) не выиграла много матчей. У нее, казалось, были проблемы с самого начала, и хотя в ее составе имелись неплохие

игроки, сильной хоккейной команды в области залива Сан-Франциско так и не появилось.

Расширение 1967 г. было связано с телевидением. И в рамках сделки лиги с CBS в Калифорнии должны были появиться две команды. Первым вариантом был, что неудивительно, Лос-Анджелес. Следующим очевидным выбором стал Сан-Франциско. Эта команда досталась Барри Ван Гербигу, крестнику знаменитого эстрадного певца и кинозвезды Бинга Кросби. Годом ранее Барри договорился с Кросби, его братом Микки и пятьюдесятью другими инвесторами о приобретении команды ЗХЛ «Сан-Франциско Силз». Предполагалось, что она будет играть на совершенно новом катке, который должен был быть построен, когда НХЛ не приняла «Кау Пэлас» в качестве хоккейной арены (хотя «Сан-Хосе Шаркс» будут играть там десятилетия спустя). Но каток так и не построили, и было решено, что домашняя арена «Силз» будет на другом берегу залива, в Окленде. Она называлась «Аламеда Каунти Колизеум». Команда переехала, еще даже не начав играть.

У «Силз» также были проблемы с продажей билетов, бывали случаи, когда у самих игроков оставалось по тридцать билетов, которые они никак не могли раздать. Бинг Кросби и его знаменитые друзья попытались помочь. Чарльз Шульц, автор серии комиксов «Пинатс», сделал для них пару обложек для программ. Шульц даже дал Снупи хоккейный свитер с номером «9» в своем комиксе в честь своего друга и любимого игрока «Силз» Билла Хика. (Шульц и Хик позже откроют школу хоккея в Санта-Розе, Калифорния.)

Тем не менее Барри Ван Гербиг и инвесторы теряли деньги. Они хотели продать команду в Ванкувер, но лига им не разрешала. Джерри Зельцер, владелец первоначальной лиги роллер-дерби, сделал отличное предложение, но владельцы НХЛ плохо относились к

роллер-дерби, не говоря уже о длинных волосах и роскошной одежде Джерри. Затем Чарльз О. Финли, владелец команды «Окленд Атлетикс», выступающей в высшей лиге бейсбола, встретился в 1970 г. с Брюсом Норрисом и Биллом Уирцем и убедил их продать «Силз» ему.

Но в организации имелось некоторое число уважаемых людей, имеющих прямое отношение к хоккею, в частности тренер Берт Олмстед. Берт играл в первом звене с Элмером Лаком и Морисом Ришаром в «Монреале» и был известен как грубиян. Когда он играл с Жаном Беливо и Бернаром «Бум-Бум» Жефффрионом, он сказал Беливо держаться подальше от углов – он сам добудет там шайбу и отправит ее туда, где он в последний раз его видел. Олмстед всегда, казалось, находил клюшку Беливо, а когда ему это не удавалось, он ругал Беливо на скамейке за то, что он переместился на другую позицию. Олмстед играл в финале Кубка Стэнли одиннадцать из своих четырнадцати сезонов в лиге. Олмстед был суров со своими игроками. Эдди Дорохой, маленький жесткий центральный нападающий, однажды сказал: «Если бы Берт Олмстед был Санта-Клаусом, не было бы никакого Рождества».

На должность генерального менеджера наняли Билла Торри. Он поможет «Силз» попасть в плей-офф в их втором сезоне (1968/69 г.) и снова в сезоне 1969/70 г... Но он лично не встречался с новым владельцем «Силз» Чарли Финли.

У Финли имелись всевозможные идеи, которые не подходили для хоккея. Одной из них были белые коньки. После тренировочного сбора тренер вошел в раздевалку и объявил команде: «У нас большой сюрприз для вас, ребята». Для каждого игрока были приготовлены белые коньки. В «Силз» было немало игроков старой школы, таких, как Харри Хауэлл, Эрл Ингарфилд, Билл Хик и Джерри Эман. Хауэлл покачал

головой и сказал: «Я не буду играть в белых коньках! Это коньки для *фигурного катания*».

Билл Торри предупреждал Финли. Он сказал:

- Чарли, хоккеисты не играют в белых коньках.

Финли ответил:

- В моей команде могут и поиграть.

Когда команда позже участвовала в показательном матче в Садбери, Онтарио, Финли появился без предварительного уведомления. В середине первого периода Торри, который находился в ложе для прессы, получил записку. В ней говорилось, что мистер Финли ожидает его внизу.

Торри спустился и сказал:

- Чарли, я не знал, что ты придешь.

Финли произнес:

- Где белые коньки, которые я вам прислал? Никто в них не играет.

- Никто.

Финли сказал:

- Так, я приехал сюда из Чикаго вовсе не для этого, поэтому лучше тебе сходить к ним и сказать, что кому-то нужно сыграть в белых коньках.

После первого периода Торри нашел тренера Фредди Гловера и сказал:

- Иди и скажи ребятам, что босс здесь и что кому-нибудь из них лучше бы выйти в белых коньках.

Гловер ответил:

- *Сами* идите и скажите им.

Торри направился к ребятам:

- Господа, приехал человек, который подписывает ваши чеки, и он хочет, чтобы один из вас сыграл в белых коньках.

В раздевалке воцарилась мертвая тишина. Добровольно никто не соглашался. Торри прошелся по раздевалке и сказал:

- Наверное, вы меня не расслышали. Я сказал, что человек, который подписывает ваши чеки, хочет, чтобы кто-то из вас сыграл в белых коньках.

Он вышел из раздевалки и принялся ждать в коридоре. Через несколько минут левый нападающий Гэри Джарретт вышел в белых коньках. После игры Торри нашел Финли и сказал:

- Ну, Чарли, как тебе эти белые коньки?

Финли ответил:

- Мне они не понравились. Они плохо смотрелись на белом льду.

И поэтому он поручил компании ССМ сделать для ребят коньки, в которых бы присутствовали официальные цвета «Силз»: ярко-зеленый с желтым отливом, белый и золотистый. И соответственно, другие команды последовали этому примеру. В «Торонто» сделали синие коньки, а в «Детройт Ред Уингз» появились красные коньки с белым носком. Проблема заключалась в том, что, когда шайба или клюшки попадали по конькам, они оставляли на них черные отметины, поэтому это стало настоящим кошмаром для всех тренеров. Примерно через год цветные коньки исчезли.

В другой раз Финли решил, что ему нужен живой тюлень для талисмана. Он поручил Биллу Торри найти его, сказав:

- Думаю, болельщикам это понравится.

Торри ответил:

- Если ты этого действительно хочешь, посмотрим, что мы можем сделать.

Команде Торри было трудно найти тюленя. Но за пару недель до начала тренировочного сбора вошел пиарщик и сказал:

- Я нашел тюленя в морском парке. Его дрессировщик прибудет с ним к нам за 500 долларов.

Торри ответил:

- При условии, что он живой и хлопает ластами. Что угодно, чтобы порадовать Чарли.

В вечер открытия сезона перед выходом певца, исполняющего гимн, на каток из калитки, предназначенной для выезда ледовозаливочной машины, вышел человек с тюленем на поводке. Оказавшись в центре катка, тюлень несколько минут издавал громкие звуки и хлопал ластами, а затем внезапно решил лечь на приятный прохладный лед. После этого он уже не двигался. Пиарщик и работники катка утащили тюленя со льда.

Финли подошел к раздевалке и заметил:

- Это было похоже на мертвого тюленя.

Торри сказал:

- Чарли, у нас не было возможности его проверить.

- Ну, и сколько мы должны дрессировщику?

Торри ответил:

- Кажется, 500 долларов.

- Дайте ему 250 и велите убираться отсюда.

Торри также был вынужден тратить много времени на разработку формы команды и различных брошюр. Что еще хуже, несмотря на положение в контракте Торри, говорящее о том, что ни один игрок не может быть отдан в другую команду без его согласия, Финли вмешивался в управление клубом. В 1970 г. он захотел, чтобы Торри совершил с «Рейнджерз» сделку, касающуюся продажи игроков.

Торри сказал:

- Чарли, я перестану быть хорошим генеральным менеджером, если соглашусь на такое. Это повредит нашей команде.

Финли велел Торри заключить сделку и дал ему сорок восемь часов. Торри проигнорировал это распоряжение, и Финли уволил Торри. Торри подал в суд и выиграл дело. Он покинул «Силз» и принял предложение от другой добавленной команды, «Нью-

Йорк Айлендерз». Сегодня Торри является специальным советником генерального менеджера и заместителем управляющего клубом «Флорида Пантерз».

Чарли Финли также был известен тем, что платил своим игрокам меньше, чем они заслуживали. В сезоне 1970/71 г. Эрни Хик в свой первый год в составе «Силз» забросил двадцать две шайбы и сделал двадцать пять результативных передач. На счету центрального нападающего Денниса Хекстолла (до того, как его продали в «Миннесоту») была двадцать одна шайба и тридцать одна голевая передача. Летом того года Финли начал переговоры с Хиком. Как новичок Хик заработал за первый год 10 000 долларов. Финли предложил ему повышение в размере 1000 долларов. Хик позвонил Деннису Хекстоллу и узнал, что он зарабатывает на тысячу больше. Поэтому, когда Финли позвонил и спросил:

- Эрни, как дела? Ты подумал о моем предложении? - Хик ответил:

- Да, Чарли. Да, я подумал о вашем предложении. Я отказываюсь.

- Почему?

Хик ответил:

- Ну, Хекстолл был в нашей команде в прошлом году. Я забросил больше шайб, чем он, и он получает 55 000 долларов, а вы хотите дать мне 11 000 долларов?

Финли сказал:

- Ну, вот единственное, что ты можешь сделать, Эрни: обратись в арбитраж в Монреале. Кроме меня, там будет президент НХЛ Кларенс Кэмпбелл. Он тебе и десяти центов не добавит. Фактически ты потеряешь 1000 долларов, поскольку тебе придется заплатить за полет туда, гостиницу и питание.

Хик вылетел в Монреаль и, прибыв к Кларенсу Кэмпбеллу, изложил ему свое дело. Выслушав Хика,

Кэмпбелл сказал:

- Тут все совершенно ясно. Вы получите то, что предложил Финли.

Хик воскликнул:

- Что? Вы шутите?

Кэмпбелл ответил:

- Нет. Разговор окончен, увидимся на тренировочном сборе.

В следующем сезоне, 1971/72 г., команда у «Силз» стала совершенно другой. Там появились прекрасные молодые игроки, такие, как вратарь Жиль Мелош, Джоуи Джонстон, Кароль Вадне, Джерри Пиндер, Пол Шмир и Бобби Шихан. Только четверем парням в команде было больше двадцати пяти. В качестве генерального менеджера в команду пришел Гарри Янг, а на должность тренера был взят Вик Стасюк. Команда играла очень хорошо. И Финли иногда ездил с ними на гостевые матчи.

В октябре 1971 г. Мелош парировал огромное количество бросков, и команда обыграла «Бостон» со счетом 2-0. Финли вошел в раздевалку и сказал: «Так, завтра мы едем в Нью-Йорк, там я вас поведу в магазин «Гуччи». Я хочу купить каждому из вас хорошую пару итальянских туфель». Потом они играли с «Рейнджерз» и победили со счетом 2-1. Финли снова вошел в раздевалку: «Невероятно, ребята. Завтра с утра будут лимузины. Мы едем на фабрику «Берлингтон». Каждый получит пальто».

Финли был непредсказуем. В том же году на Рождество всем женам подарили кулоны, на которых было написано: «Окленд А'^[40], чемпионы мира 1970 г.».

Когда в 1972 г. появилась ВХА, большинство игроков Финли перешли туда и ядро команды исчезло. ВХА предлагала гораздо больше денег. Деннис Собчук, юная звезда команды «Реджайна Пэтс», который был выбран

на драфте в 1974 г. восемьдесят девятым «Филадельфией», заработал миллион долларов, когда отправился в «Цинциннати Стингерз» в 1975 г.

То же самое произошло с «Окленд Атлетикс» Окленда в бейсболе. Финли потерял своего лучшего хиттера Реджи Джексона и будущих членов Зала славы – питчеров Кэтфиша Хантера и Ролли Фингерса. Реджи Джексон возглавлял лигу по таким показателям, как хоум-ран и хиттинг, но Финли это не волновало. Отношение его выразилось следующим образом: «Езжайте в Нью-Йорк. Я возьму других игроков».

В 1973/74 г. «Силз» закончили сезон со следующими результатами: 13 побед, 55 поражений, 10 ничьих. В дело вступила НХЛ и купила команду у Финли. Команда приносила лиге убытки, и ее продали Мелу Суигу, владельцу отелей из Сан-Франциско. Он перевел команду в Кливленд в 1976/77 г. Ей дали название «Бэронз», и она продержалась всего два сезона, после чего ее игроки перешли в «Миннесота Норт Старз».

Но это не значит, что хоккею не было места в области залива Сан-Франциско. У клуба «Сан-Хосе Шаркс» сегодня один из самых шумных катков в лиге. То же самое можно сказать и об агломерации Миннеаполис – Сент-Пол, которая потеряла команду, затем получила ее обратно. Или о Денвере. Или о Виннипеге, если уж на то пошло. Когда команда терпит крах, говорят, что проблема в рынке. Но это не обязательно так. Часто, когда мы говорим, что один рынок лучше другого, мы имеем в виду, что одна команда лучше другой. Никто не хочет смотреть, как родная команда каждый вечер оказывается в неловком положении. В конце концов болельщики перестанут приходить на каток. Если бы «Силз» находились в равных условиях с более развитыми франшизами, им бы, вероятно, не пришлось уходить в 1970-х гг. Возможно, то же самое можно сказать и о «Кливленд

Бэронз» и «Канзас-Сити Скаутс». Если команды получают соответствующую поддержку от лиги и если они делают правильные шаги по установлению связей с общественностью через благотворительную деятельность и молодежные хоккейные программы, я не понимаю, почему хоккей не должен процветать там, где люди могут заниматься и интересоваться спортом.

22. «Питтсбург Пингвинз»

Мой отец по-настоящему верил в необходимость образования. Ему была *ненавистна* мысль о том, что его дети по какой-либо причине пропустят занятия в школе. Но в начале сентября он разрешил мне не ходить в школу один день в неделю.

Именно тогда «Питтсбург Пингвинз» будут проводить тренировочные сборы в моем родном городе Брантфорд в провинции Онтарио. Примерно четыре или пять часов в день я проводил на трибунах, удивляясь тому, насколько большими были игроки и как быстро они двигались. Возможно, самое большое впечатление на меня произвела их самоотдача на тренировках. Никто просто так не стоял. Все тренировались с максимальным напряжением. Помимо всего прочего, я подумал: «А ведь это, пожалуй, очень увлекательно».

Когда я был в детской хоккейной команде, я за один год забросил 400 шайб, что тоже было весьма интересно. Об этом каким-то образом услышали «Пингвинз», и меня пригласили в их раздевалку в сентябре. Там находилось около пятнадцати парней. Все они были вспотевшими, выполняли отжимания и бросали набивные мячи. Я был застенчивым ребенком и немного испугался этих огромных парней в спортивных костюмах. Но затем тот, кто казался наиболее устрашающим, подошел, чтобы пожать мне руку и познакомить меня с остальными ребятами. Его звали Глен Саттер.

Конечно, я с годами многому научился у Глена, но первым уроком для меня стала встреча с ним. Для меня столь многое значило то, что он сам подошел и поприветствовал нервничающего ребенка. Я никогда не забывал об этом. В течение всей своей карьеры, за

исключением уж совсем тяжелых дней, я всегда находил время поговорить с детьми, которые хотели встретиться с некоторыми своими героями.

Занимаясь расширением, НХЛ решила добавить не только две команды с Западного побережья, но и две со Среднего Запада и две с Востока. Буффало и Питтсбург конкурировали на Востоке, но Питтсбург благодаря некоторым обстоятельствам имел преимущество. Сенатор из Пенсильвании Джек Макгрегор, представлявший двадцать одного инвестора, обратился к своему другу Арту Руни, владельцу «Питтсбург Стилерз». Макгрегор предложил ему доленое участие во владении «Пингвинз» и попросил его позвонить братьям Норрисам, которым принадлежали «Уингз» и «Блэкхокс». Руни убедил их помочь склонить голоса в пользу Питтсбурга.

Как только франшиза была получена, Макгрегор нанял на должность генерального менеджера Джека Райли, бывшего профессионального игрока. Владельцы велели Райли добиваться победы сразу и выбирать проверенных игроков, а не новичков. Райли нанял бывшего тренера «Рейнджерз» Реда Салливана, и в течение следующих нескольких лет они взяли в команду некоторых бывших игроков «Рейнджерз».

Самым известным из них был Энди Батгейт, который играл десять лет в «Нью-Йорке» и фактически сравнялся с Бобби Халлом в гонке бомбардиров в 1961/62 г. Он также выиграл Кубок в составе «Лифс». «Пингвинз» также взяли бывшего игрока «Рейнджерз» Брайана Хекстолла (отца вратаря Рона Хекстолла) в 1969 г. Его отец, Брайан Хекстолл-старший, был одним из лучших хоккеистов «Рейнджерз» в конце 1930 – начале 1940-х гг. и включен в Зал славы. Брайан-младший был горячим парнем и часто бросался на защиту товарищей по команде. Это, возможно, семейная черта. Не думаю, что кто-нибудь, кто хоть раз

играл против Рона, считал, что он будет уклоняться от конфронтации. Если вы слишком долго находились рядом с воротами Хекстолла, у вас появлялись синяки на ногах.

К 1973/74 г. «Питтсбург» выстраивал команду, выбирая умелых игроков на драфте, но одной из их главных проблем была жесткость. Теперь у них было несколько игроков, вступавших за товарищей, например, такие парни, как Багси Уотсон, который, несомненно, был одним из самых жестких парней в лиге. (Семью годами ранее, когда он был в «Детройте», он в серии плей-офф сумел выключить из игры Бобби Халла – это работа не для слабонервных.) И все же в эпоху, когда в «Филадельфии» были «Разбойники с большой дороги», в «Сент-Луисе» – братья Плагер и Стив Дурбано, а в «Бостоне» – «Биг Бэд Брюинз», игрокам «Пингвинз» сильно доставалось.

Поэтому в конце 1970-х и начале 80-х гг. «Питтсбург» задействовали больше жесткости. В ту эпоху (и в мою тоже) у жестких парней была своя роль. Они являлись частью хорошей команды: нападающие, защитники и несколько жестких ребят.

Был парень по имени Ким Клэксон, который играл за несколько разных команд и в 1979/80 г. попал в «Питтсбург». Ким выглядел как мальчик из хора, но он был единственным, кто пугал меня в хоккее. При росте 178 см и весе 88 кг он не был настоящим зверем, но мог доставить массу неприятностей.

Ким никого не боялся. Он не пытался драться со мной, но не упускал случая налететь на меня. Для него это было все равно что забивать голы. Я всегда знал, кто на льду и где они. Я также любил стоять напротив скамейки соперников – благодаря этому я мог сосчитать всех перед мной. А что касается Кима, то я все время хотел знать, где он. Тем самым я воздавал ему должное – таким парням платят за то, чтобы вы думали о них.

Клэксон обычно ел в заведении под названием «Александр Грэм Белл» на Маркет-сквер в центре Питтсбурга. Менеджером бара был парень по имени Хо Хум, вьетнамский иммигрант. Клэксон дал ему билеты на матч между нами, «Ойлерз» и «Пингвинз», 19 января 1980 г. Для Хо Хума это был первый хоккейный матч. Он сидел через два ряда от нашей скамейки. В середине второго периода шайба оказалась около угла их ворот, и я решил прессинговать. Их вратарь Роб Холланд прикрыл шайбу, а Ким был перед ним.

Ким случайно попал мне клюшкой по лбу. Удар несколько оглушил меня, и я некоторое время лежал на льду. Тренер «Эдмонта» вышел на лед, чтобы узнать, что со мной. Обычно, чтобы тренер не поскользнулся, его сопровождает игрок. В тот вечер несколько моих товарищей вскочили со скамейки. Одним из них был Дэйв Семенко. Игра на тот момент уже проходила агрессивно, а Дэйв никогда не прощал тех, кто позволяет себе вольности. Очень скоро он и Клэксон сбросили перчатки. Дэйв принялся наносить мощнейшие удары, и Клэксон оказался на коленях. Но Клэксон все равно не сдавался.

Каким-то образом лайнсменам удалось разнять их и отправить на скамейку штрафников, но ребята так и не успокоились. Оба хотели еще многое друг другу сказать, и у Дэйва кончилось терпение. Скамейки к тому моменту опустели, и даже вратари внимательно следили за игрой. Никто не смотрел на скамейку штрафников. И вдруг Дэйв перемахивает через борт и кидается на Клэксона. Самое смешное было то, что, стоя в зоне штрафников, где пол был на несколько дюймов выше льда, Клэксон казался столь же высоким, как Дэйв. Они нанесли пару ударов, пока Клэксон все еще стоял в зоне штрафников, затем он выскочил на лед, и драка продолжилась. Лайнсмены разняли их, затем Клэксон вырвался, и драка продолжилась.

В конце концов их разняли в третий раз и повели в раздевалки. Но у Клэксона были другие планы. Как только сотрудники НХЛ повернулись спиной, он спокойно надел шлем, вернулся и принялся вызывать на бой любого игрока «Ойлерз». Его вызов принял Дэйв Хантер, и завязалась новая драка.

Когда Глен Саттер увидел на льду Клэксона, он взял бутылку с водой и бросил ее в него. Внезапно кто-то попытался добраться до Глена сзади. Это был Хо Хум. В руке у него была большая открытая английская булавка, к которой было прикреплено множество ключей. Он держал ее как нож. Пока Глен двигался взад-вперед, уворачиваясь от булавки, Клэксон взял бутылку с водой и начал брызгать водой на Глена, который был одет в один из своих шерстяных костюмов ручной работы. Это продолжалось несколько минут. Затем полицейские схватили Хо за ногу, стащили его с ограждения и надели на него наручники.

Через неделю Ким приехал в заведение вьетнамца на обед. Он сел за столик, и к нему подошел Хо Хум. Когда Клэксон предложил ему билеты на следующий матч, Хо покачал головой: «Хватит с меня хоккея, спасибо».

Хоккейной команде в Питтсбурге на первых порах пришлось нелегко. Трудно выиграть, когда у вас почти нет шансов на победу, и трудно *научиться* побеждать, когда у команды еще нет хоккейной традиции. Долгое время казалось, что «Пингвинз» постигнет такая же судьба, как «Силз». На арене «Иглу» было полно пустых мест, команда объявила о банкротстве, и многие ожидали, что она переедет. Команда часто терпела поражения, и ей не удавалось брать хороших игроков на драфте. Но иногда появляется парень, который настолько великолепен, что способен полностью изменить ситуацию. «Пингвинз» воспользовались шансом взять на драфте такого игрока, и не ошиблись.

Во время своего первого выхода на лед в НХЛ Марио Лемье забрал шайбу у будущего члена Зала славы Рэя Бурка, направился к воротам и забил гол. Это был его первый бросок в качестве профессионала. Неплохое начало для франшизы, у которой не было победного сезона с 1979 г. Он набрал 100 очков в качестве новичка и 141 в своем втором сезоне, что сделало его вторым в гонке бомбардиров. В четвертом сезоне он набрал 168 очков и обошел меня по этому показателю.

Почти не было такого, что Марио было бы не под силу. Он мог набрать 200 очков за сезон. За один матч он как-то раз набрал восемь очков во всех возможных для игрока ситуациях: при игре в равных составах, в большинстве, в меньшинстве, во время штрафного броска и в пустые ворота. Он был настолько мощным и двигался так искусно, что мог делать все, что хотел. Представьте себе настолько хорошего хоккеиста, что даже такой легендарный игрок, как Яромир Ягр, становится вторым лучшим игроком в команде.

К моменту появления великолепного Марио «Пингвинз» уже едва держалась. И совсем скоро она стала одной из самых устрашающих команд в лиге. (И сейчас они, несомненно, одни из самых удачливых. Одно дело суметь выбрать на драфте Марио и Ягра, а теперь у них есть Сидни Кросби и Евгений Малкин.) Сегодня имя Марио выгравировано на Кубке как в качестве игрока, так и владельца. Он - единственный человек, сумевший этого добиться. Но до подобного господства в 1967 г. было далеко.

23. «Филадельфия Флайерз»

Всякий раз, когда у игрока берут интервью после победы в Кубке Стэнли, этот игрок в первую очередь благодарит своих родителей. Просто никто не сможет попасть в НХЛ без поддержки, требующей зачастую невероятных усилий. Речь идет не только о родителях. Это и тренеры, и все те люди, которые занимаются хоккеем в юношеских лигах. Мне, конечно, очень повезло с тем, как родители воспитывали меня и помогали мне. Я не могу выразить словами, насколько я им благодарен.

Мои родители делали все, чтобы я мог добиться успеха, и когда мне исполнилось четырнадцать лет, настал момент двигаться дальше. Я хотел играть в Торонто за команду, которая называется «Янг Нэйшенелз». Любой, кто играл в юношеский хоккей на серьезном уровне, вероятно, сталкивался с «Янг Нэйшенелз» на каком-нибудь турнире в Северной Америке. Через эту команду прошло множество великих игроков, в том числе Пол Коффи, Майк Гартнер, Ларри Мерфи, Эрик Линдрос и недавно Тайлер Сегин и Джефф Скиннер. Думаю, вы понимаете, почему мои родители считали, что игра в составе «Нэйшенелз» станет для меня хорошей возможностью. Билл и Рита Корниш, семейная пара из Торонто, стали моими опекунами. Корниши прекрасно ко мне относились, и с годами мы стали очень близки.

Я прибыл в школу в сентябре, но за неделю до начала сезона Юношеская хоккейная ассоциация Онтарио не допустила меня и еще одного паренька по имени Брайан Рорабах на том основании, что мы не имели права играть в Торонто, поскольку он был из Брайтона, Онтарио, а в качестве моего домашнего

адреса был указан адрес на шоссе в Брантфорде. Мы обратились в суд, чтобы оспорить этот недопуск, но проиграли. Рорабах обратился в вышестоящий суд и выиграл, но я не хотел пропускать еще часть сезона в суде. Я хотел играть в хоккей.

У меня было два варианта. Я мог вернуться домой или играть за команду старшеклассников в «Колледж Аппер Канада», частной школе в Торонто. Этого мне тоже не хотелось. К счастью, тренер юниорской команды «Нэйшенелз» юниорской лиги «Б» (где играл Мюррей Хоу), что на уровень выше младшей хоккейной ассоциации, пригласил меня посмотреть на тренировку. Конечно, я согласился. В то время я был ростом примерно 167 см и весил 54 кг. Ребята из лиги «Б» казались огромными. Но после тренировки тренер сказал: «Знаешь, ты мог бы играть здесь». Я нервно ответил: «Да, думаю, что смогу». Мой папа только что сказал: «Боже мой, тебя убьют».

Игра там изменила мою жизнь во многих отношениях, и она также изменила стиль моей игры. Одним из самых интересных игроков в НХЛ тогда был Бобби Кларк^[41]. Он не был большим парнем, но играл бесстрашно, и отчасти это было связано с тем, что он играл с умом. Тренер «Нэйшенелз» Джин Попейл дал мне отличный совет. Он порекомендовал мне смотреть, как действует Кларк, в частности, в углах и за воротами и особенно при игре в большинстве.

В те времена, если бы вы были в куртке с эмблемой команды «Торонто Марлис», вы могли получить билет (на стоячее место) на матч «Лифс» за доллар. Поэтому всякий раз, когда «Флайерз» прибывала в город, я приезжал на метро в «Мэйпл Лиф-Гарденс», чтобы увидеть, как разминается Бобби Кларк. И затем я внимательно следил за теми моментами, когда «Флайерз» играли в большинстве. Кларк мог

контролировать темп, располагаясь в слабых местах обороны соперника. Если Кларка начинали преследовать, слабые места только увеличивались, а кто-то из его товарищей оставался без присмотра. И, конечно, когда он находился за воротами, никто не мог прикоснуться к нему.

Всякий раз, когда кто-то спрашивает меня, как я научился контролировать атаку из-за ворот, я могу лишь честно ответить, что я смотрел, как это делает Бобби Кларк. И мне это очень помогло.

В 1981 г. я забил пятьдесят голов в тридцати девяти стартовых играх сезона. Пять из них были забиты в тридцать девятом матче (против «Филадельфии»). Впоследствии я говорил со многими в раздевалке, и потребовалось довольно много времени, чтобы я мог собраться и уйти. Когда страсти немного поутихли, один из тренеров сказал мне, что меня хочет поприветствовать Бобби Кларк.

Я просто не мог поверить, что Кларк все это время ждал, чтобы поговорить со мной, – это было невероятно любезно с его стороны. И я никогда не забуду его слов: «Знаешь, что касается Бобби Орра, я по крайней мере знал, где он. А тебя я в половине случаев даже найти не могу». Он, конечно, шутил, но это все равно стало большим комплиментом от человека, которым я так восхищался в детстве.

Кларк стал одним из самых уважаемых руководителей в лиге, и ему поручили руководить сборной Канады на Олимпийских играх 1998 г. в Нагано. Это значит, что он, вероятно, являлся самым уважаемым хоккейным умом в Канаде. Мы с ним пили кофе каждое утро в течение нескольких часов в Олимпийской деревне с Бобом Гейни, еще одним очень умным хоккеистом и руководителем, который также неоднократно и заслуженно выигрывал Кубок Стэнли. Мы говорили о старых временах и игроках, которых

знали, и о молодых хоккеистах. Когда вы говорите о хоккее с людьми, которые любят эту игру, время словно останавливается.

Филадельфия – спортивный городок. Лига искала телевизионные рынки, и благодаря трем профессиональным командам (футбольной, бейсбольной и баскетбольной) Филадельфия уже стала четвертым по величине телевизионным рынком в стране. «Филадельфия Иглз» (НФЛ) играла с 1933 г. Бейсбольная команда «Филадельфия Филлис» – старейшая спортивная команда в Соединенных Штатах – появилась в 1883 г., а баскетбольная «Севенти Сиксерз» в 1963-м. Собственно говоря, в Филадельфии уже была команда НХЛ до 1967 г. «Филадельфия Квakerз» просуществовала всего один сезон – 1930/31 г. Она выиграла 4 матча, проиграла 36 и 4 сыграла вничью. Это рекордно низкое количество побед для команды НХЛ. Неудивительно, что у болельщиков это интереса не вызывало.

Когда Эд Снайдер, совладелец «Иглз» (и мой будущий сосед и друг), услышал о расширении НХЛ, он был уверен, что у него кое-что может получиться. «Севенти Сиксерз», взявшая себе Уилта Чемберлена в 1965 г. и в 1967-м выигравшая чемпионат НБА, хотела новое здание, которое могло бы также использоваться и как хоккейная арена. Снайдер договорился со своим шурином Джерри Шиффом, Биллом Путнэмом, молодым финансовым консультантом в Нью-Йорке, и другим совладельцем «Иглз», Джерри Вулманом. Они подали заявку и приобрели франшизу.

Генеральный менеджер Бад Пойл нанял на должность тренера Кита Аллена. Снайдер приобрел за 350 000 долларов клуб Американской хоккейной лиги «Квебек Эйсес», чтобы запустить процесс построения команды, и приобрел некоторых великих игроков, таких, как Андре Лакруа, Жан-Ги Гендрон и Билл

Сазерленд. Затем Аллен год изучал команды «Первоначальной шестерки», и на драфте расширения они выбрали вратаря Берни Парента и двух хороших защитников, Эда Ван Импе и Джо Уотсона. Другими словами, они сделали то, что делают многие умные команды: начали построение от обороны вперед.

В день открытия они провели парад на Брод-стрит: игроки, сидящие сверху на кабриолетах, направлялись к арене «Спектрум». Эд всегда говорил, что *на* параде было больше людей, чем тех, кто на него смотрел. Это изменится скорее, чем кто-либо думал, но им еще предстояла и неудача. 1 марта, в их первый сезон, буря сорвала часть крыши с их совершенно нового здания, и поэтому им пришлось играть свои последние семь домашних матчей в гостях. Они заняли первое место в западном дивизионе, но проиграли Сент-Луису в полуфинале из семи матчей. Во втором сезоне они снова проиграли «Блюз», только на этот раз их разгромили. Ноэл Пикард (защитник «Блюз», память о котором увековечена на знаменитой фотографии, где Бобби Орт оказывается в воздухе, забив свой самый известный гол) и братья Плагер обходились очень жестко с игроками «Филадельфии». Эд, наблюдая за тем, как толкают его хоккеистов, сказал Киту Аллену, что такого больше не повторится.

Первый раз всеобщий любительский драфт был проведен в 1969 г. Бобби Кларк, который играл за «Флин Флон Бомберз» из Манитобы, два года подряд блистал в Хоккейной лиге Западной Канады и в эти два года стал там лучшим бомбардиром, а в 1969 г. был назван самым ценным игроком. (Он также стал лучшим бомбардиром и самым ценным игроком двумя годами ранее, когда «Бомберз» играла в другой лиге.) В ХЛЗК играли в невероятно жесткий хоккей, но ничто не могло уменьшить скорость Кларка. Его нельзя было остановить.

Или почти нельзя. Когда ему было четырнадцать лет, ему поставили диагноз: диабет. Он научился делать себе уколы инсулина, и любой, кто видел, как Кларк играет, никогда не сомневался в уровне его энергии. Но диабет отпугивал генеральных менеджеров.

Драфт проводился в отеле «Куин Элизабет» в Монреале. В те дни это не было таким большим событием, как сейчас. В наши дни команда будет проводить драфт на своей арене с участием сотен сотрудников и в присутствии тысяч болельщиков на трибунах. Весь первый раунд будет транслироваться в прямом эфире по национальному телевидению, и все лучшие выбранные игроки появятся со своими семьями и агентами. Но в те дни генеральные менеджеры просто сидели вокруг стола, и время на выбор игроков ограничивалось тремя минутами. Скауты звонили тем, кого выбрали, и приглашали их в тренировочный лагерь осенью.

Несмотря на то что Кларк в течение трех лет доминировал среди юниоров, никто его не выбрал в первом раунде. («Флайерз» взяли Боба Керриера, он никогда не играл в НХЛ.) Хотя скауты с ума сходили по Кларку, который три года доминировал в юниорской лиге, из-за своего диабета он казался слишком рискованной кандидатурой. Тренер Бобби Пэт Гиннелл отвез его в клинику «Майо» в Рочестере, штат Миннесота, полагая, что четкий и ясный медицинский документ заставит НХЛ передумать. Этого не произошло.

Но Эд Снайдер был опытным человеком. Он позвонил доктору в Филадельфии, который сказал ему, что, пока Бобби ведет здоровый образ жизни, проблем не будет. Поэтому Снайдер сообщил Баду Пойлу, что нужно взять Кларка. «Флайерз» выбрала его во втором раунде под семнадцатым номером.

Как только «Филадельфия» взяла Бобби, другие команды поняли, что «Флайерз», наверное, знают то, что неизвестно им. Джимми Скиннер, главный скаут «Детройт Ред Уингз», подошел к Киту Аллену и Баду Пойлу и предложил четырех хороших игроков в обмен на Бобби. Пойл сказал: «Нет, спасибо». Потом легендарный генеральный менеджер «Монреалья» Сэм Поллок позвонил Эду Снайдеру и предложил ему за Бобби пятерых игроков и право выбрать двух лучших игроков на драфте. Эд ответил: «Ни за что». Поллок сказал, что он согласен с тем, что оставить Бобби в команде – умный ход. И так и вышло. Кларк оказался одним из лучших приобретений в истории драфтов. Никто из тех, кого в тот год выбрали на драфте, не оказал такого влияния на лигу.

Но начало у Кларка в НХЛ было тяжелым. Он упал в обморок во время одной из тренировок на сборах. Тренерский штаб нервничал. Через несколько тренировок это произошло снова. К счастью, врач команды Фрэнк Льюис кое-что знал о диабете. Когда Бобби признался, что не завтракал, Льюис посадил его на диету с большим содержанием углеводов, включая сладкие батончики и апельсиновый сок с сахарными кубиками. (Лично я любил еду из киосков. Примерно за час до игры я съедал несколько хот-догов и, возможно, попкорн, а также пил кока-колу. Помню, как парни в раздевалке ели пиццу. Я также помню, как Ги Лефлер курил сигареты одну за другой в перерывах между периодами в матче Кубка Канады в 1981 г. Горди Хоу иногда пил шоколадный молочный коктейль. Мы просто понятия не имели о питании.)

В пятом и шестом раундах в том году «Флайерз» взяла двух крупных парней из Саскачевана – Дэйва Шульца и Дона Салески. Команда постепенно превращалась в «Разбойников с большой дороги». Как никак, Эд Снайдер ведь ясно дал понять, что в жесткой

игре его команда никогда больше не будет уступать «Сент-Луису» или кому-то еще.

В 1971 г. на должность тренера «Флайерз» наняли Фреда Шеро. Фред был настоящим пионером в хоккее. Он велел игрокам тренироваться с теннисным мячом для оттачивания техники ведения шайбы. Чтобы у игроков были развитые мышцы ног, он велел им прыгать под громкую музыку, держа ноги вместе. Подобные упражнения были веселыми и спланивали ребят. И, конечно, подобные упражнения улучшали качество их игры.

Шеро относился к игрокам как к мужчинам. Он побуждал их спорить с ним, если они будут не согласны с его методами. А если кому-то случалось напортачить, он не наказывал всю команду. Он просто сажал его на пару дней на скамейку запасных. После этого игрок чувствовал себя настолько неловко, что больше не допускал серьезных ошибок.

В 1972 г. «Флайерз» заключила с «Лос-Анджелесом» сделку по поводу семи игроков. Она включала и Билла Флетта, который станет для меня хорошим другом и наставником. Джек Кент Кук прозвал его Ковбоем, и все стали называть его так же.

Ковбой Флетт весил 90 кг и ростом был больше 180 см. Он отличался значительной силой. У него были огромные ладони и мощная хватка. Он был не жестоким, а сильным. Вам бы ни за что не удалось его оттеснить, если он этого не хотел. Флетт носил густую бороду, из-за которой ему должно было быть очень жарко, хотя он всегда поддерживал ее в чистом и опрятном виде. В течение двух лет, с 1978-го по 1979-й и с 1979-го по 1980-й, я сидел рядом с ним в самолете, когда мы вместе играли в «Эдмонтоне». Помню, как от Флетта пахло мылом, пивом и лошадьми.

Ковбой был в некоторой степени трагической фигурой. Его отцом был Мейер Флетт, хороший

хоккеист, игравший за «Тернер Вэлли Ойлерз» в начале 1940-х гг. Мейер был жестоким человеком, нефтяником. Он играл во взрослой хоккейной команде с врачом «Калгари Флэймс» Бинтуронгом Мюрреем^[42], который рассказывает следующую историю: «Как-то раз после игры, когда все принимали душ, Флетт прошел мимо Бинтуронга, который подтолкнул своего приятеля и сказал: «Посмотрите на Мейера!» Флетт был весь в синяках. Вот в какую игру он играл. Никто не позволял себе валять с ним дурака, особенно его сын.

Когда Биллу было двадцать восемь лет, «Кингз» продали его в «Филадельфию». Он был большим, сильным крайним нападающим и забрасывал не слишком много шайб. Затем Билла поставили в пару с Бобби Кларком, и Билл набрал семьдесят четыре очка. Билл не слишком интересовался алкоголем, пока в двадцать с чем-то лет не перебрался в Лос-Анджелес и не стал любителем пива. К тому времени, когда он пришел во «Флайерз», он носил сшитый на заказ клеенчатый плащ, внутри которого было примерно восемь больших карманов, и в каждый он клал пиво.

Во время выездов на гостевые матчи Ковбой жил с Бобби Кларком в одном номере. Они вместе ужинали, и Бобби следил за тем, чтобы Ковбой вовремя возвращался в номер. В те дни можно было выпить пару банок пива накануне матча, и никому до этого не было дела.

За Ковбоем, возможно, следовало присматривать вне льда, но уж точно не на льду. Он доставлял немало хлопот вратарям. Если Билли шел по флангу и у него появлялась возможность для броска, а не голевая возможность, он совершал бросок так, чтобы шайба летела вратарю в голову. Его расчет заключался в том, что в следующий раз вратарь подумает, что шайба снова полетит высоко, а Билли вместо этого пускал ее

низом. Вот как он был умен. Главное заключалось не в его скорости или жесткости, а в его серьезном отношении к хоккею. Несмотря на алкоголь и все такое прочее, он никогда не забывал о хоккее. Он всегда проявлял себя с наилучшей стороны.

В 1974 г. «Филадельфия» выиграла Кубок Стэнли. Это означало победу над легендарной командой «Брюинз». Во втором матче финала «Флайерз» играли в Бостоне. Прошло уже двенадцать минут овертайма. Ковбой прошел по центру и сделал голевую передачу Бобби Кларку. Это была отличная игра, и она полностью изменила ситуацию для «Флайерз».

Помните, что ни одна расширительная команда никогда раньше не выигрывала Кубок. И за девятнадцать предшествующих приездов «Флайерз» на арену «Бостон Гарден» во время регулярных сезонов она ни разу не выигрывала. Она максимально выложилась в первом матче, но когда в конце третьего периода показалось, что она выйдет вперед, Бобби Орт в одиночку спас ворота своей команды, а затем сам забил гол. «Филадельфии» будет нелегко.

Именно Кларк, наконец, совершил прорыв во втором матче, и именно благодаря Кларку первая добавочная команда, появившаяся в 1967 г., выиграла Кубок. (Хотя именно Берни Парент, которого «Брюинз» не сохранила у себя во время драфта расширения, получил приз Конна Смайта в качестве самого ценного игрока в серии плей-офф.) Кларк вел команду и в сезоне 1974/75 г. (а Дэйв Шульц установил рекорд по количеству штрафных минут), и «Флайерз» второй раз подряд выиграла Кубок. В том году она встречалась в финале с «Буффало» (это было первое противостояние двух расширительных команд в финале). Третий матч той серии до сих пор называют «Игрой в тумане», поскольку из-за майской жары над льдом образовалось столько тумана на уровне льда на арене «Аудиториум» в Буффало, что

игроки не видели шайбу. Официальным лицам пришлось попросить их катать кругами, чтобы рассеять туман. «Флайерз» проиграла этот матч и следующий, но наверстала упущенное на домашней арене в пятом матче и завершила серию в гостевой игре благодаря тому, что Берни Парент в очередной раз не пропустил ни одного гола.

С тех пор «Флайерз» больше не выигрывала Кубок (хотя в 1980 г. под руководством тренера Пэта Куинна они дошли до финала, а в 1997 г. благодаря игроку Эрику Линдросу команда снова вышла в финал). Но она стала одной из самых уважаемых команд в лиге. С 1967 г. только у «Монреаль Канадиенс» процент выигранных матчей был выше, чем у «Флайерз». И огромную роль в этой истории успеха сыграл Бобби Кларк. Во франшизе он добился следующих достижений: самое большое количество сыгранных матчей, самое большое количество сыгранных матчей в плей-офф, самое большое количество очков, самое большое количество очков в плей-офф, лучший показатель плюс/минус^[43] и многие другие. Он также находится на четвертом месте по количеству штрафных минут. Он сыграл в восьми матчах всех звезд и трижды получал приз Харта (как самый ценный игрок). Также он выигрывал приз Фрэнка Селки (приз лучшему нападающему оборонительного плана форвард), приз Теда Линдсея, вручаемый лучшему игроку регулярного сезона, по мнению других игроков (ранее эта награда называлась приз Лестера Б. Пирсона), и многие другие награды.

Столь же важно и то, что Кларк, закончив карьеру игрока, перешел во «Флайерз» на руководящую должность и внес немалый вклад в управление командой на протяжении ее впечатляющей истории.

Некоторых игроков определяет их команда, но Бобби Кларк, несомненно, определял «Флайерз».

Думаю, что причина, по которой мы с Эдом Снайдером так хорошо ладили, заключалась в том, что мы хотели превзойти друг друга. Мне было так весело с ним на протяжении многих лет, особенно после того, как я завершил карьеру. Он получал настоящее удовольствие от разговоров о «Флайерз» со мной, потому что я столь многое знаю об их истории.

Он был хорошим другом Дэвида Фостера, музыкального продюсера, и я знаю Дэвида с 1979 г. Однажды во время рождественских праздников он пригласил нас с Жанет на обед вместе с Эдом, его женой и другими друзьями Дэвида. Дэвид любит играть на пианино и петь, и все присоединяются. Дэвид всегда говорит: «Я могу сделать так, что у кого угодно будет хорошо получаться, кроме Уэйна». И вот на том обеде, когда мы все пели, Дэвид покачал головой и сказал: «Не думал, что такое возможно, но у Эда получается хуже, чем у Уэйна».

Эд Снайдер умер прошлой весной. Это был печальный день для хоккея. Эд внес такой большой вклад в развитие команды «Флайерз» и лиги. Я помню разговор, в котором он подытожил три момента, которые изменили «Флайерз». Первый заключался в том, что она направила усилия на общество и начала программы, которые дали детям возможность играть в молодежный хоккей. Второй произошел, когда она проиграла «Сент-Луису», а затем тренеры включили в состав команды жестких игроков. И затем Эд добавил: «А третьим определяющим моментом, Уэйн, стало то, что мы выбрали на драфте парня по имени Боб Кларк».

24. Всемирная хоккейная ассоциация

Когда вспоминаешь прошлое, Всемирная хоккейная ассоциация может показаться чем-то безумным. Появляющиеся и исчезающие франшизы, растрепанные волосы и ожесточенные драки – все это было совсем непохоже на сегодняшний хоккей и на тот, который был до него.

Но я искренне считаю, что ВХА принесла хоккею пользу. Например, сама игра в лиге была на удивление хороша. Любая лига с такими звездами, как Бобби Халл, Дэйв Кеон, Горди Хоу и Джерри Чиверс, является серьезной лигой. Игроки ВХА упорно противостояли хоккеистам сборной СССР в 1974 г., и всякий раз, играя против команды НХЛ в показательном матче, команда ВХА ни в чем ей не уступала.

Отчасти это было связано с открытостью ВХА для европейских игроков и стилем игры, которую они привносили, а также с тем, что ВХА активно включала в свой состав хоккеистов из юниорских команд. Подумайте о том влиянии, которое оказывают некоторые восемнадцатилетние парни в сегодняшней НХЛ. Это дает представление о том, как в свои юные годы влияли на ВХА такие парни, как Майк Гартнер, Род Лэнгуэй, Марк Мессье и Марк Хоу. До этого молодежь, в сущности, не являлась важной составляющей хоккея.

Другое преимущество для хоккея заключалось в том, что ВХА давала много новых рабочих мест для игроков и повышала им зарплату. Я, например, не смог бы в семнадцать лет зарабатывать игрой в хоккей, если бы не новая лига.

У многих из этих команд были отличные болельщики. Люди в Виннипеге, Квебеке, Эдмонтоне и Хартфорде знали о хоккее. Там были прекрасные арены. Даже Цинциннати и Индианаполис находились достаточно близко к Детройту и Чикаго, и болельщики знали о хоккее и ценили его. До середины 80-х гг. хоккей не транслировался широко по телевидению в Соединенных Штатах, поэтому, если вы не росли хоккейным болельщиком, вы, вероятно, плохо представляли себе, что происходит на льду. Даже когда в начале 1990-х гг. появилась команда «Атланта Трэшерз», многие шутили, что болельщики будут радоваться всякий раз, когда команда сделает проброс. Но кто может их винить? Если вы никогда не видели хоккейный матч, проброс, вероятно, покажется вам отличной идеей. Да, это правда, что мы видели некоторые безумные вещи в таких местах, как Бирмингем, где драки казались важной частью маркетинга «Буллз». Но в целом хоккейные болельщики должны быть рады тому, что в свое время появилась ВХА.

ВХА была создана в 1971 г., а первые ее матчи состоялись в октябре 1972 г. Хоккейная лига из двенадцати команд была идеей американских промоутеров Денниса Мерфи и Гэри Дэвидсона (оба из Калифорнии). Они видели, как это происходило в 1960 г., когда появилась Американская футбольная лига, ставшая конкурентом НФЛ, и были непосредственно связаны с Американской баскетбольной ассоциацией, когда она стала конкурировать с НБА в 1967 г. Теперь они хотели сделать то же самое с хоккеем, но они ничего не знали об этом виде спорта. Они даже хоккейного матча не видели. Поэтому они наняли Уайлда Билла Хантера, чтобы он помог им.

Хантер был президентом «Ойл Кингз», юниорской команды Эдмонтона. Ранее он основал Юниорскую хоккейную лигу Западной Канады, которая стала ЗХЛ. (Юниоры сейчас называют ее «ЗХ».) Поскольку Хантер знал многих в мире хоккея, он ездил по всей Северной Америке в поиске инвесторов для покупки франшиз по 25 000 долларов за каждую. Одним из его первых инвесторов стал Бен Хатскин, который играл в футбол за «Виннипег Блю Бомберз» и выиграл два Кубка Грея, в 1939 и 1941 гг. (В 1967 г., во время расширения НХЛ, Хатскин попытался приобрести франшизу, но тогдашний президент НХЛ Кларенс Кэмпбелл сказал Хатскину, что тому понадобится ледовая арена на шестнадцать тысяч человек и вступительный взнос в размере 2 млн долларов. Хатскин решил, что это чрезмерные требования.)

Чтобы привлечь хороших игроков (и болельщиков), начинающей ВХА требовались звезды. И к счастью для нее, сама НХЛ помогла ей в этом. Хотя средняя заработная плата в НХЛ была конкурентоспособна по сравнению с другими профессиональными видами спорта, лучшие звезды хоккея получали меньше, чем звезды бейсбола и баскетбола. Владельцы ВХА решили, что смогут нанять некоторое количество отличных игроков из НХЛ, и оказались правы. К 1972/73 г., первому сезону ВХА, шестьдесят семь игроков перешли туда из НХЛ.

Но ВХА по-прежнему нуждалась в игроке с громким именем. Горди Хоу уже завершил карьеру, и было лишь несколько играющих хоккеистов, которых все знали: Фил Эспозито, Бобби Орт, Бобби Кларк и Бобби Халл. Проблема заключалась в том, что большинство из них были связаны контрактами, кроме Бобби Халла из «Чикаго Блэк Хокс». В тридцать три года он все еще был в отличной форме и долго еще мог играть. И он был огромной звездой хоккея.

Бобби Халл уже забил 604 гола в НХЛ. Только Горди Хоу забил больше. В 1960-х гг. Халл был ведущим бомбардиром лиги семь лет из десяти. И у него был один из самых мощных щелчков в истории хоккея – шайба после его щелчка летела со скоростью 193 км/час. Кто так делает? Никто. Ши Уэбер может бросить шайбу с силой, достаточной для того, чтобы порвать сетку (Ши сделал это на Олимпиаде 2010 г. в матче против Германии), и скорость полета шайбы после его щелчка никогда не приближалась к 193 км/час – даже в матче всех звезд, где ему было разрешено делать разбег и пользоваться более жесткой клюшкой, чем в обычных играх. Берни Парент говорит, что были моменты, когда шайба после броска Бобби так сильно отскакивала от стекла или борта, что вратарю его собственной команды приходилось делать сэйв. Он любил развлекать товарищей по команде, бросая шайбу в туннель в попытке разбить стеклянные двери старого «Чикаго Стэдиум».

Бен Хатскин предлагал Бобби 250 000 долларов в год в течение пяти лет в составе его новой франшизы в Виннипеге плюс еще 100 000 долларов в год за работу тренером или менеджером в течение пяти лет после этого. Бобби сказал: «Нет, спасибо». Он хотел остаться в «Чикаго». Он действительно любил «Чикаго» и играл там пятнадцать лет. Но у него возникли проблемы с заключением контракта с Биллом Уирцем. Посещаемость на матчах «Блэк Хокс» снижалась. Болельщики могли смотреть домашние игры «Уайт Сокс» и «Кабс», «Битарз» и «Буллз» по телевизору, но не «Блэк Хокс». Несмотря на то что матчи «Хокс» показывались по телевидению уже в 1940-х гг. (уж точно до появления программы «Хоккейный вечер в Канаде»), Уирц не соглашался на трансляцию большей части домашних игр своей команды, поскольку думал, что от этого снизятся продажи билетов. (Позднее, когда

«Чикаго» решили транслировать свои домашние матчи, число их болельщиков увеличилось. Количество зрителей на арене тоже.) В любом случае у него не было настроения платить дополнительные деньги Халлу.

Хатскин продолжал звонить Харви Вайнбергу, агенту Бобби. Наконец, просто чтобы отвязаться от Бена, Бобби сказал, что его устроит сумма 250 000 долларов в год в течение пяти лет, но он хочет получить авансом бонус в размере миллиона долларов за подписание контракта. Он думал, что на это не пойдут, потому что никому из спортсменов никогда столько не платили, да еще и авансом.

Хатскин сказал: «Да». Звезда уровня Бобби мгновенно обеспечила бы ВХА необходимое доверие, поэтому каждый из первых десяти владельцев внес 100 000 долларов, и требуемая сумма была собрана. Это была огромная сделка в хоккее, одна из самых больших за всю историю.

Когда стало известно, что Бобби переходит в ВХА, Артур Уирц, отец Билла, который все еще был председателем клуба «Хокс», отправил Бобби контракт на сумму 1 250 000 долларов. Но, как рассказывает сам Бобби, он сказал ему «засунуть его туда, где солнце не светит».

Владельцы ВХА стоили владельцам НХЛ много денег и навсегда изменили хоккей. Впервые с тех пор, как Западная хоккейная лига прекратила существование в 1926 г., у соперничающей лиги появилась возможность конкурировать с НХЛ за элитных игроков.

Возникли юридические проблемы, связанные с пунктом в контрактах НХЛ, который запрещает игрокам выступать за другие клубы. Но суды постановили, что, как только контракт игрока заканчивается (а в 1972 г. у нескольких игроков НХЛ был контракт на один сезон),

игрок может свободно заключать контракт с командой, которая обладает правами на него – в любой из лиг.

Это стало началом многолетних сделок, касающихся сохранения прав на игроков. Несколько звезд НХЛ последовали за Бобби в ВХА, в том числе вратари Джерри Чиверс из «Бостона» и Берни Парент из «Торонто», защитники Тед Грин и Жан-Клод Трамбле и интересный молодой центральный нападающий по имени Дерек Сандерсон.

До появления ВХА игроки не обладали правом голоса. Команды принимали решения, поскольку игрокам больше не с кем было вести переговоры. Вот почему вы всегда слышите историю, как Гленн Холл угрожал уйти на год в отпуск и заняться покраской своего сарая. (Оказалось, что никакого сарая не было, это просто Гленн так вел переговоры.) У игроков не было никаких рычагов давления. Именно ВХА, наконец, дала им некоторую возможность диктовать свои условия.

Между тем НХЛ думала, что если она проигнорирует ВХА, то ВХА исчезнет. Вспомнить хотя бы случай с Томом Уэбстером.

Уэбстер хорошо играл в «Детройте», а затем его продали в «Калифорнию Голден Силз». Затем, когда контракт Уэбстера закончился, Говард Болдуин, совладелец команды ВХА «Нью Ингленд Уйэлرز», предложил ему трехлетний контракт на гарантированную сумму более чем в 50 000 долларов в год. В те времена это были большие деньги – в «Силз» Том зарабатывал всего 12 000 долларов в год. Поэтому он позвонил Финли и сказал:

– Меня выбрала команда ВХА и предложила мне контракт на три года, и думаю, я могу согласиться.

Финли ответил:

– Ну, сынок (если вы нравились Финли, он называл вас сынок), прилетай, мы можем встретиться здесь, в

Чикаго.

Уэбстер сел на самолет, прилетел в Чикаго и, придя в офис Финли, показал ему контракт.

Финли прочитал его.

- Ну, сынок, послушай, это очень хорошее предложение. Я не виню тебя за то, что его рассматриваешь, но знаешь что? У меня был опыт с подобными вещами в бейсболе. Помнишь Паскеля?

Уэбстер ответил, что не помнит.

Финли говорил о мексиканской лиге. В 1946 г. Хорхе Паскель переманил в Мексику игроков главной лиги бейсбола. Он предложил им огромные контракты. Некоторые известные игроки, такие, как кэтчер «Бруклин Доджерс» Микки Оуэн и второй бейсмен «Джайентс» Джордж Хаусманн, отправились в Мексику ради больших заработков. В общей сложности двадцать семь игроков главной лиги переехали в Мексику. Но через год все начало разваливаться, когда лига не смогла платить некоторым игрокам, поэтому они отправились домой. И, конечно, после возвращения получать они стали гораздо меньше, чем раньше.

Финли спросил:

- Сколько ты сейчас зарабатываешь?

- Ну, в прошлом году вы заплатили мне 12 000 долларов.

- Думаю, я заплачу тебе 11 000 долларов, чтобы ты вернулся и играл за мою команду в следующем году.

- Сэр, речь ведь идет о законном контракте. Я действую открыто, не пытаюсь вас обмануть или морочить вам голову...

- Да, я это понимаю. Но как я уже сказал, у меня был подобный опыт. Одиннадцать тысяч сейчас и гораздо меньше, если тебе придется возвращаться.

Уэбстер встал:

- Большое вам спасибо, сэр, но я перехожу в ВХА.

После того как Бобби Халл отправился в Виннипег и другие начали следовать его примеру, генеральные менеджеры команд НХЛ начали звонить своим звездным игрокам и предлагать им повышение оплаты. Агенты тоже решили не оставаться в стороне. В августе 1975 г., когда контракт Бобби Орра с «Бостон Брюинз» заканчивался в конце предстоящего сезона, Алан Иглсон, агент Бобби, начал переговоры с «Брюинз». Но «Брюинз» предлагали низкую оплату, поэтому Иглсон стал искать другие возможности. Уэйн Белиль, президент команды ВХА «Миннесота Файтинг Сэйнтс», предложил Бобби многомиллионный контракт с премией за его подписание в размере одного миллиона долларов. Иглсон отклонил предложение. Он просто искал рычаги воздействия.

Но были и другие легенды хоккея, которые перешли в новую лигу. Дэйв Кеон играл в ВХА, как и Фрэнк Маховлич, Пол Хендерсон и Кент Нильссон. И был еще Горди Хоу, который возобновил карьеру, чтобы играть со своими сыновьями.

В 2015 г. в Саскатуне я был на ужине, организованном в честь Горди Хоу организацией «Кинсмен Клуб оф Саскатун», и там Марк рассказал историю о своем первом тренировочном сборе. Он сказал, что помнит, как Горди тяжело дышал, пыхтел и багровел. Ребята решили, что у него случился сердечный приступ. Но Марк сказал, что у его отца невероятная выносливость: через неделю остальные уже не могли за ним угнаться. И особо интересно, добавил он, было наблюдать за тем, как даже на тренировках его отец легко расшвыривает соперников. (Терри О'Молли, игравший в трех олимпийских сборных Канады, как-то разговаривал с Дэнни О'Ши, специалистом по силовым приемам, который играл против Горди в «Миннесоте». Терри сказал: «Удивительно, что он может играть в таком возрасте».)

Дэнни ответил: «Я тоже мог бы играть в пятьдесят, если бы при получении шайбы с каждой стороны от меня имелось бы по четыре с половиной метра свободного пространства».)

Терри Русковски выбрали на драфте «Блэк Хокс», но он подписал контракт с «Хьюстон Аэрос», потому что там был Горди. Незадолго до плей-офф во время тренировки Терри провел шайбу между ног Горди и обошел его, хотя знал, что так не стоило поступать. Горди повернулся и ударил Терри клюшкой чуть выше глаза. Потом пришлось накладывать примерно пять швов. Повсюду была кровь, и врачу пришлось выбежать с полотенцем. Горди по-дружески постучал клюшкой по ноге Терри и сказал: «Извини, малыш». А затем тихо добавил: «Никогда не делай так, чтобы я выглядел нелепо».

Горди всегда хотел быть лучшим. Он не любил проигрывать. И он был просто невероятным товарищем по команде. В «Хьюстоне» он вступал в драки, вел игру, забивал голы. Все знали, что в решающую минуту можно не переживать, поскольку Горди возьмет игру на себя.

Другим молодым игрокам, таким, как Моррис Лукович (его брат Эд – бывший чемпион мира по керлингу), предлагали подобные контракты в обеих лигах, но, как и Терри, Моррис выбрал ВХА из-за Горди.

Горди было интересно помогать молодым ребятам, но он требовал уважения и хороших манер. Моррис часто сидел рядом с ним в раздевалке и на скамейке только потому, что ему нравилось быть рядом с ним. Когда Горди готовился выходить на свою смену, у него тек пот, но вместо того, чтобы воспользоваться своим свитером, он всегда наклонялся вправо и вытирал лоб об свитер игрока, сидящего рядом с ним. Моррис сказал мне, что, когда Горди сделал так с ним в первый раз, он подумал: «Ого! На меня обратили внимание!»

Если Горди в перерыве между периодами чувствовал усталость, он садился на свое место поспать или же открывал письмо от кого-нибудь из своих фанатов, читал его, подписывал, а затем протягивал одному из молодых игроков конверт, чтобы тот лизнул его. Моррис говорит, что он лизал столько конвертов, что, выходя на следующий период, он чувствовал головокружение.

Когда проходил сезон 1978/79 г., последний сезон ВХА, мне было семнадцать лет. Это был мой первый сезон в профессиональном хоккее, и я радовался, что играю там. У меня был хороший год в «Эдмонтон Ойлерз». Мы закончили на первом месте, я был третьим в гонке бомбардиров и постепенно продвигался к успеху. Я не ожидал, что меня выберут для участия в серии из трех игр «Все звезды ВХА» против московского «Динамо», профессиональной команды из России^[44], но «Эдмонтон» проводил матчи у себя, и это, вероятно, помогло мне попасть в команду.

Жак Демерс, который будет в течение четырнадцати лет тренером в НХЛ и выиграт в 1993 г. Кубок Стэнли с «Канадиенс», был помощником тренера команды всех звезд. В те дни все происходило по-другому. Состав команды не выбирался СМИ или какой-нибудь группой специалистов. Думаю, что игроков в основном выбирал сам Жак. Поэтому, когда он позвонил мне, я знал, что это большая честь.

За день до нашей первой игры я спустился в раздевалку, думая: «Если завтра мне придется одеваться на матч, отлично. Если нет, мне ведь семнадцать, и я все понимаю».

Врач сказал мне:

- Жак Демерс хочет тебя видеть.

Я вошел в его кабинет. Горди Хоу и Марк Хоу тоже находились там. У меня уже завязалась дружба с Горди,

но я все равно нервничал.

Демерс сказал:

- Ты будешь играть центральным нападающим вместе с Марком и Горди.

Я испытал некоторый шок. Я подумал: «О господи, я играю, и я играю с Горди Хоу».

Мы провели тренировку, а на следующий день у нас было легкое тренировочное катание. Когда в тот вечер мы прибыли на арену перед игрой, я был по-настоящему напуган.

Я сидел на своем месте, затем повернулся к Горди, чтобы задать ему вопрос, но его глаза были закрыты. Он дремал.

- Горди! Горди, я очень нервничаю из-за этой игры.

Он открыл один глаз, посмотрел на меня и сказал:

- Я тоже.

В итоге мы выиграли 4-2, и наше звено набрало восемь очков. Но для меня самый волнующий момент был тогда, когда я во время вбрасывания стоял рядом с мистером Хоккеем.

Я помню, как такие ребята, как Пол Шмир, Роб Рамаж, Моррис Лукович, Робби Фторек и Майк Гартнер, играли в 1979 г. в команде всех звезд. И я тогда провел четыре дня с Дэйвом Кеоном, великим капитаном «Мейпл Лифс».

Кеон был игроком юниорской лиги «Б» в колледже Св. Михаила в Торонто, где его тренировал пастор Дэвид Бауэр, который создал мужскую национальную олимпийскую сборную Канады по хоккею. Он также был братом будущего участника Зала славы Бобби Бауэра из «звена капустников» в «Брюинз». Как-то раз на тренировке отец Бауэр решил отработать силовые приемы при катании назад. Но Кеон не мог этого сделать. Он прекрасно катался на коньках, но не был специалистом по силовым приемам. Но отец Бауэр не собирался просто так его отпускать.

Наконец Кеон сказал:

– Я больше не буду делать это упражнение. Хватит с меня.

У них завязалась настоящая ссора, отец Бауэр прогнал Кеона со льда и отвел его в общежитие. Когда они прибыли туда, отец Бауэр сказал: «Вот что я тебе скажу. Давай поборемся, и если я выиграю, ты будешь делать мои упражнения по силовым приемам. А если ты выиграешь, для тебя они будут необязательными».

Кеон согласился, и они начали бороться. Отец Бауэр выиграл, и Дэйв Кеон стал одним из великих хоккеистов, прекрасно действующим как в атаке, так и в обороне. (Когда он играл за «Лифс», он как-то раз применил силовые приемы против Горди Хоу. Тот был в углу. Кеон не налетал на него грубо, а просто контролировал его пространство, а затем прижал его к борту. Наконец, Горди не выдержал. Он повернулся к нему и сказал: «Запомни, малыш, локтями и в ответ можно быстро ударить».)

Все всегда говорят о хороших бомбардирах или хороших нападающих оборонительного плана, но хороших специалистов по силовым приемам часто не замечают. Основопологающим фактором хорошего силового приема является то, что вы сокращаете расстояние между вами и игроком, владеющим шайбой. Вы приближаетесь под определенным углом, ваша голова поднята, вы смотрите на его грудь, и когда он останавливается и меняет направление, вы должны суметь остановиться, сориентироваться, а затем снова сократить расстояние. Подобные действия при силовых приемах ввел отец Бауэр. Именно так элитные защитники могут играть почти половину матча. Они не гонятся за соперником по льду. Они просто поддерживают необходимую дистанцию.

Таким образом, игра с Кеоном в некотором смысле связывала меня с отцом Бауэром и «звеном

капустников». Я всегда был благодарен Жаку Демерсу за то, что он дал мне такую возможность.

Несколько известных звезд НХЛ перешли в команды ВХА в первые несколько сезонов: Пэт Стэплтон из «Чикаго»; Марк Тардиф, Режан Уль и Фрэнк Маховлич из «Монреалья» и Пол Хендерсон из «Торонто». ВХА также взяла хороших юниоров, которые были слишком молоды, чтобы заключать контракт с командами НХЛ. Я уже говорил, что игроку должно быть двадцать лет, чтобы его включили в драфт НХЛ. Поэтому, когда вам было семнадцать, восемнадцать, девятнадцать и кто-то предлагал вам деньги за игру в профессиональный хоккей, трудно было отказаться. Нельсон Скальбания, владелец «Индианаполис Рейсерз», заключил со мной контракт в июне 1978 г. Позднее в том же году он заключил контракт с Марком Мессье.

Я попал в Индианаполис в конце августа, потому что в то время начинаются занятия. Когда я в семнадцать лет стал профессионалом, я, помимо всего прочего, договорился с отцом о том, что до того, как мне исполнится восемнадцать, я пойду учиться. Поэтому два раза в неделю я ходил в вечернюю школу. В школу под названием «Брод Риппл Хай Скул»^[45]. Туда ходил Дэвид Леттерман. У меня там появилось много друзей моего возраста. Это было хорошо, потому что ребята в команде были намного старше. У одного из них даже был ребенок.

По пятницам перед хоккейным сезоном наш вратарь Эдди Мио и крайний нападающий Питер Дрисколл подъезжали к ресторану «Стейк эн Шейк» на новом голубом «Кадиллаке Биарриц». Это была их гордость и радость. Дриск и Эдди выглядели как Старски и Хатч. Дриск ходил с черной шевелюрой и заостренными воротниками, в красной кожаной куртке с эмблемой компании Indian Motorcycle. Он был большим, крепким

парнем, который действительно мог играть. В предыдущем сезоне (1977/78 г.) он набрал пятьдесят шесть очков, сорок шесть в «Индианаполисе» и десять в «Квебеке». Но он также был нашим жестким парнем в «Индианаполисе». Прозвищем Питера была «Граната», потому что у него были далеко не самые мягкие руки и он, как правило, бросал в обе стороны ворот. Но называть его так нужно было с осторожностью. Он должен был быть в определенном настроении. Эдди был блондином с классными усами и короткими бакенбардами. Он всегда носил легкую куртку из телячьей кожи и черную футболку с джинсами-клеш. Годы спустя он сказал мне, что куртка на самом деле была сделана из пластика, потому что он не мог позволить себе настоящую куртку из телячьей кожи. Неважно, он все равно выглядел отлично.

Наш генеральный менеджер и тренер Пэт Стэплтон (или «Уайти», как его все называли) сказал Питеру и Эдди: «Тут к нам паренек приезжает – Уэйн Гретцки. Он будет прямо за углом от вас, ребята, поэтому проводывайте его время от времени, пока не начнется сезон».

Вот почему они вдвоем подъезжали в пятницу вечером к ресторану «Стейк эн Шейк», где я проводил время с ребятами из школы. Они кричали: «Эй, все в порядке?» Я махал им рукой: «Да». И они уезжали.

В Индианаполисе я не был звездой. Я помню свое первое участие в церемонии подписания различных вещей для болельщиков. Пришло трое. В сезоне было сыграно восемь игр, Дриск, Эдди и я летели на самолете в Канаду. Нас продали. Питер Дрисколл был ключевым игроком в обмене, потому что он давал «Эдмонтону» мощного крайнего нападающего, которого у них не было. У «Эдмонта» был Дэйв Семенко, который мог драться с кем угодно. Он тоже мог играть в хоккей, но он не был таким мощным крайним

нападающим, как Питер. «Ойлерз» также искали вратаря. У них был Дэйв Драйден, но он старел, и они хотели еще одного парня на замену (свой выбор они остановили на Эдди Мио). Это была пакетная сделка: три игрока за окончательную цену в 400 000 долларов.

Когда мы закончили тренировку в Индианаполисе, нам сказали взять самые необходимые вещи и садиться в самолет. Таким образом, у каждого из нас было, наверное, два чемодана. Мы летели на небольшом «Лирджет-25» (нас трое и наше хоккейное снаряжение). У этих маленьких самолетов нет шасси. Такие самолеты используются в основном для небольших перелетов.

Мы туда еле втиснулись. Эдди и Питер сидели на своем снаряжении. Мы все были в некотором замешательстве. Летая на самолетах, я сильно нервничал, но ребята этого не знали, поэтому мне сказали, чтобы я сидел сзади на небольшом откидном сиденье. Эдди оглянулся и увидел, что я сильно дрожу. Тогда он протянул мне бутерброд и пиво. Затем сказал: «Все в порядке, малыш, не думаю, что какая-нибудь воздушная полиция будет проверять тебя».

Мы даже точно не знали, куда направляемся. Возможно, в Эдмонтон, может, в Виннипег. Тем не менее я знал, что процесс продажи идет. Несколькими днями ранее после игры против «Джетс» один из сотрудников их команды подошел ко мне и сказал: «Бобби Халл хочет поговорить с тобой». И я отправился на ужин с Бобби. Он сказал: «Хочешь сыграть в Виннипеге за «Джетс»? Они хотят взять тебя». Бобби сказал мне, что они заинтересованы во мне и нашем тренере Пэте Стэплтоне. Итак, мне семнадцать лет, и Бобби Халл спрашивает меня, хочу ли я играть с ним. Я сказал: «Вот это да! Да, конечно».

На следующий день был понедельник. Мы отправились домой, и мне позвонил владелец «Рейсерз» Нельсон Скальбания и сказал, что у меня есть два

варианта: Виннипег или Эдмонтон. Мой агент Гас Бадали посоветовал мне отправиться в Эдмонтон. Он сказал, что НХЛ и ВХА собираются объединиться и что поскольку арена Виннипега может вместить только одиннадцать тысяч человек, а в Эдмонтоне – шестнадцать тысяч, у Эдмонта гораздо больше шансов попасть в НХЛ. Пойти в Эдмонтон было бы разумным шагом, но играть с Бобби Халлом тоже было бы здорово. В любом случае Бобби не сдавался. Он и Нельсон все еще вели переговоры, пока мы были в самолете.

Нам пришлось остановиться в Миннеаполисе для дозаправки. В этот момент пилот сказал нам, что мы направляемся в Эдмонтон. Генеральный менеджер «Джетс» Руди Пилоус отказался от сделки. Он думал, что я недостаточно хорош, чтобы играть в профессиональный хоккей.

Само существование ВХА (и размышления о том, сколько она просуществует) могло повлиять на переговоры по контракту в НХЛ. Одним из примеров является сделка генерального менеджера «Монреаль Канадиенс» Сэма Поллока с Ги Лефлером.

Поллок знал, что Лефлера он сможет выбрать, только если у него будет право выбирать первым на драфте 1971 г. Он думал, что «Калифорния Голден Силз» (ранее известные как «Окленд Силз») окажутся последними. Поэтому он передал «Силз» Эрни Хика и свое право выбора в первом раунде в 1970 г. на Франсуа Лакомба и их право первого выбора в следующем году. Но братья Хик начали хорошо играть, и «Силз» стали побеждать. Это означало, что «Лос-Анджелес Кингз», а не «Силз» займут последнее место в 1971 г. Сэму пришлось сделать «Лос-Анджелес Кингз» сильнее, поэтому он обменял центрального нападающего Ральфа Бэкстрема, парня, набиравшего в среднем от сорока до пятидесяти очков, в «Лос-Анджелес» на Горда Лабоссье

и Рэя Фортина. Как и надеялся Поллок, «Л.А.» начали побеждать и «Силз» оказалась на последнем месте. И именно так Поллоку удалось получить право выбирать первым, чтобы взять на драфте Ги «Цветка» Лефлера.

К весне 1973 г. Лефлер только что закончил свой второй сезон в составе «Канадиенс». Именно тогда «Квебек Нордикс» из ВХА (тесть Лефлера был один из их директоров) предложили Ги трехлетний контракт на сумму 450 000 долларов. Теперь Сэму Поллоку пришлось столкнуться с множеством трудностей, чтобы заполучить Ги Лефлера, и он никак не хотел уступать его ВХА. Проблема заключалась в том, что он не мог платить 150 000 долларов в год. Это было значительно выше зарплаты других игроков. Вдобавок к этому были парни, которых выбрали позже, чем Ги в 1971 г., у которых показатели были выше.

Поллок решил предложить Ги миллион долларов за десятилетний контракт (100 000 долларов в год), но сначала он позвонил тренеру Скотти Боумену и его помощнику Клоду Руэлю. Десятилетний контракт был неслыханным в то время, и поэтому Поллок хотел узнать, захочет ли, по их мнению, в конечном счете, команда меньшего калибра получить Ги в свой состав. Боумен сказал, что он не знает, насколько хорошим игроком станет Ги, потому что он еще не раскрыл весь свой потенциал, но Боумен был уверен, что Ги всегда будет игроком НХЛ, а не суперзвездой. Клод, который изначально присматривался к Ги, лучше знал о его возможностях. Клод сказал: «Он будет развиваться».

Поэтому Поллок предложил Ги контракт. И поскольку Ги не был уверен, продолжит ли ВХА свое существование, он подписал контракт. Ги Лефлер выиграл в составе «Монреалья» пять Кубков Стэнли. Ларри Робинсон, который выиграл все эти Кубки с Лефлером и подписал контракт с «Кингз» в качестве свободного агента через год после того, как я попал

туда, рассказал нам, как он был поражен игрой Ги. Робинсон сказал, что до тех пор, пока вы делали пас в направлении Ги, и неважно, с какой стороны шайба от него оказывалась, он умудрялся получить ее. Говорят, что нет такого понятия, как плохой пас хорошему игроку, но Лефлер был поистине феноменальным. И Ги обладал взрывной энергией и мог легко уйти от удара. Спустя годы у меня будет возможность и привилегия играть в звене «Цветка» на Кубке Канады в 1981 г.

Когда ВХА в сезоне 1974/75 г. добавила в свой состав две команды, НХЛ отреагировала на это в оборонительном ключе, добавив команды «Канзас Сити Скаутс» (теперь это «Нью-Джерси Девилз») и «Вашингтон Кэпиталз». Это означало, что всего в лиге стало тридцать две команды, и поскольку почти все игроки были из Канады, ситуация с талантливыми игроками ухудшалась. Команды начали искать игроков в Европе, в основном в Швеции и Финляндии, а также поглядывать на некоторых перебежчиков из Чехословакии. Никто из игроков за «железным занавесом» не мог свободно уехать в то время.

«Джетс» привезли двух шведов, Ульфа Нильссона и Андерса Хедберга, чтобы те играли в звене Бобби Халла, и вместе они действовали весьма особенным образом. Это было по-настоящему интересно: крайние нападающие постоянно перемещались в разных направлениях и в этом звене использовали творческий подход к пасах. Соперники не знали, как им противостоять. Это звено стало одним из величайших звеньев в истории игры. И это действительно изменило хоккей в Северной Америке.

Хедберг и Нильссон были одними из самых смелых игроков. Когда они стали играть в Северной Америке, они там превосходили большинство игроков, поэтому против них действовали очень жестко. Когда Глен Саттер стал тренером «Ойлерз» в конце сезона

1976/77 г., он хотел, чтобы его команда была построена по той же схеме, которую использовал в «Виннипег Джетс» Бобби Халл.

Когда «Хьюстон Аэрос» и «Виннипег Джетс» объявили, что собираются объединиться в сезоне 1978/79 г., это было признаком того, что ситуация в ВХА становится отчаянной. «Хьюстон Аэрос» и «Виннипег Джетс» были в ВХА ярыми соперниками. «Джетс» терпеть не могли «Аэрос», и те отвечали им взаимностью. Они дрались даже на скамье штрафников. Затем это соперничество перенеслось в раздевалку. Они не играли как команда. Их тренер Ларри Хиллман, когда-то бывший защитником в «Мейпл Лифс», оказался меж двух огней. Его уволили, а в последних девятнадцати играх на роль тренера пришел Том Макви.

Том и генеральный менеджер клуба Джон Фергюсон давно друг друга знали – они росли вместе в Истсайде в Ванкувере и дружили с тех самых пор. Макви был на три года старше, и когда он уходил из детской хоккейной команды, а Джон только начинал играть, он дал Джону свою старую пару коньков.

Макви был трудоголиком и грубым тренером. В раздевалке ребята называли его сержантом-майором. Он говорил: «Если я могу посвятить катку восемнадцать часов, вы подавно сможете посвятить два или три». Тренировки были настолько тяжелыми, что игроки покидали лед с высунутым языком. И разминки перед играми были такими же тяжелыми. Вам словно приходилось играть два матча за день. Что касается Фергюсона, он был на редкость жестким. Он революционизировал роль тафгая^[46], защищая Жана Беливо. Он мог играть с самыми лучшими, но никто не позволял себе никаких вольностей с Беливо, когда на льду был Фергюсон.

Наконец один из игроков убедил ребят привести с собой свои семьи и встретиться в ресторане, чтобы все могли друг с другом познакомиться. Это помогло им объединиться. Они начали играть как команда, а не как отдельные игроки. И они вышли в плей-офф.

Когда Ульф Нильссон и Андерс Хедберг перешли в 1978 г. в «Рейнджерз», вратарь «Джетс» Джо Дейли сказал: «Бобби Халл потерял пальцы на своей перчатке». Бобби сыграл всего четыре игры в сезоне в том году.

В 1979 г. «Джетс» закончила сезон 18 апреля на третьем месте и должна была отдохнуть пару дней до первого раунда в Квебеке против «Нордикс» 23 апреля. Но Том вызвал всех игроков и каждый день проводил жесткие тренировки. Подобное решение не пользовалось популярностью. Тем не менее они обыграли «Квебек» в четырех матчах, а затем приготовились играть с нами, «Эдмонтон Ойлерз», за титул чемпиона ВХА – Кубок АВКО.

В той серии плей-офф четверо парней из «Виннипега» действительно выделялись, на мой взгляд. Первым был их вратарь Гэри Смит. Когда я подписал контракт с «Индианаполисом», Гэри взял меня под свое крыло. Он был просто потрясающим. Затем, когда «Рейсерз» прекратили свое существование, «Джетс» заключила контракт с Гэри как со свободным агентом. Он вошел в раздевалку с длинными волосами, в рубашке навыпуск, таща за собой сумку. Затем он плюхнулся на скамью, огляделся и сказал: «Ребята, меня зовут Гэри «Отсеиваемый» Смит. Меня так называют, потому что меня отсеивали из стольких команд. Мой показатель пропущенных голов в «Индианаполисе» 5,51, но пусть он не вводит вас в заблуждение. Я не настолько хорош». Все засмеялись. Но Гэри очень хорошо будет играть за «Джетс».

И как у всех вратарей, у Гэри были необычные привычки. Он носил семь пар носков, но в зависимости от дня он мог натянуть до четырнадцати пар. После каждого периода он шел в душ. Но как только пятнадцать минут заканчивались, он вовремя возвращался на лед к началу следующего периода.

Кент Нильссон был еще одним из лучших игроков в «Джетс». Кент был талантлив. Он плавно катался на коньках, а его щелчок был просто невероятным. Как-то раз во время телерепортажа ему предложили попасть в перекладину с красной линии. Он кладет шайбу, смотрит на ворота, находящиеся на расстоянии в тридцать метров, а затем спокойно попадает шайбой в перекладину. Его называли Волшебником.

Как и Кент, Моррис Лукович был отличным форвардом «Джетс». Когда в вашей команде играли Кент и Моррис, вы знали, что они наберут много очков, поскольку Кент обладал невероятными навыками ведения шайбы, а Моррис выполнял самые быстрые кистевые броски из всех, что я когда-либо видел. У вратаря не было времени изменить свое положение в воротах, и отразить подобные броски было почти невозможно.

Терри Русковски был естественным лидером «Джетс». Он всегда выкладывался полностью. Но, к сожалению, он повредил плечо в третьем матче и пропустил четвертый и пятый. Произошло следующее: он приблизился к борту, подняв локоть, а затем кто-то ударил его сзади, что привело к травме. Он не мог поднять руку. Но он вернулся на шестой матч с пластиковым фиксатором на плече. Во время разминки ему пришлось снять фиксатор, потому что его кожа покрывалась волдырями. Тем не менее он вернулся, закончил разминку и очень старательно сыграл. На протяжении всего матча Терри давал своему защитнику

Барри Лонгу эти приятные навесные пасы, и Барри после них дважды забивал гол.

В том матче решалось все. Терри сделал четыре голевых передачи, и «Джетс» обыграла нас со счетом 7-3. Участвуя в серии, мы знали, что это будет последний розыгрыш Кубка АВКО. Я знаю, что мы хотели выиграть и стать частью той истории. Но «Виннипег» был просто лучше, чем мы, в тех шести матчах.

ВХА и НХЛ вели борьбу в течение семи лет, и это сказывалось на командах в обеих лигах. Но в то время как одни владельцы считали, что имеет смысл прекратить финансовое кровопускание путем объединения сил, другие не могли подавить в себе уязвленные чувства. На выработку соглашения о слиянии двух лиг потребовалось несколько лет. В 1977 г., за два года до слияния, Джон Зиглер стал президентом НХЛ вместо Кларенса Кэмпбелла и обнаружил, что лига находится в ужасном финансовом состоянии. Джон добился того, чтобы сторонники самых жестких мер с обеих сторон начали переговоры между собой. В итоге стало казаться, что четыре команды ВХА («Эдмонтон», «Квебек», «Виннипег» и «Нью-Ингленд», переименованные в «Хартфорд») войдут в состав НХЛ. Чтобы это осуществилось, свое согласие должны были дать тринадцать команд из семнадцати, и поэтому было проведено голосование. Зиглер был уверен, что необходимое число голосов у него есть, но одного голоса не хватило. Оказалось, что «Торонто», «Монреаль» и «Ванкувер» проголосовали против добавления четырех новых канадских команд.

Опять же, все дело было в телевидении. Молсон владел телеправами на канадские команды в НХЛ и не хотел конкурировать с другими спонсорами, особенно в Квебеке. Его люди убеждали владельцев проголосовать против слияния, и это сработало слишком хорошо. Болельщики хотели увидеть слияние, и появились

призывы к бойкоту пива «Молсон». Члены парламента единогласно приняли резолюцию, в которой просили НХЛ принять канадские команды. Ситуация стала опасной. На пивоваренном заводе Молсона в Квебеке угрожали взорвать бомбу, и кто-то выстрелил в окно одного из зданий Молсона в Виннипеге.

Было созвано еще одно собрание, и состоялось новое голосование. Во втором голосовании не было бы необходимости, если бы на первом собрании присутствовал владелец «Кэнакс» Фрэнк Гриффитс. Но он не смог и послал президента своей команды Уильяма Хьюза, дав ему указание проголосовать «да». По какой-то причине Хьюз проголосовал «нет», и когда Гриффитс узнал об этом, он сразу же уволил Хьюза. До этого они много лет были друзьями и деловыми партнерами.

Таким образом, четыре команды ВХА наконец вошли в состав НХЛ в сезоне 1979/80 г., но владельцы команд НХЛ не собирались так легко сдаваться. Думаю, они боялись, что команды ВХА будут выступать слишком хорошо. Как бы это выглядело, если бы команда ВХА выиграла Кубок Стэнли? Таким образом, НХЛ обязала каждого владельца команд ВХА заплатить 6 млн долларов. И затем из участия в драфте были исключены игроки, права на которых были у команд НХЛ. Команды ВХА могли исключить из участия в драфте только двух полевых игроков и двух вратарей. Вот и все. А на драфте 1979 г. команды ВХА получили право последними выбрать четырех игроков.

Это напоминало превращение очень хороших команд в добавленные. Но у новых франшиз ВХА не было выбора (это была сделка по принципу «либо да, либо нет»), и поэтому они пополнили свои команды игроками среднего уровня, которых можно было взять на драфте расширения. Все новые четыре команды в лиге одновременно вышли в плей-офф лишь в сезоне 1985/86 г.

Бобби Халл вернулся и сыграл в составе «Джетс» в их первый год в НХЛ, но только восемнадцать матчей. Том Макви настаивал на том, чтобы его игроки были в раздевалке за полтора часа до игры. Если вы опаздывали даже на одну минуту, вы не играли. Поэтому все всегда приходили вовремя.

В субботу, 15 декабря 1979 г., «Джетс» впервые принимала «Монреаль Канадиенс». Игра была назначена на восемь часов вечера, но ради «Си-Би-Си» ее перенесли на семь. За час до игры Бобби не было, поэтому Моррис Лукович позвонил ему и спросил:

- Бобби, где ты?

Бобби ответил:

- Я сейчас выезжаю.

Моррис сказал:

- Ты опоздал.

- В смысле? Я смотрю на билеты, там написано восемь часов.

Моррис объяснил, что начало матча перенесли ради «Си-Би-Си». Он сказал:

- Бобби, тебе что-нибудь нужно? Что-то из твоего снаряжения? Может, коньки твои наточить?

- Нет-нет, все готово. Я скоро буду.

Но когда он приехал через несколько минут, Том не позволил ему играть. Бобби нарисовал на песке линию и сказал:

- Либо тренер уйдет, либо я.

Джон Фергюсон ответил:

- Ну, мы не можем уволить тренера. Он помог нам стать чемпионами ВХА в прошлом году.

Бобби произнес:

- Тогда я ухожу.

Есть определенные вещи, которые происходят, когда в дело оказывается вовлеченным чье-то самолюбие, и вы задумываетесь о них позже. Том Макви

был хорошим тренером, но тяжело сделать команду лучше, лишая ее Бобби Халла.

Любительский драфт НХЛ переименовали во вступительный, чтобы в него можно было включать игроков ВХА, не достигших необходимого возраста, который снизили с двадцати лет до восемнадцати. Я не участвовал во вступительном драфте, потому что «Эдмонтон» оставил меня у себя как одного из двух полевых игроков. Но все остальные участвовали в расширительном драфте, а это означало, что мы теряли таких ребят, как Блэр Макдональд и Дейв Семенко. К счастью, Глен Саттер смог договориться, чтобы этих двух игроков оставили.

Первым на драфте Глен выбрал Кэма Коннора. Кэму было за двадцать, и он стал одним из наших сильнейших парней, ранее он работал на стройках в Виннипеге. Кэм был игроком, способным проявлять свои лучшие качества в решающий момент. Он играл с нами большую часть того сезона, а затем был продан в «Рейнджерз». Вторым «Ойлерз» выбрала защитника Ли Фоголина, который выступал за «Буффало Сейбрз». У «Буффало» была очень хорошая команда ветеранов во главе с Жильбером Перро и Дэнни Гаром. Они стабильно оказывались в верхней части турнирной таблицы. Но иногда для игрока находится место в составе, а иногда нет. Ли не был доволен тем, как развивается его карьера игрока, поэтому он решил перейти в другую команду. Именно тогда «Ойлерз» и взяли его. Мы все слушали, когда Ли что-нибудь говорил, – он пользовался большим уважением в нашей раздевалке.

В первый же день, когда Ли появился в тренировочном лагере «Ойлерз», всем нам стало очевидно, что именно Ли будет представителем нашей группы. Никто не назначает вас лидером. Вы становитесь лидером благодаря собственным

действиям, и он стал лидером с первого дня. В нашей группе в «Ойлерз» было много талантливых игроков: Марк Мессье, Яри Курри, Гленн Андерсон и Пол Коффи. Ли не был сверхталантливым, но мы действительно уважали его упорную каждодневную работу.

В конце 1970-х и начале 80-х гг. в моде были длинные волосы. Все парни их носили. Дэррил Ситтлер, Бобби Кларк, даже Бобби Орт. Я имею в виду не совсем длинные волосы, а густые, ниже ушей. Когда ребята приходили в команду, первое, что там делали, – брили голову. Ли Фоголин, который к тому времени был нашим капитаном, сказал: «Эй, мы так делать не будем. Все здесь одинаковые». Он научился подобному уважению от своего отца. Традиция ужина, который устраивают новички, фактически зародилась в «Эдмонтоне». Новички приглашали всех на ужин. Это было отличным знакомством с НХЛ, но никак не скажешь, что дешевым.

25. Суперсерия СССР - Канада

Фил Эспозито выиграл почти все, что можно выиграть в хоккее. Он набрал почти 1600 очков в НХЛ, несколько раз выигрывал крупные призы, и его номер был закреплен за ним. Но когда он в юности попробовал вступить в юниорскую команду в своем родном городе Су-Сент-Мари, его туда не взяли.

Вот для чего нужна семья. Отец Фила работал водителем грузовика у дяди Фила, владельца компании Algoma Contractors, которая вывозила шлак со сталелитейных заводов. Дела у компании шли хорошо, и его убедили стать спонсором команды, чтобы Фил мог играть в том году в лиге. Затем Фил выступал в команде юниоров в городе Сарния в Онтарио и подписал контракт с «Чикаго Блэк Хокс».

Томми Айван, генеральный менеджер «Блэк Хокс», предложил Филу первый профессиональный контракт, но, поскольку он требовал большего, Айван считал его возмутителем спокойствия. Тренером «Блэк Хокс» был Билли Рэй, центральный нападающий второго звена в «Канадиенс» в конце 1940-х и начале 50-х гг. (Он умел общаться с игроками спокойно - вместо того чтобы кричать, ему было достаточно просто посмотреть на игроков. Билли закончил карьеру с 516 победами, 335 ничьими и 161 поражением, лучшими показателями в истории команды.) Билли хотел, чтобы Фил улучшил передвижение на коньках. Он также считал, что Фил слишком тяжел, и велел ему похудеть. Фил весил 97,5 кг, а Билли хотел, чтобы он весил 86, поэтому он начал штрафовать Фила на десять долларов за каждый лишний фунт. Но каждый раз, когда Фил пытался сбросить вес, кто-нибудь приносил шесть упаковок пива и портил ему все планы.

Фил отлично играл центральным нападающим, действуя вместе с Бобби Халлом. По какой-то причине Рэй не воспринимал Фила всерьез. Возможно, Рэй и «Блэк Хокс» считали, что каждый центральный нападающий должен быть воином, как Стэн Микита. Годом ранее (в сезоне 1966/67 г.) Микита выиграл приз Арта Росса, Харта и Леди Бинг (и он снова выиграл их в следующем сезоне, 1967/68 г.). Рэй не считал Фила подобным игроком. И в некотором смысле он был прав. Фил проявлял свои качества не в силовой борьбе. Его гениальность заключалась в том, чтобы находиться в нужном месте в нужное время, и нужным местом обычно оказывался пятачок. Но Рэй сильно заблуждался в другом отношении. Год спустя (в сезоне 1968/69 г.) Фил выигрывает приз Росса и приз Харта.

Окончание периода, в который разрешались сделки, касающиеся обмена и продажи игроков, было намечено на полночь 15 мая 1967 г. В тот день Милт Шмидт, единственный человек в истории «Брюинз», который был игроком, капитаном команды, тренером и генеральным менеджером, позвонил Томми Айвану. Весь сезон Айван стремился заполучить мощного защитника Жиля Маротта. Но генеральный менеджер Милта Хэп Эммс тренировал Жиля в юниорской команде и хотел сохранить его.

«Бостон» не выигрывал Кубок с сезона 1940/41 г. Команда даже не попадала в плей-офф с сезона 1958/59 г. У «Бостона» были задатки отличной команды – такой новичок, как Бобби Орр, вратари Берни Парент и Джерри Чиверс, но им не хватало последнего элемента: форварда высокого класса.

Шмидт думал, что Фред Стэнфилд может стать решением. Стэнфилд вырос в Торонто, Шмидт видел, как Стэнфилд играет, и он ему нравился. Два генеральных менеджера долго вели переговоры. Спустя пять часов они договорились о том, что в обмен на

Маротта, вратаря Джека Норриса и Пита Мартина, Томми отдаст Фреда Стэнфилда, Кена Ходжа и Фила Эспозито. Это оказалось одной из самых односторонних сделок в истории.

Стэнфилд стал одним из шести топ-форвардов «Брюинз». Но ключевым элементом сделки был парень, от которого «Блэк Хокс» хотела избавиться. Фил Эспозито уже почти шестой год подряд являлся ведущим бомбардиром лиги. В Бостоне была популярна наклейка на бампер с надписью: «Иисус спасает. Эспозито добывает с пятака».

К сезону 1968/69 г. «Брюинз» закончил с рекордным для тогдашней франшизы результатом: сто очков. Они также выиграют два Кубка Стэнли, в 1970 и 1972 гг. Но я бы сказал, что именно суперсерия СССР – Канада 1972 г. стала наиболее яркой частью карьеры Фила Эспозито. Вероятно, он играл там в свой лучший хоккей.

Национальная сборная Советского Союза в течение десятилетия доминировала в любительском хоккее. Она выиграла семь чемпионатов мира^[47] и три Олимпиады подряд. Она также проводила каждый год, по меньшей мере девять месяцев, на сборах без жен и детей, тренируясь при этом три раза в день, становясь сильнее, быстрее и невероятно повышая уровень своего мастерства. У любителей из Канады и США практически не было шансов в матчах против сборной СССР.

Канадский хоккей не сильно изменился с 1930-х гг. Идите за шайбой, играйте жестко, совершайте броски при любой возможности и добивайте отскочившую шайбу. Русские привносили всевозможные нововведения. Звенья у них состояли не из трех человек, а из пяти.

Они играли в постоянном движении. Казалось, все знали, где будут товарищи по команде. Крайние нападающие передавали шайбу в углах. Форварды

возвращались назад, чтобы начать быстрые контратаки. Вместо того чтобы посылать во время смены игроков шайбу далеко вперед, они передавали ее обратно в свою зону и удерживали, пока менялись игроки. Каждая из этих стратегий будет принята в НХЛ. Тренер «Ойлерз» Глен Саттер был одним из первых тренеров НХЛ, использовавшим подобный стиль игры.

До 1946 г. русские в хоккее не играли. Но как только они начали, они хотели выиграть все. Превосходство в спорте носило политический характер, являлось способом продемонстрировать, что коммунизм превосходит капитализм. Тренеры начинали оценивать детей в раннем возрасте. Они выбирали наиболее перспективных и занимались с ними по специальным программам, чтобы подготовить их к сборной.

Анатолий Тарасов считается отцом советского хоккея. Используя идеи из «Учебника по хоккею» Ллойда Персиваля, он работал с русскими над новым способом тренировки и игры. Он сосредоточился на подготовке игроков с помощью тренировок на земле (работа с отягощениями, прыжки, упражнения на равновесие). Игроки носили друг друга. Они выполняли упражнение под названием «Убей канадца» (оно заключалось в следующем: нужно было врезаться в противника и впечатать его в борт, затем опуститься на колени и снова впечатать соперника в борт). Его упражнения в 40-х и 50-х гг. напоминают сегодняшние тренировки. Тарасов на шестьдесят лет опередил свое время, и он был также великим спортсменом. Игроки любили его. После олимпийского финала 1960 г., когда американцы победили русских, Тарасов вошел в раздевалку американцев и поцеловал тренера Джека Райли в щеку.

Но после завоевания золота в 1972 г. Тарасов, который подготовил советских хоккеистов к выигрышу семи чемпионатов мира и трех Олимпиад подряд, был

уволен, отчасти потому, что он не подчинился приказам проиграть матч против Чехословакии, что позволило бы чехословацкой сборной, а не американцам завоевать серебро. Позднее его заменил Виктор Тихонов, внук которого играл за «Койотс» (я тренировал его, когда был в Фениксе). Там, где Тарасов проявлял отеческую заботу, Тихонов действовал как генерал с железной волей. Он не хотел проигрывать, но не думаю, что игроки слишком любили его. Фактически на Олимпийских играх 1988 г. он ударил Александра Могильного в лицо прямо на скамейке. Тихонов прославился благодаря всему тому, за что некоторые ненавидят советский хоккей.

Но после Тарасова и до Тихонова сборную СССР поручили тренировать Всеволоду Боброву. Независимо от того, что мы думали о русских, было бы довольно трудно не уважать Боброва. Он являлся по-настоящему одаренным спортсменом. Он начинал как футболист и блистал на международных матчах. Когда его клуб московское «Динамо» совершал турне по Великобритании, он забил шесть мячей в матчах против «Арсенала», «Челси» и «Глазго Рейнджерз». Он забил пять мячей за сборную СССР по футболу на Олимпийских играх 1952 г. Он был прекрасным футболистом, но еще лучше он мог проявить себя в хоккее, которого он даже не видел, пока ему не исполнилось двадцать три года. Он привел сборную СССР к золотой медали на зимних Олимпийских играх 1956 г. и победе на чемпионате мира в 1954 г. Невероятно, но он забил восемьдесят девять голов в пятидесяти девяти играх в знаменитом свитере с надписью «СССР» в международных матчах.

Именно Бобров был тренером сборной СССР во время самой известной серии в истории хоккея.

В течение многих лет русские хотели доказать, что они не хуже игроков НХЛ. С 1964 г. Тарасов просил,

чтобы был проведен матч против канадских профи (он получил разрешение у Хрущева, который позже передумал)^[48]. Но в декабре 1971 г. российский спортивный обозреватель^[49] написал небольшую статью в московской газете, предлагая провести некую «дружескую» серию. Статью прочитал канадский дипломат и сразу понял, что ее появление в газете означает, что идея исходит от советского правительства. Сегодня, конечно, в НХЛ есть игроки со всей Европы, Канады и Соединенных Штатов, но еще в 1972 г. лига была почти полностью канадской (там выступало всего несколько американцев). Поэтому два правительства договорились провести серию игр, которые должны были быть сыграны в сентябре, до начала сезона НХЛ. Четыре игры в Канаде, четыре в СССР.

Канадцы собрали команду из лучших игроков в лиге под предводительством Фила и Тони Эспозито, Бобби Кларка, Брэда Парка, Ивана Курнуайе, Фрэнка и Пита Маховличей, Жана Рателя, Ги Лапуэнта, Кена Драйдена и Пола Хендерсона. Бобби Orr не мог играть, потому что был травмирован. Бобби Халл не играл, поскольку перешел в ВХА, новую конкурирующую лигу. Горди Хоу завершил карьеру. Но все же это была невероятно сильная команда.

Канадские болельщики и канадские спортивные журналисты считали, что их команда будет доминировать и, возможно, выиграет все восемь матчей. Игроки были того же мнения. Они думали, что легко разгромят русских.

2 сентября 1972 г. две команды вышли на первый матч на лед арены «Форум» в Монреале. Премьер-министр Трюдо произвел символическое вбрасывание. Фил Эспозито участвовал во вбрасывании со стороны Канады. Канадцы забили гол в первые тридцать секунд,

а затем через несколько минут забросили еще одну шайбу. Но при этом канадцы знали, что им все равно еще предстоит играть. Затем русские взяли инициативу в свои руки, и это стало откровением для канадских болельщиков. Советские хоккеисты выглядели так, как будто они развлекаются со сборной Канады. Они кружили с шайбой, передавали ее с некоторой хитростью, к которой болельщики НХЛ не привыкли. И все это советские хоккеисты делали на высокой скорости.

Матч продолжался, и стала проявляться разница в подготовке обеих команд. У канадцев к игре были готовы только пять защитников, и во время последней части игры русские безоговорочно доминировали. К концу вечера канадцы пребывали в шоке. Их разгромили со счетом 7-3.

Суперсерия «СССР – Канада» продолжалась по всей стране. Во втором матче в Торонто Питер Маховлич забил один из самых красивых голов в истории хоккея. Канада вела со счетом 2-1, и игравшие в большинстве русские находились в зоне канадской команды. Маховлич принял пас от Фила Эспозито, совершил проход и переиграл Владислава Третьяка. Канада выиграла этот матч 4-1. Казалось, люди стали думать: «Хорошо, ситуация меняется. Мы теперь выиграем семь из восьми матчей». Но затем третий матч закончился ничьей.

Сборную Канады освистали в начале четвертого матча в Ванкувере и затем снова освистали в конце. Матч был проигран со счетом 5-3. И счет на самом деле льстил Канаде. Тренер Гарри Синден назвал матч «разгромом».

Когда Фил Эспозито, которого называли лучшим канадским игроком матча, подъехал на коньках, чтобы принять почести, фанаты освистали и его. Канадский спортивный комментатор Джонни Эсо позже взял

интервью у Фила, который был очень расстроен. Я помню, как по его лицу струился пот от приложенных во время игры усилий. «Некоторые из наших ребят действительно пали духом, – сказал он. – Мы знаем, мы из кожи вон лезем. Я имею в виду, мы делаем все возможное, но у них хорошая команда, давайте посмотрим правде в глаза. Но это не значит, что мы не выкладываемся на 150 процентов».

Я действительно верю, что речь может изменить ситуацию в команде. Вы можете подумать, что хорошо подготовленные профессионалы не должны легко поддаваться под влияние нескольких слов. Но хоккей – игра эмоций. Никакое мастерство не поможет вам, если вы не испытываете страсти. Трудно испытывать такую страсть, если вы ожидаете легкой победы. Эмоциональный взрыв Фила и признание им того, что самые большие звезды Канады столкнулись с невероятно сильным соперником, изменили мнение канадских болельщиков об этой серии.

Игроки не слышали, как Фил защищал их, потому что они вернулись в раздевалку. Я слышал, как Фил Эспозито сказал, что поездка на матч со шведской сборной во время двухнедельного перерыва между четырьмя матчами суперсерии в Канаде и последними четырьмя играми в Москве объединила команду, поскольку матчи со шведами носили явно выраженный силовой характер. Уэйн Кэшмен получил рассечение после удара клюшкой, и ему наложили пятьдесят швов (фактически тот удар рассек ему язык). Фил сказал, что до этого момента канадская команда представляла из себя более или менее собрание всех звезд, но в Швеции они сплотились.

Но у меня была возможность провести время с великим Сержем Саваром, и он сказал, что только тогда, когда они попали в Россию, команда сплотилась по-настоящему. Именно тогда тренеры Гарри Синден,

который возобновил карьеру, и Джон Фергюсон решили сократить число игроков на скамейке с тридцати пяти до двадцати. Синден сказал, что перед серией он был «парнем из Рочестера с миллионом друзей. Теперь же я могу пересчитать их по пальцам».

Синден принял некоторые жесткие решения и сообщил некоторым хорошим хоккеистам то, что они не хотели слышать. Возьмите, например, Вика Хэдфилда, крайнего левого нападающего в звене «Рейнджерз», получившего прозвище «по голу за игру». Он играл в этом звене вместе с крайним правым нападающим Родом Гилбертом и центральным нападающим Жаном Рателем. Хэдфилд был единственным бомбардиром в «Рейнджерз», забившим пятьдесят голов за сезон. За месяц до суперсерии команда ВХА «Кливленд Крусейдерз» предложила ему пятилетний контракт на сумму в один миллион долларов, и он воспользовался этим в качестве рычага воздействия на «Рейнджерз», чтобы ему там предложили такие же условия. Синден сказал Хэдфилду, что он не будет играть. Хэдфилд не захотел болтаться без дела, поэтому покинул Москву и отправился домой вместе с игроками «Буффало» Жильбером Перро, Ричардом Мартином и Жосленом Геврмонтом из «Кэнакс».

Серж сказал мне, что ребята, которые остались, приняли решение: «К черту их, мы должны сделать это вместе», и, на мой взгляд, именно тогда мы стали настоящей командой».

Отправляясь за «железный занавес», все нервничали. Когда канадская команда прибыла, там повсюду были охранники с автоматическим оружием^[50]. Игроки чувствовали, что за ними постоянно наблюдают. Они также были уверены, что в их номерах установлены «жучки», поэтому старались не говорить о своих планах на матчи. Иногда их даже будили звонки среди ночи, а

однажды ночью им пришлось покинуть отель, пока полиция проверяла угрозу о заложенной бомбе. У Алана Иглсона подаваемая там еда не вызывала доверия, поэтому он привез еду из Финляндии: 350 стейков, 350 ящиков с молоком, 350 ящиков содовой воды, 350 ящиков пива. К тому времени, когда заказ доставили в отель, половина его исчезла.

Все четыре матча в Москве были сыграны во Дворце спорта в Лужниках. Каток там, конечно же, имел более широкие европейские размеры. Это поставило канадцев в невыгодное положение в противостоянии с владеющими шайбой русскими.

В пятом матче, когда представляли игроков, Фил Эспозито вышел и упал на задницу так, что его ноги оказались в воздухе. Он поскользнулся на стебле одного из цветков, разбросанных на льду. Ситуация могла оказаться неловкой, но Фил встал на одно колено, глубоко поклонился и послал трибунам воздушный поцелуй. Хотя трибуны были заполнены офицерами Красной Армии в форме и правительственными чиновниками (а также тремя тысячами канадцев, приехавших в Москву), он в тот момент завоевал симпатии зрителей.

Канада повела в счете 3-0, но русские смогли отыгаться и победили со счетом 5-4. Теперь права на ошибку не оставалось. Чтобы выиграть серию, Канада должна была победить в трех последних матчах.

В шестом матче канадцы преследовали звезду сборной СССР форварда Валерия Харламова по всему льду и при каждой возможности применяли против него силовые приемы. Брэд Парк несколько раз врезался в него, и то же самое делали некоторые другие канадцы. Харламов вообще не уклонялся от подобных столкновений - в ходе игры казалось, что он, наоборот, приободряется, и он уронил на лед нескольких канадцев, в том числе Бобби Кларка. В одном из

эпизодов Кларк преследовал Харламова, а затем ударил его клюшкой по лодыжке. Но это не совсем являлось ответным ударом. Помощник тренера Джон Фергюсон признается, что он наклонился к Кларку и сказал: «Думаю, нужно стукнуть ему по лодыжке». А у Кларка был некоторый опыт в ударах клюшкой. Он делал это с таким рвением, что Серж Савард помнит, что, когда его команда играла против «Флайерз», они всегда надевали на лодыжки защитные накладки. Бобби всегда говорил, что, если бы он не научился наносить время от времени подобные удары, он никогда бы не покинул «Флин Флон». Он получил двухминутный штраф за нанесенный удар, и сборная СССР забила, играя в большинстве, но Харламов ушел со льда. Он также пропустил и седьмой матч. Он сыграл в финальном матче, но был уже не таким, как раньше. Сборная СССР – тоже.

Русские подобные вещи делали по-своему. Канадцы, игравшие в 1972 и 1974 гг., это почувствовали, и хотя средства массовой информации и болельщики клеймили их за жестокую и грязную игру, русские, вероятно, действовали хуже. Их таковыми не считали, поскольку они не дрались. Русские действительно хорошо обращались с клюшками. Они действовали жестко и жестоко, они хотели победить столь же сильно, как мы, или даже сильнее.

Для них это было выживание. Сегодня мы лучше понимаем, какая жизнь у них была при коммунизме. Чтобы продвигаться дальше, игроки должны были быть частью успешной команды. Если команда выигрывала чемпионаты или олимпийское золото, их награждали новыми автомобилями или квартирами, а может, даже давали дополнительную неделю отдыха в течение сезона. Будь то хоккей, легкая атлетика или футбол, они должны были добиваться коллективного успеха, делать так, чтобы родная страна гордилась ими.

Горди Хоу ненавидел русских. Фил Эспозито тоже страстно говорил о том, как он тогда ненавидел русских. Тем не менее, когда мы пять лет назад прибыли в Россию на благотворительную акцию с командами 1987 и 1972 гг., мы могли видеть, какие отношения за последние сорок лет развились между Эспозито, Третьяком и Александром Якушевым. Это нечто особенное.

Пол Хендерсон забил гол, который сделал канадцев победителями в шестом матче, щелчком с пятачка. В седьмом матче он прорвался через всех игроков сборной СССР, обыграл обоих защитников и направил шайбу в ворота мимо Третьяка, когда до конца оставалось чуть более двух минут. Он быстро становился канадским героем, а левый крайний нападающий Александр Якушев становился таким же героем для Советского Союза.

Якушев был самым крупным советским хоккеистом: рост 188 см, вес 90 кг – советский ответ Филу Эспозито. Он закончил серию, отстав от Фила всего на два очка. В «Ойлерз» (когда я там играл), если кто-то забивал очень красивый гол, мы говорили: «Гол в стиле Якушева». (Пару лет назад мы с Марком Мессье имели возможность пообедать с Якушевым в Москве и сказать ему, как мы оба – я из Онтарио и Марк с Запада – восхищались им еще в 72-м году. Его это сильно повеселило.)

Серия дошла до финала, восьмого матча. В начале игры канадцы заработали штраф и пропустили гол.

Фил Эспозито сравнял счет, сборная СССР вышла вперед, а Брэд Парк забил гол, и счет после первого периода был 2-2. Сборная СССР забросила шайбу в начале второго, а Билл Уайт сравнял счет в середине второго периода, но затем советские хоккеисты забили еще два гола, и теперь перед началом третьего периода канадцы проигрывали 5-3.

Фил Эспозито играл изумительно. Во втором периоде, когда вышедший из ворот Кен Драйден оказался в трудном положении, Фил ринулся через пятачок и заблокировал бросок. В третьем он поймал отскочившую из угла ворот шайбу, обработал ее и затем направил ее в сетку мимо Третьяка. Иван Курнуайе подхватил отскочившую после броска Фила шайбу и забил гол. Счет стал ничейным: 5-5.

Сборной СССР нужна была ничья. Они на тот момент забили еще два гола и считали, что могут претендовать на победу. Менее чем за минуту до окончания матча Курнуайе перехватил пас и передал шайбу Полу Хендерсону, который споткнулся и врезался в борт. Он вскочил в тот момент, когда Фил выполнил бросок по воротам Третьяка. Хендерсон ударил по отскочившей шайбе. Третьяк снова сделал сейв. Шайба отскочила вперед, где и находился Хендерсон. Он увидел незащищенное место и направил туда шайбу.

Третьяк позднее сказал, что Хендерсон, должно быть, получил эту шайбу от самого Бога.

По мнению Бобби Кларка, суперсерия 1972 г. оказалась одним из тех особых моментов в жизни хоккеиста, которые вы не планируете и не ожидаете – они просто случаются. Очевидно, русские хотели победить, и, очевидно, они очень старались победить. Но Бобби сказал, что поскольку канадцы находились в отчаянном положении, они играли в более силовую, более агрессивную и более жесткую игру, чем когда-либо ранее, и это принесло свои плоды.

Он думал, что русские извлекли из этого урок. Он также считал, что канадцы научились от русских тому, что пасы имеют решающее значение. Канадцы вбрасывали шайбу в зону русских, а затем в жесткой борьбе пытались отобрать ее, но на собственном опыте убедились, что подобная тактика неэффективна против команды, которая умеет играть в пас так, как сборная

СССР. Канадцы поняли, что им придется менять свою игру. Жесткий хоккей, в который мы играли так долго и в котором так преуспевали, заканчивался.

Это и была суперсерия. Когда все закончилось, команда вернулась в отель. Затем в дверь Бобби Кларка постучали. Когда он открыл, то увидел перед собой Валерия Васильева, одного из самых жестких советских защитников. Русский сказал: «Пойдем». Кларк последовал за Васильевым в его номер, и там будущий советский капитан вытащил большую бутылку водки, наполнил два стакана и протянул ему один. Бобби сделал глоток. Васильев рассмеялся и сказал: «Нет!» Затем они оба выпили по целому стакану. Неплохой способ продемонстрировать настоящее спортивное поведение.

26. Внутри чуда

Одно из величайших событий в истории спорта могло и не произойти. Когда советские войска в 1979 г. вторглись в Афганистан, президент США Джимми Картер призвал в знак протеста к бойкоту московских летних Олимпийских игр 1980 г. Многие ожидали, что СССР в ответ откажется от участия в Олимпийских играх в Лейк-Плэсиде. Но СССР решил так не поступать, поскольку на подготовку к Играм было потрачено столько сил, что отказываться от участия в них в последнюю минуту было неразумно. (Вместо этого СССР бойкотировал Олимпиаду в 1984 г. в Лос-Анджелесе.)

В настоящее время Олимпиада – это целая индустрия, а тогда Лейк-Плэсид был всего лишь небольшим зимним курортом, в котором проживало две с половиной тысячи человек.

Американцы завоевали золото на Олимпиаде в Скво-Вэлли в 1960 г., но с тех пор их команда добивалась не слишком больших успехов. На Играх 1976 г. они заняли лишь пятое место. Между тем сборная СССР выиграла двенадцать из предыдущих пятнадцати чемпионатов мира и четыре Олимпиады подряд. В 1979 г. вместо матча всех звезд НХЛ предложила сборной СССР сыграть серию из трех матчей, которая будет называться Кубок вызова. В решающем матче сборная СССР разгромила лучших игроков НХЛ со счетом 6-0. Таким образом, казалось, что они вполне могут обыграть группу любителей в Лейк-Плэсиде.

Чтобы соответствовать олимпийским правилам, сборная СССР назвала свою команду любительской, но на самом деле они были профессионалами – им платили за то, чтобы они целый год тренировались и играли. Их показатели на Олимпиадах со времен Скво-Вэлли были

следующими: 27 побед, одна ничья, одно поражение. Когда в 1991 г. СССР распался, одна из самых невероятных команд в истории хоккея прекратила существование. Сборная СССР завоевывала медаль на каждом турнире Международной федерации хоккея, в котором участвовала. Это не совсем то, что вы ожидаете от любителей.

В мире было только две страны, в которых были настоящие любительские сборные: Канада и США. Все это знали. Всем европейцам платили за игры, будь то Швеция, Финляндия или Чехословакия. На чемпионатах мира люди видели, как европейские хоккеисты предвкушают большие деньги за крупные победы.

В Соединенных Штатах целью являлось создание команды, которая, не имея больших шансов на победу, по крайней мере, не позорила бы свою страну.

В качестве тренера наняли Херба Брукса. Если и был человек, который не пытался избежать смущения, то это Брукс. Двадцать лет назад Херб думал, что станет игроком национальной сборной. Он даже был на фотографии команды. Но его исключили из команды всего за день до того, как она отправилась в Скво-Вэлли. Он упустил одну золотую медаль и совсем не хотел позволить ускользнуть еще одной. Херб Брукс был новатором. Он изучал наступательный хоккей и всегда пробовал что-то другое. Например, во время игры в большинстве он пытался ставить двух игроков за линией ворот, а не на синюю линию, чтобы вынудить защищающуюся команду разделиться. Многие его идеи работали, некоторые – нет. Брукс с 1955 по 1959 г. играл в мужской хоккейной команде «Миннесота Голден-Гоферс», а затем тренировал эту команду с сезона 1972/73 г. по сезон 1978/79 г. Команды колледжей играют только в конце недели (по пятницам и субботам), а тренируются с понедельника по четверг. Таким образом, команда колледжа являлась идеальным

местом для проверки новых идей. Фактически некоторые игроки специально идут в колледж для развития своего мастерства, поскольку там так много тренируются. Другие идут в юниорские команды, где они играют в два раза больше игр, и в этом отношении они гораздо больше похожи на НХЛ.

Центральный нападающий Крэйг Патрик, сын генерального менеджера «Брюинз» Линна Патрика и внук хоккейного новатора Лестера Патрика, решил, что его игровая карьера подходит к концу, и стал искать работу. Он играл с Бруксом в начале 1970-х гг. в американских командах. И когда Брукс работал тренером в Москве на чемпионате мира, он сделал Крэйга капитаном. Однажды Брукс сказал: «Я предлагал кое-кому работу помощника тренера в олимпийской сборной в следующем году, но не думаю, что он согласится. Тебя это интересует, если он откажется?» Крэйг ответил: «Конечно». Через две недели после того, как они вернулись домой, Херб позвонил и спросил: «Тебя это еще интересует?»

Лестер, дед Крэйга, умер от сердечного приступа 1 июня 1960 г., сразу после того, как Крэйг, которому исполнилось четырнадцать лет, переехал из своего дома в Массачусетсе в Монреаль и стал в итоге играть в юниорской команде «Монреаль Джуниор Канадиенс» в ХАО. Фрэнк Селке-старший, генеральный менеджер «Канадиенс», дал Крэйгу комплект снаряжения и сказал, что он может кататься на арене «Форум» в любой день, когда захочет. Поэтому после школы Крэйг садился на автобус, приезжал к «Форуму» и самостоятельно тренировался там на льду. Как-то раз днем Крэйг ехал к воротам и, уже собираясь делать бросок, поднял взгляд и увидел, что его дедушка сидит на трибуне и наблюдает за ним. Крэйг выполнил бросок, а когда он снова посмотрел наверх, Лестера уже не было. Крэйг объехал вокруг ворот, затем отъехал назад

и раз за разом стал пробовать то же самое движение, надеясь, что его дед вернется, но этого не произошло.

Крэйг играл за «Пайонирз» в Денверском университете, и эта команда выиграла два студенческих чемпионата в 1968 и 1969 гг., а затем в национальной сборной США в сезоне 1969/70 и 1970/71 гг. Он играл в разных командах в НХЛ, пока не закончил карьеру в тридцать три года. Затем вместе с Хербом он стал выстраивать и готовить олимпийскую команду США.

Восемьдесят из лучших игроков-студентов со всей страны были приглашены в июле 1979 г. в Колорадо-Спрингс, где должны были проверить, смогут ли они играть в олимпийской команде, но Брукс уже почти решил, каких двадцать трех парней он возьмет. Работая тренером в «Миннесоте», он выиграл три студенческих чемпионата, поэтому знал всех игроков-студентов.

Он отвел Крэйга в сторону и сказал: «Многие из этих парней ненавидят друг друга, и, на мой взгляд, единственный способ превратить их в команду – сделать так, чтобы они ненавидели меня. Тебе придется следить, чтобы они становились настоящей командой, и быть тем парнем, на которого они могут положиться, поскольку на меня они положиться не смогут. Я буду одинаково относиться ко всем и буду проявлять к ним жесткость». Таким был его план.

Тренировочный лагерь начался в августе 1979 г., и была задействована интенсивная программа упражнений по построению команды, упражнений на развитие силы и выносливости, тренировок на льду. Херб заставлял ребят тренироваться с полной отдачей. Крэйг никогда не видел, чтобы тренер обучал такому большому количеству разных систем и каждый игрок хорошо их усваивал. Херб менял систему прямо на скамейке, говоря: «Хорошо, ребята, сейчас мы будем действовать так», и они меняли свою игру. После

сборной СССР они были самой хорошо подготовленной командой на Олимпийских играх в том году.

Незадолго до того, как Херб взял в команду вратаря Джимми Крейга, мать Джимми скончалась. Она поддерживала его больше всех. Когда она умирала от рака, то сказала Джимми, что, когда человек умирает, его сила не пропадает навсегда. Она просто переходит другим. Джимми почувствовал, что получил часть ее силы, и взял ее с собой на Олимпиаду.

Херб много говорил о владении шайбой. Он говорил ребятам: «Не забрасывайте шайбу в зону соперника. Это устаревший метод». Его философия была более европейской: когда шайба была у противника, все в команде становились защитниками, а когда сборная США владела шайбой, все были форвардами. Также он не верил в тактику «двое против одного». Он называл это двое против двух, так как вратарь тоже игрок.

Первый матч сборной США против олимпийской сборной СССР проходил на «Мэдисон Сквер Гарден» перед самой Олимпиадой. Советские хоккеисты победили со счетом 10-3. Американцы испытывали перед ними трепет.

Брукс провел много времени в СССР, изучая некоторые советские системы. (Он также изучал множество систем в других странах мира.) Херб обнаружил, что, когда русские играют в хоккей, они не совершают бросков, за исключением тех случаев, когда уверены, что могут забить, и поэтому, хотя может показаться, что они менее десяти раз бросают по воротам, это были броски, играющие важную роль. Джимми Крейг называл их игру «поэзией» – полная самоотверженность и гармоничное взаимодействие игроков друг с другом.

Опять-таки это было связано с владением шайбой. Советской команде не нужно было слишком упорно работать в обороне, потому что они так часто владели

шайбой. Когда многие люди смотрят хоккей, они обычно не обращают на это особого внимания. Большой частью моей игры был прессинг: преследование защитника и отбор у него шайбы. Если вы отбираете шайбу у защитника или у соперника на его половине поля, вам не нужно обыгрывать многих соперников, чтобы забить гол или провести хорошую комбинацию.

Помню, как Скотти Боумен рассказывал мне, что, когда мы играли против любой из его команд, он постоянно говорил своим защитникам: «Отойди от Гретцки. Не пытайся обыграть его в одиночку». Павел Дацюк был игроком, который владел искусством отбора в совершенстве: в 2010 г. у него было на 54 процента больше отборов шайбы, чем у кого-либо еще в НХЛ. Ник Лидстрем из «Детройта» был еще одним прекрасным примером, хотя он был защитником. Когда Лидстрем получал шайбу, команда обычно сохраняла ее в последующем игровом эпизоде. Вот в чем разница. Херб считал, что его игроки испытывают слишком большое уважение к сборной СССР, и начал исправлять ситуацию. Он постоянно твердил своим хоккеистам, что кто-то победит этих ребят, что они себя переоценивают. Он начал шутить по поводу советского капитана Бориса Михайлова, говоря, что он похож на Стэна Лорела из старых фильмов с участием Лорела и Харди.

Джимми Крейг разработал стратегию игры против русских. Для него один период игры против них был равносителен целому матчу против какой-либо другой команды. Поэтому он решил разбить каждый период на четыре пятиминутных сегмента. После каждого сегмента он начинал все заново. И в конце каждого периода он будет заходить в раздевалку и полностью раздеваться, чтобы можно было мысленно и физически подготовиться ко второй «игре». Таким образом, если он играл отлично, он не слишком расслаблялся, а если

он играл плохо, он не переносил это в следующий период.

Первый матч финального раунда был назначен несколькими месяцами ранее на пятницу, 22 февраля, в пять вечера. В то время никто не ожидал, что это будет противостояние двух сверхдержав мира. Американское телевидение попросило перенести его на лучшее эфирное время, но советская команда отказалась. Телекомпания «Эй-Би-Си» записала игру в пять часов вечера, а затем показала ее в восемь. За одним из самых запоминающихся моментов в истории американского спорта большинство американцев будет наблюдать через три часа после его начала.

В раздевалке незадолго до начала матча Херб Брукс произнес самую вдохновляющую речь своей жизни. Он сказал ребятам: «Вы родились, чтобы стать игроками. Вы должны были быть здесь. Настал ваш момент».

Игроки вышли на лед и подняли взгляд. Арена была битком набита. Люди повсюду размахивали американскими флагами. В первые минуты американцы удивили советскую сборную тем, как быстро и эмоционально они играли. Тем не менее советские хоккеисты первыми забили гол. Затем произошло неожиданное. Базз Шнайдер пронесся по левому флангу и, выполнив щелчок от синей линии, переиграл вратаря Владислава Третьяка, сделав счет ничейным. Советские хоккеисты снова забили, и казалось, что период закончится со счетом 2-1.

Затем за пять секунд до окончания первого периода Дэйв Кристиан поднял шайбу в своей зоне и пробросил ее вперед. Советские хоккеисты к тому моменту уже расслабились, думая, что период, в сущности, закончился. Но Марк Джонсон подхватил шайбу, переиграл Третьяка и направил ее в ворота за секунду до конца периода. Счет стал 2-2.

Во втором периоде советский тренер Виктор Тихонов сделал неожиданный ход. Он заменил Третьяка (человека, известного как один из лучших вратарей всех времен) на Владимира Мышкина, запасного вратаря. У меня была возможность поговорить с Третьяком и услышать его мнение об этом. Третьяк был самой большой звездой в России (и, возможно, является ею до сих пор благодаря тому, что он сделал в 1972 г. как двадцатилетний вратарь), и думаю, это сводило Тихонова с ума. Третьяк также был огромной звездой в Канаде. Тихонов был очень эгоистичным. Он хотел показать всем, что советская команда выигрывает Олимпиаду благодаря тому, как он ее подготовил, а вовсе не мастерству Третьяка. И по сей день Третьяк думает, что именно поэтому его заменили.

Херб не хотел, чтобы его команда настраивалась на нового вратаря на воротах русских. Он хотел, чтобы они играли с такой же интенсивностью, с какой они играли с самого начала, поэтому он ходил рядом со скамейкой, говоря: «Не меняйте ничего. Не меняйте ничего из-за того, что они заменили вратаря. Ничего не меняйте. Играйте так же».

В третьем периоде снова стало казаться, что сборная СССР доминирует. Затем во время атаки шайба после броска Дэйва Силка проскользнула через конек советского защитника прямо на клюшку Марка Джонсона. Прежде чем Мышкин успел пошевелиться, она была уже в воротах, и счет стал ничейным. Через минуту капитан американцев Майк Эрузионе забил еще гол.

Теперь американцы вели в счете, и от победы их отделяло всего десять минут. Брукс продолжал ходить рядом со скамейкой, говоря: «Играйте в свою игру. Играйте в свою игру». Он повторил это не меньше тысячи раз. Теперь американцы вели и от победы их отделяло всего десять минут.

Джимми Крейг был в ударе. Он не собирался пропускать гол. Когда вратарь находится в таком состоянии, особенно в плей-офф, его способность предугадывать броски столь же хороша, как и остальные его навыки. И Крейг был не один - вся команда спешила туда. Когда вы выходите на лед, не считая заранее, что победа принадлежит вам по праву (такой настрой был у русских), это позволяет вам проявлять всю необходимую для победы самоотверженность.

Игра закончилась со счетом 4-3 в пользу США. Американцы заполнили лед. Они едва могли в это поверить - им пришлось повторять себе: «Мы победили их. Мы. Победили. Их». Впервые за 12 лет русские проиграли матч на Олимпиаде. Празднование шло по всей стране. Ни одно спортивное событие никогда не вызывало столько эмоций от побережья до побережья.

Но чтобы выиграть золото, американцам еще предстояло победить Финляндию. Брукс вошел в раздевалку перед игрой и произнес очень короткую речь: «Если вы проиграете этот матч, он будет преследовать вас до вашей долбаной могилы». Он сделал пару шагов, повернулся и добавил: «До вашей долбаной могилы».

Во втором периоде в матче с финнами американцы проигрывали 2-1, и Брукс был настолько зол, что не хотел идти в раздевалку. Он сказал: «Крейг, иди туда и добейся того, чтобы они стали играть как надо». Но когда Патрик вошел в раздевалку, он понял, что ему не нужно ничего говорить, так как все парни уже говорили это: «Не волнуйся, Крейг, мы не проиграем». Крейг повернулся, вышел и сказал Бруксу: «Не волнуйся. Мы не проиграем». Все они были победителями, все знали, как победить. Окончательный счет был таким: США (4) - Финляндия (2).

Когда Джимми Крейг стоял на воротах, высматривая своего отца в толпе, американец из Сиракуз по имени Питер Каппучилли-младший перепрыгнул через ограждение с американским флагом в руках и набросил его на плечи Джимми. Джимми крепко держал его, поскольку, если бы он позволил флагу упасть, это стало бы проявлением неуважения. Как только Джимми встретится взглядом с отцом, он будет праздновать.

В хоккее есть много неосязаемого. Сила, скорость и мастерство помогают вам достичь лишь определенного уровня. В некоторых видах спорта игрок может сосредоточиться на одной задаче, и все остальное будет происходить естественным образом. Но в хоккее столько всего происходит и так быстро, что даже самый опытный игрок действует инстинктивно. Вы когда-нибудь замечали, что, когда игрок в ходе матча отрывается от соперников и выходит один на один с вратарем, он почти всегда забивает, но при исполнении буллитов тот же самый игрок в половине случаев забить не сможет? Когда вы уходите в отрыв, вы видите лишь ворота. Когда вы исполняете буллит, вы думаете о вратаре. Все дело в том, что во время игры вас подпитывает желание. Вы действуете инстинктивно. Без подобной страсти вы не вовлечены в хоккейный матч в полной мере.

«Большая красная машина», как называли в те времена советскую команду, действительно внушала страх. У них было звено из пяти человек, известное ^[51] как «Зеленая пятерка». Сергей Макаров, Игорь Ларионов и Владимир Крутов были форвардами, а Алексей Касатонов и Вячеслав Фетисов играли на синей линии. Они всегда находились на льду вместе, и в такие минуты почти никто в мире не мог коснуться шайбы. Нам потребовались годы, чтобы выяснить, как им противостоять.

Но в 1980 г. американская команда привнесла в тот матч нечто, что не смогли привнести русские. Американцы были настолько сосредоточены, настолько страстны, что не думали о русских. Они просто играли в свою игру. И когда вы играете таким образом, большую часть времени шайба отскакивает туда, куда нужно вам.

Если бы США не победили СССР и не выиграли золото на домашнем льду, вы должны спросить себя: был бы хоккей в Далласе? Был бы хоккей во Флориде и в Лос-Анджелесе? Потому что эта победа стала определяющим моментом для хоккея. Именно тогда хоккей начал расти в Соединенных Штатах. В то время он занимал не слишком большое место в США. У него были свои города: Бостон, Нью-Йорк, Филадельфия, но на Юге, например, интерес к нему был очень незначительным. Осознание того, что американцы могут быть лучшими в мире, вдохновило молодых людей по всей стране. Они хотели стать одними из тех игроков, которые совершили чудо.

27. Кубок Канады 1984 года

Многое происходило у нас в команде перед Кубком Канады 1984 г. Мы представляли собой смесь молодых игроков с ребятами постарше, но нас объединяло желание поквитаться с советскими хоккеистами за разгром, который они устроили нам в 1981 г. Мы знали, что это будет нелегко. Слабостью сборной Канады в 1972 году стала самоуверенность, но в 1981 г. мы ее, конечно, не испытывали. А перед стартом Кубка-1984 у нас уже было шесть недель тренировочных сборов. Это означало двухчасовые тренировки утром и днем, а затем заезд на велосипедах на 8 км. Все делали это каждый день в течение четырех недель. Мы рассуждали так: поскольку советские хоккеисты не отдыхали, а мы делали перерыв в июне и июле, нам придется наверстать упущенное в августе.

Я лично знал, насколько это будет тяжело. Мой первый опыт игры с ними один на один был на чемпионате мира 1977/78 г. среди юниоров. У нас была действительно хорошая команда – все двадцать парней в нашей команде потом заиграли в НХЛ. Но я помню, как я наблюдал за русскими на разминке и думал: «Ого. Эти парни будут жесткими». Мне было шестнадцать, и наблюдал я, в частности, за Сергеем Макаровым и защитником Вячеславом Фетисовым. То, как они катались, делало их игроками совершенно другой лиги по сравнению с нами. Матч был отличным, но мы проиграли 3-2. Русские выиграли золото.

К 1981 году большая часть ветеранов их национальной сборной (Михайлов, Петров, Харламов) ушла. Пришло новое поколение: Фетисов, Крутов, Ларионов, Шепелев, Хомутов. Молодых легче запугать, поэтому мы считали важным оказать на них большое

давление, чтобы привести их в замешательство. Мы думали, что это – главное. Если они будут уверенно наступать на нас, мы будем плохо выглядеть, поэтому мы думали, что единственный способ победить их состоит в том, чтобы продавить их оборону и наступать, используя жесткую силовую игру. Получилось не совсем так.

Их вратарь Владислав Третьяк был одним из величайших голкиперов. Люди в Северной Америке видели его не слишком часто. Владислав опережал свое время – он был вратарем, играющим в гибридном стиле (синтез игры на коленях в стиле «бабочка» и игры в стойке). Большой и очень сильный человек, похожий на сегодняшних вратарей НХЛ. Его тренировки были неслыханными в то время, и он прекрасно читал игру. В 70-х и 80-х гг. вратари играли за счет чистого таланта и отсутствия страха. Мне бы хотелось увидеть, как такие ребята, как Гленн Холл или Третьяк, играют в современном снаряжении, которое больше и легче. Их было бы невозможно обыграть.

В 1981 году я был очень рад тому, что играл в звене не только с Ги Лефлером, но и с Жильбером Перро. В детстве в Брантфорде, катаясь на льду на заднем дворе, я несколько лет был Горди Хоу, а потом, поскольку у нас по телевизору показывали матчи «Буффало Сейбрз» (примерно несколько раз в месяц), я на некоторое время становился Перро. Мне нравилось, как он управляется с шайбой, но я не мог кататься так хорошо, как он, поэтому в какой-то момент я решил, что я, возможно, и вовсе не Перро.

Когда на турнире было сыграно четыре матча, Жильбер сломал лодыжку и его заменил Марсель Дионн. Марсель, находясь рядом с воротами, постоянно стремился к шайбе. Если он нацеливался на шайбу, ничто не могло его остановить. Он был невероятно цепким.

Мы чувствовали себя уверенно в первых матчах, но русские избавили нас от подобного чувства. Наша игра разваливалась. Мы просто не знали, как противостоять таланту советской команды. Некоторое время мы совершали больше бросков, чем они, но в борьбе с Большой Красной Машиной это не имело большого значения, потому что они и не пытались перебросать соперника. Вернее, они не пытались совершать много безрезультатных бросков. Они просто разыгрывали шайбу до верного, и затем загорался красный свет.

Когда мы стали уступать со счетом 4-1, нам пришлось открыться, чтобы вернуться в игру, и русским это просто было на руку. Они пользовались каждой совершаемой нами ошибкой. Думаю, мы угодили в настоящую ловушку. Третьяк творил чудеса. Мы носились по льду, в то время как советские хоккеисты, казалось, занимали идеальную позицию. Играя в большинстве, мы поняли, что проиграли. Мы перевели шайбу в глубину и попытались расположиться около ворот советской команды, когда шайба, отскочив на дальний пятак, была подхвачена Владимиром Крутовым (кто бы ожидал, что он там будет), который уже двигался вперед. Он мог сыграть против кого-то из двоих - Дениса Потвина или Ги Лефлера, который во время игры в большинстве находился около синей линии. Крутов решил пойти по левому флангу, где ложным замахом заставил застыть Лефлера, затем обошел его и забросил шайбу в угол ворот Майка Лиута. В этот момент Лиут в некотором смысле сдался. Это нетрудно было заметить.

Мы проиграли русским 8-1. Майк Лиут считается ответственным за это, но, конечно же, это не его вина. В третьем периоде мы выполнили всего четыре броска. Ни один вратарь в мире не спасет вас, если вы не бросаете по воротам соперника. В наших воротах мог стоять Жак Планта, и русские выиграли бы. Я говорю это

искренне: они в тот вечер играли намного лучше нас. Мы были подавлены. Мы чувствовали, что подвели наших болельщиков и нашу страну.

Итак, все было готово к Кубку Канады 1984 года. На этот раз мы испытывали гораздо меньшую уверенность.

Тренером был Глен Саттер. Но мы находились в очень плохом состоянии. Я имею в виду – в ужасном. Лучшие игроки в команде, такие парни, как Майк Босси, Марк Мессье, Пол Коффи и Brent Саттер, испытывали некоторую физическую и умственную усталость. «Ойлерз» участвовали в финале Кубка Стэнли два года подряд, а «Айлендерс» в пяти финалах подряд. Мы много играли в хоккей. Кроме того, в той команде было двенадцать ребят из «Айлендерс» и «Ойлерз». Таким образом, хотя игроки в команду подбирались из уважения к их заслугам, между ними возникали трения. Мы провели два года в ожесточенной борьбе друг с другом, а теперь сидели бок о бок в раздевалке. Некоторые ребята по понятным причинам крайне настороженно относились к перспективе построения сплоченной, единой команды.

Вначале мы проиграли несколько игр. Нас освистывали. 6 сентября мы играли против Швеции в Ванкувере на арене «Пасифик Колизеум». Аншлага не было – в здании, которое вмещает шестнадцать тысяч, присутствовало всего девять тысяч болельщиков. Кроме того, в Швеции было несколько парней, игравших за «Ванкувер» (Патрик Сундстрем и Томас Градин), поэтому вполне вероятно, что более половины болельщиков приветствовали шведов. Но нам нужно было выиграть эту игру. Кофф прекрасно сыграл в обороне против двоих нападающих, отобрал шайбу, устремился вперед, вошел в зону и бросил. А Босси лишь переправил шайбу в ворота^[52]. Шведы выиграли со счетом 4–2, но думаю, что это был один из ключевых

моментов в этой серии, потому что он показал, на что мы способны.

На следующий день, 7 сентября, мы прибыли в Калгари на матч против чехов. В ресторане «Йосемитский Сэм» у нас прошло собрание команды. Боб Борн, Джон Тонелли и Марк Мессье (двое ребят из «Айлендерз» и один из «Ойлерз») настроили всех на одну волну. Мы вообще могли вылететь с турнира. После этого собрания мы взяли себя в руки и стали действовать сплоченно.

После того как нас разгромили в 1981 году, Алан Иглсон, который занимался организацией Кубка Канады, разработал план защиты сборной Канады от такого провала, который случился с нами в противостоянии со сборной СССР в 1981 году. После турнира по круговой системе команды, занявшие первое и четвертое места, будут играть в одном полуфинале, а команды, занявшие второе и третье места, будут играть друг с другом в другом. Победители полуфиналов встретятся в финальной серии, победитель которой определяется по итогам трех матчей. Иглсон считал, что Канада может сыграть один плохой матч, но два раза сборная СССР нас обыграть не сможет.

Мы заняли четвертое место со следующими показателями: две победы, два поражения, одна ничья. А кто занял первое место, выиграв все пять матчей? Русские, которые победили нас со счетом 6-3 во время предварительного этапа, проводившегося по круговой системе. Но как-никак всё будет решаться в предстоящем матче.

На арене «Олимпик Сэддлдоум» в Калгари присутствовало, вероятно, только двенадцать или тринадцать тысяч болельщиков. Кажется, игра проходила днем, то есть не в самое удобное время. Кроме того, билеты не были дешевыми, и до этого

матча мы играли не слишком хорошо. В 1984 году я не блистал на турнире. Я просто хорошо играл. И я понял, что, раз я не показывал великолепной игры, моя роль изменилась. Я был в третьем звене. Звено Брента Саттера с Босси и Тонелли играло по-настоящему хорошо, поэтому Глен Саттер выпускал их на две смены. (Вот когда в дело вступает ваша ответственность как игрока. В 1984 году в третьем звене в том матче играл я. Я говорю об этом лишь потому, что, когда я был исполнительным директором олимпийской сборной в 2002-м, я сидел с одним из игроков, который переживал из-за времени, проводимого на льду. Ребята, входящие в олимпийскую команду, привыкли играть двадцать две – двадцать три минуты за вечер. Я сказал: «Послушай, дело не в том, сколько времени на льду ты получишь. Никто не помнит, сколько я играл или не играл. Помнят, что мы победили»).

Я думал, в том матче мы сыграли отлично. Это была очень жесткая игра и очень эмоциональная. Джон Тонелли весь вечер действовал рядом с бортом подобно бульдозеру и забил первый гол во время игры в большинстве. Но сборная СССР сравняла счет, затем Макаров совершил проход, прорвал оборону и забросил шайбу в ворота, выводя сборную СССР вперед. Владимир Мышкин творил чудеса. Но в конце третьего периода я, увидев, как от синей линии к воротам направляется Дуг Уилсон, сделал ему передачу, и он, забив гол, перевел матч в овертайм.

Дуг Уилсон пытался догнать устремившегося с шайбой в атаку Михаила Варнакова. Владимир Ковин и Михаил Варнаков вдвоем направлялись к воротам, и их сдерживал только Коффи. Казалось, это опасная ситуация для Канады. Но когда Пол увидел движение плеча Ковина, он понял, что затем последует пас Варнакову. Далее произошел, наверное, самый

известный отбор шайбы в истории. Пол перехватил шайбу и помчался вперед. Он выполнил бросок, и шайба оказалась в углу, где Тонелли и Майк Босси противостояли советским игрокам. Тонелли выиграл борьбу и сделал передачу Полу Коффи, находившемуся перед синей линией справа. Пол выполнил бросок, а Майк Босси переправил шайбу в ворота. Таким образом, с шайбой поочередно работали игроки двух команд: игрок «Айлендерз», игрок «Ойлерз», затем игрок «Айлендерз». Но в том матче мы все были игроками сборной Канады.

Во время рукопожатия после матча Игорь Ларионов тихо попросил меня встретиться с ним в его отеле. Несколько наших игроков проследовали за ним и Владимиром Ковиным в вестибюль, а затем, стараясь не привлекать излишнего внимания, направились в ресторан на Электрик-авеню, чтобы поговорить о хоккее и жизни в целом. Я был поражен тем, насколько умным был Ларионов – в жизни он придерживался тех же принципов, что и при игре в хоккей. В каждой ситуации он мог сосредоточиться на главном и действовать соответствующим образом. У него были долгосрочные планы прийти в НХЛ при условии, что это можно будет сделать официально с соблюдением необходимых процедур. И на меня произвело впечатление то, как хорошо он понимал английский. (Разговаривая с ним, я продолжал думать: «Значит, когда наши ребята говорили друг с другом о том, где стоять и что делать при вбрасывании, он нас понимал...») Это одна из изумительных вещей в спорте: игроки соперничающих команд могут после ожесточенного противостояния во время матча собраться вместе и поговорить обо всем, что у них есть общего. Этот аспект того турнира я буду помнить всегда.

Мы встретились с Кентом Нильссоном и шведами в финальной серии, где победитель определялся по итогам трех матчей. Перед этим шведы победили в полуфинале американцев со счетом 9-2. Но к тому времени мы уже избавились от трудностей, и шведы не могли нас остановить. Мы обыграли их весьма уверенно. Было здорово вернуться на вершину, но мы знали, что русские в противостоянии с нами выложились по максимуму. Нам пришлось приложить большие усилия, чтобы победить в овертайме. И это был не последний матч, где нам пришлось понервничать.

28. Кубок Канады 1987 года

Многие считают, что сборная Канады 1976 г. была лучшей в истории. И ее состав был абсолютно невероятным. Фактически почти каждый игрок в этой команде оказался в Зале славы. Например, Бобби Орт, Бобби Халл, Бобби Кларк, Ги Лефлер, Ларри Робинсон, Фил Эспозито и так далее.

Я не хочу сказать, что в 1987 г. сборная Канады на Кубке Канады была лучше, чем эти ребята. Но думаю, что финальная серия из трех матчей в том году стала одной из лучших в истории хоккея. Прежде всего стоит отметить, что сборная СССР была сильной командой. И конечно, она всегда была сильной. Советские хоккеисты все время были хорошо подготовленными, дисциплинированными и беспощадными. Но состав сборной СССР 1987 г., возможно, был ее самым лучшим. Неудивительно, что знаменитую тройку КЛМ (Крутов, Ларионов и Макаров) называли самым опасным звеном всех времен. Но многие из тех парней были просто чертовски хороши и сильны. Вячеслав Фетисов, Валерий Каменский, Алексей Касатонов – все они являлись невероятными хоккеистами по отдельности, а вместе играли еще лучше. Я не сомневаюсь, что в сентябре 1987 г. они были лучшей командой в мире. Если сравнивать составы, они были лучше сборной Канады.

Во время показательной игры в преддверии турнира я спросил Игоря Ларионова, не хочет ли он прийти с ребятами на барбекю к моему отцу. Советская команда остановилась в городе Гамильтон, примерно в полудне. Игорь сказал, что они с удовольствием принимают приглашение, но вместе с ними также придет их тренер Виктор Тихонов и несколько ребят из КГБ. Когда советские хоккеисты были у нас, Тихонов не разрешал

никому из них пить пиво, поэтому я отвел их вниз, чтобы показать им связанные с хоккеем памятные вещи, хранящиеся у моего отца в подвале. Пока Чарли Генри, друг моего отца, на всякий случай стоял у дверей наверху лестницы, я угостил советских игроков пивом. Сегодня это может показаться смешным, но им вообще не разрешалось пить.

Советские ребята спрашивали меня, как попасть в НХЛ, хотя они были категорически против того, чтобы нарушить законы своей страны и просто остаться в Канаде. Они слишком гордились своей страной. Они не хотели даже вскользь говорить о чем-то подобном, потому что об этом даже шептать было опасно. В конце 1930-х гг. дед Игоря что-то сказал о Сталине, и в результате его семью сослали из Москвы в Воскресенск, моногород с таким количеством сажи, что даже снег там был черным^[53].

В середине 1980-х годов во время перестройки, проводимой по инициативе Михаила Горбачева, советскому спорту пришлось переходить на самофинансирование. Таким образом, к концу десятилетия федерация хоккея СССР решила продать несколько игроков в НХЛ, которая в общей сложности заплатила 3 млн долларов за Сергея Макарова («Калгари Флеймз»), вратаря Сергея Мыльникова («Квебек Нордикс»), Крутова и Ларионова («Ванкувер Кэнакс»). Мечта Фетисова наконец сбылась. Он и его товарищи – защитники Алексей Касатонов и Сергей Стариков – подписали контракт с «Нью-Джерси Девилз». Каждому игроку было выплачено около 100 000 долларов.

В 1987 году все будет по-другому. На востоке игралось больше матчей^[54]. Глену Саттеру приходилось выполнять такой большой объем тренерской работы, что он ушел с поста тренера сборной и настоял на том,

чтобы помощником тренера стал Джон Маклер вместе с Жаном Перроном. Майк Кинэн был главным тренером. Формируя состав команды, он принял некоторые противоречивые решения (когда Скотт Стивенс исключен из команды, а Норман Рошфор играет, попробуйте это понять), но подобный подход сработал. Кэма Нили, Уэндела Кларка, Стива Айзермана и Патрика Руа исключили на позднем этапе, и это показывает количество талантливых игроков.

Сначала это казалось повторением 1984 года. Мы начали плохо. Мы не проигрывали, но команда не действовала как единое целое, и каждый матч казался тяжелым и изнурительным. Это действительно было ужасно. Состоялась встреча команды с руководством (его представляли Бобби Кларк, Серж Савар и Фил Эспозито), и каждый пытался понять, в чем проблема и что нужно делать. Так же как и в 1984 г., за сборную играли лучшие хоккеисты, но эти лучшие были изнурены предыдущим сезоном. Особенно сильно физически и морально устали игроки «Ойлерз». Майк на нескольких интенсивных тренировках велел нам носить полную экипировку, и поэтому один из аспектов, о котором руководство команды и тренерский штаб пришли к единому мнению, заключался в том, чтобы немного сбавить обороты и дать нам перегруппироваться.

В Гамильтоне прошла предтурнирная игра, в которой нам сильно досталось, а затем мы весьма блекло выглядели на первом матче турнира в Калгари. Майк был рассержен. Он поручил мне проследить за тем, чтобы все игроки ели в отеле, поскольку хотел поговорить с нами. Некоторые ребята были недовольны – ведь мы надеялись куда-нибудь сходить и расслабиться. После того как мы поели, Майк встал и сказал, насколько он зол. Но затем он сказал: «Ну а сейчас я хочу, чтобы все сели в автобус. Мы едем

отдыхать вместе. Все!» В тот вечер мы отправились в небольшой кантри-бар и просидели там до самого закрытия.

На следующее утро мы сели в самолет, и у нас началась одна из самых долгих карточных игр, в которой я когда-либо участвовал (и одна из самых забавных). Во времена, когда не было ноутбуков, айпадов и айфонов, карты были традиционным средством скоротать время в дороге. Мы летели коммерческим рейсом из Калгари в Торонто, а затем в Гамильтон. Сев в самолет, мы начали играть в игру под названием «эйси-дьюси». В Вегасе ее называют «красная собака». Мы играли весь полет. Игрок слева делает ставку. Взяв двойную колоду, дилер кладет две карты в открытом виде. Игрок делает ставку. Дилер кладет между двумя картами еще одну карту. Если достоинство этой карты больше достоинства одной карты и меньше достоинства другой, игрок получает выигрыш.

Мы играли шумно, ребята делали ставки весьма приличного размера. Я играл в паре с Полом Коффи. Мы начали с больших ставок и продолжали проигрывать, поэтому количество денег в банке росло. Когда мы добрались до Торонто, в банке было примерно 20 000 долларов, и мы продолжили игру в автобусе.

Клод Лемье, который в то время был совсем юным, проиграл чуть ли не всю зарплату. Если у вас не было денег, вы выбывали, поскольку играть можно было только на наличные. Клод посмотрел на свои карты: у него были двойка и король. Он хотел вернуть проигранные деньги. Посмотрев на Марио Лемье, Клод спросил: «Поддержишь мою ставку?» Марио подмигнул и сказал: «Давай». Дилером был Рей Бурк. Он вытащил пятерку, и Клод снова оказался при деньгах. Мы отлично провели время.

Мне нравилось, как тренировал Майк Кинэн. Думаю, он выбрал очень разумный способ выстроить отношения в команде за такой короткий промежуток времени. У нас было так много хороших игроков, что Кинэн несколько раз тасовал составы звеньев. Ему нравились физически сильные игроки, он распределял их по звеньям, и думаю, что это был правильный подход. Ребята очень уважали Майка.

У всех лучших тренеров разные стили, но все они позволяют игрокам проявлять свои сильные стороны, адаптируя манеру игры к их соответствующим сильным сторонам. Это придает игрокам уверенность. И по мере роста этой уверенности их все сложнее переиграть.

Хороший тренер также знает, как справиться со взлетами и падениями. Когда вы выигрываете, игроки могут заразиться самоуверенностью, и это тоже может оказаться проблемой. Поэтому тренер должен уметь справляться как с излишней уверенностью, так и с ее нехваткой.

Майк впервые поставил Марио и меня вместе. Мы не играли в одном звене, поскольку оба являлись центральными нападающими. Но Майк видел, как мы забивали в большинстве в середине турнира, и решил оставить нас вместе. Тем не менее, когда Майк впервые отправил нас на лед вместе, мы отправились в одно и то же место в зоне нападения. Это связано с тем, что свое амплуа и вытекающие из него задачи мы понимали одинаково. Но за несколько матчей мы сыгрались, и мне уже не приходилось каким-либо образом адаптировать свою игру. Впервые мы вышли в одном звене, когда играли против шведов, затем – СССР, а затем – чехов. Мы сыграли вничью с русскими и выиграли два других матча, здорово прибавив во взаимопонимании за это время.

В хоккее было много знаменитых звеньев. Я уже говорил о звене конца 60-х, игравшем в «Нью-Йорк

Рейнджерс». Оно получило прозвище «по голу за игру». В нем играли Жан Ратель, Род Гилберт и Вик Хэдфилд. Звено «Брюинз» под названием «Эспо» состояло из Фила Эспозито, Уэйна Кэшмана и Кена Ходжа и тоже прославилось. В «Канадиенс» было звено «Династия», состоящее из Ги Лефлера, Жака Лемера и Стива Шатта. И «Тройная корона» «Кингз» с Марселем Дионном, Чарли Симмером и Дэйвом Тейлором стала еще одним знаменитым звеном. Но в мою эпоху знаменитых троек было не слишком.

Интересно отметить: помогая Марио играть лучше, я сам стал играть лучше. Марио был всего лишь юным пареньком, но при этом очень талантливый. Он был таким большим и тем не менее настолько подвижным на своих коньках, почти как фигурист. Некоторые ребята могут вывести свою игру на более высокий уровень, и я видел, как Марио это делает. Старшие ребята помогали ему готовиться в тренировочном лагере и на протяжении всех матчей, проводившихся по круговой системе. Он учился у некоторых великих игроков команды, и это означало, что в его арсенале появилось не только много новых ходов; думаю, это также воодушевляло его. Я посоветовал ему делать две вещи. Во-первых, я хотел, чтобы он наблюдал за тем, что делали другие, и брал с них пример. Я сказал ему посмотреть на Месса, который всегда вовремя приходил на тренировку и никогда не опаздывал. Во-вторых, я хотел, чтобы он позволил мне отдавать ему пасы, чтобы он мог выполнять броски. У него были огромные запястья. А по точности он не уступал атомным часам.

Мы с Марио были частью большого наступательного звена, но и другие ребята, выполняющие тяжелую работу, были столь же важны. Я смотрю на таких игроков, как Мишель Гуле и Дейл Хаверчук. Они оказывались в таком положении, когда требовалось сделать все возможное для победы. Гуле, лучший

бомбардир в своей команде, называл себя во время этой серии трудягой, но это его вовсе не обескураживало. Он просто гордился тем, что являлся частью группы. Так чувствовали все. Крейг Хартсбург был, вероятно, шестым защитником. Он старался всех приободрить своими разговорами на скамейке и в раздевалке, он прекрасно мотивировал остальных. Каждый пытался найти способ помочь: Рик Токет, Brent Саттер, Брайан Пропп и другие. В сборной у них была роль отличная от той, которую они играли в своих клубах.

Кубок Канады 1987 года, возможно, стал одной из тех серий, где был продемонстрирован самый искусный хоккей всех времен, но, вероятно, это был и самый жестокий хоккей. Если бы некоторое из того, что делалось тогда, произошло бы сегодня, дисквалификаций в обеих командах было бы множество. Русские в этом отношении, возможно, действовали более тонко, но и они, несомненно, яростно стремились проявить себя. Они были настолько сильны физически, что каждая битва становилась очень жесткой. И помните, что на кон была поставлена гордость каждой команды. Страсть к победе почти не отличалась от ненависти к другой команде. В том году на молодежном чемпионате мира сборная Канады (с сильным составом, но агрессивная) потеряла шанс на завоевание золотой медали из-за массовой драки с советской командой. Тео Флери сказал, что Валерий Зелепукин, парень, с которым он вступил в драку в том матче, был самым сильным из всех, против кого он когда-либо играл. Русские были не просто хорошими хоккеистами. Они могли постоять за себя.

Мы победили, потому что Майк Кинэн как тренер оказался искуснее Тихонова. Майк действительно являлся одним из самых лучших тренеров. Тем не менее я думал, что с технической точки зрения Тихонов был по-настоящему хорошим тренером и что система игры

советских хоккеистов была потрясающей: как они выходят из своей зоны, как действуют неторопливо в соответствующие моменты, как играют в меньшинстве. Их звенья из пяти человек и их игра в большинстве. И все это становилось таким особенным благодаря их терпению. Они могли удерживать шайбу целых две минуты ради того, чтобы выполнить один хороший бросок.

В наше время ключ к успеху заключается в том, чтобы заставить игроков двигаться и переместить шайбу в зону синей линии. Во время игры в большинстве вы можете бросить по воротам раз восемь. Русские так никогда не делали. Если ситуация была не такой, какая им требовалась, они отходили назад и начинали все заново.

Слабость Тихонова как тренера заключалась в его упрямстве. Он был очень предсказуем и ничего не менял с ходу. Он считал, что его спортсмены лучше наших, и поэтому он никогда не менял число игроков, участвующих в матче. Он отправлял на лед шестерых защитников и четыре звена форвардов. Считалось, что каждый игрок столь же хорош, как предыдущий, поэтому последовательность никогда не менялась. Период начинало первое звено, затем второе и третье, а потом четвертое. Советская команда, возможно, и была машиной, но в этом заключался и недостаток. Она не адаптировалась по ходу игры.

Даже выпускать шестого полевого игрока при минимальном отставании в концовке они начали совсем недавно. Дело не в том, что они не знали, как это делать. Просто они были уверены, что смогут забить с помощью всего пяти нападающих. Подобная ситуация стала немного меняться в конце 80-х. Вы увидите, что их «Большая пятерка» иногда играет двойную смену, но подобное случалось редко. С годами у советских хоккеистов появилась плохая репутация, поскольку

считалось, что они не проявляют должного энтузиазма. Я говорил с ними и знаю, что они переживали из-за исхода матча так же, как любой канадец. Возможно, они переживали даже еще больше – для них каждый матч являлся своеобразной проверкой мастерства. Я понимаю, почему люди могут думать, что они не отдавали себя игре со всей страстью, но это больше связано с подходом тренера, а не с самими игроками. Они просто были вынуждены придерживаться определенного сценария.

Глен Саттер или Майк Кинэн могут выпустить первым звено Мессье во втором периоде, а мое в третьем, чтобы на поле было необходимое в тот или иной момент сочетание игроков, но Тихонов будет начинать каждый период, выпуская свою лучшую пятерку. Если советская команда играет в большинстве, он в ходе ротации выпустит очередное звено, в то время как такие тренеры, как Майк, Глен или Скотти Боумен, выпустили бы игроков на двойные смены, а Лефлер, Бобби Орр и Денис Потвин выходили бы на лед каждую вторую смену.

Вспоминая все матчи в обратном порядке вплоть до 1972 года, можно сказать, что наши тренеры всегда действовали лучше. Если бы тогда советских хоккеистов тренировали так, как сейчас тренируют российских, когда такие ребята, как Алекс Овечкин, получают двойные смены, звенья состоят из трех человек, а в решающие моменты задействуют четырех защитников вместо шести, всё могло сложиться по-другому.

Лучшей игрой, в которой я когда-либо участвовал, стал второй финальный матч 1987 года против русских. Уровень состязательности в тот вечер в Гамильтоне был невероятно высоким. Матч также был эмоциональным, поскольку мы проиграли 6–5 первый матч в Монреале после того, как шайба, попав мне в конек после броска

Вячеслава Быкова, оказалась в наших воротах, делая счет ничейным. Я потом увидел, как сердит был мой отец. Он редко высказывал подобные критические замечания, но в тот раз сказал: «Знаешь, а ведь это поражение – твоя вина. Ты слишком долго оставался на льду, и в результате твоя команда пропустила гол». Как раз перед этим я сказал отцу, что ему разрешили лететь с нами чартерным рейсом в Гамильтон. Поэтому я просто посмотрел на него и сказал: «Не стоит благодарности».

По дороге в Гамильтон на следующий матч я думал о словах отца и начал чувствовать раздражение. Я мысленно повторял: «Гамильтон? Почему Гамильтон?»

В то время моей любимой ареной, не считая Эдмонта, была «Мэйпл Лиф-Гарденс». Я всегда хорошо там играл. В те дни ограждение за скамейкой игроков было высотой всего несколько футов. Это означало, что любой, стоящий позади нас, мог протянуть руку и дотронуться до нас. Что касается «Мэйпл Лиф-Гарденс» и «Форума» в Монреале, мы там практически сидели на трибунах. Атмосфера была захватывающей, и игрокам это нравилось. Помню, как я думал: «Ого, это так здорово». На арене «Гарденс» рядом с концом скамейки запасных было два места для зрителей, и мой отец обычно сидел на одном из них. Я даже мог перекинуться с ним парой слов во время матча. Но он сильно нервничал, и когда я спрашивал у него что-то вроде: «Эй, как ты?», он с трудом что-либо отвечал.

Никто из нас никогда не играл в Гамильтоне, поэтому мы не знали, чего ожидать. Команды НХЛ в этом городе не было. В те дни матчи начинались в десять минут девятого, и это, конечно, было поздно. Я всегда приходил на каток примерно в половину четвертого, потому что, когда я заходил в раздевалку, меня там никто не беспокоил, и я мог посидеть, попить

кофе и поговорить с тренерами. Но зайдя в «Коппс Колизеум» и увидев, что там темно и тихо, я снова подумал: «Почему же не на «Мейпл Лиф-Гарденс»?»

Оказалось, я ошибался. Как только мы вышли на лед после разминки, мы увидели, что освещение там просто изумительное. Это нас приободрило. А так как это была арена меньшего размера, то и акустика там была в порядке. В подобной атмосфере играешь совсем по-другому.

Игра началась очень оживленно, шайба перемещалась туда-сюда. Казалось, это один из тех вечеров, когда шайба словно следует за мной.

Мы с Марком и Марио играли каждую вторую смену. Русские играли четверьмя звеньями. Темп был предельно высоким. Мы были сосредоточены, играли хорошо, но советские хоккеисты были свежее. Помню, как подошел к скамейке, посмотрел на Марка и сказал: «Месс, не думаю, что могу выйти». Мы чуть ли не падали на скамейку. Но через двадцать секунд Майк подошел к нам сзади, слегка подтолкнул нас и сказал: «Пора вставать». Мы отправились на лед.

У меня было пять результативных передач, а Марио забил три гола. В матче был двойной овертайм. Вечер получился захватывающим и зрелищным. Я чувствовал себя очень уверенно. Когда на воротах в овертайме стоит Грант Фюр, я всегда готов воспользоваться любыми предоставляющимися возможностями. И он нас не подвел.

Он сделал несколько невероятных сейвов. Мы выиграли матч и были вне себя от радости.

Я остался ночевать у своей семьи, потому что Брантфорд находится всего в двадцати минутах езды от Гамильтона. После игры я поехал вместе с ними домой. Было два часа ночи. Мы заказали пиццу, я сел на диван, посмотрел на потолок и подумал, каким великолепным оказался вечер и насколько важен этот

турнир. Проиграв, мы подведем нашу страну. Затем я примерно пять минут пытался успокоиться.

Когда мы перед началом третьего матча вышли на лед, на «Коппс Колизеум» царила оживленная атмосфера. Болельщики стояли и приветствовали нас одобрительными возгласами. Но второй матч проходил настолько быстро, что Марио, Коффи, Мессье и я были немного уставшими. И конечно, не прошло и минуты, как Макаров забил гол, и к восьмой минуте мы уже проигрывали 3-0. Оживленная атмосфера на трибунах затихала, подобно тому, как сдуваются лопнувшие воздушные шары. Многие болельщики опустили на свои места.

И вот почему я сказал ранее, что Майк Кинэн как тренер был искуснее Тихонова. Он дал Марио, нескольким другим ребятам и мне передышку примерно на восемь минут и дал двойные смены Брайану Проппу, Brentу Саттеру и Рику Токкету. Токкет заставил поднапрячься оборону советской команды, особенно у бортов. И внезапно оказалось, что советским хоккеистам всё дается не так уж легко. Они стали оглядываться через плечо. Затем Токкет в большинстве подобрал отскочившую шайбу, бросил, а Брайан Пропп добил. К концу первого периода мы снова отставали со счетом 4-2, но это было гораздо лучше, чем 3-0. Мы вернулись в игру.

Когда мы вошли в раздевалку, все ждали, что Майк будет в ярости. Он же спокойно вошел и сказал: «Вы, ребята, войдете в историю хоккея как команда, способная на волевою победу». Затем он вышел. Казалось, это расслабило нас и в то же время приободрило. И подход тренера сработал. Ларри Мерфи забил гол, находясь около синей линии справа. Потом Саттер забил еще один. Когда Дейл Хаверчук добил шайбу, отскочившую после его собственного броска, мы вышли вперед.

Майк идеализировал Скотти Боумэна. Не думаю, что это секрет. Скотти славился тем, что его действия невозможно предсказать. Он будет делать что-то необычное. Наблюдая за матчем, многие будут говорить: «Зачем Боумэн сделал это?» Ему нравился элемент неожиданности. Подобно карточному игроку, он не любил, когда о его дальнейших действиях знали. И он задавал много вопросов, чтобы выяснить как можно больше о сопернике. Он предпочитал удивлять, а не быть застигнутым врасплох. И, подобно Скотти, Майк держал кубики льда в маленькой чашке и любил грызть их. Но у него были и свои трюки. Иногда, когда Майк хотел дать нам передохнуть, он бросал на каток монетки, и судьям приходилось останавливать игру, чтобы убрать их со льда. И он не делал это в открытую; просто у него в карманах были дырки. И думаю, Майк действительно испытывал удовольствие, когда (как и в случае со Скотти) люди говорили: «Боже, что Майк делает?»

Итак, когда счет был 5-5 за полторы минуты до конца, Майк отправил на вбрасывание в нашей зоне Марио, Дейла и меня. Трое наиболее атакующих игроков в хоккее на самом важном вбрасывании в серии. Когда мы выходили на лед, Дейл спросил: «Ты будешь разыгрывать?» - «Нет, нет, Дейл, - ответил я, - давай ты». Дейл стал в центре, Марио - на правый фланг около линий разметки, а я справа от него. Ларри Мерфи находился сзади, а Пол Коффи встал слева от линий разметки.

Дейл в некотором смысле проиграл вбрасывание, и Марио, устремившись к шайбе, завладел ею. К нему бросились два советских хоккеиста, но когда они, столкнувшись, упали друг на друга, Марио направил шайбу к синей линии. Философия Майка Кинэна в хоккее заключалась в том, чтобы к шайбе всегда устремлялись два игрока, поэтому мы с Марио сразу же

бросились к ней. Марио сделал пируэт, чтобы избежать силового приема. Теперь мы отделались от трех советских игроков.

Марио сделал мне мягкий пас вдоль левого борта. Я подхватил шайбу у красной линии и вошел в зону. Ларри Мерфи видел всё происходящее и помчался к воротам. Российский защитник Игорь Кравчук теперь должен был закрывать меня и Марио, а также быть в состоянии перехватить пас, который можно было сделать Ларри (он направлялся к дальней штанге на возможное добивание). Тем временем Хаверчук помешал клюшкой продвижению Славы Быкова^[55]. Это означало, что едущий за мной Марио был открыт. Я передал ему шайбу, и за минуту двадцать шесть секунд до окончания матча он сделал два больших шага и направил шайбу в ворота. Пролетев над перчаткой Мышкина^[56], она влетела в верхний угол.

Самым главным было не то, что сделали мы с Марио. Если бы Ларри не пошел к воротам и Дейл не помешал бы Славе Быкову, мы, возможно, так и не смогли бы забить. И нельзя не вспомнить о Майке. У него было достаточно уверенности в Дейле, Марио и мне (трех атакующих игроках), и поэтому он отправил на вбрасывание именно нас.

Увидев шайбу в воротах, мы все пришли в восторг. Это можно было почувствовать в любом месте арены. Ларри Мерфи назвал последнюю встречу последней из игр «добра против зла».

29. Кубок Канады 1991 года

1991 год у меня прежде всего ассоциируется с тремя вещами: во-первых, с Эриком Линдросом, во-вторых, с Марком Мессье и, в-третьих, с силой американской команды.

Майк Кинэн теперь работал тренером в Чикаго. Думаю, что только четыре игрока играли вместе в трех Кубках Канады с 1984 по 1991 год: Месс, Пол Коффи, Brent Sattler и я. Трое из парней Майка попали в команду: Эдди Белфор, Стив Лармер и Дирк Грэхем. У нас проходил один из самых больших тренировочных сборов – в нем участвовало пятьдесят четыре человека. И даже без Марио, Рэя Бурка, Стефана Рише, Джона Каллена и Марка Рекки у нас были потрясающие игроки.

В середине тренировочного сбора Майк подошел ко мне и сказал: «Знаешь, Гретц, я хочу, чтобы Эрик Линдрос был в этой команде». Кто не хотел бы, чтобы Эрик был в его команде? Даже будучи подростком, он являлся хоккеистом, внушающим ужас. При росте 1 метр 93 см и весе 106 кг он одним своим размером вынуждал остерегаться его. Но он также мог кататься и вести шайбу как игрок гораздо меньшего размера – и обладал мощным броском. Он мог пройти сквозь вас, он мог обойти вас, а если бы вы столкнулись с ним на открытом пространстве, вам бы показалось, что вы попали под автобус. Ульф Самуэльссон узнал об этом в ходе нашего матча против шведов во время этапа, проводившегося по круговой системе. Самуэльссон – здоровый парень, но в полной мере ощутил на себе мощь Эрика. На этом турнир для шведа закончился. Затем Линдрос выбил из турнира Мартина Ручински из Чехословакии.

Майк Кинэн сказал мне, что когда-нибудь Эрик станет капитаном сборной Канады, и поэтому он хотел, чтобы он был среди ребят в нашей команде. Я подумал: «Ну вы же тренер, если вы считаете что-то необходимым, с нашей стороны возражений не будет».

Команда 1991 года состояла из прекрасных игроков. Возможно, это была самая талантливая сборная Канады, в которой я когда-либо играл. Талантливых игроков было много. Мы доминировали в обороне. Если где и была слабость, то это в нападении, особенно в связи с тем, что Марио Лемье выбыл из состава из-за проблем со спиной. К концу тренировочного сбора Кинэн отвел меня в сторону и сказал, что, по его мнению, нам нужен Марк Мессье, если мы хотим победить. Я ответил, что позвоню Марку. Выслушав меня, Марк сказал: «Я буду там завтра».

В том году российская команда впервые не являлась для нас сколь-либо важным фактором. Происходил распад Советского Союза, и всё пребывало в некоторой неопределенности. Сто советских игроков ушли в НХЛ, в европейские команды или во второстепенные лиги в Северной Америке. Тихонов все еще был во главе, но он оставил некоторых своих лучших игроков (таких, как Павел Буре, Валерий Зелепукин, Евгений Давыдов и Владимир Константинов) дома, поскольку боялся, что они не захотят возвращаться. В итоге сборная СССР даже не вышла в плей-офф.

Командой с лучшими шансами на победу являлась сборная США. Ребята, которые были вдохновлены победой американцев в Лейк-Плэсиде, подросли и стали весьма впечатляющей группой. Такие игроки, как Крис Челиос, Тони Гранато, Бретт Халл, Брайан Лич, Джоэл Отто, Крейг Джанни, Джереми Рёник, Пэт Лафонтен, Кевин Миллер, Джоуи Маллен, Гэри Сутер и Майк Модано, выросли, желая играть в хоккей. Сборная США станет очень сильной командой.

Простой взгляд на этот список дает вам понять, что у американской сборной в 1991 году не будет проблем с тем, чтобы забить гол. Представьте Пэта Лафонтена, Бретта Халла и Майка Модано во время игры в большинстве. Да и просто играть против них будет не так просто. Сборная США была очень жесткой командой. В середине кругового этапа турнира, после того как чешский правый нападающий Томаш Елинек, проведя силовой прием, сломал плечо американскому хоккеисту, Челиос выбил Елинеку клюшкой передние зубы.

Но турнир для нас проходил удачно. В групповом турнире мы ни разу не проиграли благодаря большому количеству талантливых хоккеистов. Мы задействовали четыре звена и шесть защитников. Это была лучшая хоккейная команда, в которой я когда-либо играл, насколько это возможно. В нашей команде были прекрасные отношения, мы были самоотверженны, обладали мастерством и умели защищать ворота. Наши шесть защитников (Пол Коффи, Эл Макиннис, Эрик Дежарден, Скотт Стивенс, Ларри Мерфи и Стив Смит) вместе с нашим вратарем Биллом Рэнфордом делали почти невозможным забить нашей команде гол.

Мы играли заключительный матч в группе против сборной СССР в Квебеке. Кинэн сказал мне, что, пока мы там, Эрик будет моим соседом по комнате. Не хочу обидеть Эрика, но он был последним человеком, с которым я хотел бы жить именно в том городе. Многие там были недовольны Эриком. Перед драфтом он предупредил «Квебек Нордикс», что не явится в тренировочный лагерь, если они его выберут. Они все равно его выбрали, Эрик отказался приходить, и между обеими сторонами началось упорное противостояние. Его агент Рик Карран сказал, что он говорил с Бобби Орром, который посоветовал Эрику не растрачивать впустую свои юные годы, играя в команде, в которую он

не вписывается. Но болельщики «Нордикс» были в ярости от того, что Линдрос, по-видимому, считал, что он слишком хорош для их команды. Ситуация усугубилась тем, что в «Ассошиэйтед Пресс» появилась статья, в которой утверждалось, что, если Стива Айзермана продадут в «Нордикс», он тоже не приедет в тренировочный лагерь. Но, по правде говоря, никто из этих двух ребят ничего не имел против французского языка, и дело было не в команде. В 1991 году «Нордикс» были молодой, интересной командой. В ней играли такие молодые парни, как Джо Сакик, Оуэн Нолан и Матс Сундин. Всё дело было в валютном курсе и налогах. (В Детройте Айзерман мог заправиться за семнадцать долларов, а в Квебеке ему пришлось бы платить сорок четыре.)

Я мог понять обе стороны спора. Но я также знал, что Эрик получал угрозы, в которых говорилось о бомбе, и его также угрожали застрелить. И теперь Майк хотел, чтобы я жил с ним в одной комнате. Меня подобная перспектива не радовала. Я имею в виду, что мне даже не нравится быстро водить машину. У меня была «Феррари», и я ездил на второй передаче – мне до сих пор ни разу не выписывали штраф за превышение скорости. И также мне не нравится высота. Поэтому я сказал Майку: «Нет. Послушайте, я поговорю со СМИ. Я постараюсь всех успокоить. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить его, но я не хочу, чтобы меня взорвали». Наверное, Майк решил, что я шучу, и поэтому он все равно поселил нас вместе. Ночью я глаз не сомкнул.

Мы сыграли с русскими вничью со счетом 3-3, и Эрик, возможно, снискал симпатии болельщиков в Квебеке, забив гол при игре в большинстве в первом периоде и сделав счет ничейным. Затем мы победили Швецию в полуфинале, и тот матч стал прощанием Берье Сальминга с «Мейпл Лифс Гарденс». И затем мы

встретились со сборной США в финальной серии, победитель которой определялся по итогам трех матчей.

Ранее я говорил о том, как незадолго до плей-офф, 22 марта 1990 года, я повредил спину в матче против «Айлендерз». В результате я в том сезоне пропустил три игры плей-офф из десяти. И теперь в первом матче финала Кубка Канады 14 сентября 1991 года Гэри Сутер применил против меня сзади силовой прием. Это снова вызвало спазмы в спине, и я выбыл из оставшейся части турнира.

В дело теперь вступили Месс и Коффи. Все любят, когда в раздевалке говорят о том, что надо «выиграть для Гиппера»^[57]. Это действительно спланирует ребят. Но Месс сделал нечто иное. Он знал, что команде нужно быть спокойной и сосредоточенной сразу после того, как шайба будет вброшена. Он не хотел, ни чтобы ребята пытались отомстить Сутеру, ни чтобы кто-то думал, что все могло быть иначе, если бы я был в составе. И в перерыве между периодами Месс сказал ребятам играть так, словно меня вообще никогда не было в команде. Таким образом, в команде не оказалось слабых мест. Игроки последовали совету Месса, и Канада выиграла первый матч 4-1.

Второй матч проходил через несколько дней, и средства массовой информации активно обсуждали Гэри Сутера в связи с тем, что использованный им прием вызывал много вопросов. Не могу сказать, что это было весело, но, если бы я был немного ближе к борту, то, вероятно, просто бы отделался синяком. Я никогда не думал, что Гэри специально старался травмировать меня. Поверьте, меня ударяли и сильнее, и я гарантирую, что нескольких американских игроков наши парни ударили еще сильнее.

Во втором матче в конце второго периода счет стал ничейным. Тренеры были в раздевалке, и все были расстроены. Ребята Майка из «Чикаго» постарались всех успокоить. И когда игроки вернулись на лед, Стив Лармер забил гол при игре в меньшинстве, сделав Сутера козлом отпущения. Дирк Грэм забил страховочный гол.

Это стало большой победой для нас, но все же было страшновато из-за того, насколько хорошо играли американцы. Разница между ними и русскими заключалась в том, что американцы играли в нашу игру. Их тренер Боб Джонсон был очень позитивным, отличным парнем. Он тренировал «Флеймз» во время величайших сражений с «Ойлерз», и в том году он был тренером «Пингвинз». Под его руководством они выиграли свой первый Кубок Стэнли. К сожалению, во время тренировочного лагеря у Боба диагностировали рак мозга, и его заменил его помощник Тим Тейлор. Но до самого конца Боб считал своей миссией успешное развитие американской команды. В письме одной из последних вещей, которую он сказал своим игрокам, было следующее: «Американскому хоккею нужна идентичность. Это наш шанс попробовать добиться ее в некоторой степени». Это было всего лишь вопросом времени, когда у американцев появится столько же великих игроков, сколько у нас.

Кубок Канады с самого начала являлся проектом Алана Иглсона. Когда-то он был, возможно, самым могущественным человеком в хоккее. В качестве агента он представлял Бобби Орра, лучшего игрока в мире того времени, в качестве руководителя он руководил профсоюзом игроков, а в качестве бизнесмена он общался с владельцами команд. Он так привязался к Кубку Канады, что когда в 1981 году советская команда упаковала трофей, чтобы забрать его домой, Иглсон лично пытался отобрать его, когда советские хоккеисты

садились в свой автобус^[58]. Но жалобы агентов Рона Салсера и Рича Уинтера и бывшего директора Ассоциации игроков Национальной футбольной лиги Эда Гарви привели к тому, что репортер Расс Конвей занялся расследованием, в ходе которого выяснилось, что Иглсон присваивал деньги Ассоциации игроков Национальной хоккейной лиги НХЛПА и игроков, которых он представлял.

В дело вмешались ФБР и Королевская канадская конная полиция, и Иглсон был вынужден покинуть Зал славы хоккея. Иглсон также лишился и своего Ордена Канады. А в 1998 году его приговорят к восемнадцати месяцам лишения свободы. Зачитывая приговор Иглсону, судья сказал: «Власть развращает».

В 1996 году в отношении Иглсона проводилось расследование, и он отошел от хоккейных дел. Кубок Канады стал Кубком мира по хоккею. Турнир был разделен на два дивизиона: чехи, финны, немцы и шведы играли в европейской группе, а канадцы, американцы, словаки и русские – в североамериканской.

На этот раз мы знали, что должны быть готовы к американцам. И мы знали, что они будут играть против нас изо всех сил. Я только что закончил сезон с Бреттом Халлом в «Сент-Луисе», а затем 21 июля 1996 года подписал контракт с «Рейнджерс» как неограниченный свободный агент. Как капитан сборной США Брайан Лич, так и их вратарь Майк Рихтер были моими новыми товарищами по команде. Но когда вы играете в международный хоккей, вы играете за свою страну. Поэтому независимо от того, сколько денег вы зарабатываете или за какую команду играете как профессионал, ваша страна стоит для вас на первом месте. Думаю, большинство ребят согласятся со мной.

Меня спрашивают, кто является самым недооцененным хоккеистом, и я должен сказать, что

это Брайан Лич. Да, он выиграл приз Колдера (в 1989 г.) и приз Конна Смайта (в 1994 г.), а также приз Норриса (в 1992 и 1997 гг.), но он был совершенно невероятным товарищем по команде. Он обладал такой энергией, способностями, а также готовностью блокировать броски и делать все возможное для команды, что его можно было назвать человеком с сердцем льва.

Лич был родом из Коннектикута и играл в детской хоккейной команде, которая вышла в плей-офф в штате Массачусетс. Он находился в отеле со своей командой, когда на телевидении включили запись матча, получившего название «Чудо на льду». Брайан помнит, как он бегал с остальными ребятами по коридорам, делая то, что обычно делают одиннадцатилетние и двенадцатилетние мальчишки в отеле, когда родители и тренеры собрали их вместе и немного рассказали им о политическом климате и о том, каким аутсайдером считалась сборная США. Лич сказал мне, что каждый раз, когда американцы забивали гол, они прыгали на кроватях и швыряли подушки.

К началу Кубка мира 1996 года у американцев были такие парни, как Брайан, который играл в разных олимпийских сборных и имел опыт выступлений в Кубках Канады. Также у них был Майк Рихтер, проявивший себя в игре на воротах столь же достойно, как когда-то Джимми Крейг. Майк был запасным вратарем сборной США на Олимпиаде 1988 года, и с тех пор его игра продолжала улучшаться. Он всегда искал способ добиться от себя максимальной отдачи – через питание, тренировки или психологический настрой. Он работал над позитивным мышлением и образами, прежде чем это стало для спортсменов обычным делом. Когда «Рейнджерз» позволили Джону Ванбисбруку отправиться в команду «Флорида Пантерз» в ходе драфта расширения 1993 года (в рамках сделки с «Ванкувером»), они, очевидно, решили, что Майк их

парень. И затем он, конечно, выиграл Кубок в 1994-м. В 1996-м он стал лучшим вратарем не только в Соединенных Штатах, но, возможно, и в мире.

Сборная США добавляла все больше игроков, ребят, которые были не просто хорошими игроками НХЛ. Они были звездами в своих командах. Они обладали скоростью, чтобы опередить Майка Модано и Дуги Уэйта, и у них был настоящий снайпер в лице Бретта Халла. Но они также могли играть в то, что мы считали канадской игрой: братья Хэтчер в обороне и такие парни, как Кит Ткачук, Билли Герин и Джон Леклер, впереди. И у них был настоящий воин Крис Челиос. Он являлся ответом американцев на Марка Мессье. Каждая игра представляла собой седьмой матч, когда Челли надел свитер сборной США. Они не просто хотели победить нас – они хотели победить нас в нашей собственной игре.

Имейте в виду, что на этот турнир мы выставили физически очень сильную команду. У нас было много крупных парней во главе с Эриком Линдросом, которые к тому времени доминировали в НХЛ, но они также играли для того, чтобы вселять страх в соперника (например, в Скотта Стивенса и Брендана Шэнахена). Все ожидали жесткой борьбы. И команды не разочаровали. Кит Примо и Билл Герин сцепились на предварительном турнире, а затем продолжили спустя двадцать секунд после начала матча этапа, проходящего по круговой системе, в то время как Клод Лемье и Кит Ткачук также приготвили к драке. Мы выиграли первый матч финала в Филадельфии, но для этого нам понадобился овертайм.

Второй матч мы проиграли. Думаю, можно спокойно сказать, что мы начали переигрывать их в третьем матче в Монреале. Мы совершили огромное число бросков во втором периоде, но Майк Рихтер отражал их. Затем мы забили в начале третьего и вышли вперед со

счетом 2-1. Но мы не смогли удержать преимущество. Можно было почувствовать, как американцы обретаю уверенность. Бретт Халл великолепно подправил шайбу, и к концу третьего периода счет стал 2-2. И не прошло минуты, как Тони Амонте снова забил. Внезапно нам пришлось открыться, чтобы вернуться в игру, и американцы забросили еще две шайбы. И затем вдруг все закончилось. Они выиграли. Это было потрясающе.

Думаю, нам повредила потеря Марка Мессье во втором матче. Марк был парнем, который мог нас сплотить. Он вернулся на третий матч, но все видели, что он не восстановился полностью. Особенно в третьем периоде, когда мы пытались удержать преимущество, Марк мог стать тем парнем, который повлияет на складывающуюся ситуацию.

В третьем периоде, чуть больше чем за три минуты, они забили нам четыре гола, и, возможно, именно поэтому это нас так обескуражило. После столь напряженной серии было тяжело видеть, как команда ломается всего за несколько минут. Я уже говорил об этом: хоккей – игра эмоций. Они могут привести вас к победе, но, когда вы проиграете, они способны вас сокрушить. Я не удивляюсь, когда вижу, как ребята плачут после того, как проиграют длинную серию плей-офф. Дело не в том, что они жалеют себя. Просто эмоции могут быстро сменить победный настрой горечью поражения.

Но хоккеисты также учатся двигаться дальше. И каким бы обескураживающим ни было то поражение, в том турнире имелось и много положительных моментов. Уровень хоккея рос. Ситуация стала не такой, как раньше, когда в финал каждый год выходили Канада и СССР, а Швеция и Чехословакия боролись за третье место. Финляндия добивалась успехов, а Соединенные Штаты победили сильную сборную Канады. Честно

говоря, было бы скучно, если бы Канада выигрывала каждый год.

Теперь наши соседи стали настоящими соперниками. В то время мы, конечно, восприняли это плохо, но само появление подобного соперника принесло лишь пользу.

30. Зимние Олимпийские игры 1998 года

В 1988 году зимние Олимпийские игры проходили в Калгари. Канадцы не могли не думать о победах американцев на домашней арене в 1960 и 1980 годах. Канадцы хотели собственного «чуда». Но Канада даже не смогла выиграть медали (несмотря на то, что ворота сборной защищал Энди Муг).

В течение многих лет канадские хоккейные болельщики, наблюдая за тем, как другие празднуют завоевание золотых медалей, ворчали, что, если бы мы только могли отправлять на турниры наших лучших игроков, мы бы показали всем, как это делается. В 1998 году нам представился шанс. Еще в 1992-м, когда НБА собрала команду мечты для летних Олимпийских игр в Барселоне, баскетбол изменился. А в 1998 году в Нагано в Японии то же самое произошло в хоккее. НХЛ, наконец, решила допустить профессионалов для участия в играх. У нас должна была быть своя команда мечты.

Вероятно, я был последним выбранным игроком. После нашего поражения на Кубке мира двумя годами ранее сборная Канады шла на Олимпиаду с более молодыми игроками. Я понимал подобный шаг, но это означало, что никто не знал, как я впишусь в команду. Я ведь был старым парнем. После этой Олимпиады я отыграл в профессиональном хоккее всего еще один год.

Бобби Кларк, генеральный менеджер «Филадельфии», стал новым парнем в руководстве командой и подобно тому, как Глен Саттер выстраивал свои команды для участия в Кубке Канады на основе

«Ойлерз», строил свою олимпийскую команду на основе «Флайерз»: Эрика Линдроса, Рода Бриндамора и Эрика Дежардена.

Мы все встретились в Ванкувере, а затем как команда отправились чартерным рейсом в Японию. Помните верхнюю часть «Боинга-747»? Именно там сидели все тренеры и менеджеры. Игроки к ним приходили по одному, и там им объясняли правила, роли и обязанности. Мы с помощником тренера Уэйном Кэшменом были друзьями, поэтому он сообщил мне, что я немного поучаствую в игре в большинстве и, вероятно, поиграю в четвертом звене. Он спросил, доволен ли я этим. Я ответил: «Да, я так был воспитан. Вы зарабатываете время на льду. Если я буду играть хорошо, не сомневаюсь, что попаду на лед, поэтому я насчет этого не беспокоюсь».

В средствах массовой информации и за кулисами было много разговоров о том, что к хоккеистам будет особое отношение – мы будем вести себя надменно в Олимпийской деревне и лишим остальных спортсменов должного внимания. Этого не произошло. Мне не хочется, чтобы это звучало эгоистично, но наша команда фактически помогла сплотить всех канадских спортсменов. В общей комнате канадской команды мы могли смотреть репортажи канала «Си-Би-Си», которые вели Рон Маклин и Брайан Уильямс. Мы обсуждали планы совместного отдыха с другими спортсменами: «Хорошо, в какое время мы встречаемся в общей комнате? Что мы будем смотреть сегодня вечером? Кто играет в настольный теннис?» Когда в общую комнату пришел после завоевания золотой медали в гигантском слаломе сноубордист Росс Ребальятти, Брендан Шэнахен был первым, кто вскочил и пожал ему руку. Это был такой классный момент – его победа была нашей победой. Мы стали для Канады одной большой командой.

Ребятам из НХЛ понравилось все, что предлагалось в Олимпийской деревне. Это возвращало нас к нашим корням, когда нам было двенадцать, тринадцать или четырнадцать лет и мы жили с семьями на хоккейных турнирах. Игроки были очень довольны. Мне нравилось, что мы были расселены по трое или четверо. Я жил вместе с Мартином Бродером, Робом Бриндамором и Стивом Айзерманом. Думаю, что, поскольку все мы находились вдали от друзей, семьи и средств массовой информации, это позволило нам полностью сосредоточиться на хоккее. У нас была одна комната с двумя кроватями и две комнаты, в которых было по одной кровати. Это, конечно, не было чем-то изысканным, но тем не менее все было отлично. Нам это очень понравилось. А так как вратари тренируются по другому графику, мы все сказали: «Знаешь, Марти, раз ты вратарь, будешь спать в комнате с одной кроватью». Тогда Бродер произнес: «Ничего, не беспокойтесь. Я не играю».

Мы были потрясены: «Как понять – ты не играешь?» Марти, возможно, был лучшим вратарем в мире в то время, и впоследствии он установил несколько рекордов, в том числе по количеству побед среди вратарей в НХЛ. У него были невероятные рефлексy, и он так хорошо управлялся с шайбой, что становился будто третьим защитником, когда другая команда забрасывала шайбу в зону его команды. НХЛ, в конечном счете, решила ввести «правило Бродера», которое позволяло вратарям действовать клюшкой лишь в пределах определенного ограниченного пространства. Любая команда хотела бы, чтобы ее ворота защищал Марти.

Но Марти спокойно отнесся к тому, что его оставили в запасе. «Во время беседы в самолете мне сказали, что я – третий вратарь, я не буду играть». Марти не сказал об этом ни слова, и он не жаловался. «Эй, послушайте,

никому не говорите, – продолжал он. – Это пустяк, и я не хочу, чтобы из-за этого возникли какие-нибудь проблемы в раздевалке. Как есть, так и есть». Марти был настолько командным игроком и так профессионально ко всему относился, что все это даже казалось каким-то нереальным.

Турнир для нас складывался удачно. Мы ни разу не проиграли в групповом турнире и даже без особых проблем справились со сборной США, обыграв ее со счетом 4-1. В первых четырех матчах мы пропустили лишь четыре шайбы. Сборная Канады обычно начинает медленно, так как ребятам из разных команд нужно время, чтобы сыгаться. Но мы с самого начала действовали прекрасно.

И в полуфинале у нас была отличная игра против чехов. Мы контролировали игру и перемещались по льду лучше, чем они. Они просто пытались выстоять, и им это удалось. Овертайм начался при ничейном счете 1-1.

Проблема заключалась в том, что мы не знали, что будет дальше.

Мы прекрасно подготовились. У нас было большое обсуждение в самолете, потом мы дополнительно обсуждали распорядок, тренировки, сон, отдых, режим питания, систему, по которой мы будем играть, и состав. Но мы не знали лишь одного: что будет десятиминутный овертайм, а потом начнутся послематчевые буллиты. Все игроки предполагали, что (как и в плей-офф НХЛ) исход матча решится в результате так называемой внезапной смерти^[59], поэтому мы оказались застигнутыми врасплох. Возможно, тренеры знали и не хотели говорить нам об этом. Иногда тренер или менеджер не хотят, чтобы вы держали в уме еще какой-то вариант.

Сейчас ситуация иная, потому что буллиты являются частью нашей игры. В те же времена мы с ними не сталкивались. Никогда. У европейских команд всегда были буллиты: в детском хоккее, на молодежных турнирах, клубных чемпионатах или в лиге; буллиты являлись привычным делом. Поэтому, вовсе не стремясь казаться высокомерным, я могу сказать, что, если бы продолжали играть в своей манере, мы бы, конечно, выиграли. Наши ребята знали, что такое внезапная смерть, потому что они к этому *привыкли*.

Помню, как во время первой минуты овертайма я думал: «Господи, они хотят довести дело до послематчевых буллитов». Они выходили в среднюю зону, посылали шайбу вперед и даже не пытались за нее побороться.

Это было самым безумным из того, что я когда-либо видел. Казалось, что чешский вратарь Доминик Гашек сказал им: «Слушайте, просто дотяните до буллитов».

Перед матчем всех звезд мы выполняли отрывы с выходом один на один во время конкурсов на проверку мастерства. И в том году Гашек пропустил всего две шайбы после тридцати двух бросков. Обе были заброшены Джо Сакиком. Я посмотрел на трибуны и увидел, что Джо сидит там с костылями – он повредил колено, когда Роб Блейк сбил какого-то парня в матче с Казахстаном и тот упал на левую ногу Джо. Джо прекрасно выполнял отрывы. Он приближался на скорости, делал вид, что собирается бросать, а затем направлял шайбу в щель между щитков вратаря или под руку вратаря с клюшкой, а иногда искусно бросал с неудобной руки. Джо мог попасть шайбой в кофейную чашку. Если вратарь чуть опускал ловушку, Джо умудрялся направить шайбу так, что она, пролетев над ловушкой, оказывалась в воротах. В подобные моменты вы думаете лишь о том, что вам удобнее сделать, и выше описано то, как мог поступить Джо.

Гашек не был похож на других вратарей. Он был неловким – и казалось, он всегда хочет распластаться во вратарской площадке без клюшки. Но все было не так просто. Вы могли решить, что переиграли его, но он мог изловчиться и спасти свои ворота. Если вы полностью его переигрывали, вам все равно следовало посылать шайбу под перекладину, потому что, если бы вы попытались бросить низко, он бы нашел способ отбить шайбу ногой или бы еще каким-то образом изловчился и сделал сейв. Он был просто невероятен. Он мог делать сейвы, даже когда казалось, что он занимает совсем неподходящее положение. Следовало действовать неожиданно, бросать, пока он не готов, и делать все нужно было быстро. Потому что, если он готов, не надейтесь забить ему гол. Вдобавок ко всему Доминику в тот день сопутствовала череда удач. Иногда вратарь просто непобедим.

Помню, как сидел рядом со Стивом Айзерманом и он спрашивал меня, кто будет бросать. Я понятия не имел. Но это означало, что выполнять буллиты будем не мы. Тренер Марк Кроуфорд вызвал Тео Флери, Джо Нуиндайка, Эрика Линдроса, Брендана Шэнахена и Рэя Бурка. Ребят невероятно талантливых и надежных в решающую минуту. К тому же я знал, что Патрик Руа играет так же хорошо, как Гашек. Я подумал: «Мы выиграем матч за пять буллитов». Затем Гашек не дал забить Тео. А Роберт Райхел, чешский хоккеист, выполняющий буллит первым, забил. Руа парировал следующий бросок, но и нам самим требовалось забросить шайбу. Бросок Бурка отразили. Нуиндайк тоже не смог забить. Затем от нашей команды буллит выполнял Линдрос. Он направился к воротам на большой скорости, ложным замахом уложил Гашека на лед, а затем с неудобной руки направил шайбу в штангу. От каждой команды должен был бросать еще один хоккеист. У Яромира Ягра был шанс добить нас, но

и он попал в штангу. Последним бросал Шэнахен. Он решил приблизиться к воротам с той стороны, где Гашек держал ловушку, но Доминик не стал двигаться с места раньше времени, и у Брендана просто не осталось места.

Мы были раздавлены. Чувствовали себя опустошенными. Мы ведь даже не проиграли матч. Мы выбыли из борьбы за золотые медали после *буллитов*.

Если вы проигрываете в НХЛ, вы отправляетесь домой. А когда вы отправляетесь на мировые турниры, вы стремитесь выиграть золотую медаль. И вот мы сейчас играем с финнами за третье место. Этот матч, матч за бронзу, был самым худшим. Он был настолько плохим, что я даже в шутку говорил, что предпочел бы сыграть в матче всех звезд. В каком-то смысле это хорошо. Потому что сборная Канады, игроки которой проделали такой большой путь (детский хоккей, молодежный чемпионат мира), поняла следующее: либо золото, или вообще ничего. Но думаю, что это оказывает гораздо больше давления на сборную Канады, чем на сборные других стран. Вам нужны парни, которые могут справиться с подобным давлением. На мой взгляд, мы должны были взять в Нагано Марка Мессье. Его опыт и способность играть лучше всего именно под давлением очень бы намгодились. Но я знаю, почему в 1998 году его не взяли - мы проиграли в 1996-м. А когда вы проигрываете, вы что-то меняете и совершенствуетесь. Вот почему было принято решение взять одного из нас, а не обоих. И все же, когда ситуация балансирует на грани между поражением и победой, я не сомневаюсь, что Марк смог бы повлиять на нее.

Это был такой трудный матч для нас, такая жалкая игра. На протяжении всей своей карьеры я стремился выиграть каждый матч, в котором участвовал. Я ненавидел поражения, но для хоккея было лучше, что

Яри Курри и финны победили нас и завоевали бронзовую медаль, поскольку для их страны это имело гораздо большее значение. Финляндия меньше, и эта медаль помогла построить ей свою хоккейную программу.

Очевидно, что после этой игры наша команда была очень подавлена. И вопрос заключался в следующем: направляемся ли мы домой в субботу или остаемся на церемонию закрытия, которая пройдет в воскресенье? Все высказались за то, чтобы остаться. Если бы мы выиграли золото, мы бы остались, и поэтому было бы неправильно улететь только потому, что мы проиграли.

Мы так хорошо играли на протяжении всего турнира – и затем проиграть серию буллитов? Это, конечно, не лишает меня сна по ночам, но все равно неприятно.

После того как турнир закончился, а я завершил карьеру, Бобби Кларк послал Бобу Николсону письмо, в котором говорилось, что я должен быть директором олимпийской сборной 2002 года.

Мы с Бобом встречались несколько раз, и я говорил о своих мыслях и идеях. Я сказал ему, что мне нужна не слишком большая группа управления и что я хочу нанять главного тренера, который понимает, сколь важно быть на одной волне с игроками, поскольку на выигрыш золота у вас есть буквально десять дней. Тренер должен не только давать поручения своим помощникам, но и добиваться от них по-настоящему ответственного отношения к делу. Я также сказал Бобу, что, на мой взгляд, на эту роль идеально подойдет Пэт Куинн.

И Боб Николсон решился действовать не по шаблону: вместо того чтобы пригласить кого-нибудь из действующих генеральных менеджеров НХЛ, он взял меня.

Первым парнем, которого я нанял, стал Кевин Лоу, потому что мы смотрим на игру одинаково. Затем мы

наняли Стива Тамбеллини и Лэнни Макдональда. Какая отличная группа!

Подбирая игроков в команду, мы стремились сформировать коллектив. Вы выбираете ребят, исходя из того, что они, например, хорошо играли два года или восемь лет. Все могли высказаться, но я активно продвигал лишь одну кандидатуру: Тео Флери. Я много лет играл против него и всегда считал, что он смелый игрок, способный проявить себя в решающий момент. В то время Тео переживал нелегкие времена, и поэтому я вызвал его. Мне не пришлось просить его давать какие-либо обещания. Я знал, что он сделает то, что нужно.

Должен сказать, что иногда я действительно боялся за нашу команду. Не после нашего первого матча, когда мы проиграли Швеции 5-2, а после второго - против Германии. Мы вели со счетом 3-0, а затем в третьем периоде они забили два гола. Мы выиграли 3-2, но это был действительно неприятный матч. Игра с Германией должна была стать для нас своеобразной тренировкой, но превратилась в настоящую борьбу.

Мы ехали в машине, возвращаясь с «Пикс Айс Арены» в Прово, штат Юта, и я испытывал по-настоящему тошнотворное чувство. Я думал: «О, у нас проблемы». Между тем у американцев все шло как по маслу, что лишь усугубляло ситуацию. Я пытался осмыслить происходящее: «Что случилось с Канадой? Американцы берут верх!» Немного успокаивало меня лишь одно: в 1998 году у нас тоже все шло как по маслу, а затем *все* внезапно закончилось. Лэнни Макдональд был настроен позитивно. Он продолжал говорить: «Не волнуйся. Все будет хорошо, все будет хорошо, у нас хорошая команда».

В том году Кёртис Джозеф был отличным вратарем. Пэт Куинн тренировал его в Торонто. Кёртис закончил свой сезон со следующими показателями: 29 побед, 17 поражений и 5 ничьих. Не было никаких сомнений, что

он заслуживает место в воротах в начале первого матча, но и Марти Бродер тоже был прекрасным вратарем. Поэтому мы придумали такой план. Кёртис сыграет в первом матче, и, если мы его выиграем, Марти будет играть во втором матче, а Кёртис в третьем. Но если мы проиграем первый матч, а Марти выиграет второй, он будет играть в третьем, что и произошло.

Когда вы играете на Олимпиаде, вы не можете позволить себе совершить ошибку. Вы играете с лучшими из лучших. Есть триста-четыреста других игроков, которые хотят быть на вашем месте. Иногда может возникнуть проблема: если вы остановите свой выбор на хоккеисте, у которого хорошо идет игра, а он получит травму в третьем или четвертом матче. Что будет со вторым парнем? Его может деморализовать. И все же Кёртис отнесся к ситуации с пониманием, потому что Марти был его запасным как на Кубке мира по хоккею, так и на чемпионате мира в 1996 году. Поэтому, несмотря на то что Кёртису было тяжело из-за того, что он не в воротах, он был настроен позитивно.

По мере того как шли годы, я очень хорошо узнал Кёртиса. Он один из лучших людей в мире – замечательный во всех отношениях. Может быть непросто, когда у всех нас как у спортсменов есть такая гордость. Все хотят быть частью игры. Хороший командный игрок скажет: «Главное, чтобы это было лучше для команды». Но в глубине души великий спортсмен подумает: «Жаль, что это не я». Еще в 1998 году, когда я сидел на скамейке во время буллитов, мне очень хотелось быть одним из тех пяти парней. Но если вы так не думаете, вы не добьетесь успеха.

Эд Белфор был третьим вратарем после Марти и Кёртиса. Его отношение к делу довольно типично для большинства канадских игроков, и оно показывает, почему канадцы настолько успешны в международных

соревнованиях. Когда мы подбирали игроков, я позвонил Эду и сказал: «Послушай, ты будешь третьим вратарем, и если это тебе не подходит, я пойму. Никто не узнает, что я тебе это предлагал». Эд ответил: «Ты с ума сошел? Я обязательно там буду и стану самым большим болельщиком команды». Он с большим энтузиазмом участвовал в подборе игроков и помогал нашим вратарям. Это было замечательно.

Затем мы сыграли вничью с чехами со счетом 3-3, и после этого матча я позволил себе спонтанно высказаться на пресс-конференции. Я был недоволен. Когда вы чем-то руководите и дела идут неважно, вы принимаете удар на себя, и это правильно.

Знаете, как бывает? Вы бреетесь или принимаете душ и начинаете говорить сами с собой, вспоминая обо всех невзгодах и несправедливостях и мысленно их обсуждая. Мы не выигрывали золото с 1952 года, и какие у нас сейчас показатели? Одна победа, одно поражение и одна ничья. Я думал (снова): «Что случилось с Канадой? Американцы непобедимы!» И вот когда Пол Романюк задал мне дурацкий вопрос по поводу того, что наши парни из НХЛ так долго раскачиваются, чтобы начать играть хорошо, потому что им не хватает уважения к выступлениям на международном уровне, я начал заводиться.

Наши ребята не просто там прохлаждались. Я думал о матче с чехами. У них была отличная команда, в ее составе были Гашек и Ягр, но в третьем периоде мы играли очень хорошо: мы передвигались лучше, чем чехи, а они делали все возможное, чтобы вынудить нас действовать медленнее. Плюс, когда Тео Флери стоял перед воротами, а Роман Хамрлик толкнул его в спину клюшкой, никакого штрафа не последовало. На меня нахлынули эмоции. Я сказал: «Не думаю, что мы не любим эти страны до такой степени, до какой они

ненавидят нас... Они любят побеждать нас... И мы к ним будем относиться точно так же».

Помню, что все это дошло до того, что я сказал, что в одном и том же матче был и колющий удар, и толчок клюшкой, и если бы так поступили мы, это бы наделало много шума. Я также отметил, что было четыре или пять вопиющих нарушений, за которые не были назначены штрафы, а затем добавил: «Я устал от людей, которые позволяют себе нападки в адрес канадского хоккея. Когда мы это делаем, мы хулиганы, а когда это делают европейцы, все в порядке, потому что они не грубые или их приемы не грязные? Это чушь собачья». Я действительно чувствовал, что все были против нас.

Я понял, что эта пресс-конференция наделала много шуму, лишь на следующее утро, когда мне позвонили друзья из Канады и сообщили, какой отличной она получилась. Помню, как я думал: «Что же я сказал?»

Обычно канадские команды играют лучше по мере продолжения турнира, и наша команда не стала исключением. Нам очень повезло, что Белоруссия обыграла шведов. Этот матч проходил в одиннадцать утра, и не знаю, правда ли это, но кто-то сказал мне, что шведы были настолько уверены в победе, что их тренер Харди Нилссон тем же утром назначил тренировку. Поэтому игроки вышли на тот матч уставшими.

Они проиграли со счетом 4-3. Победным стал бросок из средней зоны, после которого шайба попала шведскому вратарю Томми Сало в маску и, отскочив от нее, перелетела через его голову.

Я сидел в своем номере в гостинице в Солт-Лейк-Сити, когда Владимир Копать из сборной Белоруссии забил этот гол примерно за две минуты до конца. От радости я так подскочил, что чуть не ударился головой о потолок. Мы больше не увидим шведов! Мы обыграли

Белоруссию со счетом 7-1 в полуфинале, а потом нам предстоял финальный матч против американцев.

Когда игрок готовится к финальному матчу, он испытывает радостное волнение, а его родители, семья, друзья и тренеры по-настоящему нервничают. Что я мог сделать в своем положении? Мне пришлось просто сидеть и потеть. Когда вы на льду, все намного легче. Когда кто-то спросил меня: «На ваш взгляд, как сегодня пройдет игра?», я ответил: «Ну, если Марио, Сакик и Айзерман покажут, что они – трое лучших игроков, мы выиграем».

Я спустился в раздевалку примерно за два часа до финала, чтобы пожелать ребятам удачи и поздороваться с тренерами. Я беседовал со Стиви Айзерманом, который находился на массажном столе. Кен Лоу прикладывал лед к его колену и работал над его ногой. Когда я выходил из раздевалки, я сказал: «Хорошо, что ж, удачи сегодня». Я уже шел по коридору, когда за мной поспешил Кен. Он сказал: «Уэйн! Уэйн! Можно с вами поговорить?» Я ответил: «Да, что случилось?» Он произнес: «Должен сказать, что колено Айзермана в таком плохом состоянии, что, если бы это был седьмой матч, я бы не позволил ему играть». Я ответил: «Хорошо, скажите ему, что это, слава богу, всего лишь игра за золотые медали». Таким вот парнем был Стив. Бобби Кларк писал Бобу Николсону о том, что меня следует поставить во главе команды 2002 года, потому что, как выразился Бобби, «пришло время позволить кому-то еще это сделать». А я точно так же думал по поводу Ванкувера и Сочи. Я встретился с Бобом и сказал ему, что Стиви – первоклассный парень, знающий, что такое хоккей. Он подходил на руководящую должность.

В том матче ничто не могло помешать ему выйти на лед. Стиви в конечном счете играл на одной ноге. Вот каким он был лидером. Он просто не мог упустить

возможность сыграть необходимую роль в том матче. Это была очень эмоциональная игра. Шумели как местные болельщики, так и прибывшие туда канадцы. И то, что женская команда только что выиграла золото, победив американок в ходе эпической игры, также приободрило ребят.

Обе команды вышли с боевым настроем. Все играли в эту игру отлично. Когда американцы открыли счет, мы не паниковали, хотя гол был забит после отрыва с выходом один на один. Мы просто направили эту эмоцию в нужное нам русло и продолжили играть в нашу игру. Пол Кария забил классический гол, приняв от Криса Пронгера пас, после которого шайба прошла прямо между коньками Марио. Тогда Джером Игинла, прекрасно проявивший себя на турнире, забил еще один. Американец Брайан Рафалски сравнял счет броском от синей линии, но мы продолжали активно действовать. Сакик забил в конце периода при помощи своего знаменитого кистевого броска, и больше американцы в том матче нам не забивали (хотя один раз после мощного броска Бретта Халла шайба попала в штангу). Игинла забил еще один гол, а затем Джо Сакик забросил последнюю шайбу в матче.

Потом американец Джереми Рёник дал одно из самых лучших послематчевых интервью в истории хоккея. Несмотря на то что обе команды были непримиримыми соперниками и упорно сражались в ходе игры, он отдал канадцам должное и великодушно признал, что победила лучшая команда. Но Джереми сказал и нечто более важное. Он назвал эти две команды, возможно, лучшей коллекцией игроков, которые когда-либо выходили на лед вместе, и что он гордится тем, что стал участником такого матча. Я чувствовал то же самое.

Я люблю Олимпийские игры. Я принимал участие в трех из них: один раз в качестве игрока и два раза в

качестве руководителя команды. Олимпиада – прекрасный способ донести хоккей до все большего числа людей. И я знаю, что игроки любят играть. Когда я рос, то, по правде говоря, большинству профессиональных хоккеистов и дела не было до Олимпийских игр. И я говорю это не из желания позлобствоваться, а потому, что, когда мы были детьми, мы мечтали о том, чтобы играть в Национальной хоккейной лиге, и с самого начала знали, что если мы будем играть в НХЛ, то не сможем выступить на Олимпиадах. Поэтому очень немногие ребята ставили перед собой цель стать частью канадской олимпийской сборной. Однако сейчас хоккей привлекает такое внимание, что вызывает интерес даже у тех людей, которые раньше смотрели лишь на лыжников, керлингистов и скейтбордистов. Олимпийские игры, в свою очередь, пользуются гораздо большей популярностью благодаря хоккею. И сам хоккей, являясь олимпийским видом спорта, становится интересным все большему числу людей в мире. В течение трех недель мы на первом плане. Тем не менее меня беспокоит то, что хоккей может постигнуть судьба футбола – футболисты, участвующие в Олимпиаде, должны быть не старше 23 лет. Верно, Олимпийские игры важнее, чем спортсмены, но не должны ли соревноваться лучшие?

Но это в определенном смысле безвыходная ситуация. Глядя на нее с деловой точки зрения, я уважаю и понимаю риски для владельцев команд и городов. Владелец команды НХЛ знает, что, если он потеряет своего лучшего игрока, это может лишить его шансов на победу в Кубке Стэнли. Если Тед Леонис лишится Александра Овечкина, как это повлияет на его франшизу и ценность его франшизы? Одним из решений может стать помощь со стороны МОК, чтобы

игроки были надлежащим образом застрахованы на случай временной или постоянной нетрудоспособности.

Думаю, что НХЛ смотрит на ситуацию следующим образом: МОК выигрывает, если игроки состязаются. Хоккейные матчи приносят МОК сотни миллионов долларов. Таким образом, НХЛ нужна некоторая страховка, система обеспечения помощи, в обмен на то, что она выставляет своих самых ценных игроков. Да, они получают удовлетворение, потому что игрокам нравится это делать. И да, они показывают себя на международном уровне. Но если вы зададите владельцу команды, например, на юге Соединенных Штатов вопрос: «Улучшило ли выступление ваших игроков на Олимпиаде ситуацию на вашем хоккейном рынке?» – думаю, он скажет: «Нет».

И я могу сказать, что после того, как мы в 1998 году отправились в Японию, игрокам было очень тяжело, когда мы вернулись. Все лучшие игроки в НХЛ (не только из Канады и Соединенных Штатов, но и из Чехии, Швеции, Финляндии и России) были психологически и физически истощены и в результате играли не так хорошо, как могли бы. Возвращение к матчам регулярного сезона в НХЛ не дает игрокам таких же острых ощущений, как выступления за национальные сборные. У многих ребят наблюдается некоторый спад после возвращения, особенно из таких далеких мест, как Япония или Южная Корея, где будут проходить следующие Олимпийские игры (или Китай, если уж на то пошло, в котором Олимпиада будет проходить после Южной Кореи).

Хоккеистам НХЛ будет нелегко попасть на следующие две Олимпиады, но, поучаствовав в Олимпийских играх, я могу сказать, что ради этого стоит найти способ, чтобы все получилось как надо.

31. Культура победы

Всякий раз, когда вы надеваете свитер сборной Канады, от вас ожидают, что вы выиграете золото. Но сделать это удастся не всегда, и вообще это не совсем справедливо. Смешно думать, что вы выиграете все турниры, в которых участвуете. Иногда шайба отскакивает не туда, куда надо. А иногда вы просто сталкиваетесь с более сильной командой. Со мной это случалось не раз.

Но убежденность игроков в том, что они *могут* выиграть каждый раз, когда выходят на лед, важна для каждой команды. И также важно то, что от вас ожидают победы. Если вы не настроитесь на достижение максимально возможного результата, вы не сможете выложиться полностью, чтобы победить соперника.

Постоянные победители не выигрывают случайно. Нужно просто заглянуть за кулисы, чтобы понять, почему они добились успеха. Это культура, которую они создали в раздевалке, культура, которую игроки передают следующему поколению.

Если вы посмотрите на самые успешные клубы в каждом командном спорте (и я имею в виду не клубы, блеснувшие в течение одного года, а такие сильные организации, как «Нью-Ингленд Пэтриотс» или «Сент-Луис Кардиналз»^[60]), вы увидите в них четко определенную культуру. Доверие, командная работа, ответственность, самоотверженность. Все это составляет культуру, которой они живут.

Частью этой культуры является то, кого они берут к себе в качестве игроков и тренеров. Культура победы часто передается от ветеранов появляющимся новым игрокам. Они учат на собственном примере. Вы видите это в Детройте (Айзерман, Лидстрём, Дацюк и большая

группа молодых игроков, которые у них сейчас есть). Командам, где много талантливых молодых игроков, но нет результатов, возможно, не хватает подобного лидерства.

Что касается профессиональных команд, то лучшим примером команды с таким лидерством является баскетбольный клуб НБА «Сан-Антонио Спёрс». Все началось 17 мая 1987 года, когда «Спёрс» выиграли лотерею драфта НБА и выбрали центрового Дэвида Робинсона. Затем они позаботились о непрерывности управления. Питер Холт присоединился к группе владельцев в 1993 году и являлся генеральным директором в течение двадцати лет. Грэгг Попович работает главным тренером с 1996 г.

Это создает доверие. Они знают, что команда не развалится, если у нее когда-нибудь будет неудачный сезон. Новые игроки, которые приходят в команду, продолжают в ней расти, и у них складывается долгая и очень успешная карьера.

Думаю, что «Спёрс» задействовали интеллектуальный подход к определению культуры, которая им требовалась в клубе. Каждое принятое решение основывалось на всем этом: как они тренируются, как восстанавливаются их игроки, как обращаются с новичками, как обращаются с ветеранами, как ветераны обращаются с новичками (и так на каждом этапе и на всех уровнях). Все это осуществляется в соответствии с определенными принципами, и вполне можно ожидать, что и дальше все будет делаться должным образом.

Когда Робинсон завершил карьеру, он успел передать свои убеждения Тиму Данкану, Ману Джинobili и Тони Паркеру. Они продолжили эту культуру, завоевав пять титулов. Затем в команду пришел Леонард Кауай - и можете не сомневаться в

том, что все, что Леонард узнал от этих трех ветеранов, он как лидер передаст новым молодым игрокам.

Когда Крэйг Патрик был генеральным менеджером в «Питтсбурге» в начале 90-х, он приобретал ребят, которые превращали хорошую команду в победителей Кубка Стэнли: Джо Маллена, Ульфа Самуэльссона и Ронни Фрэнсиса. Но он также совершил сделку с «Калгари» ради чешского форварда Иржи Грдины, чтобы помочь Яромиру Ягру. Ягр находился в команде первый год, тосковал по дому и был готов вернуться в Кладно. Можно не сомневаться, что, когда Ягр войдет в Зал славы, одним из первых парней, которому он выразит признательность, станет Грдина.

Можно вспомнить и Дэррила Саттера, который стал тренером «Лос-Анджелес Кингз» в декабре 2011 года. При всём уважении к их бывшему тренеру Терри Мюррею нельзя не отметить, что они не были в плей-офф. Через год Дэррил привел их к победе в Кубке, а еще через два года, в 2014-м, к еще одной. Та же самая команда. Думаю, что приобретение Джеффа Картера и Майка Ричардса стало важнейшим шагом, но в чем же заключался секрет? Дэррил изменил культуру команды. Он повысил ожидания и добился того, чтобы каждый игрок проявлял свои лучшие качества. Недавно об этом лучше всего сказал Месс, когда мы были в Эдмонтоне на закрытии «Колизеума»: «Без всяких исключений ценен каждый игрок в вашей команде». Это верно. Все ваши игроки, от самых лучших до самых обычных, должны были объединить усилия и действовать вместе. Дэррил этого добивается. Он следит за тем, чтобы каждый знал свою роль.

Как и Скотти Боумэн, Дэррил всегда тщательно готовится. Перед каждой игрой составлялся список. Игроки должны читать это, но они это никогда не делают. В раздевалке в день игры Дэррил называет имя нового парня, играющего этим вечером. Затем говорит

кому-нибудь: «Эй, как насчет этого парня? Что ты о нем знаешь?»

Игрок, к которому Дэррил обратился, ничего не знает об этом парне, но сам Дэррил может рассказать вам, что этот парень ел на завтрак, чем его папа и мама зарабатывают на жизнь, в какую школу он ходил и размер его обуви. Дэррил знает о нем все.

Его тренировки по продолжительности не очень долгие, но проводятся в высоком темпе, и когда игроки выкладываются не полностью, он относится к этому без малейшей терпимости. Если вы напортачите, сделаете неудачный пас, он остановит игру и скажет вам об этом. Дэррил ожидает, что вы будете стараться изо всех сил, и выходит из себя, когда парни выкладываются не полностью в матчах и на тренировках. Он заставит вас повторить упражнение три или четыре раза, если понадобится, и скажет: «Сделай это правильно!» Несмотря на то что Дэррил суров с игроками, у его суровости есть причина. По-видимому, все лучшие тренеры – такие. С годами он немного смягчился. В те времена он был жесточе.

Чтобы команда добилась успеха, ее руководство, тренеры, игроки и все остальные должны проникнуться тем, что делает главный тренер. И все прониклись подходом Дэррила. Что бы ни означало лидерство, семья Саттеров, похоже, это поняла. Дэррил – всего лишь один из шести братьев, который играл в НХЛ. (Остальные – Brent, Brian, Duane, Rich и Ron.) Четверо из них стали тренерами или генеральными менеджерами. Все вместе они выиграли Кубок Стэнли шесть раз и сыграли в НХЛ почти пять тысяч матчей. Теперь в лигу приходит следующее поколение Саттеров. Подобный успех не является случайностью.

И это можно видеть и на примере хоккейных клубов. Некоторые уже кое-что поняли, а другие пока еще работают над этим. Может показаться, что та или иная

команда наконец-то добилась успеха, потому что выбрала хороших игроков на драфте, но это лишь часть успешного подхода. В истории лиг много команд с хорошим составом, которые так и не осознали важность лидерства. А вот династии – это те, которые это поняли.

Нельзя говорить о династиях, не упоминая «Монреаль Канадиенс». Сразу после Второй мировой войны до конца 1960-х годов каждой команде НХЛ разрешалось спонсировать клубы юниорских лиг «А» и «Б». В 1960-х годах у «Канадиенс» было две команды, которые выступали в юниорской лиге «А»: «Питерборо Питс» и «Монреаль Канадиенс Джуниор». Команды НХЛ также имели право устанавливать связи с профессиональными командами, играющими в низших лигах, и эти команды, в свою очередь, могли спонсировать те команды, которые выступали в юниорской лиге «А». Команды юниорской лиги «А» могли спонсировать команды юниорской лиги «Б», которые, в свою очередь, спонсировали детские и юношеские команды и т. д. Короче говоря, такие команды НХЛ, как «Монреаль», имели огромную сеть игроков и команд, в которых их можно было развивать.

До драфта расширения 1967 года «Монреаль» тратил на развитие игроков в два раза больше, чем любая другая команда. В 1964 году в тренировочном лагере «Монреалья» было триста парней, которые тренировались на шести разных катках. «Канадиенс» отделяли этих игроков от основной команды, в которую входили Жан Беливо, Клод Прово, Анри Ришар, Джон Фергюсон, Бобби Руссо, Ральф Бэкстрем, Жак Лаперрьер и все остальные ребята, которым было гарантировано место в составе. Основные игроки тренировались на «Форуме», а затем тех, кто хорошо проявлял себя в тренировочном лагере на других катках, приводили на несколько тренировок на «Форум». В основном составе свободных мест было одно

или два. Если вы не попадали в команду, вас отправляли обратно в Рочестер, Кливленд, Де-Мойн, Шарлотт или Хьюстон. В 60-е годы было так много отличных игроков, включая Ивана Курнуайе, Дэнни Гранта, Рогасьена Вашона и Микки Редмонда, которых отправили обратно.

В случае с Жаном Беливо все получилось по-другому. Он играл в Старшей хоккейной лиге Квебека и не был заинтересован в переходе в НХЛ. Его несколько раз ненадолго вызывали в «Канадиенс», но он отказался от неоднократных предложений подписать с ними контракт. В 1953 году «Монреаль», наконец, приобрел всю лигу и превратил ее в профессиональную, только чтобы заполучить Беливо в свой состав.

Когда мне в 1974 году было тринадцать лет, мы были в раздевалке примерно за полчаса до первого матча на Международном детском хоккейном турнире в Квебеке, и вдруг туда вошел Жан Беливо. Он был таким большим, что я глазам своим не верил. Жан посмотрел на меня и сказал: «Я слышал, ты очень хороший игрок, и решил зайти поздороваться». Всякий раз, когда я в детстве оказывался в таких ситуациях, у меня от волнения начинал заплетаться язык. Помню, как я просто уставился на него. Жан рассмеялся и сказал: «Не разочаруй меня сегодня». В тот вечер наша команда «Брэнтфорд Туркстра Ламбер» выиграла со счетом 25-0 у команды из Техаса. Я забил семь голов и сделал четыре результативных передачи. Когда я увидел своего отца после игры, то сказал: «Надеюсь, я не разочаровал мистера Беливо».

Фрэнк Селке, который пришел из «Лифс» и был генеральным менеджером «Монреаль Канадиенс» с 1946 года, вложил сотни тысяч долларов в систему фарм-клубов «Монреалья» и развитие игроков. Селке также открыл Сэма Поллока, двадцатидвухлетнего тренера детской команды «Канадиенс». Поллок,

который быстро учился и в будущем заменил Селке, когда тот ушел на пенсию в 1964 году, был генеральным менеджером в течение четырнадцати сезонов. Он был архитектором составов «Канадиенс», которые выиграли девять Кубков и семь чемпионатов регулярного сезона в 1960-х и 1970-х гг. Но он был также и прогрессивным мыслителем. Он стал первым генеральным менеджером, который отдавал ветеранов в новые команды в обмен на право выбора на драфте. В 1971 году Сэм Поллок хотел выбрать на драфте под первым номером Ги Лефлэра, но в последнюю минуту засомневался. Лефлёр играл за «Квебек Ремпартс» и завершил сезон, забив 130 голов и набрав 209 очков в 62 матчах. Но Марсель Дионн тоже был перспективным игроком, забив 62 гола и набрав 143 очка в 46 матчах за «Сент-Катаринс Блэк Хокс» из Хоккейной ассоциации Онтарио. В то время ХАО была сильнее, чем Квебекская лига. Сэму было действительно трудно принимать решение. Поллок остановил свой выбор на «Цветке» Лефлэре, а «Детройт» получил Марселя, который позже перешел в «Лос-Анджелес» и стал частью знаменитого звена «Тройная корона».

Многие годами сравнивали статистику Лафлэра и Дионна, задаваясь вопросом, правильное ли решение принял Поллок. Послушайте, я думаю, что они оба были великими игроками, оба вошли в Зал славы. Марсель сыграл 1348 матчей и набрал 1771 очко. Его показатель плюс/минус за карьеру составил 28. «Цветок» был в составах, которые пять раз завоевывали Кубок Стэнли. Он сыграл 1266 матчей и набрал 1353 очка. Его показатель плюс/минус за карьеру составляет 453. По этому показателю он занимает восьмое место. Но он играл в одной из величайших команд всех времен.

«Канадиенс» 1970-х гг. изменили хоккей. Это была эпоха, когда быстрое расширение, от шести команд в сезоне 1966/67 гг. до тридцати двух в сезоне 1974/75 гг.

(восемнадцать в НХЛ и четырнадцать в ВХА), уменьшило относительное число талантливых игроков. Пока еще не было русских хоккеистов и было очень мало американцев или европейцев. Именно нехваткой игроков, обладающих настоящим мастерством, объясняется столь высокий уровень насилия в ту эпоху.

Больше, чем любой другой тренер, Сэм Поллок хотел заключать контракты с игроками, которые были жесткими, но при этом хорошо передвигались по льду и умели обращаться с шайбой. В 1971 году он взял в команду Ларри Робинсона во втором раунде. Он стал одним из лучших защитников «Монреалья» всех времен, но, когда Ларри начинал, его тренер в «Нова Скотия Вояджерз» Эл Макнил дал ему понять, что он может либо драться, либо играть в Международной хоккейной лиге. Ларри был большим, сильным парнем, и с годами этот совет сослужил ему хорошую службу. Известно, что даже такие легендарные тяжеловесы, как Дейв Шульц, отклоняли приглашения от Ларри. Он мог сильно ударить и мог драться, но на самом деле он был не таким. Серж Савар как-то сказал мне, что Ларри в глубине души вовсе не был жестоким. Он был хорошим хоккеистом, играющим чисто. Даже не просто хорошим, а выдающимся. И поскольку с годами я хорошо узнал Ларри, я согласен с Сержем. Ларри – большой, высокий, добрый гигант.

Скотти Боумэн, который пришел в команду в сезоне 1971/72 г., был тренером второй династии «Монреалья». В 1972 году в команду приняли Стива Шатта, выбранного на драфте под четвертым номером. В следующем году они взяли Боба Гейни, а еще через год – Дуга Рисebro. К сезону 1976/77 г. «Канадиенс» настолько доминировали, что выиграли шестьдесят матчей, а проиграли всего восемь. Это по-прежнему является рекордом по наименьшему числу поражений за сезон из восьмидесяти матчей. От «Сент-Луиса» до

«Монреалья», а затем и до «Буффало», «Питтсбурга» и «Детройта» каждая команда улучшилась, когда Скотти привносил значительные изменения в ее культуру или совершенствовал уже существующую. И в случае с «Монреалем» эта культура уже установилась еще во времена То Блэйка. У Скотти были твердые убеждения относительно того, как спланировать команду. Хотя в звене три форварда, он всегда старался сначала думать о паре основных. К двум хорошо играющим игрокам вы добавляете третий компонент. (Когда я был в «Ойлерз», я почти все время играл с Яри Курри, а на левый фланг Глен Саттер периодически отправлял разных парней. Поскольку игра такая быстрая и жесткая, что у вас нет времени на раздумья, самое важное, на мой взгляд, – это ваше взаимопонимание с партнером по звену. Вам нужно знать, где он будет. Курри едва говорил по-английски, а я не говорил по-фински, но когда мы выходили на лед, мы играли в одну и ту же игру. Он видел игру точно так же, как я. Если кто-то приближался к нему, он знал, где я буду, чтобы передать мне шайбу. Подобное взаимопонимание у нас возникло с самого первого дня. И когда я сейчас смотрю на ребят, я вижу, что у некоторых игроков точно такое же взаимопонимание: Перри и Гетцлаф в «Анахайме», Овечкин и Бэкстрем в «Вашингтоне» и Бенн и Сегин в «Далласе».)

Когда Скотти был в «Монреале», он ставил Ги Лефлёра со Стивом Шаттом, и с ними играло несколько разных центральных нападающих. Третий игрок выбирался в зависимости от команды, против которой они играли. Временами требовалось усилить оборону, а иногда Скотти добавлял игрока атакующего плана.

Это была формула той эпохи. Майк Босси и Брайан Троттье играли в «Айлендерз». Марк Мессье объединился с Гленном Андерсоном в «Ойлерз». Бобби Кларк и Реджи Лич из «Флайерз» были товарищами по

звену еще со времен юниорской команды «Флин Флон». Скотти делал то же самое с форвардами оборонительного плана. В «Монреале» ему нравились Дуг Джарвис с Бобом Гейни. В «Детройте» он ставил Криса Дрейпера с Кирком Молтби, и они являлись, возможно, лучшим тандемом, специализирующимся на отборе шайбы в лиге того времени.

В «Детройте» в сезоне 1995/96 г. Боумэн немного нарушил свое собственное правило. Он позаимствовал кое-что у российского хоккея и создал звено из пяти человек. Российская пятерка: Ларионов, Федоров, Козлов, Константинов и Фетисов. Они не играли в хоккей в североамериканском стиле. И это помогало «Детройту», потому что другие команды никогда не видели такой системы. Скотти задействовал их как группу примерно в половине случаев, а в остальное время выставлял их по отдельности вместе с другими хоккеистами. Он не хотел, чтобы другие команды раскусили, что они делают. Выставляя их на лед в разных сочетаниях, Скотти хотел, чтобы против них было труднее защищаться. Конечно, звенья из пяти человек означают слишком большое количество защитников, и подобная схема на самом деле не работает в команде НХЛ. Можно, конечно, задействовать шестерых защитников, но ни одна команда НХЛ этого не делает. Но все же несколько раз за матч «Ред Уингз» могли отправить на лед звено, состоящее из бывших игроков сборной СССР, и их соперники понятия не имели, что делать. «Уингз» установили рекорд – шестьдесят две победы в матчах регулярного сезона, побив рекорд «Монреалья» 1976 года (шестьдесят побед).

Игорь Ларионов был потрясающим плеймейкером, потому что прекрасно видел лед. Игорь был сравнительно небольшим игроком. Он весил около 77 кг, но он был сильным и очень ловко катался на

коньках. Он мог быстро и резко разворачиваться. Он использовал творческий подход, был настоящим художником на льду. Ларионов считал, что, если у вас шайба, вы не должны избавляться от нее, а потом гоняться за ней. Он также был искусен и в оборонительной игре. Это была самая недооцененная часть его игры. И как и большинство русских, он являлся очень самоотверженным игроком. Он не слишком часто бросал сам. Он предпочел бы вывести на ударную позицию товарищей. И он удачно проявлял свои лучшие качества в трудную минуту.

Я всегда много думал и о Сергее Федорове. Меня просто изумляла его способность играть на таком высоком уровне. В одном сезоне у «Детройта» из-за множества травм возникли проблемы с составом, и Сергея поставили в оборону. Лишь немногие способны переключиться на оборону подобным образом. Большинство из нас не могли это сделать, в том числе Марио Лемье, Яромир Ягр и я сам. Но целых шесть недель Федоров играл там, как настоящая звезда. Он очень мощно катался спиной вперед. В 1994 году он стал первым европейцем, получившим приз Харта.

Вячеслав Козлов был не таким большим, как Федоров или Фетисов, но вам не нужно быть огромным, чтобы играть в хоккей. Козлов был бомбардиром. У него была отличная координация рук и глаз, и выполнял броски он лучше, чем большинство обычных игроков. В 1991 году в России, когда Козлов ехал на тренировку, в его машину врезался автобус. У Козлова был поврежден мозг, но он чудесным образом восстановился. Козлов в итоге играл до сорока трех лет. В НХЛ он сыграл 1182 матча и набрал 853 очка.

Владимира Константинова выбрали на драфте в одиннадцатом раунде. Он был очень жестким парнем, одним из самых физически сильных российских игроков всех времен. Любой, кто считает, что россияне мягки,

должен был больше внимания обращать на Влада. Константинов никогда не забивал много, но он, вероятно, был одним из лучших защитников оборонительного плана. Его товарищи по команде передавали ему шайбу, и он мощно пробрасывал ее вперед, создавая множество голевых моментов. Он любил тесно сблизиться с соперниками и играл в очень жесткую игру.

Вячеслав Фетисов считался лучшим защитником, который когда-либо играл в российской системе. Я имею в виду, что никто не может сравниться с Бобби Орром, но Фетисову нравилось вести шайбу, и в молодости он просто невероятно перемещался по льду. Когда ему было двадцать, он примерно в 1978 г. был одним из лучших в мире. «Детройт» получил Фетисова, когда ему было тридцать семь. Он уже не так хорошо катался на коньках, как в молодости, но все еще мог хорошо перемещаться в трудную минуту, а если он видел свободное место, то моментально устремлялся туда.

В последнее время разгорелся небольшой скандал в связи с тем, что Фетисов, входящий в Совет директоров Континентальной хоккейной лиги (КХЛ) в России, говорит, что самые талантливые игроки должны оставаться в родной стране, пока им не исполнится двадцать девять лет. Меня это не удивляет, и я скажу вам почему. Я очень хорошо знаю Фетисова, и есть несколько вещей, которые он любит в жизни, и одной из них была игра в НХЛ. Другой момент, связанный со Славой, заключается в том, что он очень гордый русский. У него были возможности покинуть свою страну незаконно, но он этого не сделал – он хотел, чтобы все было сделано правильно. Он хотел играть в НХЛ, и до сих пор он говорит: «Я – русский и Россия – мой дом».

Теперь, когда он входит в КХЛ, сильнейшую профессиональную лигу в Европе и Азии, он хочет заниматься развитием детей, которые будут играть в лиге и расширять ее. Фетисов хочет, чтобы хоккей в России стал таким же, как в Северной Америке. Не думаю, что это лицемерие. Мне кажется, что он пытается сказать им следующее: «Я хочу, чтобы вы играли в НХЛ, но я также хочу, чтобы вы сначала прославили нашу страну и помогли выстроить нашу лигу». И в некотором смысле я с ним согласен. Россия теряет так много хороших молодых игроков, что хоккей там сейчас развивается хуже, чем раньше. И на развитие игроков требуется много денег. То есть получается, что на развитие этих детей тратится масса ресурсов – и только для того, чтобы они покинули страну, как только будут готовы. И что еще важнее, он хочет, чтобы эти молодые игроки гордились системой, которая их подготовила. Было время, когда никто не мог сравниться с русскими. Он хочет вернуть подобную гордость обратно в систему.

Получится ли это у Фетисова? Трудно сказать, но могу дать его действиям самую высокую оценку, потому что знаю, что он говорит от всего сердца и хочет, чтобы эти дети остались играть в родной стране по правильным причинам. Я в этом не сомневаюсь.

Конечно, в «Детройте» также были Стиви Айзерман и Крис Дрейпер. Они были очень сильными в средней зоне. И у них были такие большие, сильные форварды: Даррен Маккарти, Марти Лапойнт и, конечно же, Брендан Шэнахен. Для хорошей, искусной команды они также были очень жесткими. После того как Боб Проберт ушел, они не стали использовать другого силового игрока, а Проберт был намного больше, чем просто силовой игрок, поскольку умел и играть, и забивать. «Детройт» опередил свое время, строя

команду на основе игроков, которые обладают мастерством и могут постоять за себя.

Спросите любого, кто играл в «Детройте» в сезоне 1996/97 и 1997/98 гг., когда команда выиграла Кубок, выиграла ли именно русские эти два Кубка для «Детройта», и он ответит: «Кубок выиграла «Ред Уингз».

Это одна из тех вещей, которая характерна для каждой хорошей команды – у каждого своя роль. Победителями их делало то, как они объединялись и действовали вместе. Они словно являлись Организацией Объединенных Наций хоккея. У них были Томас Сандстрём, Томас Хольмстрём и Андерс Эрикссон из Швеции, а также Матьё Дандено и Мартин Лапойнт, франкоговорящие канадцы. Они все очень гордились своими культурами – культурами, к которым команда проявила настоящий интерес. В те годы некоторые парни, такие, как Стиви и Майк Вернон, приглашали всех на обед во время поездок, и никто не мог отказаться. А во время поездок в Лос-Анджелес россияне вели команду в отличный русский ресторан. Все игроки ели вместе, пили вместе и отдыхали вместе. Они действительно хорошо узнавали друг друга.

Они также когда-то играли в пейнтбол – европейцы и франкоязычные ребята против англоязычных североамериканцев, и это было просто здорово. Подобные вещи помогали объединить игроков. На ужине после того, как они выиграла свой первый Кубок, Стив Айзерман сказал в своем выступлении, что одна из причин, по которым они выиграла, заключается в том, как они всегда помогают друг другу.

Такие вещи происходят не случайно. Для этого необходимо лидерство, которое обеспечивает такой парень, как Стив. Но у тех составов «Монреалья» и «Детройта» был один и тот же тренер: Скотти Боумэн.

Тренерская работа – уникальная часть хоккея. Она отличается от работы тренеров в бейсболе или футболе тем, что, когда хоккейные команды сталкиваются с трудностями или спадом в сезоне, игроки в гораздо большей степени начинают ставить под сомнение действия тренера, чем в других видах спорта. Знает ли он, что делает? Не слишком ли усердно он нас тренирует? Используем ли мы правильные системы?

Когда возникают проблемы, все профессиональные спортсмены в команде начинают искать себе оправдание: «Эй, это не моя вина». Но такой тренер, как Скотти Боумэн, добьется, чтобы игроки не перекладывали ответственность на других. А поскольку Скотти не терпел отговорки и оправданий, он следил за тем, чтобы для них было как можно меньше поводов.

Его команды останавливались в хороших гостиницах, и график поездок был по возможности максимально удобным. Он добивался от игроков понимания, что каждое принимаемое ими решение должно идти на благо команды. Игроки сами по себе были важны, они могли выигрывать трофеи, но главная задача каждого игрока состояла в том, чтобы они побеждали как команда. Когда у вас есть такой парень, как Боумэн, команда остается сильной, потому что игроки не бунтуют и не подвергают сомнению действия тренера. Корабль никогда не остается без руля.

Я не всегда соглашался с каждым тренером, под руководством которого играл, но я с уважением относился к тому, чего он пытался добиться. Я понимал, что, если я буду следовать в том направлении, в котором он ведет команду, это поможет и всем остальным следовать ему. Иногда я мог выразить тренеру несогласие, поговорить с ним об этом, но в итоге я принимал его точку зрения. Для меня как игрока главным было одно: подготовиться к игре.

Каждый вечер я должен был делать все, что в моих силах.

Когда я в августе 2005 года начал тренировать «Финикс Койотс», то понял, что это совсем не то же самое, что быть игроком. Тренеры должны настроить двадцать парней на одну волну и добиться того, чтобы они были готовы к игре. Мне это нравилось, по-настоящему нравилось. Я знал, что в финансовом отношении мы не можем позволить себе игроков такого уровня, как в других командах, и что мы будем молодой командой. Побеждать будет нелегко.

Сначала я говорил своим игрокам: «В игре вы должны больше полагаться на свои инстинкты». Я предполагал, что все они понимают хоккей так же хорошо, как я, но должен был учитывать, сколько лет я изучал игру. Не потребовалось много времени, чтобы понять, что инстинкты, как и все остальное, нужно развивать и тренировать. Поэтому я стал уделять больше внимания деталям. Я, например, говорил: «Не отступай за верхнюю часть кругов во время отбора шайбы в зоне соперника», в то время как раньше я мог выразиться менее подробно и сказать что-то вроде: «Когда ты будешь прессинговать того парня, оттесняй его в ту или другую сторону». Игровое задание большинству игроков необходимо формулировать исчерпывающе.

Послушайте, мы хоккеисты и профессиональные спортсмены. У всех нас есть эго. Самая большая проблема для меня заключалась в том, что большинство парней думало, что они должны играть и в большинстве, и в меньшинстве, и в целом проводить на льду по двадцать две минуты за матч. Само по себе это вообще хорошо, потому что вам, как профессиональному спортсмену, нужно верить в себя.

Я осознал, что не просто руковожу игроками во время матчей. Я также управлял жизнью людей. С

некоторыми ребятами нужно быть помягче, их нужно хвалить, в то время как других необходимо вызывать к себе в кабинет и быть с ними построже.

Я очень хорошо знал сына Виктора Тихонова – Василия. Я тренировал сына Василия, которого тоже звали Виктор, в «Койотс». Вы бы и не подумали, что молодой Виктор был из России или что его дед был одним из самых грозных тренеров в истории хоккея. Виктор – общительный, приятный и веселый молодой человек, похожий на типичного североамериканца. Он вырос в Сан-Хосе, где его отец был помощником тренера «Шаркс». Василий был очень умным хоккеистом и сильно переживал за сына. Когда Виктор был у меня в «Финиксе», Василий приходил в раздевалку и говорил со мной, и это было совершенно нормально. Мне также звонили и мамы. Я это понимаю. Я – отец. Родители любят узнавать о том, как у их детей идут дела, у самого тренера: «Хорошо, что может сделать мой сын? Что он может сделать, чтобы играть лучше? Как у него дела?»

И у нас была такая молодая команда. Адам Костис (игравший за «Ист Брайтон Экадеми Вольверинз» в штате Мэн и сын Питера Костиса, известного тренера по гольфу и моего друга) был неплохим вратарем. Как-то раз я увидел Питера на матче и сказал ему: «Я собираюсь дать Кертису Джозефу выходной. Почему бы тебе не привести Адама – он может постоять на воротах на тренировке». На следующий день, когда паренек вышел на лед, я свистнул в свисток и сказал:

– Иди на те ворота.

Адам ответил:

– Ну, мне надо размяться.

– Размяться? Тебе – семнадцать! Иди на ворота! – Я приверженец старой школы.

Позже мы отрабатывали прорывы с выходом один на один, и один из ребят пробил очень мощно, попав Адаму

в верхнюю часть грудной клетки. Я свистнул и сказал:

- Так, ребята, послушайте. Этому пареньку семнадцать лет - играйте с ним помягче. Просто помягче.

Эдди Жовановски посмотрел на меня и сказал: Ну, Гретц, парню, который так мощно бросил, восемнадцать.

Глен Саттер был убежден, что семьи должны быть рядом. У него было не слишком много правил, но одно из них заключалось в следующем: никто не должен был приходиться на рождественскую вечеринку команды один. Он не хотел, чтобы восемь парней сидели за столом, а потом ушли еще до окончания ужина. Половина парней приводили с собой матерей. Я взял с собой маму, и так же поступил Кевин Лоу.

А стал бы Глен Саттер разговаривать со всеми этими родителями, интересующимися, как идут дела у их детей? Думаю, что нет, но хоккей сильно изменился с 1980-х гг., и Глену действительно нравилось, когда семьи хоккеистов были рядом. Мы были в Торонто, садились в автобус команды у «Мэйпл Лиф-Гарденс» вместе с мистером и миссис Коффи и моей мамой. Просто в хоккейном мире в то время так не делали. Если мы были на плей-офф в Калгари, то, когда я выходил на утреннюю тренировку, там стоял мой отец. Глен брал его вместе с командой, поскольку всегда думал, что я играю лучше, когда мой отец присутствует на матче.

Глен обращался ко всем отцам (включая Джека Коффи, Билла Максорли и Дуга Мессье) с просьбой принимать большее участие в жизни игроков. Сейчас уже, конечно, команды организуют поездки для отцов и поездки для матерей, но в 1980-х гг., если нам приходилось туго в серии плей-офф, он иногда разрешал нашим семьям садиться в самолет. Он хорошо относился к подобным вещам и в этом отношении

намного опередил свое время. Работая тренером, я использовал этот опыт. Если игрок подходил ко мне и говорил: «Моя жена собирается в Ванкувер, может она полететь с нами?», я соглашался и даже поощрял подобные просьбы. Пускать в самолет только команду – совсем устаревший подход. Я всегда думал, что, если игроки счастливы, они играют лучше.

Управлять игроками на скамейке запасных так же сложно. Я как тренер провел всего несколько матчей, и во время очередной игры ко мне подошел рефери, глядя на список игроков. Казалось, он ничего не хотел говорить, и я не знал, что произойдет дальше. Наконец он выпалил: «Гм, тут вот игрока не хватает». Речь шла об одном из наших молодых ребят, Фредди Шёстрёме. Мы производили перестановки в составе, и я забыл включить его имя в заявку. Фредди пришлось покинуть скамейку.

Такие тренеры, как Глен Саттер, Скотти Боумэн, Джоэль Кенневилль и Дэррил Саттер, побеждают так часто, потому что умеют грамотно работать с составом команды. Они выпускают на лед в нужный момент необходимых игроков. Чаще всего это ваши лучшие игроки, но когда они действуют хуже, чем могут, умеющий работать с составом тренер выпустит других ребят и добьется от них максимальной отдачи. Если команда играет вяло, он может дать ей встряску. Он может выпустить на лед более настойчивых, но менее талантливых игроков, если требуется именно это, и он знает, у кого больше шансов выиграть вбрасывание.

Выигрывают или проигрывают матч ребята на льду, с этим ничего не поделаешь. Но определяя, кто будет на льду, и руководя их действиями, тренер может оказать огромное влияние на исход игры. В финале 1976 года «Канадиенс» играли против Филадельфии, действующих чемпионов, которые только что два раза подряд выиграли Кубок. Бобби Кларк, Билл Барбер и

Реджи Лич являлись лучшим звеном «Флайерз» и играли вместе весь регулярный сезон. Когда они находились на льду в равных с соперником составах, команда пропустила за весь год всего двадцать восемь голов. Бобби Кларк возглавлял лигу по показателю плюс/минус (у него он составлял восемьдесят три), Барбер занимал второе место (у него показатель был семьдесят четыре), а Лич (и Стив Шатт из «Монреалья») находился на третьем месте с показателем семьдесят три. В то время в НХЛ с ними не могло сравниться ни одно звено. Звено «Филли» могло без труда расправиться с любым другим звеном.

Чтобы нейтрализовать звено «Филли», Боумэн решил задействовать четыре звена. Он начал со своего сдерживающего звена: Дуга Джарвиса, Боба Гейни и Джима Роберта. Но он не хотел просто уходить в оборону. Он хотел сделать так, чтобы это большое звено «Филли» начало беспокоиться. Поэтому он использовал свое атакующее звено (Питера Маховлича, Лафлёра и Шатта), а затем добавил еще одно звено, которое могло выполнять обе задачи: Ивона Ламбера или Рика Чартро в качестве специалиста по жесткому отбору шайбы, Ивана Курнуайе в качестве наступательной угрозы и Жака Лемера, великолепного специалиста по отбору шайбы в зоне соперника и плеймейкера. Его четвертое звено было молодым и агрессивным – Дуг Рисebro, Марио Трамбле и Мюррей Уилсон или Ивон Ламбер. И этот подход сработал.

В течение следующих двух лет «Канадиенс» сталкивались с «Бостон Брюинз», и в этих финалах 1977 и 1978 годов были сыграны одни из самых жестких игр в истории. С 1946 по 1987 год «Монреаль» выиграл у «Бостона» восемнадцать серий плей-офф подряд. Между ними происходило ожесточенное соперничество, и они играли друг с другом больше, чем любые другие две команды.

В 1970 году Скотти, тренируя «Сент-Луис Блюз», проиграл «Брюинз» в финале Кубка Стэнли. В то время «Блюз» и «Брюинз» не были командами, равными по классу. В «Бостоне» играли Орр, Эспозито, Буцик, Маккензи, Ходж и Стэнфилд – шесть парней с более чем двадцатью голами за сезон. У «Сент-Луиса», как у добавленной команды, не было возможности играть в какую-либо наступательную игру против таких парней. Поэтому они стали играть с упором на плотный отбор шайбы и задействовали неслыханную стратегию выключения из игры Бобби Орра, несмотря на то что он был на синей линии. Они проиграли, но проигрыш Бобби Орру не делает вас плохим тренером или плохой командой.

Однако к 1977 году у «Биг Бэд Брюинз» больше не было Бобби Орра. (Эпоха Бобби Орра подошла к концу, когда номер «4» отправился в «Чикаго» как свободный агент. Но из-за боли в коленях, состояние которых ухудшалось, он за три сезона сыграл только двадцать шесть матчей.) Но в «Бостоне» был Брэд Парк, один из самых лучших защитников. Он мог вести шайбу, мог делать передачи, и играть против него было совсем не просто. (После напряженнейшей серии против «Брюинз» такая звезда, как Ги Лефлер, окажется сильно потрепанной.) «Бостон» полагался на жесткость своих игроков. Состав, подобранный тренером Доном Черри, получил прозвище «Работяги», в него входили такие парни, как Терри О'Рейли, Джон Уэнсинк и Стэн Джонатан. Могавк Джонатан был ростом всего 1 метр 73 см, но, несомненно, был одним из самых жестких игроков. Он мог наносить удары как слева, так и справа. По сей день, почти сорок лет спустя, Дон все еще показывает клипы с его драками в программе «Уголок тренера».

В «Монреале» никогда не было много парней, стремящихся к дракам, но Скотти часто хвалил другие

команды, чтобы побудить своих игроков посоревноваться с ними. Он рассказывал о том, насколько агрессивны «Брюинз», как они бросаются на соперника и отбирают у него шайбу. Или, например, говорил своим игрокам, что им нужно отбирать шайбу так, как это делает «Филадельфия». Ларри Робинсон говорил, что, когда Боумэн хвалил другие команды, это задевало его игроков и заставляло их прикладывать больше усилий. Но в отличие от тех матчей, которые «Монреаль» играл с «Филадельфией» в 1976 году, когда «Монреаль» противостоял «Бостону» в 1977 и 1978 годах, Скотти подбирал своих игроков для игры с «Брюинз» по отдельности. Дуг Джарвис и Боб Гейни использовались в оборонительных ролях. Они играли против Жана Рателя, который был очень недооцененным нападающим, способным хорошо проявлять себя в решающую минуту. Жак Лемер играл центральным нападающим вместе со Стивом Шаттом и Лефлёрером, и они стали по-настоящему сильным, доминирующим звеном, могущим действовать как в обороне, так и в атаке. «Монреаль» имел ощутимое преимущество в защите благодаря трем звездам (Савару, Робинсону и Лапойнту). Единственной командой оборонительного плана, которая, возможно, была лучше, являлась первая сборная Канады, участвовавшая в Кубке Канады 1976 года, в которую входили ребята из «Монреаля», а также Дени Потвен из «Нью-Йорк Айлендерз», Джим Уотсон из «Филадельфии» и Бобби Орт. Представьте всех их в одной команде.

Последняя кубковая финальная серия второй династии «Канадиенс», финал 1979 года, была сыграна против «Нью-Йорк Рейнджерс», команды, которая стала настоящим чудом. «Рейнджерс» в четвертьфинале победили «Флайерз», что стало большой неожиданностью и вызвало определенный скандал.

Затем они победили «Айлендерз», которые закончили первыми в общем зачете в полуфинале. «Рейнджерс» заняли пятое место в общем зачете. Но у них был Фред Шеро, великий тренер.

«Рейнджерс» заключили контракт с Шеро (который как тренер выиграл Кубки в «Филли» в 1974 и 1975 годах и довел эту команду до финала 1976 года, в котором она сыграла с «Канадиенс») в начале сезона 1978/79 гг. Но так как у Шеро оставался еще год контракта с «Флайерз», «Рейнджерс» беспокоились по поводу возможных обвинений и передали «Флайерз» свое право выбора на драфте в первом раунде.

(Выбран был Кенни Линсман, парень, который впоследствии играл с нами в «Ойлерз» и стал одним из моих лучших друзей. Кенни был провокатором из провокаторов в НХЛ. Он действительно мог вывести из себя кого угодно своими ударами и разговорами в течение всего вечера. Зачем команды используют провокаторов? Потому что они помогают им побеждать. Хоккеисты ненавидят провокаторов так сильно, что начинают плохо играть и нарываются на дурацкие штрафы. По-настоящему великие провокаторы даже умеют забивать – ничто не сводит игроков с ума больше, чем ситуация, когда парень, который действовал им на нервы весь вечер, забивает решающий гол. А Кенни набрал более 800 очков за карьеру.)

«Рейнджерс», вероятно, оказались под действием проклятья. (Они выиграли Кубок в сезоне 1939/40 г., и вскоре после этого был выплачен кредит, взятый на приобретение «Мэдисон Сквер Гарден». Чтобы отметить этот двойной успех, президент «Рейнджерс» генерал Джон Рид Килпатрик сжег документы, касающиеся кредита, в чаше Кубка, и с тех пор команда его больше не выигрывала.) Таким образом, в 1979 году перед «Рейнджерс» стояла важная задача. У них также была

хорошая команда. Они заключили контракты с партнерами Бобби Халла по звену в ВХА Ульфом Нильссоном и Андерсом Хедбергом, и у них был Фил Эспозито, а также несколько молодых ребят: Рон Грешнер, Дэйв и Дон Малони, Дон Мердок, Рон Дюгей и Майк Макьюэн. В общем, у них были три забивных звена и мобильная защита. А ключевым их игроком был вратарь Джон Дэвидсон (сейчас он – президент по хоккейным операциям в «Коламбус Блю Джэкетс»). Джон, который был большим парнем и закрывал немалую часть ворот, потрясающе проводил сезон плей-офф. Он творил чудеса один матч за другим, несмотря на то что повредил колено в полуфинале против «Айлендерз».

«Рейнджерс» выиграли первый матч в финале в Монреале. На второй матч Скотти Боумэн был готов выпустить запасного вратаря «Банни» Ларока^[61], но на разминке Дуг Рисebro попал Лароку шайбой прямо между глаз, поэтому Скотти выпустил вместо него Кена Драйдена. «Канадиенс» выиграли следующие четыре матча.

То, кто стал тогда обладателем приза Конна Смайта, показывает, насколько важен каждый игрок. Самый ценный игрок серии плей-офф не являлся забивным форвардом, вратарем-звездой или защитником, проводящим на льду по тридцать минут за матч. Им стал Боб Гейни, невероятно усердный нападающий оборонительного плана. Когда его имя было объявлено, товарищи по команде подняли его на плечи и понесли его по льду. Было бы трудно представить более убедительное подтверждение его значимости для команды.

В начале сезона 1995/96 г. Серж Савар, который на тот момент уже двенадцать лет был генеральным

менеджером «Канадиенс», был убежден, что у них есть команда, способная выиграть Кубок.

Серж был великим защитником для «Канадиенс». (Бобби Кларк сказал, что он был самым жестким из всех, против кого он когда-либо играл.) Серж был крупнее, чем многие игроки его времени, и у него были очень длинные руки. Он не был исключительно специалистом по силовым приемам, но обойти его было невозможно. Он всегда действовал активно, прекрасно владел клюшкой и все время преграждал ей путь сопернику. Иногда он казался неуклюжим, но он таким не был. Фактически, когда говорят о «спинораме»^[62] Савара, часто предполагают, что ее изобрел Денис Савар (и не без оснований – Денис смог бы управиться с шайбой и в телефонной будке). Но диктор «Хабс» Дэнни Галливан придумал фразу «спинорама Савара» для описания того, что делал Серж, а не Денис. Серж узнал о приеме, наблюдая за Дугом Харви, и взял его прием на вооружение. Я видел, как он применил его во время суперсерии, и это до сих пор считается классикой. Дрю Даути использовал его на синей линии в матче против России на Олимпийских играх 2010 года.

Но в то время Серж не слишком часто играл в нападении, потому что он и Ларри Робинсон были тандемом. Оба огромные парни. Ларри был отличным защитником, способным играть в нападении – он вел шайбу вперед, – а Серж больше играл в обороне. За пятнадцать лет игры за «Хабс» Серж выиграл восемь Кубков. Он закончил выступать за «Хабс» в 1981 году, а потом сыграл еще два сезона за «Виннипег Джетс», а затем вернулся в «Канадиенс» в 1983 году в качестве генерального менеджера. Команда, которой он руководил, выиграла Кубок в 1986 и 1993 годах.

За десять дней до начала сезона 1995/96 г. (в конце тренировочного сбора) Серж сказал президенту

«Канадиенс» Рональду Кори, что, по его мнению, для создания команды-победителя ему не хватает одного игрока, и Кори согласился. Но «Канадиенс» проиграли первые четыре матча, и Серж хотел внести коррективы. Поэтому он вызвал Пьера Лакруа (бывшего агента вратаря «Монреале» Патрика Руа и нынешнего генерального менеджера «Колорадо Эвеланш») для обсуждения возможных обменов.

Лакруа хотел получить Руа, Савар – Оуэна Нолана. Савар сказал, что ему нужен вратарь, и всплыло имя Стефана Фисе. Получалось, что обмен возможен. Они условились продолжить разговор позже. И затем Сержа внезапно уволили.

После того как Кори сообщил плохую новость, Серж вернулся в свой кабинет забрать вещи. Зазвонил телефон, его личная линия. Это был Пьер Лакруа. Серж сказал: «Ну, Пьер, меня только что уволили, поэтому, думаю, тебе придется разговаривать с кем-то другим».

Режан Уль стал генеральным менеджером, а Марио Трамбле сменил Жака Демерса на посту тренера. Не секрет, что Марио и Патрик Руа плохо ладили. Годами ходили слухи, что Патрика хотят продать. В 1993 году на рекламных щитах по всему городу появился лозунг «Продайте Патрика». Был даже опрос в газете, показывающий, что 57 процентов людей хотят его продать. Это сильно беспокоило Патрика. Он не хотел, чтобы его продали, но через два года, будучи в команде, которую тренирует Марио Трамбле, он стал считать иначе.

Майк Вернон, который в то время играл за «Детройт», услышал об этом от самого Патрика. Утром 2 декабря 1995 года «Уингз» были в Монреале, готовясь к вечернему матчу. Майк подошел к маленькой закусочной напротив старого «Форума». Туда ходили все игроки. Зайдя туда, нужно было спуститься по пяти или шести ступенькам. В зале – стойка и несколько

столов. Патрик находился у стойки. Они с Майком раньше никогда не разговаривали, но, когда Патрик увидел его, он сказал: «Майки, иди сюда. Садись».

Майк сел, и Патрик решил пооткровенничать. Он сказал, что собирается бросить хоккей. Из-за негативного отношения со стороны тренера, болельщиков и средств массовой информации ему было очень тяжело играть в «Монреале».

Но Патрик являлся самым востребованным вратарем в лиге. Майк отметил, что Патрик слишком хорошо играет, чтобы бросать хоккей. Он сказал: «Ты – лучший вратарь в лиге, и мы не можем потерять такого парня, как ты». Майк сказал, что ему очень нравится играть в «Детройте» после давления, которое он испытывал, играя в своем родном Калгари. Затем добавил: «Ты слишком ценен, чтобы просто бросить хоккей. Тебе просто нужно, чтобы тебя продали или обменяли в другой клуб, и тебе станет гораздо веселее и интереснее».

В тот вечер на арене «Форум» «Детройт» обыграл «Канадиенс» со счетом 11-1. Когда были забиты первые девять голов, Трамбле по-прежнему не менял Руа на другого вратаря до тех пор, пока болельщики не начали свистеть каждый раз, когда Руа просто касался шайбы. Майк наблюдал, как Патрик наконец покинул лед. Сначала он собирался сесть, но затем встал, подошел к Кори и сказал, что закончил выступать за «Канадиенс».

Майк принял душ и оделся в рекордном темпе, затем ушел. Он беспокоился, что Патрик может что-то сказать об их разговоре, и он меньше всего хотел говорить со СМИ о том, что, возможно, творилось в голове у Патрика. (Только спустя годы Майк рассказал о разговоре с Патриком в интервью, которое он дал Келли Хруди в радиопрограмме «Хоккейный вечер в Канаде»).

Серж Савар наблюдал за этой игрой, и вся эта ситуация была тяжелой для него. Он считал, что Марио

Трамбле совершил серьезную ошибку. Для Сержа Патрик был игроком, который с огромным упорством работал ради команды и выиграл для нее так много игр, и как бывший игрок он знал, что никогда не нужно пытаться унижить спортсмена. Просто не нужно. Серж считал, что, когда у вратаря выдается неудачный вечер, если он, допустим, пропускает три гола, вы просто меняете его и говорите: «Эй, ты сделал достаточно. Отдохни, а потом выйдешь на следующий матч». Серж думал, что, оставив Патрика на воротах в тот вечер, Марио тем самым запустил процесс уничтожения команды, которую он построил.

Патрик и Марио были соседями по комнате еще в 1985 году. Когда ребята оказываются на руководящей должности, они в первую очередь должны помнить о главном: все мы – люди; хоккей идет на втором месте. Вот почему вы цените таких парней, как Клифф Флетчер, – и есть много других генеральных менеджеров, которые с уважением относятся к игрокам.

Я не знаю, о чем думал Марио Трамбле. Наверное, он сейчас сожалеет об этом, поскольку эта тема, вероятно, слишком часто всплывает.

Через четыре дня после этой игры, 6 декабря 1995 г., было объявлено о сделке: генеральный менеджер «Канадиенс» Режан Уль обменял Патрика Руа и капитана Майка Кина в «Колорадо Эвеланш» на крайних нападающих Андрея Коваленко и Мартина Ручински и вратаря Жослена Тибо.

Серж считал, что, когда ушел Майк Кин, команда лишилась характера. И это правда, что Кубок Стэнли, казалось, следует за Кином. Еще более деморализующим для Сержа стало то, что команда начала возвращать игроков, которых он сам обменял в другие клубы. Сначала вернули Стефана Рише. Затем вернули Шейна Корсона и Мюррея Бэрона из «Сент-

Луиса», отправив туда Пьера Тарджона, Крейга Конроя и Рори Фитцпатрика. Пьер был отличным бомбардиром, одним из лучших в лиге, а Конрой на момент передачи его в «Сент-Луис» был лучшим игроком «Монреалья» в АХЛ^[63].

Попав в «Колорадо», Патрик решил показать, что Трамбле совершил ошибку, обменяв его в другую команду. Он был на редкость горячим соперником. Он ненавидел любого, кто забивал ему даже на тренировке. Джо Сакик сказал, что это помогло ему научиться лучше выполнять броски. У «Колорадо» была по-настоящему хорошая команда. Она заняла первое место в Восточной конференции годом ранее (тогда она называлась «Квебек Нордикс»), но проиграла в первом раунде «Рейнджерс». Подобные поражения многому вас учат. И вдруг у команды появился самый лучший вратарь, и теперь она могла действовать в обоих направлениях: выключать соперника из игры и забивать голы.

С Руа на воротах «Колорадо» выиграли Кубок Стэнли в 1996 году, но трудно выигрывать из года в год. В течение следующих четырех лет «Колорадо» проиграла три финала конференции, два из них в седьмом матче. Они были близки к выигрышу Кубка, особенно в 2000 году, но столкнулись с «Далласом», который обладал очень сильным составом. У Далласа на воротах играл Эд Белфор – еще один парень, который был очень упорным противником. Он никогда и ни в чем не уступал. В команде имелись защитники атакующего плана: Сидор и Зубов. В ней также играли Хэтчер и Матвичек, по-настоящему жесткие защитники, а в центре у нее были Нуиндаик и Модано. Ее тренер Кен Хичкок приучал хоккеистов играть от обороны, в то время как «Колорадо» больше предпочитали действовать в наступательном стиле.

Но в следующем году (в 2001-м) Патрик Руа снова сыграл роль в завоевании Колорадо второго Кубка Стэнли. «Монреаль» после обмена Руа на другого игрока ни разу не выиграл Кубок.

32. «Нью-Йорк Айлендерз»

Одна из забавных вещей, связанных с расширением и появлением ВХА в 60-е и 70-е годы, заключалась в том, что никто на самом деле не знал, как все это вместе будет сочетаться: новые игроки, новые команды, новые города. Однако возникало ощущение, что случиться может всякое.

Но думаю, что никто не предсказывал такого господствующего успеха, которого добились «Нью-Йорк Айлендерз». Они выходили в плей-офф четырнадцать лет подряд, выиграли четыре Кубка Стэнли и девятнадцать серий плей-офф подряд. Сомневаюсь, что этот рекорд когда-либо будет побит.

Наряду с «Атлантой Флеймз» «Айлендерз» вступили в НХЛ в 1972 году – защитная мера со стороны лиги, чтобы не допустить «Рейдерз» из ВХА на нью-йоркский рынок. Команда переехала на арену «Нассау Ветеранз Мемориал Колизеум» на Лонг-Айленде, построенную для «Нью-Йорк Нетс». Между тем «Рейдерз» были вынуждены арендовать «Мэдисон Сквер Гарден», а затем покинули город в середине второго сезона. К сезону 1974/75 г. они оказались в Сан-Диего.

Билл Торри, который когда-то работал в «Калифорния Силз», стал новым генеральным менеджером «Айлендерз». Торри знал, что Сэм Поллок сделал с «Канадиенс», и хотел сделать то же самое: выстроить хорошую команду благодаря драфту, а не обмену игроков на ветеранов. Он сказал владельцам, что они никогда не выиграют с помощью игроков, которые не нужны другим командам.

Торри был уверен, что они займут последнее место. Так и произошло. Команда одержала двенадцать побед, проиграла шестьдесят матчей и шесть свела вничью, но

это означало, что она сможет первой выбирать на драфте. Выбран был Дени Потвен. По сегодняшним меркам, он не был высоким, но весил 93 кг. Чтобы сильно бить, необязательно быть большим парнем. Требуется больше технического мастерства, чем грубой силы. Майк Пека был известен как невероятно мощный специалист по силовым приемам, и он вовсе не был большим парнем (весил он примерно 86 кг). Скотт Стивенс весил около 90 кг и вселял страх в сердца игроков. Потвен был просто тараном. Он мог сбить любого хоккеиста в лиге и обладал соответствующей силой, мастерством и мужеством.

Каждый генеральный менеджер в лиге предлагал Торри что-нибудь в обмен на Дени. Эмиль Фрэнсис из «Рейнджерс» предложил ему нескольких игроков, и то же самое сделал Сэм Поллок. Но Торри знал, что единственный способ дать «Айлендерз» шансы на успех заключается в том, чтобы в течение нескольких лет брать хороших игроков на драфте. Поэтому он решил оставить свою будущую звезду.

В свой первый год «Айлендерз» пропустили 347 голов и возглавили лигу по этому показателю. Таким образом, предстояла еще большая работа.

В конце второго сезона «Айлендерз» были вторыми с конца, опередив лишь команду «Калифорния Силз». Торри искал нового тренера, хотя в 1973 году немногие хотели тренировать добавленную команду, особенно если учесть, с какой скупостью лига распределяла игроков двум новым франшизам. У «Айлендерз» было примерно три игрока уровня НХЛ, а остальные соответствовали уровню низших лиг. Тем не менее Эл Арбор согласился стать тренером, и одна из причин заключалась в том, что он видел, как «Айлендерз» уже движутся в нужном направлении. Благодаря своему опыту в «Сент-Луисе» Арбор имел представление, как добиваться успеха в расширительной команде. В своей

молодой команде он будет в равной степени обучать азам новичков и тренировать опытных игроков.

В 1974 году лига внесла изменения в правила, поскольку ВХА заключала контракты со всеми лучшими юниорами. В середине сезона совет управляющих НХЛ решил, что каждая команда может брать на драфте одного несовершеннолетнего игрока в возрасте от семнадцати до двадцати лет. Западные скауты Торри хотели, чтобы первым выбрали Брайана Троттье, несовершеннолетнего, который играл за «Свифт Кёррент Бронкос». Но Торри присматривался к Кларку Гиллису, забивному крайнему левому нападающему, который недавно выиграл Мемориальный Кубок в составе «Реджины Патс».

Никто тогда не использовал выражение «силовой форвард». Оно появилось в то время, когда Кэм Нили стал игроком «Брюинз». Но если бы оно существовало тогда, то именно так называли бы Гиллиса. Торри называл его «взрослым мужчиной среди мальчиков». Его рост был 1 метр 91 см, а вес – 99 кг, и в случае чего Кларк мог постоять за себя. Игроки его боялись.

В 1974 году обстоятельства сложились для Торри удачно. Брайана Троттье все еще можно было выбрать во втором раунде. Троттье играл первый год в качестве юниора и был в третьем звене. Он еще не стал звездой, поэтому команды точно не знали, что они получат от него как от игрока. В итоге все, кто не взял его, скоро начали рвать на себе волосы. Троттье стал просто сказочным игроком, способным действовать как в нападении, так и в обороне: исключительное мастерство при действиях в защите, отличная игра на вбрасываниях, и Троттье также был отличным плеймейкером. В «Свифт Кёррент» Брайана учил Тайгер Уильямс, и играть против Брайана было на редкость трудно. Он получил приз Колдера как новичок года, набрав в сезоне 1975/76 г. 95 очков. В сезоне 1978/79 г.

он оказался первым игроком команды, не входящей в Первоначальную шестерку, ставшим ведущим бомбардиром лиги – он набрал 134 очка. Брайан также завоевал приз Харта как самый ценный игрок лиги. Затем год спустя он получил приз Конна Смайта как самый ценный игрок серии плей-офф, когда «Айлендерз» выиграли первый из четырех подряд Кубков Стэнли. Брайан стал самым успешным игроком из числа представителей коренных народов в истории НХЛ.

«Айлендерз» выбрали трех будущих членов Зала славы: Потвена, Гиллиса и Троттье – всего за два любительских драфта. А если добавить и драфт расширения, состоявшийся в 1972 г., то Билли Смит окажется четвертым.

В своем третьем сезоне (1974/75 г.) «Айлендерз» добились своего самого большого успеха, выйдя в плей-офф. Они выиграли первый раунд, победив в решающем матче «Рейнджерс» на одиннадцатой секунде овертайма. В том году в «Гардене» также работал цирк. Билли Харрис подумал, что это приносит удачу, и собрал немного слоновьего помета в сумку. Команда потом хранила его у себя в течение всей той серии. Когда они победили «Пингвинз», проигрывая им после трех матчей со счетом 3-0, казалось, что их талисман работает, но они выбросили его после того, как проиграли действующему чемпиону «Флайерз» в полуфинале. «Флайерз» выиграли второй Кубок подряд. Но небольшой успех в плей-офф придал «Айлендерз» уверенности. Они впервые почувствовали вкус победы.

На драфте 1977 года Билл Торри выбирал пятнадцатым и присматривался к Майку Босси. Босси сыграл четыре года в главной юниорской лиге и забивал в среднем семьдесят семь голов в год. Никто не показывал подобных результатов раньше, и никто не показывал их с тех пор.

Торри, разговаривая со своим квебекским скаутом Генри Сарачено, который тренировал Майка в детской команде, сказал: «Генри, мы не сможем его взять. Майка Босси возьмут в первой восьмерке или десятке». К счастью для «Айлендерз», Майк был правым нападающим, а их в том году на драфте было немало. «Кливленд» взял Майка Кромбина, «Рейнджерз» выбрали Люсьена Деблуа, «Монреаль» взял Марка Нейпира, «Торонто» – Джона Андерсона, а «Буффало» – Рика Сейлинга. Торри, заполучив Майка, не мог поверить в свою удачу. Перед ним было выбрано пять крайних правых нападающих. Трудно поверить, но это правда.

Босси станет самым опасным форвардом в лиге. Он мог словно раствориться на льду и появиться затем в каком-нибудь спокойном месте, откуда можно выполнить бросок (в этом отношении он напоминал Бретта Халла). Я играл с ним на Кубке Канады-1984, где он около десяти раз бросал по воротам Гранта Фюра. Я был потрясен тем, сколько голов он забил Гранту. Он никогда не бросал высоко – многие голы Майк забивал в нижнюю треть ворот: шайба летела над щитком на высоте тридцати – тридцати пяти сантиметров ото льда. Билли Смит говорил: «Броски Босси причиняют боль, когда попадают в вас». Я видел, как Майк играл в юниорской лиге. Я видел, как он играл в качестве профессионала. Он был одним из великих, чистых бомбардиров. После Потвена и Троттье Майк стал третьим обладателем приза Колдера как новичок года в «Айлендерз». Он стал пятым участником Зала славы из числа игроков, приобретенных Торри.

На том же драфте 1977 года Торри также удалось взять Джона Тонелли, выбранного под тридцать третьим номером. Многие команды не хотели брать его, потому что он был в ВХА, но Торри знал, что у него

остался всего год действующего контракта, и решил, что стоит рискнуть.

Джон Тонелли был одним из тех парней, против которых вам не нравится играть. Он был непредсказуем. У Джона был невероятно энергичный подход к игре – руки и ноги у него все время двигались со скоростью сто миль в час. В углах или когда он шел к воротам, его просто невозможно было сдержать. Джон был очень сильным парнем и обладал большой цепкостью в отношении шайбы. Вдоль бортов он шел как танк. Я не уверен, что Джонни получил признание, которого он заслуживает. Он был неотъемлемой частью успеха «Айлендерз».

В течение следующих двух сезонов (1975/76 и 1976/77 гг.) «Айлендерз» дошли до полуфинала, но столкнулись там с «Канадиенс». Два года спустя они обыграли «Чикаго» в четвертьфинале, но затем уступили «Рейнджерс» в полуфинале.

«Рейнджерс» являлись главным соперником «Айлендерз». Никакого сомнения. Так было с самого начала, когда болельщики «Рейнджерс» из Лонг-Айленда покупали билеты в «Колизеум», потому что он был ближе, а билеты в «Гарден» были распроданы. Перед началом регулярного чемпионата в 1979 году «Айлендерз» дважды играли с «Рейнджерс» в рамках показательных матчей, и каждая игра продолжалась около шести часов из-за большого количества потасовок. Во время плей-офф в «Мэдисон Сквер Гарден» Билли Смит обычно прятался в воротах во время исполнения гимна США, поскольку болельщики «Рейнджерс» покупали рыбу на ближайших рынках и бросали ее в него.

В сезоне 1979/80 г. Эл Арбор решил, что он не будет слишком беспокоиться о положении в турнирной таблице в регулярном сезоне. После четырех сезонов подряд, в которых было набрано сто очков, «Айлендерз»

снизили свои показатели до девяноста одного очка. Но Торри не стал прибегать к каким-либо радикальным мерам для увеличения количества очков. Он не стал менять ни игроков, ни тренера, ни свой план. Думаю, что это большой секрет. Многие команды постоянно все меняют, а это значит, что там никогда не будет налажено должного взаимодействия между тренером, игроками и руководством, что не позволит добиться никакого прогресса.

Кен Морроу, который участвовал в матче между сборными СССР и США, получившем название «Чудо на льду», попал в «Айлендерз» сразу после Олимпиады 1980 года. И как только Кен вышел на лед в своем первом матче в составе «Айлендерз» против «Детройта», Арбор понял, что Кен окажет сильное влияние на команду. Другим большим изменением стало приобретение Бутча Горинга. Он был отличным центральным нападающим второго звена из «Лос-Анджелеса» и хорошо действовал как в атаке, так и в обороне. Чтобы получить Бутча, «Айлендерз» отдали популярного крайнего правого нападающего Билла Харриса и защитника Дейва Льюиса.

Бутч Горинг не был большим парнем, но он был умным, а также прекрасно катался на коньках и находился в невероятной физической форме. Он долго был в НХЛ, и без него «Айлендерз», возможно, не выиграли бы ни одного Кубка Стэнли. Он создавал в раздевалке очень хорошую атмосферу. Одна из первых вещей, которую Бутч сделал, была следующей: стоя в раздевалке, он сказал: «Вы, ребята, не понимаете, насколько вы хороши». Команда закончила сезон чередой из двенадцати беспроегранных матчей. Бутч поддерживал в раздевалке непринужденную атмосферу, но, когда вбрасывалась шайба и начинался матч, он был повсюду.

Бутч также был необычным человеком. У него коньки были без шнурков. Вместо них он пользовался ремешками на липучках, так как считал, что на завязывание шнурков впустую тратится энергия. Он носил ковбойские сапоги, не надевая при этом носков, с каждым своим костюмом (все они были сшиты из вельвета). Когда «Айлендерз» находились на выездном матче в Виннипеге, родном городе Бутча, они вернулись в раздевалку после предматчевой тренировки, и для каждого игрока оставалась только одна или две клюшки. Семья Горинга ушла домой, забрав остальные. И Бутч – тот парень, с которого, по общему мнению, пошла традиция не брить бороду во время плей-офф. Он хорошо играл и не хотел ничего менять, поэтому стал играть в плей-офф, оставив бороду в неприкосновенности, и все остальные в команде последовали его примеру. Благодаря бородам ребята выглядели готовыми к решительной и жесткой борьбе.

Когда Бутч появился в команде, его поставили в звено с крайними нападающими Кларком Гиллисом и Дуэйном Саттером. Таким образом получилось мощное звено со сравнительно небольшим центральным нападающим, который обладал мастерством и сообразительностью. Другое звено, состоящее из Бобби Найстрома, Уэйна Меррика и Джона Тонелли (все – большие парни весом 92–95 кг), было рассчитано на отбор шайбы, энергичные действия и игру в атаке. Лучшее звено состояло из Брайана Троттье, Майка Босси и Бобби Борна. Они обладали мастерством, скоростью и могли действовать как в нападении, так и в защите. И наконец, были Андерс Каллур, Лорн Хеннинг, Гарри Ховатт и Стив Тамбеллини. Эта команда обладала большим количеством хороших игроков.

В финале Кубка Стэнли 1979/80 года «Айлендерз» обыграли «Флайерз» в серии из шести матчей. Билл Торри обращался к игрокам раз в год. Он был очень

положительно настроенным человеком. Он повторял то, что говорил Эл весь год. В частности, Билл говорил о ролях ребят в команде, о том, насколько они важны: «Ты специалист по игре в меньшинстве? А твоя главная задача – отбор шайбы? А ты специалист по игре в большинстве? А ты играешь против лучшего звена соперника и готов выключить их из игры?» Точно так же, как Скотти Боумэн, Билл всегда подчеркивал, что каждый в команде может внести свой вклад.

Он всегда пытался говорить о командах, которые выигрывали Кубки. Он говорил: «Да, у них были звезды, но у неоднократных обладателей Кубка, таких, как «Монреаль Канадиенс», всегда был баланс. Если вы хотите выиграть, вы не можете быть просто группой с одним лидером. Каждый игрок важен. Майк Босси забивает голы. Но выключать из игры бомбардира соперников не менее важно».

То, что Билл Торри говорил своим игрокам, по-прежнему является огромной частью того, что значит быть единой командой. Многие игроки остаются незамеченными, и все же они важны. И когда вы выигрываете Кубок Стэнли, награждаются все.

24 мая 1980 года в «Колизеуме» «Айлендерз» в конце второго периода вели со счетом 4-2, но «Филадельфия» сравняла счет в третьем, и игра перешла в овертайм до первого гола. В раздевалке в конце третьего периода стояла тишина. А затем один из парней спросил: «Кто будет героем?», и все игроки ответили: «Я. Я. Я. Я. Я...»

Они вышли на лед, и Бобби Найстром переправил шайбу в ворота после паса Джона Тонелли. «Айлендерз», которые на тот момент существовали всего восемь сезонов, выиграли Кубок.

В 1981/82 г., когда «Айлендерз» в третий раз выиграли Кубок, в их составе были центральные нападающие: Брайан Троттье, Бутч Горинг, Уэйн Меррик

и Билли Кэрролл. В середине сезона они также взяли Брента Саттера и поставили его центральным нападающим в третье звено, после Троттье и Горинга. В этом сезоне он набрал сорок три очка в сорока трех играх. Во втором раунде плей-офф в первом матче против «Нью-Йорк Рейнджерс» Brent выходил из своей зоны с шайбой и попытался в одиночку обыграть Роба Маккланахана. Маккланахан отобрал у него шайбу, и «Рейнджерс» забили.

Для Брента это кончилось плохо: Арбор перевел его в четвертое звено. После этого он стал получать не слишком много игрового времени, что, конечно, раздражало Брента. Он знал, что совершил ошибку, которая привела к голу в ворота его команды, да еще в плей-офф Кубка Стэнли! Brent не играл в регулярной смене в следующих десяти матчах в плей-офф (еще пять против «Рейнджерс», четыре против «Нордикс» и один против «Ванкувера»), но затем в третьем периоде второго матча в финальной серии против «Ванкувера» Эл неожиданно отправил его на лед в регулярной смене. Он также находился на льду во время игры в меньшинстве и во второй спецкоманде большинства.

Эл часто выпускал его на лед в третьем и четвертом матчах, и они выиграли Кубок Стэнли. Все парни праздновали в раздевалке, когда вошел менеджер по снаряжению Джим Пикард (который недавно скончался) и сказал: «Brent, Радар хочет тебя видеть, но не здесь». Радар было прозвищем Эла Арбора.

Brent вышел и стал ждать, затем Эл подошел к нему и опустил взгляд. Эл был широкоплечим, ростом более шести футов и носил большие очки. Эл спросил: «Ты чему-нибудь научился благодаря этому?»

Brent, которому в то время было девятнадцать, не знал, что сказать. Он немного беспокоился о своей маме, папе и братьях Дуэйне, Ронни и Ричи, которые оставались в раздевалке. Поэтому он просто что-то

пробормотал. Эл схватил его за плечи и сказал: «Я только что сделал тебя одной из звезд Кубка Стэнли, и у тебя будет очень долгая карьера».

И Brent об этом всегда помнил – не вечеринку или раздевалку, не катание с Кубком на льду, а тот момент с Элом. Юный паренек стал частью большого шоу, и все было в радужных тонах. Он играл в команде, которая выиграла три Кубка Стэнли. Не выпуская Brentа на лед в течение большей части плей-офф, Эл помог ему добиться психологической твердости, а также не позволил ему слишком увлечься и опередить события. Это стало замечательным и ключевым моментом в его карьере. Эл был твердым тренером, жестким тренером, но прежде всего он был честным и справедливым.

«Айлендерз» вышли в финал в следующем сезоне (1982/83 г.), и хотя они перед этим выиграли три Кубка подряд, средства массовой информации называли их аутсайдерами (перед их противостоянием с «Ойлерз»).

33. Только хорошие умирают молодыми

Часто говорят, что расширение лиги приводит к пропорциональному уменьшению числа талантливых игроков. И это отчасти верно. Но я не считаю, что талант – исчерпаемый ресурс. Думаю, что талант можно развивать. В хорошей команде талант развивается, а плохая ситуация может ему навредить. Я считаю, что, привлекая новые команды в лигу, НХЛ создала больше возможностей для процветания талантливых игроков.

Одной из причин, по которым я так считаю, является ситуация с «Ойлерз». В 1979 году Глен Сатер во время первого участия «Ойлерз» в драфте НХЛ выбрал Кевина Лоу. В НХЛ в то время была 21 команда, и четыре выживших франшизы ВХА могли выбирать себе игроков лишь самыми последними. (Меньше всего НХЛ хотела, чтобы команда ВХА, попав в НХЛ, начала выигрывать, поэтому НХЛ распределила талантливых игроков ВХА по множеству разных команд, а затем предоставила новым франшизам худшие позиции в драфте.) «Ойлерз» выбирали последними в первом раунде и получили один из ключевых элементов франшизы.

Во втором раунде мы могли взять Нила Бротена. Но Глен обменял право выбрать игрока на Дэвида Семенко, ставшего одним из ключевых игроков нашего состава. В третьем раунде мы получили Марка Мессье, это был сорок восьмой выбор того драфта. В четвертом раунде мы взяли Гленна Андерсона. В следующем, 1980 году мы добавили в наш состав Пола Коффи, выбрав его под шестым номером, Яри Курри – под шестьдесят девятым и Энди Муга – под сто тридцать вторым. В 1981-м мы выбрали восьмым Гранта Фюра.

За три года получить пять будущих членов Зала славы: Мессье, Андерсон, Коффи, Курри и Фюр. И я был бы в драфте 1979 года, если бы «Ойлерз» не смогли исключить меня из участия в нем на том основании, что я входил в состав команды во время ее последнего сезона в ВХА. И тогда будущих членов Зала славы было бы шесть. Трудно утверждать, что талантливых игроков было мало, когда одна команда смогла так быстро выбрать себе такое большое количество начинающих талантливых игроков.

Ключевое слово здесь - «начинающих». Тем составам «Ойлерз» не было суждено стать династией. Мы могли все испортить. Фактически, когда мы начали, мы понятия не имели, сколько работы нам предстоит.

В те ранние годы игрокам в команде скучать не приходилось. И отчасти благодаря рестлингу. Начало 80-х годов являлось его золотым веком в Северной Америке, и многие люди смотрели рестлинг по телевизору. Он был очень популярен в Эдмонтоне. Когда Кэм Коннор, один из наших самых жестких крайних нападающих, был подростком в Виннипеге, он дружил с Родом Тумбсом, позднее известным как Роуди Родди Пайпер, одним из величайших представителей рестлинга. Благодаря тому, что Кэм узнал от Пайпера, он считал, что рестлинг - прекрасное тренировочное упражнение, такое же хорошее, как поднятие тяжестей. Поэтому после тренировок Кэм и Ли Фоголин (сосед Кэма по комнате и человек, которым я всегда буду восхищаться) предлагали побороться с ними Дэйву Семенко и Марку Мессье. Они направлялись в нашу небольшую гостиную и боролись там по-настоящему. И хотя Марку в то время было всего восемнадцать, он был настолько силен, что Кэму приходилось прилагать массу усилий, чтобы победить его. Вот каким сильным был Марк даже тогда.

Мы часто друг над другом подшучивали. Дети и собаки – единственное, что было святым в нашей раздевалке. Дэйв Семенко всегда поддерживал там легкую, непринужденную атмосферу – именно это и нужно в хоккейном клубе. Когда у нас возникали трудности, Семенко устраивал какую-нибудь проделку, делал что-то смешное, и это просто снимало груз с наших плеч. Болельщики никогда не знали Семенко с этой стороны. Они смотрят на него и думают: «Это просто очень жесткий парень». Но я скажу вам, что он был очень остроумным и очень умным. Именно таким я всегда буду помнить Семенко.

Он приходил рано утром и протыкал иглой донышко пластмассовых чашек для кофе. Из-за этого все наши рубашки были в коричневых пятнах. Сам Дэйв никогда не пил из пластмассовых чашек – у него всегда была тяжелая керамическая кружка. И однажды Ли решил подшутить над ним. Он пошел в магазин и купил там сверло, пришел с ним рано утром на каток и просверлил крошечное отверстие в донышке кружки Дэйва. Через несколько часов Дэйв сидел, читая газету, и ему на рубашку капал кофе. Дейв начал оглядываться, потому что все смеялись, и он не знал, что происходит. Внезапно он увидел, что у него мокрая рубашка, и сказал: «Фоги, я знаю, что это ты, в этой раздевалке ты – единственный парень, который умеет обращаться с дрелью!»

Всякий раз, заходя в нашу раздевалку, мы слышали рок-н-ролл. Музыка нужно было выключать за тридцать минут до начала матча, и кому-нибудь всегда поручали это сделать. Но музыку не выключали резко, а постепенно убавляли громкость. Пол Коффи оказывал большое влияние на музыку, потому что у него была невероятная страсть к Брюсу Спрингстину. Он любил Босса^[64]. Однажды вечером Энди Муг услышал, как

Стиви Рэй Вон играет «У Мэри был ягненок», и решил, что он самый классный человек в мире. (Тем не менее Вона у нас в раздевалке включали лишь иногда, потому что его музыка была слишком необычной для нас.) Также мы слушали поп-музыку и немного электронную, такую, как «Дево». Были популярны «Раш» и «Эйприл Уайн», канадские группы. Мы также часто слушали «Чип Трик», гитарный рок.

Наш фан-клуб в Эдмонтоне делал для нас плакаты и вывешивал их высоко на балках «Колизеума». Однажды вечером мы вышли на лед на матч, и на плакате было написано: «Пентиктон прислал нам настоящего персика». Пол Коффи знал, что наш вратарь Энди Муг был единственным игроком «Ойлерз» из того городка, и с этого момента Энди стал Персиком. Когда я сказал Полу, что я не видел этот плакат, он спросил: «Правда? Ты не должен кататься, опустив голову».

У Энди в шкафчике была подписанная открытка с изображением Гампа Уорсли. Когда Энди был еще совсем юным, ему на Рождество подарили книгу о хоккее, в которой было много интересных цветных фотографий. На одной из фотографий был изображен Уорсли, великий вратарь «Рейнджерз»/«Канадиенс», готовый подставить лицо под летящую шайбу. (Уорсли был без вратарской маски.) Нос у него был сплюснен, губа изогнута. Юный Энди посмотрел на фотографию, увидел мужество Гампа и подумал: «Значит, вот что такое вратарь».

Несколько раз Энди отправляли в низшую лигу. Как-то раз во время сезона 1981 года Глен вызвал Энди к себе в кабинет и сообщил ему, что он снова отправляется в низшую лигу. Энди был этим недоволен. Никому не нравится, когда его отправляют в низшую лигу – вы никогда не попадете в НХЛ, если не считаете, что можете играть. Но Энди это, вероятно, не нравилось больше, чем большинству. Поэтому Глен прочитал ему

суровую лекцию и велел стать жестче. «НХЛ – не место для чувствительного парня. Стань жестче, или тебя сметут», – сказал он. Глен старался оказывать давление на всех нас, особенно на начальном этапе, потому что мы все были такими молодыми. Он заботился о каждом парне, по-настоящему заботился. Но он мог быть и суровым с нами.

Тогда в раздевалке было спокойно. После матчей у нас почти не было обязанностей, которые есть у игроков сегодня. Журналистов в раздевалку не пускали, поэтому вы могли радоваться победе или переживать из-за поражения. У нашей команды была даже своего рода послематчевая традиция, когда мы позволяли себе немного задержаться после каждой игры. Речь, может, и идет всего о пяти минутах, но это помогало нам расслабиться. Несколько минут, в течение которых мы говорили об игре, были для меня особенными. Мы не говорили ничего судьбоносного или ошеломляющего, но мы говорили много.

К апрелю 1981 года мы обеспечили себе место в плей-офф, но не знали, кто будет нашим первым соперником. 5 апреля в «Нортлендсе» выступал Билли Джоэл, и в вечер концерта мы находились в раздевалке вместе с Билли. У нас там были закуски и коктейли. И затем узнали, что мы будем играть с «Канадиенс». Билли Джоэл был хоккейным болельщиком и, родившись в Нью-Йорке, любил «Рейнджерз» и «Айлендерз». Перед началом первого матча против «Монреалья» у нас на полную громкость был включен магнитофон, звучали такие песни Билли Джоэла, как «Может, ты и права», «Для меня это по-прежнему рок-н-ролл», «Большая шишка» и «Только хорошие умирают молодыми».

Эдди Мио был нашим основным вратарем, Рон Лоу – запасным, а Энди Муг – третьим. Но перед первым раундом против «Монреалья» Рон и Эдди выбыли из

игры: у каждого была сломана рука. Энди играл не слишком много. Он лишь четыре матча начинал в основном составе, но все они проходили в последние несколько недель весной.

Ранее в том сезоне мы были на «Мэйпл Лиф-Гарденс», и во время утренней тренировки Глен сказал Энди, что вечером он впервые начнет матч в основном составе. Но за тридцать минут до игры, сразу после разминки, когда Энди уходил с катка, Глен сказал: «Энди, мы вносим изменение. В стартовом составе выйдет Эдди». Глен мотивировал это тем, что, если бы он сказал Эдди, что тот будет вечером играть на «Мэйпл Лиф-Гарденс», Эдди бы нервничал весь день. Он не смог бы нормально отдышать или есть. А поскольку Эдди думал, что играть будет Энди, это помогло ему расслабиться. Таким образом, в своем первом матче в НХЛ Энди был заменен после разминки.

На следующее утро по дороге в аэропорт Энди сидел рядом с Полом Коффи, который появился в команде только с начала сезона. Они говорили о том, какое раздражение наступает, когда игрок не получает шанса проявить себя в команде. Каждый из них говорил: «Дайте мне шанс, и я покажу вам, на что способен». Конечно, так обычно не бывает. Вы должны ждать своего часа. Но парням не терпелось внести свой вклад.

В первый день плей-офф против «Монреаля» у нас проходила утренняя тренировка, когда Глен приблизился к Энди и спросил:

- Как ты себя чувствуешь?
- Хорошо. - Энди был самоуверенным и несведущим
- хорошее сочетание.
- Хотел бы выйти сегодня в стартовом составе?
- Наверное, да.

Глен ответил:

- Ладно, ты - в стартовом составе, - и удалился.

В то время первый раунд плей-офф состоял из серии, победитель которой определялся по итогам пяти матчей^[65], поэтому хотелось начать ее удачно. В тот вечер мы победили «Монреаль» со счетом 6-3. Энди надежно защищал ворота. Лефлер выполнил несколько хороших бросков, но Энди, со смехом рассказывая об этом, сказал, что не может поверить, что ему удалось сделать сейвы. Он сказал мне, что шайба после бросков Лефлера летела по-особому – как из рогатки, но с большей точностью.

После матча Дик Ирвин взял у Энди интервью. Дик спросил: «Энди, ты недоволен, что не стал лучшим игроком матча?» Энди без всякой самоуверенности простодушно ответил: «Ну, может, я стану им завтра». И конечно, в следующем матче он парировал сорок бросков. Мы выиграли 3-1, и Энди стал одним из трех лучших игроков матча. На следующий день в газете в Монреале можно было увидеть такой заголовок: «Энди, какой Энди?»

К концу второго матча болельщики «Монреалья» дали своей команде понять, что они недовольны. На трибунах «Форума» постоянно раздавался свист. И это мы также могли обратить себе на пользу, чтобы попытаться победить «Монреаль».

В то время мы все еще летали регулярными рейсами, поэтому на следующее утро отправились обратно в Эдмонтон, и, когда мы приземлились, нас встретили радостные болельщики с плакатами. Это застало нас врасплох. И затем примерно за сорок пять минут до разминки мы слышали одобрительные крики и топание ног. Как только мы вышли на лед, произошло нечто невероятное. Болельщики встали и более трех минут аплодировали. «Нортлендс» буквально вибрировал от шума.

Энди приходилось не обращать на все это внимания, поскольку он слишком эмоционально реагировал на подобные вещи. Как у многих вратарей, его эмоции проявлялись в глазах. Это трудно объяснить, но Энди говорил следующее: «Когда вы спокойны, расслаблены и уверены в себе, ваши глаза сосредоточиваются на шайбе. Все ваше внимание направлено на нее. Но во время очень динамичных матчей глаза у вас могут начать дергаться».

Дон, отец Энди, был вратарем в «Пентиктон Виз» в эпоху, когда вратари еще играли без масок. В результате у него не осталось зубов, а нос был словно резиновым, он напоминал мячик, поскольку мог двигаться по всему лицу Дона. К тому времени, когда Энди было тринадцать, хоккей уже был не таким, как в то время, когда играл его отец. Поэтому он купил Энди на день рождения книгу Томаса Тутко о спортивной психологии, в которой рассказывалось о психической подготовке. Когда Энди исполнилось пятнадцать, он уже прочитал ее раз десять. Это дало ему преимущество в психологической устойчивости.

В ту ночь я посмотрел на Энди. Его голова была опущена. Он смотрел на свою вратарскую площадку, используя навыки визуализации и сосредоточения, которые изучал ранее. Он двигался вперед и назад. Неторопливо.

«Монреаль Канадиенс» были повержены. Они не были похожи на команду, которую все знали с конца 70-х. Мы полностью доминировали на льду. Когда мы забросили очередную шайбу и счет стал 6-2, я посмотрел на скамейку запасных и, увидев лица своих товарищей, начал понимать, что все это происходит на самом деле. Последний раз «Канадиенс» проигрывали в плей-офф с сухим счетом двадцать девять лет назад.

Пол Коффи первым поспешил к воротам, чтобы обнять Энди. Он был невероятно рад его успеху. Кофф

тоже получит свой шанс. Какие-то четыре года – и он выигрывает приз Норриса как лучший защитник Национальной хоккейной лиги.

Когда я через несколько лет играл за «Лос-Анджелес», Брюс Макналл иногда поддразнивал меня и говорил: «Эй, Уэйн, почему бы тебе не рассказать нам о чуде на Манчестере?»

Мы думали, что сезон 1981/82 г. может стать нашим. Мы заняли первое место в дивизионе Смайта со 111 очками, 48 победами, 17 поражениями и 15 ничейными результатами. «Ванкувер» был вторым, но они отставали от нас на тридцать четыре очка. Мы являлись лидерами.

В первом раунде мы встречались с «Кингз». У них было шестьдесят три очка и немалое количество поражений в сезоне: 24 победы, 41 поражение и 15 ничьих. И все же, несмотря на то как распределялись очки, и мы, и они являлись командами с высокими показателями. У них было отличное забивное звено, получившее прозвище «Тройная корона». В нем играли Марсель Дионн, Чарли Симмер и Дейв Тейлор. Ларри Мерфи набрал шестьдесят шесть очков в обороне, и у них был прекрасный капитан Дейв Льюис. Такими хоккеистами действительно можно было гордиться. И когда мы вышли в полуфинал, а они оказались нашими соперниками, думаю, мы оказались настроенными слишком оптимистично и упустили это из виду.

До сих пор Берни Николлс, который в конечном счете станет моим другом и товарищем по команде в «Кингз», говорит, что их победа была совершенно неожиданной. Но в хоккее всякое может случиться. «Кингз» прибыли в Эдмонтон и обыграли нас со счетом 10-8.

Мы победили во втором матче в овертайме со счетом 3-2 и отправились на арену «Форум», находящуюся на бульваре Уэст Манчестер в Лос-

Анджелесе. В третьем матче мы вели 5-0 в третьем периоде. Владелец «Кингз» Джерри Басс ушел домой, считая, что его команда проиграла, а Глен Саттер стоял за скамейкой запасных, широко улыбаясь. В начале третьего периода «Кингз» забили два гола. Внезапно можно было почувствовать, как меняется ход игры. Третий гол они забили перед тем, как Гэрри Ангер был удален на пять минут. Они забили еще два, пока Ангер находился на скамейке штрафников, сравнив счет за 5 секунд до окончания основного времени. Начался овертайм, и крайний нападающий «Кингз» Дэрил Эванс забил гол во время вбрасывания. Этот матч назвали чудом на Манчестере.

Мы выиграли четвертый матч, но самое смешное заключается в том, что «Кингз» уже думали, что мы выиграем серию, и поэтому даже не заказали билеты до Эдмонта на пятый матч. Это означало, что нам пришлось сесть вместе в один самолет, который взлетел в половину второго ночи. «Кингз» попросили разрешения сесть в переднюю часть самолета, поскольку матч должен был проходить вечером и они думали, что, если мы выйдем из самолета первыми и пройдем таможенный досмотр, иммиграционная служба аэропорта постарается задержать их на максимально возможное время, чтобы помочь нам. Они обыграли нас в решающем матче со счетом 7-4. Хоккейный мир был ошеломлен. Каждый раз, когда я смотрю интервью с их спортивным комментатором Бобом Миллером, я вижу, что он все еще говорит об этом.

Мы же извлекли из этого урок.

Было огромное давление со стороны средств массовой информации и болельщиков с требованиями заменить основных игроков в команде, поскольку они думали, что мы слишком были сосредоточены на атаке. Но Глен не поддался на это давление и пошел вместо этого на очень разумный шаг. Он нанял себе в

помощники Джона Маклера, который занялся формированием игры нашей команды. Он проявлял строгость по отношению ко всем без исключения игрокам. Это позволило Глену в большей степени сосредоточиться на функциях главного тренера, и таким образом он мог теперь быть менее суровым с игроками.

Хотя в «Ойлерз» имелись прекрасные игроки, мы в то же самое время не были прекрасной командой в сезоне 1982/83 г. Нам нужно было многое доказать. А перед этим мы поняли, что, если команда плохо выступает в плей-офф, о ее достижениях в регулярном чемпионате быстро забывают.

9 апреля 1983 года мы закончили победой серию против «Виннипег Джетс». 20 апреля мы обыграли «Калгари» в пятом матче второго раунда, а затем победили «Блэкхокс». В этих первых трех раундах все в некоторой степени было слишком легко. Вот что я имею в виду: если вы опытная команда, то легкие победы в каждой серии могут лишь радовать, и это дает вам преимущество, особенно если другим командам приходится играть много матчей. Но если вы неопытная команда, какой мы и являлись тогда, у вас создается ошибочное впечатление. Вы начинаете думать: «Ого, это не так уж сложно. Этот сезон станет нашим!» Нельзя сказать, что мы не были в восторге. Когда нам вручили приз Кэмпбелла за первое место в конференции, мы с такой радостью принялись носить его по катку, словно это был величайший приз в мире – до тех пор, пока не выиграем следующий. Некоторое время существовало суеверие, что прикасаться к призу Кэмпбелла или принца Уэльского – дурная примета. Но в 2016 году Сидни Кросби решил дотронуться до приза принца Уэльского, поэтому, возможно, оно скоро исчезнет.

Затем мы столкнулись с «Нью-Йорк Айлендерз». Мы находились в такой же ситуации, в какой они были несколько лет назад. Неудачное окончание серии плей-офф, затем хорошо проведенный сезон, шанс реабилитироваться в глазах болельщиков и выиграть Кубок Стэнли. «Айлендерз» прошли через это, мы – тоже, и думаю, что стабильность обеих команд во многом объясняется тем, что ни Торри, ни Саттер не паниковали. Торри держал ключевых игроков команды (Троттье, Босси, Потвена, Гиллиса, Смита и Боба Борна) вместе. Как я говорил ранее, Торри считал, что стабильность – важный фактор. Постоянные замены тренеров и игроков – перебор, который может привести к тому, что к моменту, когда вы попадете в плей-офф, у вас уже почти будет другая команда.

И «Айлендерз», и «Ойлерз» должны были научиться побеждать. Мы по-настоящему ненавидели их, а они – нас, но я могу сказать одно: к «Айлендерз» мы относились с большим уважением, чем к любой другой хоккейной команде, и хотели быть похожими на них.

Но нам предстояло пройти долгий путь, прежде чем стать по-настоящему серьезным соперником для «Айлендерз». Мы сыграли с ними три матча, и в этих играх они как команда были лучше. Мы задействовали всю нашу скорость и энергию, а они нашли способ нейтрализовать все это. Нельзя сказать, что они приводили нас в замешательство или внушали нам страх. Просто у них был готов ответ на любое наше действие. В первых трех играх мы не могли с ними сравниться.

Четвертый матч состоялся на арене «Нассау Каунти Колизеум». Чтобы попасть в раздевалку, нужно было пройти через внутреннюю часть арены. В этот момент мы нервничали, поскольку нам предстояло играть против очень сильной команды. И в трех предыдущих матчах мы потерпели поражение. Но когда мы вошли в

раздевалку, чтобы подготовиться к матчу, там в передней части помещения находилась большая доска, на которой Кевин Лоу написал: «Они сейчас как раз в таком положении, которое нам нужно». Нас всех это немного насмешило, и напряжение в команде уменьшилось. «Нью-Йорк» снова выигрывает у нас, одержав четвертую победу подряд, но думаю, что именно подобный подход, тот настрой, который Кевин выразил в словах, написанных на доске, сделал нас впоследствии более сильной командой. Это все равно что сказать: «Они нас еще не победили. Пойдемте сделаем то, ради чего мы сюда прибыли».

Я часто рассказываю следующую историю, поскольку речь идет о поворотном моменте, об уроке, который помог нам в следующем сезоне и в плей-офф. Переодевшись, мы покидали «Колизеум». Когда мы с Кевином Лоу проходили по коридору мимо раздевалки «Айлендерз», где игроки, их семьи, жены, а также руководство команды праздновали победу, мы увидели там нескольких ветеранов, которые спокойно пили пиво, но их настроение трудно было назвать праздничным.

Они были потрепанными, в синяках и обложены охлаждающими пакетами. Между тем мы были в отличной форме, готовыми к еще одному раунду плей-офф. Увидев их в таком состоянии, мы поняли: «Хорошо, мы многому научились в прошлом сезоне – насколько тяжелы плей-оффы и насколько дисциплинированными и сосредоточенными должны быть игроки. Но чтобы выиграть Кубок Стэнли, необходимо приложить гораздо больше усилий».

Время между проигрышем в том матче и первой игрой в плей-офф в следующем сезоне (1983/84 г.), казалось вечностью. Мы думали об одном: мы попадем в финал, и когда это произойдет, мы не проиграем.

34. Последняя династия

Марк Мессье часто проявлял в раздевалке лидерские качества. Он серьезно относился к команде и стремился к тому, чтобы все остальные относились к ней так же. Кто-то из молодых игроков однажды пришел на тренировку, а закончив тренироваться, снял свитер и бросил его в корзину. Но свитер упал на пол. Марк встал, подошел к этому парню, посмотрел ему в глаза и тихим голосом сказал: «Эта эмблема никогда не должна касаться пола». Он говорил это не только юноше, но и всем нам. Смысл был ясен: «Если ты не уважаешь то, что означает эта эмблема, то как же мы тогда сможем стать чемпионами?» Слова Марка нашли отклик в сердцах всех игроков, и обстановка в раздевалке, судя по всему, начала становиться такой, какой она должна была быть.

В сезоне 1983/84 г. «Ойлерз» полностью изменила свое мышление. До того времени мы играли в так называемый «искрометный» хоккей. Другими словами, мы хотели забросить в ворота другой команды столько шайб, чтобы она просто сдалась. Так было в конференции Кларенса Кэмпбелла на западе, где предпочитали быстрый и зрелищный хоккей, который заметно отличался от конференции принца Уэльского на востоке, где такие команды, как «Айлендерз», «Брюинз» и «Флайерз», играли медленнее, жестче и с упором на оборону. (Контраст между этими двумя конференциями точно отражал ситуацию, наблюдавшуюся в то время в НБА: «Селтикс» и «Севенти Сиксерс» на востоке действовали жестко, а «Лейкерс» на западе – быстро. Фактически в течение ряда лет существовало невероятное сходство между плей-офф в НБА и в Кубке Стэнли.)

Но теперь мы становились сплоченной командой, нацеленной на игру как в обороне, так и в атаке. Помощник нашего тренера Джон Маклер, настоящий стратег, объединил парней и сформировал команду, которая победит «Айлендерз».

Кенни Линсман был очень ценным игроком в нашей команде. Он был сравнительно небольшим парнем, который весил от силы 80 кг, но был готов по малейшему поводу ринуться в бой. Он взял себе за правило атаковать тафгаев, чтобы они не атаковали его. (Когда нападающий Кевин Макклелланд пришел в том году в «Ойлерз» - если бы мы в финале встретились с «Ойлерз», нам понадобились бы такие сильные и решительные ребята, - и впервые зашел в нашу раздевалку, он пожал Кенни руку и сказал, как он рад, что Кенни в нашей команде, потому что ему больше не придется пробиваться через клюшку Кенни.)

Кенни мог проявлять очень сильные эмоции и приходиться в слепую ярость. Хейзел, его мама, была рыжеволосой и обладала таким же невероятным нравом, как и он, поэтому они часто ссорились. Он был самым старшим ребенком в семье: после Кенни у Хейзел родилось еще пятеро детей в течение всего восьми лет. Но когда Кенни было семнадцать, Хейзел заболела и умерла от рака. Это было тяжело, особенно если учесть все то, что они говорили друг другу. Казалось, это навсегда стало частью эмоционального багажа Кенни.

Я впервые увидел Кенни, когда мне было пятнадцать. Я играл в хоккей в юниорской лиге «Б» в «Торонто Нэйшнелз», которая была связана с командой «Питерборо Питс». Мой сосед Пол Гуле был главным скаутом для «Питс» (это было в то время, когда тренером команды являлся Роджер Нейлсон), и раз в месяц, начиная с того момента, когда мне было восемь, он брал меня на матчи. В следующем сезоне некоторые

игроки оказались травмированными, и я сыграл за эту команду три матча. К тому времени «Питс» тренировал парень по имени Гарри Янг, который был по-настоящему добр ко мне. Когда я участвовал во втором матче за эту команду, мы играли с «Кингстоном». Перед разминкой Гарри подозвал меня, я был маленьким, вероятно, ростом 1 метр 75 см и весил 56 кг максимум. Он сказал: «Выйдешь на лед, смотри за номером – 14. – Я кивнул. – Как только «четырнадцать» появляется на льду, ты уходишь».

Я отправился на лед разминаться и увидел этого маленького паренька под номером «14». Он был таким маленьким, что я подумал: «Почему?» Я вернулся на скамейку после разминки и сказал тренеру: «Вы хотите, чтобы я уходил со льда из-за этого маленького паренька? Он так хорошо играет?» Тренер покачал головой: «Нет, он – лучший специалист в лиге по грязным приемам. Он может выколоть тебе глаза, и я не хочу, чтобы это произошло». Номер «14» был Кенни Линсман. Я до сих пор поддраживаю Кенни, говоря: «Мне не разрешали играть против тебя».

В «Филадельфии» Бобби Кларк прозвал его Крысой. Я всегда называл его Кенни. У меня своеобразное отношение к прозвищам. У меня их было несколько: в Су меня прозвали Кренделем, а в раздевалке «Ойлерз», когда я пришел в команду, у меня появилось прозвище Уиззи. Мне же нравится, когда меня называют Уэйн или Гретц. Не все парни были довольны своими прозвищами, и я знаю, что Кенни не слишком гордился своим. В любом случае я не думал, что оно ему подходит. Я имею в виду, что он играл в хоккей неистово и так же жестко, как и любой другой, кто когда-либо играл в НХЛ, но сам Кенни считал, что он просто пытается сделать все необходимое для того, чтобы добиться успеха и стать чемпионом.

Когда мы дошли до финала Кубка Стэнли, многие воспринимали наш матч с «Айлендерз» как противостояние молодых и старых. В действительности средняя разница в возрасте между двумя командами составляла чуть более одного года. Не так много, как все думают. (Хотя верно то, что если сравнить некоторых ключевых игроков, то они действительно были немного старше – Майку Босси, Брайану Троттье и Джону Тонелли было двадцать семь, Дени Потвену было тридцать, а Энди Мугу и Яри Курри из «Ойлерз» было двадцать четыре, Мессье и мне – двадцать три, а Коффи – двадцать два.) У Кевина Лоу была теория, что каждый полный сезон плей-офф, в котором вы играете, делает вас еще на год старше – некоторая аналогия со старением собак. А в 1984 году «Айлендерз» были сильно потрепаны в тяжелых матчах. Они выходили в финал пять лет подряд.

Их вратарь Билли Смит был одним из самых старых игроков в обеих командах. Ему было тридцать три. Называть его конкурентом было бы преуменьшением. Год назад в первом матче мы обошли «Айлендерз» по количеству бросков (тридцать пять против двадцати четырех), и все же они выиграли со счетом 2-0, забив в пустые ворота. Билли не вписывался в «Айлендерз», и в некоторых отношениях это помогало сбалансировать ситуацию. Он был диким, что выводило команду на другой уровень. В Библии сказано: «Человек гневливый заводит ссору», и именно это и делал Билли. Мы воевали с ним весь сезон и в плей-офф. Если бы у него был шанс, он бы снес вам голову. Он даже не делал вид, что не пытается причинить вам боль, если вы к нему приближались. Я особенно внимательно следил за Билли, потому что знал, что он хотел бы сбить меня на лед. Он ненавидел меня, и мне он не нравился. Сейчас, однако, мы испытываем друг к другу взаимное уважение. Я знаю, насколько он хорош и как сильно он

хотел победить. Помимо Рона Хекстолла, он, вероятно, был лучшим вратарем, против которого мне довелось играть. Каждый из них прекрасно управлялся с клюшкой и мог защитить свою вратарскую площадку.

Билли тоже был бесстрашным. Помню, как, наблюдая за его разговорами с Дэйвом Семенко, я думал: что Смит может говорить Семенко? И что еще важнее: что отвечал Дэйв? Что бы он ни говорил, я уверен, что это были остроумные и резкие слова. Но в целом тафгаи не получают достаточного признания за свое остроумие. В разгар хоккейной битвы требуется особое спокойствие, чтобы придумать удачную шутку.

Многие этого не знают, но в 1984 году в течение девятидневного перерыва после того, как мы победили «Миннесоту Норт Старз» и, попав в финал, стали соперником «Айлендерз», Роджер Нейлсон только что закончил работу в «Ванкувере». Он был хорошим специалистом по хоккею и настоящим творческим мыслителем, поэтому Глен нанял его в качестве нашего первого видеотренера. В то время очень немногие команды использовали видео, но Роджер всю свою карьеру пытался найти способы одерживать победы.

До того как Роджер начал тренировать в НХЛ, он работал тренером в «Питерборо Питс». В 1968 году его команде был назначен буллит, и Роджер поставил на ворота защитника. Когда игрок, выполняющий буллит, начал двигаться с шайбой, защитник бросился ему навстречу. В результате было введено правило, что во время буллитов ворота должен защищать вратарь.

Роджер однажды заменил вратаря, когда вбрасывание было в зоне его команды. Шайба упала, форвард вышел на лед и направился к красной линии, а игрок, участвующий во вбрасывании, передал ему шайбу, чтобы форвард мог уйти в отрыв. И снова из-за Роджера появилось правило, в соответствии с которым

на льду должны находиться все шесть игроков, если никому из них не был назначен штраф.

Глен Саттер никогда не пытался лишить нас творческого подхода, но он хотел просматривать записи, чтобы знать все, что происходит во время матчей. Интересно, что «Айлендерз» тогда делала то, что сейчас делают многие команды: например, играя в обороне, она загромождала пятачок. Все пять полевых игроков «Айлендерз» защищали пространство перед своими воротами. Они позволяли соперникам весь вечер ездить по периметру катка, передавать шайбу взад-вперед и выполнять броски под неудобными углами. Затем они подхватывали отскочившую шайбу и устремлялись в атаку.

Вы не можете делать пасы, если никто из партнеров по команде не открыт, поэтому нам было очень сложно разыгрывать комбинации, к которым мы привыкли. Мы были командой, которая так хорошо перемещалась по льду и делала пасы. Поэтому мы бы все равно пытались играть в своей манере и в конечном счете потеряли бы шайбу, и они начали бы собственную атаку – при этом двое их игроков действовали бы против одного нашего.

Наш новый план на игры в финале состоял в том, чтобы совершать проходы с шайбой по флангам, выполнять броски, после которых игроки должны были устремляться к воротам. Мы не должны были пытаться проводить какие-либо комбинации на пятачке. Тренерский штаб сказал: «Забудьте о красивом розыгрыше шайбы. Даже не смотрите на пятачок, пока мы не будем вести в счете и «Айлендерз» не начнет рисковать. Вот тогда, если у вас будет численное преимущество, вы можете, конечно, разыгрывать комбинации».

«Айлендерз» была по-настоящему деловой командой. Она обладала всеми ключевыми элементами: мастерством, умом и некоторым количеством жестких

игроков. Но «Айлендерз» не были хулиганами. «Флайерз» были хулиганами, «Брюинз» были хулиганами или пытались ими быть. «Айлендерз» ассоциировались с Уолл-стрит. Они были как корпорация: все было четко распланировано, у каждого имелась своя задача. Мы знали, что пасы занимают большое место в их игре, но видео помогло нам разобраться в том, как они действуют. Видео Роджера облегчило нам задачу.

Один из аспектов противостояния таким чемпионским командам, как «Айлендерз», заключается в следующем: вы должны сдерживать их великолепных форвардов, пробиваться через их жестких защитников, а затем обыгрывать их первоклассного вратаря. Такие команды могут переиграть вас в обороне и в атаке, а также разгромить в целом матче. Как и «Айлендерз», мы обладали всем необходимым, но они были командой-династией, и как только вы побеждаете подобную команду, вы понимаете, что для этого требуется.

Меня всегда спрашивают: «Против кого было тяжелее всего играть? Кто был лучшим защитником?» Я играл против многих хороших защитников – среди них Ларри Робинсон, Рэй Бурк и Брайан Лич. И у «Айлендерз» был игрок, напоминающий Кима Клэксона. Его звали Горди Лейн, который играл откровенно грязно, и мне не нравилось быть вместе с ним на льду. Невозможно было предугадать, что он сделает. Но должен сказать, что труднее всего было играть против Дени Потвена. Каждую смену я играл против него, Бутча Горинга и Боба Борна. Различного рода противостояния были большей частью НХЛ и по-прежнему ею являются. Я всегда знал, где именно находится Дени на льду, потому что он стремился полностью измотать соперника. Я даже знал, когда он пьет «Гаторейд»^[66] на скамейке запасных, – вот как

внимательно я за ним следил. Он не действовал грязно, но был жестким, очень жестким игроком. Говоря о жесткости, я имею в виду исключительно жесткость на льду во время матчей. Ему нравилось располагаться возле синей линии, где он действовал против соперника бедром или плечом. Он не хотел, чтобы вы смогли набрать скорость. Вы словно наталкивались на припаркованную машину.

Они переигрывали нас в первом матче, но мы победили со счетом 1-0, потому что вратарь Грант Фюр творил настоящие чудеса и они не смогли нам забить. Кроме того, благодаря видео мы знали, где нужно находиться, когда «Айлендерз» перемещали шайбу, и постоянно перехватывали их передачи. Например, Brent Sutter и Kevin McClelland участвовали во вбрасывании справа от Билли Смита. Саттер выиграл шайбу для «Айлендерз», но наш крайний левый нападающий Дэйв Хантер последовал за ним в угол. Пэт Хьюз подхватил шайбу и передал ее Макклелланду. Глен всегда говорил: «Бросайте по воротам быстро», и, конечно же, он работал в этой ситуации.

Задача Макклелланда состояла в том, чтобы упорно действовать в атаке, и в конечном счете он забросил победную шайбу в матче. Командам нравится, когда такие парни забивают подобные голы. (Фактически Кевин той весной принес своей команде большую пользу.) Но героем в тот вечер был Грант. Он парировал тридцать четыре броска и стал первым вратарем со времен великого Фрэнка Маккула в 1945 году, не пропустившим ни одного гола в своей первой финальной игре Кубка Стэнли. Грант никогда не жаловался, что ему часто приходилось спасать ворота в одиночку. Без него мы бы не победили.

Поскольку нам удалось нейтрализовать «Айлендерз» на их домашней арене, мы испытывали большую уверенность. Мы думали: «О, в этом году все

будет по-другому». И затем они обыграли нас со счетом 6-1 во втором матче. В тот вечер я сидел рядом с Ли Фоголином во время пятичасового полета из Лонг-Айленда, и не думаю, что мы с ним перекинулись хотя бы парой слов. Всех нас охватило чувство страха: «Черт, это произойдет снова».

На следующий день мы обедали в небольшой забегаловке в центре Эдмонта под названием «Свот Хэдквотерз». Там мы заказали маринованные яйца, разливное пиво и стали играть в бильярд. Атмосфера была явно напряженной. В глазах каждого можно было прочесть: мы не позволим им победить нас, как в прошлом году.

Марк Мессье мог иногда выручить команду. Во втором периоде третьего матча Кларк Гиллис забил гол, и «Айлендерз» вышла вперед со счетом 2-1. Затем наступил поворотный момент. Ли Фоголин был на синей линии, когда к нему попала шайба. Месс двигался в направлении Фоголина, и тому оставалось лишь просто подтолкнуть ему шайбу. Месс развернулся с шайбой, направился к правому борту, прошел вперед вдоль борта, затем сместился влево, обыграл защитника «Айлендерз» Горда Динина, а затем забил гол. Шайба влетела в ворота с той стороны, с которой Билли Смит держал клюшку.

Это был прекрасный гол. И это не только позволило воспрянуть духом нашим игрокам на скамейке запасных и нашим болельщикам, но также, казалось, лишило уверенности «Айлендерз». Мы победили в этом матче со счетом 7-2. Потом в раздевалке Кенни Линсман сказал: «Как только Марк почувствовал запах победы, исход матча был решен».

В конце третьего матча Грант столкнулся с Пэтом Лафонтеном за пределами ворот. Тогда действовало правило «Бей вратаря, ничего страшного». У Гранта к тому моменту уже болело плечо, и от удара его

состояние значительно ухудшилось. В последние восемь минут ворота защищал Энди.

На следующий день, когда мы направились на каток, все думали: «Сможет ли Грант играть?» Как только мы добрались туда, стало ясно, что не сможет, но мы не могли допустить, чтобы об этом узнали «Айлендерз», поэтому вплоть до самого матча помалкивали об этом.

Энди Муг не любил быть на взводе. Он думал, что из-за своей энергии он может взять на себя слишком сложную задачу, находясь в воротах, или же покинуть вратарскую площадку и заиграться с шайбой. Мы знали, что ему нужно расслабиться и настроиться на игру, поэтому были с ним очень сдержанны. Разговор с ним был примерно таким: «Как себя чувствуешь? Готов выйти на лед? Что ж, тогда давай». Отношения в стиле «еще один день в офисе».

Мы выиграли четвертый матч с тем же счетом: 7-2. И в пятом матче Энди все еще находился на воротах. Он был на редкость спокоен и сосредоточен. У вас должен быть надежный вратарь, или вы не поднимете Кубок Стэнли.

Когда мы вышли на лед на пятый матч, никто почти ничего не говорил. Разговоры были очень краткими. Мы должны были сохранять предельную концентрацию, поскольку зрители на арене «Нортлендс» были весьма несдержанны. Но когда мы забили гол в пустые ворота всего лишь за несколько секунд до конца и счет стал 5-2, я начал смотреть по сторонам, увидел лица болельщиков и понял, что все это – реальность. Это произойдет. Это, возможно, мое лучшее воспоминание о Кубке Стэнли. Это чувство – не хочу называть его облегчением – радость и гордость. Это по-настоящему великий приз. В течение многих лет во всех главных чемпионатах в Северной Америке это был единственный приз, который вручался самим игрокам. Когда подобный

приз выигрывается в других видах спорта, его вручают владельцу команды. Но когда выигрывают Кубок Стэнли, он передается игрокам, и это всегда было так.

Я взял его и поднял над головой. Я не знал, насколько Кубок тяжелый, мне стало трудно его держать, но наши парни помогли мне.

В начале сезона 1984/85 г. мы поставили перед собой цель снова выиграть Кубок и доказать, что наша победа над «Айлендерз» не была случайностью. И мы это доказали. Мы были в ударе. Мы победили «Кингз» и «Джетс» и по итогам шести матчей победили «Блэкхокс». В финале нашим соперником стали «Флайерз».

«Филадельфия Флайерз» была отличной командой. В ней было много ребят, которые боролись до конца и не сдавались. Одним из ее лучших бомбардиров являлся Брайан Пропп. Мы с Брайаном сейчас хорошие друзья, но как раз тогда он начал делать одну штуку, которой научился, смотря шоу комика Хоуи Мэндела. Забив гол, Брайан опускался на одно колено, снимал перчатку и поднимал руку. Это сводило нас с ума. Каждый раз, когда он это делал, нам хотелось отрубить ему руку.

У них также были братья Саттеры, Ричи и его близнец Ронни, вместе с Дейвом Поулином, Марком Хоу, Дерриком Смитом, Брэдом Маршем, Дейвом Брауном, Тимом Керром, Питером Зезелем, Брэдом Маккриммоном и прекрасным молодым шведским вратарем по имени Пелле Линдберг.

«Флайерз» диктовали ход первого матча и победили нас со счетом 4-1. Глен Саттер был настолько взбешен тем, как мы играли, что сжег кассеты с записью матча после того, как посмотрел их. Мы поняли намек и выиграли три следующих игры. В пятом матче мы были готовы довести серию до конца.

Грант Фюр играл феноменально хорошо. Он выручал нас в первом раунде против «Лос-Анджелеса», и в

финальной серии против «Филадельфии» он сделал несколько решающих сейвов. У Пола Коффи тоже была невероятная серия. В финальном матче он забил несколько голов подряд, и второй период начался со счетом 4-1 в нашу пользу. Но большинство людей не знало, что Пол повредил ступню и бедро в финальных матчах дивизиона против «Виннипега». И все же он забил двенадцать голов (тридцать семь очков) в плей-офф, побив рекорды Бобби Орра и Брэда Парка (девять голов в плей-офф, забитых защитником), а также рекорд Дени Потвена (двадцать пять очков). Я получил приз Конна Смайта, но вместо меня вполне могли выбрать Пола и Гранта. Помню, как Питер Поклингтон сказал, что повторное завоевание Кубка напоминает рождение второго ребенка в семье.

Однако в следующем году мы не попали в финал. «Калгари Флеймз» знали, как мы играем, и победили нас. Они вышли в финал, и их соперниками были «Монреаль Канадиенс». «Хабс» в том победном для себя первом (со времен расширения лиги в 1967 г.) противостоянии двух канадских команд в борьбе за Кубок Стэнли смогла добиться успеха во многом благодаря молодому вратарю Патрику Руа. Мы же в сезоне 1986/87 г. добились возможности попытаться забрать Кубок в Эдмонтон.

В финале мы столкнулись с «Флайерз», а это означало противостояние с великолепным и вспыльчивым вратарем. Рон Хекстолл прекрасно проявил себя в своем первом сезоне в качестве новичка. К сожалению, причина, по которой Хекстолл получил возможность играть в «Филадельфии», заключалась в том, что в ноябре сезоном ранее вратарь Пелле Линдберг погиб в автокатастрофе. Молодые игроки «Филадельфии» тяжело переживали его смерть. Чтобы оправиться, им потребовался год. Отчасти это произошло благодаря великолепной игре Хекстолла.

Он был большим парнем, ростом метр девяносто, и прекрасно управлялся с шайбой. Фактически он стал вторым вратарем НХЛ, когда-либо забившим гол. Но своим успехом «Флайерз» была обязана прежде всего интенсивной игре Хекстолла. Он был первым вратарем, набравшим более 100 штрафных минут в сезоне.

Дело в том, что его агрессивность также помогла нам. Я не могу сказать, что мы вышли в финал, испытывая чувство самодовольства, но мы действительно *были* спокойными, и именно агрессивность Рона вынудила нас ненавидеть их и настроила нас на упорную борьбу. Ненависть может быть отличным мотиватором. Например, в четвертом матче мы вели в счете 4-1. Гленн Андерсон забрал клюшкой шайбу с щитка Рона, а через несколько секунд, когда Кент Нильссон проезжал мимо ворот, Рон, держа клюшку обеими руками, ударил его сзади по ноге. Это повлекло для Рона дисквалификацию на первые восемь матчей следующего сезона. Взрывной характер Рона помог «Флайерз» добиться максимальной самоотдачи, и нам пришлось играть в серии семь матчей. Но в то же самое время его вспыльчивость помогла нам выиграть Кубок.

В том году Хекстолл получил приз Конна Смайта. Я вовсе не стараюсь преуменьшить заслуги Рона (он играл потрясающе и помог своей команде продержаться в финальной серии), но когда вратарь проигравшей команды становится самым ценным игроком, это значит, что его команду в значительной степени переигрывали. Ничего подобного никогда не говорили о Гранте Фюре. Он был просто невероятным при защите ворот. Для меня Грант являлся величайшим вратарем всех времен.

Но в 1987 году с нами началось то, что, по-видимому, происходит со всеми командами-династиями. Мы начали терять игроков. Когда Пол Коффи и Глен не

смогли договориться о новом контракте, Пол просидел на скамейке запасных двадцать один матч подряд в самом начале сезона и был продан в «Питтсбург». Мы также потеряли Энди Муга. Энди устал быть просто запасным Гранта Фюра. Он хотел играть. Он решил не участвовать в наших матчах и воспользовался возможностью поиграть в олимпийской сборной Канады. В итоге он сыграл пять сезонов за «Бостон» и четыре за «Даллас». Последний он провел в «Монреале».

За четыре года мы выиграли три Кубка. Мы знали, что мы хорошая команда. Тем временем «Бостон» очень хорошо провела серию, обыграв «Монреаль Канадиенс» в плей-офф Кубка Стэнли впервые за сорок пять лет. «Канадиенс» с 1946 по 1987 год выиграла восемнадцать серий против «Бостона» подряд. Для меня это по-прежнему один из самых потрясающих статистических показателей в истории хоккея. Вот что я хочу сказать: подумайте о великих командах с Милтом Шмидтом и Джонни Буциком, а затем, конечно, с Эспозито и Орром.

Мы ожидали, что в финале нам придется встретиться с «Бостоном» или «Монреалем». Хорошая новость заключалась в том, что мы знали, что наш опыт станет для нас большим преимуществом – «Брюинз» будет находиться в той же ситуации, в которой мы были в 1983 году в противостоянии с «Айлендерз». Плохая новость состояла в том, что наши показатели на арене «Бостон Гарден», как команды в целом, так и отдельных игроков, были совершенно ужасны.

Посмотрите на нашу статистику. С 1979 по 1988 год, то есть за девять лет, мы одержали там лишь две победы. Отчасти это связано с тем, что каток там маленький, мы были командой, активно перемещающейся по льду, а «Брюинз» являлась специалистом по использованию своего катка с целью лишать соперника времени и пространства. Но также

следует учитывать, что каждый раз, когда мы встречались с «Бостоном» в течение сезона, мы играли с ней после пяти или шести матчей на выезде. Например, мы могли играть с «Баффало» в четверг вечером, с «Филадельфией» – в субботу и с «Бостоном» – в воскресенье. Мы были профессионалами, поэтому не могли оправдываться. Но все же об этом факторе стоило помнить.

Мы думали: «Эй, они не видели настоящую команду «Эдмонтон Ойлерз». Мы сыграем первые два матча дома, а затем отправимся в Бостон, где мы хорошо покатаемся на коньках и потренируемся. Мы будем отдохнувшими и готовыми к игре». Нельзя сказать, что мы относились к сопернику легкомысленно. У них в команде играли Рэй Бурк, Крейг Дженни и Кэм Нили, который сильно напоминал Кларка Гиллиса. И говоря о парнях, действовать против которых было вовсе не легко, нельзя не упомянуть об игравшем тогда в «Брюинз» Кене Линсмане. А кто защищал ворота «Брюинз»? Энди Муг.

В первых двух матчах в Эдмонтоне мы сыграли по-настоящему хорошо. Хоккейный мир ожидал, что «Бостон» будет действовать в обороне лучше, чем мы – это ведь была их сильная сторона, – и поэтому все удивились тому, насколько хорошо мы играли на своей половине поля. В первом матче мы позволили им сделать четырнадцать бросков и выиграли со счетом 2-1. Во втором матче «Брюинз» совершила двенадцать бросков, и мы победили со счетом 4-2.

Теперь мы направлялись в Бостон на третий матч, и из-за наших показателей там все считали, что ситуация изменится. Но они не знали, что Глен и Джон Маклер заставляли нас смотреть записи матчей «Брюинз», чтобы мы понимали, как нужно действовать на небольшом катке. Например, как выходить из средней зоны меньшего размера. Или, скажем, крайние

нападающие должны быть осторожнее и не спешить выдвигаться вперед при розыгрыше шайбы. В те дни нельзя было делать пас через две линии^[67], поэтому маленькая средняя зона на арене «Бостон Гарден» означала, что нам следовало быть терпеливее и действовать вместе. Но важнее всего было определиться, что делать с Рэем Бурком.

Рэй Бурк играл ключевую роль в обороне. Все в Национальной хоккейной лиге утверждали одно: «Когда вы играете с «Бостоном», не бросайте шайбу в сторону Рэя Бурка. Держите шайбу подальше от Рэя Бурка». А Глен и Джон сказали: «Давайте поступим наоборот. Идите вперед и бросайте шайбу в сторону Рэя Бурка, потому что он передаст ее своему партнеру, и мы тогда сможем действовать против этого парня».

Итак, в течение пяти дней на каждой тренировке один из наших молодых защитников выходил в свитере с номером «7» (кто-то даже написал этот номер у себя на шлеме), и мы отрабатывали передачу шайбы в сторону Рэя. Мы добивались того, чтобы это получалось у нас идеально.

Начался третий матч, и мы начали применять нашу стратегию, думаю, это застало соперника врасплох. В течение многих лет команды направляли шайбу в другой угол, и теперь «Брюинз» вдруг пришлось выяснять, как им приспособиться к нашей новой системе. Наши ребята физически утомили Рэя. Они просто бросали шайбу в его угол и атаковали его – и у нас была большая команда. Тем временем мы каждую смену задействовали Стива Смита против Кэма Нили. Кэм становился лучшим игроком в Восточной конференции. Настоящий бык. Он был бесстрашен и мог забить шестьдесят голов. Но и Стив Смит был большим, сильным парнем. Стив и Кэм сражались друг с другом

четыре с половиной матча. Стив отлично против него поработал.

У моего друга Эйса Бейли был приятель, который владел в Бостоне баром-рестораном под названием «Три Чиэрз». Я сказал: «Эйс, давай устроим вечеринку после четвертого матча. Еда, закуски, шампанское. Нас примерно восемьдесят человек». (Во время плей-офф мы обычно ели в гостинице, где организовывался шведский стол. Наши семьи тоже там присутствовали, поскольку, как я уже говорил, Глен это всячески поощрял. Вспоминая прошлое, я понимаю, почему он так поступал. Это помогало игрокам избавиться от напряжения. Когда вы играете и ваша семья находится на трибунах, вы начинаете волноваться: «Так, а где мои мама с папой будут вечером ужинать? Куда мы направимся после матча?» Глен избавлял игроков от подобного беспокойства.)

В четвертом матче, когда до конца второго периода оставалось около трех с половиной минут, Крейг Симпсон забил гол, и счет стал ничейным: 3-3. И затем все освещение погасло.

На катке стояла кромешная тьма. Примерно через десять минут один из игроков постарше (не помню кто) сказал: «Свет не включат. Матч окончен».

Я подумал: «Окончен? Как это - окончен?»

Мы вернулись в раздевалку, и все были спокойны. Когда мы сели в автобус, я сказал: «Что ж, нам нужно идти в «Три Чиэрз». Для нас же там все организовано!» И вся команда направилась на Конгресс-стрит, рядом с бостонской бухтой. Мы испытывали странное чувство. Мы ели куриные крылышки, луковые колечки и закуски, приготовленные из половинок картофеля, пили пиво и вино, но никто не праздновал. Настроение было не таким, как будто мы проиграли, поэтому никто не был расстроен. Наши чувства можно было описать словами: «Хорошо, теперь что?»

Я через многое прошел в профессиональном и любительском спорте и никогда не видел ничего подобного. Еще более удивительным было то, что пока мы еще сидели в раздевалке, думая, что делать, мы увидели президента НХЛ Джона Циглера по «Си-Би-Си». Он стоял в «Бостон Гарден» со сборником правил. Вокруг него толпилось множество журналистов. Циглер обнаружил, что в 1920-х годах имелось правило, согласно которому в случаях, когда во время матча выключалось и не могло быть восстановлено освещение, он переигрывался полностью. При необходимости должен был пройти пятый, шестой, седьмой и восьмой матчи. И все статистические показатели каждого игрока будут учитываться. Все было четко расписано.

Я повернулся к Марку и спросил: «Это происходит на самом деле? Такое правило действовало все эти годы?» А вот кое-что забавное. Кто-то сказал: «Ну, что бы сделал Глен Саттер?»

Я сказал: «Глен хочет победить». Если бы не было подобного правила, и нам бы сообщили: «Начинаем при счете 3-3», Глен сказал бы: «Начинаем заново». Если бы нам сообщили: «Начинаем заново», Глен бы сказал: «Начинаем при счете 3-3!» Он всегда стремился бы к любому возможному преимуществу.

На следующий день, в девять утра, мы вылетели в Эдмонтон. Мы прекрасно потренировались. В раздевалке наш настрой был таким: «Что ж, у нас еще один матч. Давайте победим».

Мы выиграли со счетом 6-3, но все было не слишком просто. «Брюинз» не собиралась сдаваться и первой забила гол. Но как только мы поднажали и взяли инициативу в свои руки, боевой дух покинул их. Я знал, что это такое. К концу матча Энди Муг защищал свои ворота чуть ли не в одиночку. Он не был виноват в разгромном счете. Просто этот матч показывает, какое

важное значение в хоккее имеет желание победить и воля к победе. Если вы решите, что не в состоянии победить, можете считать матч проигранным. В итоге мы стали в истории НХЛ единственной командой, выигравшей серию до четырех побед в пяти играх, но всухую.

Когда мы выиграли первый Кубок в 1984 году, все происходило как-то хаотично. Люди прыгали на льду, вы не могли толком пошевелиться, все выходило из-под контроля. Когда же мы выиграли четвертый Кубок, болельщики хотели спокойно сидеть и наблюдать. В те дни, когда вы получали Кубок, вы группой ехали по льду. Мы не делали то, что делают победители сейчас: игрок берет Кубок, едет с ним по льду, затем передает его следующему. Можно сказать, что мы передавали его друг другу, когда находились все вместе рядом.

Поэтому, когда мы закончили ездить по льду с Кубком, я огляделся и увидел, что на льду не осталось никого, кроме людей из нашей команды, пиарщиков, скаутов, дополнительных игроков, тренеров и их помощников. Я подумал: «О, нужно сфотографироваться».

Мы собрались все вместе, и я сказал: «Помните, как в 60-х, когда «Лифс» и «Канадиенс» выигрывали Кубок, они фотографировались на льду?» Все ответили: «Да, да! Мы должны сфотографироваться!»

Болельщики были великолепны: они оставались на трибунах, аплодировали и делали фотографии, когда мы собрались вместе на льду, чтобы получился командный снимок. Это в какой-то степени стало традицией. Каждая команда, которая выигрывает Кубок, теперь делает командный снимок на льду. Для меня эта фотография стала особенной, так как я в последний раз был в свитере «Ойлерз».

Многие всегда говорят одно и то же: «О, вы это планировали. Вы знали, что вас обменяют в другую

команду. Я же понятия об этом не имел. Мой отец знал, но сказал мне об этом в тот вечер позднее: «Знаешь, тебя обменяют».

В августе того года меня обменяли в «Лос-Анджелес Кингз», но у «Эдмонта» все еще оставалось сильное ядро игроков во главе с Мессом и Кевином Лоу. Ваши лучшие игроки, костяк команды, как правило, несут основную нагрузку. Обычно входящие в этот костяк игроки проявляют свои лучшие качества примерно в возрасте от двадцати трех до двадцати девяти лет. В 1988 году Марку было двадцать семь, а Кевину – двадцать девять. «Эдмонтон» находился на вершине в течение двенадцати лет, потому что в течение этого периода Глен (как и Серж Савар или Скотти Боумен) экспериментировал с несколькими игроками, чтобы влить в команду новую энергию, новую кровь и новые эмоции, но нельзя менять всех ключевых игроков. Посмотрите на успех, скажем, «Флайерз» или «Канадиенс» в 70-е годы – руководство команды не меняло ключевых игроков. Джек Адамс, генеральный менеджер Горди Хоу в «Детройте», всегда говорил, что команда может оставаться на вершине в хоккее в течение пяти лет, а затем все разваливается. Я не согласен. Я считаю, что с хорошей группой ключевых игроков команда может быть лучшей и десять лет.

В 1989/90 г. «Ойлерз» внесла некоторые изменения в состав. Грант Фюр пропустил первые десять игр из-за аппендицита, а затем повредил плечо. Это открыло дверь для Билла Рэнфорда. Глен Саттер обменял Джимми Карсона (который попал в «Эдмонтон», поскольку именно на него меня обменяли в «Лос-Анджелес Кингз») в «Детройте» вместе с Кевином Макклелландом на Петра Климу, Адама Грейвза, Джо Мерфи и Джеффа Шарплеса. «Ойлерз» заняла пятое место, а Месс набрал 129 очков и стал по этому показателю вторым в лиге.

В плей-офф «Ойлерз» уступала в серии «Джетс», но затем выиграла три матча подряд и прошла дальше. Она обыграла и «Чикаго», а затем в финале встретилась с «Брюинз». Первый матч той серии стал самым долгим в истории финалов Кубка Стэнли. Петр Клима большую часть игры провел на скамейке, поэтому к третьему овертайму он оказался вообще единственным игроком в матче, который не был измотан. Он забил гол, и «Ойлерз», победив в серии в четырех матчах и проиграв в одном, получила свой пятый Кубок. Билл Рэнфорд завоевал приз Конна Смайта за блестящую игру в воротах в плей-офф.

В сезоне 1990/91 г. положение «Ойлерз» начало немного ухудшаться. Яри Курри не смог получить контракт, который он хотел, поэтому стал выступать за хоккейный клуб «Девилз Милано» в Италии в течение года, а Грант Фюр пропустил пятьдесят девять матчей. «Ойлерз» все еще была достаточно сильна, чтобы победить «Флеймз» в семи матчах и нас – в шести, но потом она проиграла «Миннесоте». «Миннесота» в том году выступала гораздо лучше, чем от нее ожидали, пока не споткнулась о «Пингвинз», в составе которых выступали Марио, Ягр и Рон Фрэнсис.

Перед следующим сезоном (1991/92 г.) «Ойлерз» обменяла Глена Андерсона и Гранта Фюра в «Торонто». Стива Смита обменяли в «Чикаго». Права на Яри были переданы «Филадельфии». Чарли Хадди затребовала себе «Миннесота» во время драфта расширения. А Месса обменяли в «Рейнджерз», где он в конечном счете помог им выиграть их первый за пятьдесят четыре года Кубок Стэнли. Дни династии «Ойлерз» закончились.

35. Вчера, сегодня и завтра

Не знаю, увидим ли мы когда-нибудь еще одну династию, похожую на «Ойлерз». Это не хвастовство. Просто я думаю, что сегодня труднее создать такой состав, чем в 1979 году. С тех пор, несомненно, были особенные команды, и «Детройт Ред Уингз» почти достигли соответствующего уровня, но лига сейчас другая. Победить в сегодняшней НХЛ труднее уже потому, что сложнее попасть в плей-офф. Вы видите, как команды выигрывают Кубок, а на следующий год даже не могут выйти в плей-офф. И когда вы наконец собрали команду, способную побеждать, гораздо сложнее сохранить этот состав.

Команда, которая сегодня, возможно, ближе всего находится к статусу династии, – это «Чикаго Блэкхокс». «Хокс» за шесть лет выиграли три кубка, и хотя уступили в первом же раунде плей-офф 2016 года, у них по-прежнему остается потенциал, позволяющий им достичь большего. Каждый раз, когда они теряют ветерана в связи с лимитом зарплат, им, по-видимому, удается находить новых звезд. Они теряют вратаря Антти Ниemi, затем находят Кори Кроуфорда, лишаются Патрика Шарпа, находят Артемия Панарина, оказываются без Брэндона Саада, но им удается получить Артема Анисимова и Эндрю Лэдда. С одной из самых сильных ключевых групп, состоящей из Джонатана Тейвза, Патрика Кейна, Дункана Кита и Брента Сибрука, они просто продолжают выигрывать даже в ситуации с лимитом на зарплату.

Стэн Боумен, генеральный менеджер «Чикаго», – сын Скотти. Стэн всегда был заинтригован работой Скотти, и в детстве, когда Скотти разговаривал по телефону, он сидел рядом и слушал. Потом он

спрашивал: «Почему это происходит? Что это значило? Почему ты это сказал?» Еще до того, как он поступил в колледж в университете Нотр-Дам, чтобы изучать финансы и компьютерные приложения, у него была летняя работа в качестве помощника биржевого аналитика. Он целыми днями сидел в комнате и занимался анализом данных.

Стэн очень хотел получить работу, связанную со спортом. Поэтому он отправлял свое резюме командам и игрокам и получил ответ от «Блэкхокс». Генеральный менеджер Майк Смит сам когда-то работал на компьютере и в 2001 году взял к себе Стэна, чтобы тот узнал, что к чему. Стэн приносил кофе, а также делал для Майка все что мог.

В 2003 году Майка уволили и заменили на Дейла Тэллона, который пришел в команду в качестве игрока в 70-х годах и много лет работал в руководстве команды. Стэн начал работать на Дейла, консультируя его по поводу различных правил и процедур. В июле 2009 года Дейл был уволен, и Стэна назначили генеральным менеджером.

Некоторые люди хотят сразу же заняться важными аспектами какого-либо дела, но Стэн предпочитает не торопиться. Спонтанные и легко предсказуемые сделки в середине сезона – не его стиль. Но в феврале 2015 года сложилась ситуация, когда правый крайний нападающий «Чикаго» Патрик Кейн, набравший шестьдесят четыре очка в шестьдесят одном матче, сломал ключицу после того, как Алекс Петрович сильно толкнул его клюшкой прямо на борт. Таким образом, Патрик выбыл из строя на оставшуюся часть сезона. Стэн включил Патрика в список долгосрочно травмированных (благодаря этому Патрик мог получать зарплату, но она не учитывалась в общей сумме зарплат, которые получали игроки основного состава). Это развязало ему руки на пару миллионов долларов.

Затем он совершил сделку с «Койотс»: право выбора на драфте в первом раунде и защитника Класа Дальбека в обмен на центрального нападающего Антуана Верметта. Верметт помог «Хокс» выиграть Кубок, а затем вернулся в «Аризону» в качестве свободного агента. Это была взаимовыгодная сделка, которая сильно напоминала то, что мог сделать Сэм Поллок.

Благодаря лимиту зарплат в лиге сейчас гораздо больше равенства. Этот лимит стал результатом локаута в НХЛ в 2004/05 г.: комиссар НХЛ Гэри Беттмен хотел (и за это я им восхищаюсь), чтобы каждая команда, будь то «Оттава» или «Аризона», могла конкурировать с «Филадельфией», «Рейнджерз» и «Торонто». Если у вас тридцать команд, но только шестнадцать из них могут зарабатывать как следует, это просто уничтожит остальные четырнадцать команд. Как это способствует развитию хоккея? Но теперь, благодаря лимиту зарплат, у вас есть шанс выиграть Кубок Стэнли независимо от того, насколько велик ваш хоккейный рынок.

До введения лимита команды могли тратить столько, сколько хотели на сохранение династии навсегда, но, очевидно, этого не произошло. Вспоминая лучшие времена «Торонто Мейпл Лифс» в 60-е годы, стоит отметить, что противоречия раздирали прекрасные команды – и не только из-за денег, но и из-за личностей. У «Лифс» были отличные игроки, такие, как Дейв Кеон, Тим Хортон, Карл Брюэр и вратарь Джонни Бауэр. У них также был Фрэнк Маховлич, один из самых талантливых игроков той эпохи. Маховлич был настолько хорош, что вместо Бобби Халла стал лучшим новичком года. Фрэнк забил сорок восемь голов в своем четвертом сезоне – рекорд для снайперов «Лифс» на тот момент, который продержался двадцать один год. В 1962 году «Лифс» выиграла Кубок Стэнли, а затем перед тренировочным лагерем осенью того года

пришло время продлить контракт Маховлича. Но он и Панч Имлах^[68] не могли договориться, поэтому Маховлич покинул тренировочный лагерь.

«Чикаго Блэкхокс» узнала о споре и предложила «Лифс» за Маховлича миллион долларов. Новость об этом попала на первые полосы газет. Сначала совладелец «Лифс» Гарольд Бэллард согласился на сделку и принял десять стодолларовых купюр в качестве первого взноса. Но на следующее утро владельцы команды передумали, и Бэллард отказался от сделки. «Лифс» согласилась на условия Маховлича по поводу контракта.

Но Панч Имлах так и не забыл о том, что считал предательством и непослушанием со стороны Маховлича. Имлах постоянно изводил Фрэнка, говоря ему, что он не раскрывает в игре весь свой потенциал. Он неправильно произносил его фамилию и всячески его подавлял. Он сделал жизнь Маховлича несчастной. Все стало настолько плохо, что в 1964 году Маховлич пропустил месяц из-за депрессии. Его врач сказал ему, что у его депрессии есть имя, и это имя – Панч Имлах.

Маховлич стал лучшим бомбардиром «Лифс» в плей-офф, когда они выиграли Кубок в 1964 году, и был в числе ведущих бомбардиров, когда они снова выиграли в 1967-м, но 3 марта 1968 г., как раз перед плей-офф, Имлах обменял его в «Детройт» вместе с Питером Стэмкауски и Гарри Унгером на Норма Ульмана, Пола Хендерсона и Флойда Смита. Сделка также включала права на защитника Карла Брюэра, который тоже не ладил с Имлахом. Он сидел на скамейке запасных с 1965 года.

В сезоне 1968/69 года Маховлич играл в звене с Горди Хоу и Алексом Дельвеччо и забил сорок девять голов. Он играл еще полтора года в «Детройте», а затем

был обменян в «Монреаль», где выиграл еще два Кубка Стэнли.

Стэффорд Смайт уволил Имлаха в конце сезона 1968/69 г., обвинив его в том, что он ослабил команду. Имлах сказал, что когда-нибудь он заставит Смайта взять свои слова назад. В следующем, 1970 году, когда «Баффало» и «Ванкувер» наконец влились в лигу, Имлаха взяли в качестве тренера и генерального менеджера в «Баффало Сейбрз». На драфте он в первую очередь взял будущую суперзвезду Жильбера Перро. В 1975 году «Баффало» стала победителем конференции принца Уэльского в финальной игре сезона. Она обыграла «Лифс».

В 1980-х годах у «Калгари Флеймз» судьба складывалась по аналогичному сценарию. Они были невероятно сильной командой. Генеральный менеджер Клифф Флетчер начал заключать контракты с игроками из американских студенческих команд, которые не попали на драфт. Он обменял некоторых этих игроков на Джоуи Муллена и Дуга Гилмора из «Сент-Луиса». Затем он выбрал на драфте нескольких отличных игроков: Джо Нуиндайка, Гэри Робертса, Хакана Лооба, Майка Вернона, защитников Эла Макинниса, Гэри Сутера и Тео Флери, который был выбран под общим номером 166. У «Флеймз» было столько талантливых игроков, что она обменяла Бретта Халла, чтобы усилить оборону. Обладая таким количеством одаренных игроков, жесткостью и характером, «Калгари» в 1986 году вышла в финал Кубка, а в 1989-м выиграла его.

Если бы состав этой команды сохранился, она продолжила бы быть серьезным соперником, возможно, даже стала бы династией. Но так же, как у Фрэнка Маховлича в 60-х годах, у Дуга Гилмора истекал контракт, и он стремился к справедливой оплате. Несмотря на то что Эл Макиннис благодаря своим щелчкам от синей линии набрал тридцать одно очко и

получил приз Конна Смайта в тот год, когда «Флеймз» выиграла Кубок Стэнли, Дуги тоже внес огромный вклад. Он забил два гола в третьем периоде решающего матча в финале 1989 года и помог «Флеймз» стать первой командой, выигравшей Кубок на арене «Форум» в Монреале в матче против «Канадиенс».

Но Клифф Флетчер не хотел большой разницы в оплате игроков: он считал, что это портит отношения в команде. В середине 1980-х на зарплату игрокам «Флеймз» выделялось 5 млн долларов, не важно, были ли вы Кентом Нильссоном или Тимом Хантером. Философия Флетчера заключалась в следующем: «Я не хочу платить своим лучшим игрокам слишком много и не хочу платить обычным игрокам слишком мало». Затем в 1991 году Флетчер перешел в «Лифс», а Дуг Рисebro заменил его на посту генерального менеджера «Калгари». Рисebro играл с Иваном Курнуайе в «Монреаль Канадиенс», когда они четырежды выиграли Кубок Стэнли в 1976–1979 годах, и он продолжал говорить Дуги Гилмору, что хочет, чтобы тот стал его Курнуайе. Гилмор ответил, что его устраивает подобное предложение, если ему будут платить столько же, сколько Курнуайе. Переговоры застопорились. Они спорили из-за разницы в 100 000 долларов. Забив гол и сделав результативную передачу во время победного овертайма в состоявшемся накануне Нового года матче против «Монреалья», Дуги ушел на следующий день – 1 января 1992 года.

Рисebro вырос в системе «Монреаль Канадиенс», и преданность команде была для него самым главным. Он позвонил Клиффу, и они договорились о сделке – Дуг Гилмор, опытные защитники Джейми Макаун и Рик Наттресс, вратарь Рик Уэмзли и перспективный Кент Мандервилл будут обменяны на Гэри Лимана, Крейга Беруби, защитников Александра Годынюка и Мишеля Пети и вратаря Джеффа Риза.

Лиману, который забил пятьдесят один гол двумя сезонами ранее, выступая за «Лифс», в «Калгари» было непросто. Он забил всего два гола в оставшейся части сезона 1992 года, а затем только девять, прежде чем попал в «Монреаль» в январе 1993 года. Игрок, забивший одиннадцать голов за два сезона, менялся на Дуга Гилмора, который один сезон за другим набирал по сто очков, выступая за «Лифс».

Этот обмен ознаменовал начало долгого упадка «Флеймз».

Рисebro по-прежнему было трудно найти общий язык со многими своими игроками, включая Эла Макинниса, несколько лет успешно выступавшего в «Сент-Луисе» и выигравшего золотую олимпийскую медаль; Гэри Сутера, который в 1996 году был в команде, выигравшей Кубок мира по хоккею, и в двух олимпийских сборных США; и Майка Вернона, выигравшего еще один Кубок Стэнли в «Детройте» в 1997 году. Рисebro оценивал их рыночную стоимость очень низко. Переговоры с Верноном прошли настолько плохо, что тренер Дэйв Кинг пришел в кабинет Дуга и сказал: «Оставьте его в покое. Это повлияет на его игру».

«Флеймз» не удавалось выправить ситуацию вплоть до 2004 года, когда они превзошли все ожидания и вышли в финал Кубка Стэнли. Между тем прибытие Гилмора в «Торонто Мейпл Лифс» сразу превратило их из команды, которая не попадала в плей-офф, в настоящего претендента на Кубок Стэнли.

Один или два таких парня, как Гилмор, ребята с характером, могут изменить всю команду. Для «Чикаго» таким парнем стал Джонатан Тейвз. Тейвз – лидер и связующий элемент. Каждый знает его историю и то, как он берет на себя ответственность, как играет и какой он хороший товарищ по команде. Когда он стал капитаном «Хокс» в двадцать лет, он оказался третьим

самым молодым капитаном в истории НХЛ после Сиды Кросби из «Пингвинз» и Винсента Лекавалье из «Тампа-Бэй», которым было девятнадцать.

Вокруг Тейвза такие ребята, как Brent Сибрук и Дункан Кит, стальной конь обороны «Чикаго». Он очень напоминает мне Брайана Лича, одного из лучших игроков, с которым я когда-либо играл. Брайан был парнем с сердцем чемпиона, и именно так играет Дункан. Есть также Патрик Кейн. Мы играем в эпоху, когда все говорят, что ты должен быть большим и быстрым. Дело не в том, что Кейн не быстр, но он не самый быстрый и не самый большой. Но у него уникальное чувство хоккея. Это нечто особенное – я не знаю, есть ли что-либо сопоставимое. Он – сам себе хозяин. Он может замедлить игру, подстраивая ее под свой собственный темп и вынуждая подстраиваться под него всех пятерых соперников, а затем резко увеличить скорость. У него также самые умелые руки в хоккее. Я никогда не видел, чтобы кто-то делал с шайбой то, что делает он.

У «Эдмонтона» есть Коннор Макдэвид. Он уже начал играть роль лидера и облегчать ситуацию для других ребят. Команды могут стать великими, только если в них есть парни, которые помогают им быть великими. Отличный игрок может повести команду за собой. Это делали Orr, Хоу, Беливо, Ришар и, надеюсь, сделает Макдэвид.

Если вы посмотрите на «Ойлерз», пытающихся найти свой путь (уже в течение последних нескольких лет), вы увидите много изменений – меняется тренер, меняется это, меняется то. Подобное происходит из-за отсутствия развития. Но думаю, что теперь дела пойдут в гору с Макдэвидом в качестве центрального нападающего и такими парнями, как Дарнелл Нерс (игрок, напоминающий Кевина Лоу), Оскар Клефбом (хороший защитник, их Чарли Хадди) и Джордан

Эберле, который, возможно, напоминает Крейга Симпсона. Что же касается роли Райана Нюджента-Хопкинса в команде и его важности для нее, думаю, что он будет как любой центральный нападающий третьего звена нашей эпохи, Марк Лэмб или Кенни Линсман.

Макдэвид делает всех вокруг себя лучше. Он действительно умный парень. Мне говорят, что игроки уже смотрят на него, и он реагирует на это скромно, что дает остальным игрокам лишь больше оснований стремиться брать с него пример. Рядом с таким парнем игроки будут развиваться. Ключевой игрок не может просто взять и превратить в звезд остальных игроков – как-никак люди такие, какие они есть, – но сильные стороны этого игрока проявятся в тех, кто его окружает, и благодаря этому команда сможет развиваться дальше.

Драфт в хоккее – самое главное. Он чрезвычайно важен – ведь именно с его помощью вы строите фундамент команды. Посмотрите, кого выбрала «Ойлерз» на драфтах в 1980-е годы: Мессье, Андерсона, Курри, Фюра, Коффи. Состав «Монреалья» 1975/76 года, выигравший Кубок Стэнли, был в значительной степени создан в рамках системы «Хабс». В том составе было столько хороших игроков, что у «Монреалья» фактически было две команды.

Сегодня из-за лимита на зарплату истинная ценность игрока на драфте максимизируется, когда игрок развивается и повышает свой уровень. Таким образом, команда может пополнять свой состав игроками, заключая с ними контракты начального уровня. Если эти игроки занимают высокие позиции на драфте, то, попав в команду, они должны становиться частью основного состава, поскольку ветераны, несущие основную нагрузку, – игроки на семь, восемь или девять миллионов долларов.

Выбор на драфте Патрика Кейна, Коннора Макдэвида, Стивена Стэмкоса и Тейлора Холла не является трудным. Вы знаете, что получаете. По-настоящему важным для франшизы становится выбор во втором, третьем и четвертом раундах. «Монреаль Канадиенс» в 1981 году выбрали Криса Челиоса во втором раунде; «Чикаго Блэкхокс» взяли в 2002 году Дункана Кита, а в 2005 году «Колорадо Эвеланш» взяли во втором раунде Пола Штястны. Среди взятых в третьем раунде Крис Летанг (2005 г.) и Брэд Маршанд (2006 г.). Игроки, взятые в четвертом и пятом раундах, такие, как Брэйден Холтби (2008 г.) и Кевин Биекса (2001 г.), должны суметь вписаться в свои команды и стать важной частью их успеха.

И нельзя не сказать о выгодных приобретениях. Дуги Гилмор был выбран под общим 134-м номером в 1982 году; Люка Робитайла «Лос-Анджелес Кингз» взяла в 1984-м под 171-м; Джейми Бенна «Даллас» в 2007-м взял под 129-м номером; Джонни Гудро был выбран в 2011 году «Калгари» под 104-м, и в том же году Эндрю Шоу был выбран «Чикаго» под 139-м номером.

Я расскажу вам забавную историю о драфте. Генеральный менеджер «Питтсбург Пингвинз» Крэйг Патрик выбрал Яромира Ягра под общим пятым номером в 1990 году на драфте в Ванкувере. Ягра, прежде чем его выбрал Патрик, отказались брать четыре другие команды, потому что Ягр сказал им, что он не собирается покидать Чехословакию. Он сообщил этим четырем командам, что играет за команду своего отца в Кладно и не хочет играть в НХЛ. А «Пингвинз» же он сказал: «Если вы меня выберете, я приеду завтра». Дело было в том, что он боготворил Марио Лемье и тайно хотел играть с ним.

Это еще одна причина, из-за которой сейчас сложно построить династию. «Питтсбург» выбрал Ягра, но и Ягр выбрал «Питтсбург». И даже в большей степени

подобное можно сказать о свободных агентах. Ребята хотят идти туда, где они будут иметь наибольший успех, и кто может их винить? Некоторые команды знают, как побеждать, и если бы я был развивающимся игроком, я бы хотел пойти туда, где из моей напряженной работы будет извлечена максимальная польза. Но следует помнить и о другом аспекте: некоторым командам будет трудно удержать выбранных ими парней, которым они помогли развиться, если они не смогут убедить этих ребят, что остаться у них – в их же интересах.

36. Я просто люблю играть

В свои ранние годы в НХЛ я часто находился рядом с Бобби Халлом, Горди Хоу, Филом Эспозито, Ги Лефлером и Жаном Беливо. Они очень хорошо ко мне относились. И я хотел проводить с ними как можно больше времени – на катке, в ресторане, где угодно, чтобы они поделились со мной своими знаниями о том, как добиваться индивидуального и командного успеха.

Как лидер Жан Беливо был спокойным и сосредоточенным и всегда старался подавать личный пример. За несколько лет до того, как Жан умер в 2014 году, кто-то спросил его, каким он хочет остаться в памяти людей, и Жан ответил: «Я хочу, чтобы меня запомнили как командного игрока». Это говорит о многом. Он не сказал: «Я хочу, чтобы меня запомнили как парня, который забросил более пятисот шайб». Он не упомянул о своих рекордах. Жан хотел, чтобы его считали командным игроком. Именно им он и был.

Когда я в 1998 году был в «Нью-Йорке», я узнал, что «Ракета» хочет увидеться со мной перед матчем, который должен был состояться вечером. Примерно в половине пятого в комнату вошел один из тренеров и сказал: «Ракета» здесь».

Когда я вышел к нему, он вручил мне копию прекрасного приза Мориса Ришара. На этом призе можно видеть золотую фигуру «Ракеты» с клюшкой на льду. НХЛ получила этот приз в том году, и он будет присуждаться ежегодно ведущему бомбардиру. Морис сказал: «Уэйн, я знаю, что ты никогда не выиграешь этот приз, но я хочу, чтобы он у тебя был. Ты должен был его выиграть».

По сей день это единственный приз, который есть у меня дома. Он стоит на книжной полке в нашем

кабинете рядом с кухней. Куда бы вы ни пошли в доме, вы обязательно увидите этот приз.

Недавно у меня был прекрасный ужин с Алексом Овечкиным, который напомнил мне меня самого, когда я впервые встретил Горди Хоу. Я задал Горди тысячу вопросов, как и Алекс мне: «Как вы готовитесь? Что едите перед игрой? Что думаете об этом парне? Сколько дней в неделю тренируетесь?»

Раньше говорили, что, если вы не выиграете Кубок Стэнли, не попадете в Зал славы. Сейчас выиграть Кубок сложнее. Число команд возросло, и благодаря лимиту на зарплаты между ними больше равенства. Таким образом, в нынешнюю эпоху вы можете попасть в Зал и без Кубка, но, если вы его выиграете, это станет даже еще большим достижением. Алекс отчаянно хочет выиграть Кубок Стэнли. Это все, о чем он думает, все, что для него важно. Думаю, что, когда большинство парней приходит в НХЛ, они в некотором смысле находятся в режиме выживания, стремясь просто остаться в лиге. Затем, когда они начинают добиваться успеха, их настрой меняется, и они хотят внести решающий вклад в игру своей команды. И потом они хотят выиграть чемпионат. Именно на этом этапе и находится сейчас Алекс.

Мы говорили о том, что требуется для победы, каким особым моментом она является и насколько важно поднять над головой Кубок Стэнли. Алекс – приятный молодой человек, и я испытываю к нему большую симпатию. Я сказал ему, что, когда он будет участвовать в финальном матче и соответственно будет иметь шанс выиграть Кубок Стэнли, мы с Джанет тоже там будем.

У меня была возможность спокойно посидеть и поговорить и с другими парнями следующего поколения. Хоккей изменился (он сейчас не такой, как в 80-е годы, а в 80-е годы игра отличалась от той, что

была в 50-е), но сами игроки сильно не изменились. Я по-прежнему вижу волю к победе, напористость, самоотверженность, вижу, на какие жертвы они идут. И в те моменты, когда это необходимо, лучшие игроки способны максимально выложиться и сыграть на более высоком уровне. Ничего из этого не изменилось.

Я всегда помнил, что сказал Горди Хоу, когда в 1979 году мы играли против московского «Динамо». Мы говорили о том, чего ожидать, и Горди сказал: «Делай лишь одно: играй так, как ты всегда играл. Передавай шайбу Марку и мне, и все будет в порядке». Не прошло даже двух минут матча, как Горди получил шайбу и направил ее мне. Я отдал ее Марку, Марк передал ее Горди, Горди снова отдал ее мне, и я забил гол. После матча я сказал: «Горди, господи, ты действительно так хорош».

Он ответил: «Знаешь, Уэйн, я просто люблю играть, а если ты любишь играть, происходит что-нибудь хорошее».

Марк Мессье говорил: «В хоккее нет ничего, что бы мне не нравилось». Я чувствовал то же самое – ты ходишь на тренировки, находишься в раздевалке, сидишь на скамейке, играешь в больших матчах. Были годы, когда я участвовал более чем в 130 играх: предсезонка, Кубок Канады, плей-офф и еще четырнадцать показательных матчей. Мы играли в Хьюстоне, Сан-Антонио, Далласе, Цинциннати. Это места, где стремились развивать хоккей. Мы с Марком Мессье участвовали в каждом таком матче, потому что люди платили деньги и приходили, чтобы увидеть нас. Кто-то мог копить на билет целый год или ехать на каток несколько часов, чтобы посмотреть, как мы играем. Мы должны были показать себя с лучшей стороны. Вдруг кто-то из ребятшек впервые пришел посмотреть хоккей.

Мать моего отца, моя бабушка Мэри, впервые повела меня на матч НХЛ незадолго до того, как мне исполнилось восемь. Этот матч проходил на «Мейпл Лиф-Гарденс». «Лифс» играла с «Окленд Силз». 1 января 1969 года папа привез нас из Брантфорда на арену «Гарденс» в Торонто. У него был голубой «Понтиак», который пыхтел так сильно, что у меня всю дорогу сводило живот. Успеем ли мы на матч, или машина сломается и мы пропустим всю игру?

Папа высадил нас перед ареной и сказал: «Я заберу вас здесь, когда все закончится». Думаю, он нервничал, потому что я был таким маленьким, а бабушка – пожилой. Ей было всего пятьдесят девять. Для меня сейчас это не слишком большой возраст, но помню, как я смотрел на нее и думал, что она уже старенькая леди. Это забавно, потому что мне сейчас за пятьдесят и у меня самого уже есть внук.

Мы сидели в самом верхнем ряду на серых местах прямо напротив скамьи запасных «Силз» между красной и синей линиями на той стороне, где телевизионные камеры снимают материал для передачи «Хоккейный вечер в Канаде». Когда игроки «Лифс» вышли на лед для разминки, я не мог поверить, насколько синей была их форма. До этого я смотрел их матчи только по черно-белому телевизору.

«Торонто Мейпл Лифс» выиграла Кубок двумя годами ранее. В команде у них играли Дэйв Кеон, Рон Эллис, Норм Ульман, Пол Хендерсон, Мюррей Оливер, Боб Пулфорд и Тим Хортон. «Силз» же как команда появилась всего двумя годами ранее, во время расширения лиги. Игроки «Торонто» бросали по воротам почти в два раза больше, чем «Силз», но для меня все это было невероятно захватывающим.

Окончательный счет был 7-3. Моя бабушка встала, собираясь уходить, и я сказал: «Мы не можем уйти, я должен увидеть трех лучших игроков». По телевизору

вы только видите, как они подъезжают к диктору, но в реальной жизни они сидят на скамейке и выходят на лед, когда называют их имена.

Если не ошибаюсь, первым лучшим игроком стал Рон Эллис. Когда мы уходили с катка, я сказал бабушке: «Это был самый лучший вечер. Я хочу когда-нибудь играть здесь в хоккей». Это был первый раз, когда я кому-то сказал о желании стать игроком НХЛ. Бабушка посмотрела на меня и кивнула: «У тебя это получится, Уэйн. Вот увидишь».

Благодарность

Данная книга посвящается Джанет Джонс Гретцки, моей чудесной жене, которая со мной уже почти тридцать лет. Без нее многое было бы невозможным, например, у нас не было бы наших замечательных детей: Паулины, Тая, Тревора, Тристана, Эммы и родившихся сравнительно недавно Дастина и Татума.

Я хочу поблагодарить всю нашу большую семью за то, что она была со мной во времена взлетов и падений. Мама и папа были со мной с самого начала, и если бы не их любовь, поддержка и советы, я не стал бы таким сыном, братом, отцом и мужем, каким являюсь сегодня. Также я благодарен моим дедушкам и бабушкам, Гарольду и Бетти Хокин, Тони и Мэри Гретцки, которые всегда были готовы помочь нашей семье. И я очень признателен моей теще Джин. На нее всегда можно было положиться в трудную минуту, и она стала самой замечательной бабушкой для всех наших детей. Мои братья Глен, Brent и Кит также были рядом, и я мог делиться с ними своими идеями, чтобы узнать их мнение. Также они помогали мне по-новому смотреть на те или иные ситуации.

Я также признателен своей коллеге Кирсти Дэй, которая помогала мне в написании данной книги с того самого момента, когда у меня только появилась подобная идея. Благодаря ей эта идея превратилась в книгу, которой я горжусь. Мы с Кирсти хотели бы выразить признательность следующим людям за их помощь в сложном, иногда изматывающем, но невероятно интересном процессе написания и издания книги:

Кларе Герзон, моей правой руке и финансовому директору в WDG Enterprises, моему агенту Айре Штальбергеру из WME | IMG и его замечательной коллеге Жанелль Миллер, Джею Мэнделу из литературного отдела WME, Алисии Глекас Эверетт из WME Business Affairs и Лорен Шонкофф, невероятной помощнице Джея. Контентной команде Кирсти: внештатному автору и редактору Ларри Дэю, главному исследователю Кейтлин Кэнигин, хоккейному эксперту и специалисту по проверке фактов Рону Уайту, Джули Синклер, Стиву Маклеллану и Максусу Синклеру, а также Лену Гликману из Cassels Brock Lawyers.

Издательство Penguin благодарит редактора Ника Гаррисона, который не покладая рук работал над этой книгой и чья не знающая границ решимость помогла первоначальной идее воплотиться в жизнь, издательницу Николь Уинстенли, которая помогала нам в решающие моменты, президента Кристин Кокрейн, Дэвида Росса, Джастина Столлера и Лиз Ли. Все они старательно работали над тем, чтобы книга была издана.

Я выражаю особую признательность своему другу Кевину Лоу, Эдди Мио и Бобу Николсону, Дон Метцу и Тому Брэйду из Oilers Entertainment Group. Спасибо моему другу и доверенному лицу Майку Барнетту, также Брюсу Беннетту, Энди Мугу, Крэйгу Патрику, Скотти Боумену, а также:

*Кэти Бэйли
Чарльзу Баркли
Реду Беренсону
Киму Клэксону
Бобби Кларку
Кэму Коннору
Рональду Кори
Джимми Крейгу*

Джо Дейли
Шейну Доану
Питеру Дрисколлу
Дэйву Драйдену
Теорену Флери
Керри Фрейзеру
Майку Гартнеру
Блейку Жеффриону
Дэнни Жеффриону
Марлен Жеффрион
Тони Гранато
Рэнди Греггу
Гленну Холлу
Алю Гамильтону
Крейгу Хартсбургу
Келли Хруди
Пэту Хьюзу
Дику Ирвину-мл.
Крейгу Кэмпбеллу
и Залу славы хоккея
Кертису Джозефу
Реду Келли
Эду Киррейну
Джеку Киррейну
Пауле Киррейн
Адаму Костису
Майку Крушельницки
Яри Курри
Брайану Личу
Клоду Лемье
Кену Линсману
Рону и Кэри Маклин
Кевину Макклелланду
Уэнди Маккрири
и организации NHL Alumni
Биллу Маккрири-мл.

Брюсу Макналлу
Марти Максорли
Барри Мелроузу
Джону Мио
Ренни Мио
Ларри Мерфи
Бинтуронгу Мюррею
Стиву Карлсону
Дане Карви
Рону Чипперфилду
Джону Маклеру
Лу Нану
Берни Николсу
Джиму Ниллу
Терри О'Моли
Уилли О'Ри
Дину Патрику
Джейми Бело Патрику
Кэри и Джерри Прайсу
Брайану Проппу
Дугу Рисebro
Джерри Роллинзу
Терри Русковски
Джо Сакику
Глену Саттеру
Фреду Сасакамузу
Кену Шинкелю
Эдди Шаку
Дэйву Семенко
Джею Синклеру
Бренту Саттеру
Майку Вернону
Джули Фолк Уолду

* * *

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ, ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:

<https://eksmo.ru/b2b/>

Звоните по телефону:

+7 495 411-68-59, доб. 2261

notes

Примечания

1

Период с 1942 по 1968 г., в течение которого НХЛ неизменно состояла из шести команд: «Бостон Брюинз», «Чикаго Блэкхокс», «Детройт Ред Уингз», «Торонто Мэйпл Лифс», «Нью-Йорк Рейнджерз» и «Монреаль Канадиенс», многими болельщиками, и не только старшего поколения, признается лучшими временами североамериканского хоккея. Строго говоря, первоначальным этот состав лиги не является, поскольку в ее учреждении в 1917 г. участвовали лишь два члена шестерки, «Монреаль» и «Торонто», но устоявшийся английский оборот Original six альтернатив переводчику не оставляет.

«Разбойники с большой дороги» - прозвище команды «Филадельфия Флайерз», которое она получила из-за того, что все свои домашние матчи проводит на улице Брод-стрит (Broad Street), название которой можно перевести как большая дорога.

3

То есть в 2016 г.

4

Ontario Hockey Assosiation.

Упомянутые в оригинале североамериканские меры длины и веса по всему тексту переведены в метрические. В дальнейшем такие замены специально не оговариваются.

6

«Хабс» – прозвище команды «Монреаль Канадиенс» (*Habs* – сокращ. от *Les Habitants* – здешние, местные).

7

«Монреаль Форум» – спортивная арена в Монреале, Квебек (Канада).

8

НАСС (*англ.* NCAA) – Национальная ассоциация студенческого спорта.

9

Шорт-стоп - в бейсболе игрок обороняющейся команды, находящийся между второй и третьей базами.

10

Сверхштатная (по тексту также добавленная, дополнительная, новая и т. п. в зависимости от контекста) команда (expansion team) – команда, создаваемая с целью расширения лиги.

11

Наименование авиации сухопутных сил Великобритании в течение большей части Первой мировой войны. В апреле 1918 г. Королевский летный корпус был объединен с Королевской службой морской авиации в Королевские ВВС (RAF).

12

Вообще говоря, в условиях Первой мировой войны остановить контратаку мало-мальски значительных сил противника одним револьвером можно было лишь его применением (или угрозой применения) по пришедшим в замешательство собственным солдатам.

Прозвище «Рейнджеры Текса» связано с тем, что по-английски фраза «Техасские рейнджеры» звучит почти так же, как «Рейнджеры Текса».

В других источниках рост Джонсона указан как 180 см.

Прозвище «Хлебное Звено» (*англ.* Bread Line) связано с прозвищем «Бан» Фредерика Джозефа «Бана» Кука (одно из значений *англ.* bun - булочка), а также с тем, что фамилии всех трех игроков этого звена (Фрэнка Буше, Билла Кука и «Бана» Кука) имеют некоторое отношение к еде. Boucher (Буше) по-французски - мясник, cook (Кук) по-английски - готовить (пищу).

16

Тремя десятилетиями ранее, на московском чемпионате мира 1957 г., этот прием с успехом использовал в матче со сборной СССР шведский нападающий Свен Тумба-Юханссон.

17

Бэкчекер – хоккеист, возвращающийся в свою зону и пытающийся отобрать шайбу у соперника.

АИНХЛ (*англ.* NHLPA) – Ассоциация игроков НХЛ.

19

Знамя, усыпанное звездами (*англ.* The Star-Spangled Banner), – гимн США.

Блэк Спэрроу Хок (*англ.* Black Sparrow Hawk) –
черный ястреб-перепелятник.

Алгонкины - группа коренных народов Северной Америки.

22

Бэттер – игрок, отбивающий подачи питчера.

23

Питчер – игрок, выполняющий подачи.

24

Филдер – полевой игрок защищающейся команды.

Иннинг - период бейсбольного матча. Во время одного иннинга команды по разу играют в защите и нападении.

Одна из высших доблестей в бейсболе, влекущая автоматическую победу в соответствующем розыгрыше.

Данное прозвище (*англ.* Production Line) отражает высокую результативность этого звена, а также обыгрывает тот факт, что Детройт в то время являлся автомобильной столицей США (production line – по-английски «поточная линия», «конвейер», а также «звено» в хоккейной команде).

АИНХЛ - Ассоциация игроков национальной хоккейной лиги.

29

По три в каждой из команд.

Капустники – одно из прозвищ немцев.

31

Ракета – прозвище Мориса Ришара.

Альберта – провинция в Канаде.

Ридо-холл - официальная резиденция генерал-губернатора Канады.

С канадской стороны в ней принимали участие пять дивизий, с немецкой – три.

Великие часто перекликаются, и различие их стран, времен и видов спорта этому не помеха. Сохранилось по меньшей мере несколько совершенно аналогичных воспоминаний о проходах Эдуарда Стрельцова.

Фитнес-программа, сочетающая упражнения из ряда боевых искусств и аэробики.

Утверждение справедливо лишь для североамериканского континента. В действительности на летних Олимпиадах телетрансляции впервые были организованы в Берлине-1936, на зимних - в Кортина д'Ампеццо-1956.

Подпольная железная дорога - сеть тайных маршрутов, по которым беглые рабы пробирались в свободные штаты или в Канаду.

«Улькатчо Ферст Нейшн» – администрация по делам коренных народов в провинции Британская Колумбия.

Окленд А' - сокращенное название бейсбольной команды «Окленд Атлетикс».

Хулиган Бобби Кларк, по незабвенной аттестации
Николая Озерова в 1972 г.

Речь идет о Джиме Мюррее по прозвищу «Бинтуронг».

Плюс-минус - показатель полезности, отражающий разность заброшенных и пропущенных командой шайб в то время, когда тот или иной игрок находится на поле.

Выступавшей в этом турне без игроков первой и молодежной сборных СССР.

45

Брод Риппл – окрестность Индианаполиса.

Тафгай - хоккеист, основная задача которого заключается в защите самых ценных игроков своей команды, а также «выключение» из игры с помощью жестких силовых приемов наиболее опасных игроков команды соперника.

Видимо, в счет этих чемпионатов не вошли 1964 и 1968 гг., когда зимние Олимпиады также имели статус чемпионатов мира и Европы. С учетом этих двух чемпионатов мира победная серия сборной СССР составляет девять чемпионатов (с 1963 по 1971 г.).

У автора анахронизм. Или Тарасов просил раньше, чем с 1964 г., или разрешение получал не у Хрущева, а у Брежнева. Последнее выглядит значительно более вероятным.

Борис Федосов.

Здесь чувство юмора явно изменяет автору.

В Северной Америке.

В данном случае в книге, по всей видимости, имеется некоторое расхождение с существующей записью игры: <https://www.youtube.com/watch?v=aKKK-C8sRA4> (эпизод начинается на 27-й минуте 10-й секунде). Согласно видеозаписи, Майк Босси находился на левом фланге, получил передачу от Робинсона, прошел вперед и выполнил бросок, после которого шайба влетела в ворота сборной Швеции.

По словам самого Ларионова в интервью «Спорт-Экспрессу» 2000 г., на работу на кирпичный завод в Воскресенске его дед был направлен после окончания войны и освобождения из немецкого плена.

Непонятное утверждение, если вспомнить, что по количеству туров чемпионат СССР всегда уступал НХЛ.

Вывод по вопросу, заслуживала ли эта задержка свистка и двухминутного удаления Хаверчука, каждый знакомый с азами хоккейных правил в состоянии сделать самостоятельно при помощи буквально пары кликов. Нелишне напомнить, что вся финальная серия обслуживалась арбитрами из НХЛ.

В действительности – Сергея Мыльникова.

Отсылка к еще довоенному североамериканскому мему из фильма 1940 г. «Нут Рокни - настоящий американец» с Рональдом Рейганом в главной роли игрока в американский футбол, умершего молодым от тяжелой болезни.

Не пытался, а отобрал, не лично, а при содействии полицейского наряда, и не в автобусе, а в раздевалке сразу после финала.

Владислав Третьяк: «Не успели мы возвратиться домой, как из Канады пришла приятная весть. Некто Джордж Смит, канадский бизнесмен, который сейчас хорошо известен всем любителям хоккея, обратился через газету к болельщикам Канады с призывом сделать для советской команды точно такой же кубок. Для этого он попросил всех желающих прислать не больше доллара. Денег было собрано почти на два кубка Канады. И вскоре этот приз навечно был вручен победителям – сборной СССР. Журналисты справедливо назвали его Кубком канадцев. Замечу, что эта награда дорога нам вдвойне. Во-первых, потому, что мы завоевали ее в честной борьбе, а во-вторых, потому, что кубок подарили нам тысячи канадских болельщиков. Искренне, от чистого сердца».

59

Во время овертайма правило внезапной смерти означает, что первая заброшенная любой командой шайба становится победной.

Футбольная (имеется в виду, естественно, американский футбол) и бейсбольная команды соответственно.

Речь идет о вратаре Мишеле Лароке по прозвищу «Банни».

62

Спинорама - финт, при котором хоккеист, контролируя шайбу, делает разворот на 360 градусов.

АХЛ (Американская хоккейная лига) – вторая после НХЛ профессиональная хоккейная лига. Все клубы, выступающие в АХЛ, являются вторыми командами (фарм-клубами) команд НХЛ.

64

Босс – прозвище Брюса Спрингстина.

65

То есть до трех побед.

Гаторейд – спортивный изотонический напиток, производимый компанией PepsiCo.

67

Пас через две линии - нарушение, которое заключается в передаче шайбы партнеру от своих ворот через синюю и центральную линии.

Речь идет об известном канадском хоккейном тренере и генеральном менеджере Джордже «Панче» Имлахе.